

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№3
2022**

ISSN 2079-8482

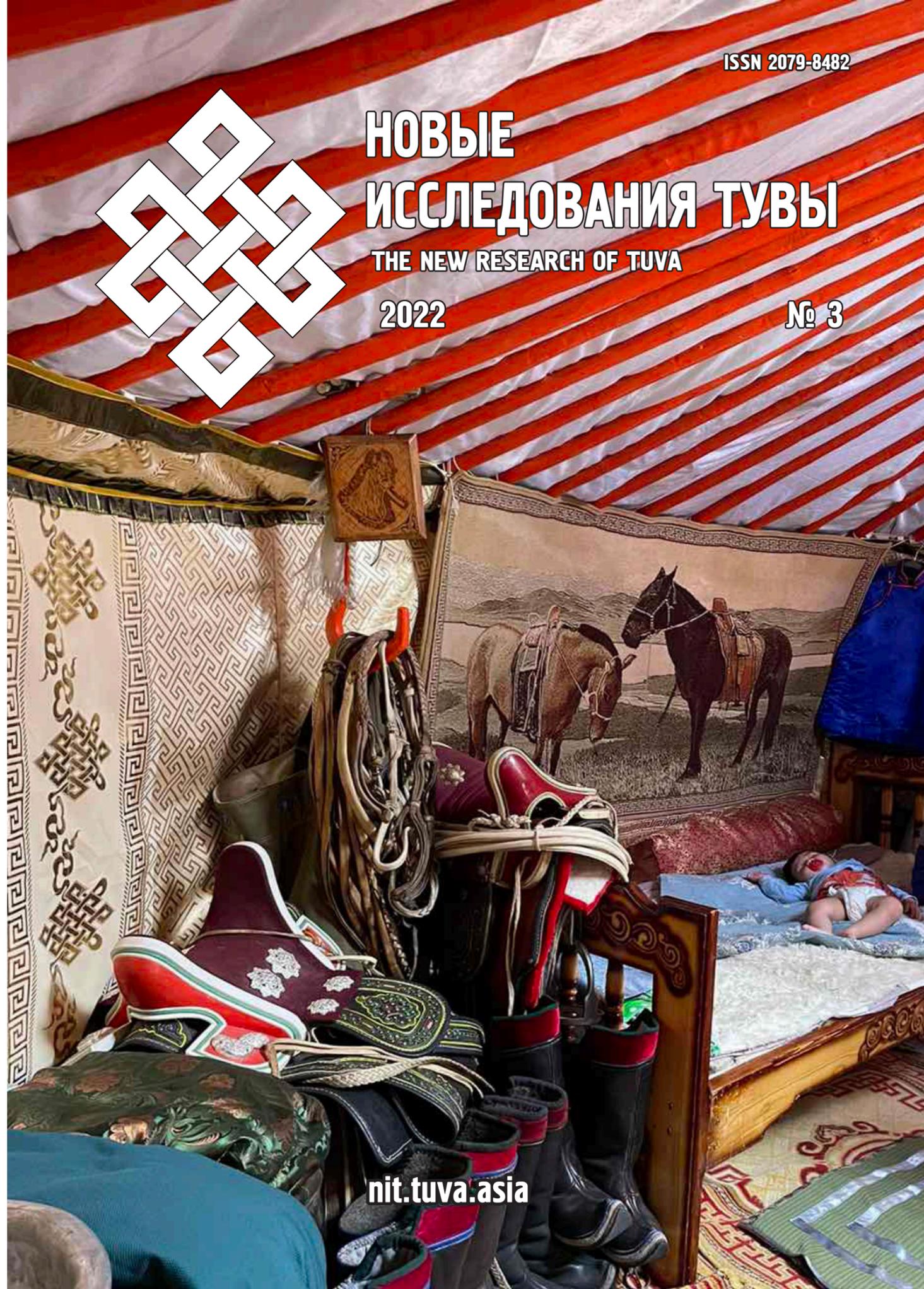

**НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ**

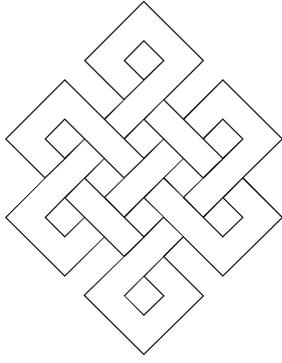
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2022

№ 3

nit.tuva.asia

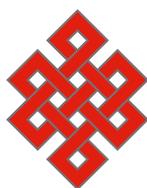

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2022

№ 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ)

Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии, Монголия
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бакhtикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIN PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY)

Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science, Russian Federation

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuviniian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Olga M. Khomushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTURAL STUDIES (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY, ANTHROPOLOGY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIN PLUS, RINTs, CyberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial»

(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Монгуш Е. Д., Мунге Б. В. (Россия) Личный фонд Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажи в Национальном архиве Республики Тыва6

Котюшева Т. Е., Арчимаева А. И. (Россия) Личный фонд Чимита-Доржу Байыровича Ондара в Национальном архиве Республики Тыва25

Самдан А. А. (Россия) Личный фонд Монгуша Баян-ооловича Артаса в Национальном архиве Республики Тыва36

Арчимаева А. И. (Россия) Личный фонд Григория Чоодуевича Ширшина в Национальном архиве Республики Тыва54

Чыргылан С. Ю., Ондар А. С. (Россия) Личный фонд Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны Торжу и ее семьи в Национальном архиве Республики Тыва65

Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б., Оюн Д. Д. (Россия) Личный фонд Дандар-оола Кок-Хунаевича Ооржака в Национальном архиве Республики Тыва76

Мамышева Е. П. (Россия) Судьба Михаила Григорьевича Торосова сквозь призму архивных документов (по материалам хакасского и тувинского архивов)88

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

Уланов М. С. (Россия) Тенгрианство в истории и культуре кочевников Центральной Азии 103

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Моллеров Н. М., Самдан А. А. (Россия) Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1857–1930): основные вехи исторической биографии 116

Самба А. Д.-Б. (Россия) Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва 135

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Аксютин Ю. М. (Россия) Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтая в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) 150

Валиахметов Р. М., Зарипов А. Я., Туракаев М. С. (Россия) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) .. 170

Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. (Россия) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) 186

Бурханова Ф. Б. (Россия) Уверенность в будущем у башкир и тувинцев как показатель человеческого развития: связь с семейным статусом 208

Рахимов Р. Н., Азнабаев Б. А., Фролова И. В. (Россия) Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы 226

Петрушевская Ю. А. (Россия) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) 241

CONTENTS

PAGES OF HISTORY

- Mongush Eu. D., Munge B. V. (Russia)* The personal fonds of Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi in the National Archives of the Republic of Tuva6
- Kotyusheva T. E., Archimaeva A. I. (Russia)* The personal fonds of Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar in the National Archives of the Republic of Tuva25
- Samdan A. A. (Russia)* The personal fonds of Mongush Bayan-oolovich Artas at the National Archives of the Republic of Tuva36
- Archimaeva A. I. (Russia)* The personal fonds of Grigory Chooduevich Shirshin at the National Archives of the Republic of Tuva54
- Chyrgalan S. Yu., Ondar A. S. (Russia)* The personal fonds of Anna (Taki-Surun) Nambyralovna Torzhu and her family in the National Archives of the Republic of Tuva65
- Kharunov R. Sh., Kharunova M. M.-B., Oyun D. D. (Russia)* The personal fonds of Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak in the National Archives of the Republic of Tuva76
- Mamysheva E. P. (Russia)* The fate of Mikhail Grigorievich Torosov through the prism of archival documents (a case study of records from archives in Khakassia and Tuva)88

NOMADS OF THE ASIAN CONTINENT

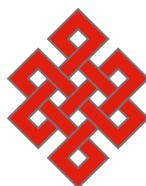
- Ulanov M. S. (Russia)* Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia103

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

- Mollerov N. M., Samdan A. A. (Russia)* The Kamby Lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): The main milestones of historical biography116
- Samba A. D.-B. (Russia)* Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva135

DIALOGUE OF CULTURES

- Aksiutin Yu. M. (Russia)* Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)150
- Valiakmetov R. M., Zariyov A. Yu., Turakayev M. S. (Russia)* Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva) ..170
- Baimurzina G. R., Kabashova E. V. (Russia)* Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)186
- Burkhanova F. B. (Russia)* Confidence in the future among the Bashkirs and Tuvans as an indicator of human development: Correlation with family status208
- Rakhimov R. N., Aznabaev B. A., Frolova I. V. (Russia)* The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva226
- Petrushevskaya J. A. (Russia)* Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)241

Тема выпуска
«Архивы: личность в истории Тувы»

Special issue
“Archives: Personality in the History of Tuva”

Ответственные редакторы:

Edited by

Марианна Монге-Байыровна Харунова
кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН, Россия),

Marianna Monge-Baiyrovna Kharunova
Candidate of History
(Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Russia),

Дугаржав Лувсанцэрэнгийн
доктор исторических наук
(Улан-Баторский филиал Российского
экономического университета
им. Г. В. Плеханова, Монголия)

Dugarzhav Luvsantserengiin
Doctor of History
(Ulan Bator Branch, Plekhanov Russian University of
Economics, Mongolia).

DOI: 10.25178/nit.2022.3.1

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Статья

Личный фонд Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажи в Национальном архиве Республики Тыва

Евгений Д. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Белекмаа В. Мунге

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация

В статье впервые предпринята попытка историко-архивоведческого и текстологического анализа документального наследия классика тувинской литературы XX века Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажи (1929–2006), находящегося в фондах Национального архива Республики Тыва и образующего один из личных архивов. Авторы рассмотрели состав и содержание документов личного происхождения. В научный оборот вводятся архивные документы Кызыл-Эника Кыргысовича, описывается состав и приводится сопоставительный анализ его художественных произведений, опубликованных работ и рукописей писателя.

При первичной систематизации архивного фонда архивными работниками применялась хронологическая схема, внутри которой идет группировка дел по годам, без разделения на виды и темы. Это вызывает неудобства при дальнейшей работе в использовании личного фонда. Авторы предлагают систематизацию документов по номинальному признаку, группируя их в следующие разделы: документы к биографии, документы служебной и общественной деятельности, документы творческой деятельности, документы о фондообразователе, переписка.

Особо рассмотрены документы творческого наследия писателя, проведен сравнительный анализ рукописей и изданных произведений, в том числе известного романа «Улуг-Хем неугомный».

Ключевые слова: личный архив; писатель; тувинская литература; Кызыл-Эник Кыргысович Кудажи; тувинская культура; Тыва; Национальный архив Республики Тыва

Для цитирования:

Монгуш Е. Д., Мунге Б. В. Личный фонд Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажи в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 6–24. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.1>

Монгуш Евгений Докурович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (960) 778-47-98. Эл. адрес: mongun2005@yandex.ru

Мунге Белекмаа Владимировна — директор Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (394-22) 5-63-15. Эл. адрес: mungeb@me.com

MONGUSH, Eugeny Dokurovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (960) 778-47-98. E-mail: mongun2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4202-3011

MUNGE, Belekmaa Vladimirovna, Director, the National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-63-15. E-mail: mungeb@me.com

ORCID ID: 0000-0002-4432-4395

PAGES OF HISTORY

Article

The personal fonds of Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi in the National Archives of the Republic of Tuva

Eugeny D. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation,

Belekmaa V. Munge

The National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article is the first attempt to conduct a historical, archival and textual analysis of the documentary legacy of the classic writer of the 20th-century Tuvan literature Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi (1929–2006). It is kept in the National Archives of the Republic of Tuva as one of the personal archives. The authors have examined the composition and content of the personal files. Some archival documents of Kyzyl-Enik Kyrgysovich are introduced into scholarly discourse. We describe their composition and present a comparative analysis of his fiction, published works and manuscripts of the writer.

During the initial systematization of the fonds, the archivists used a chronological scheme, i.e. cases were grouped by year, without categorization into types and topics. This causes inconvenience while further studying the personal archive. The authors propose a systematization of the documents by nominal attribute, grouping them into the following sections: biographical documents, documents regarding official and public activities, documents relating to creative activity, provenance documents, and correspondence.

We discuss some records about the writer's creative heritage in particular and present a comparative analysis of manuscripts and published works, including his famous novel "Ulug-Khem the Restless".

Keywords: *personal files; writer; Tuvan literature; Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi; Tuvan culture; Tuva; National Archives of the Republic of Tuva*

For citation:

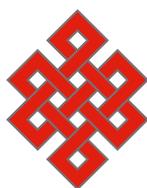
Mongush E. D. and Munge B. V. Lichnyi fond Kyzyl-Enika Kyrgysovicha Kudazhi v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi in the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 6–24. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.1>

Введение

В источниковедческой работе фонды личного происхождения всегда являлись и остаются востребованными документальными материалами, богатым источником дополнения официальных исторических сведений. В Туве целенаправленная работа по сбору документов личного происхождения была начата директором облгосархива (ныне — Национального архива Республики Тыва, далее — НА РТ) В. А. Дубровским в середине 1950-х гг. В этот период были собраны документальные материалы, воспоминания очевидцев и участников революционных событий 1917–1921 гг. в Урянхайском крае (Бондаренко, 2007). Исследования, посвященные личным фондам Национального архива РТ, представлены работами Е. К. Карелиной, У. О. Монгуш (Карелина, Монгуш, 2020), Д. У. Чамзо (Чамзо, 2018, 2020), Е. Д. Монгуша (Монгуш, 2020), Б. В. Мунге (Мунге, 2022).

В настоящее время в фондах НА РТ насчитывается 64 архивных коллекций личного происхождения, содержащих сведения о жизни и судьбе выдающихся представителей разных сфер деятельности, внесших свой вклад в историю Тувы¹. Одними из ярких и ценных видов фондов личного происхождения в НА РТ являются документы (мемуары и рукописи) творческой интеллигенции — деятелей культуры

¹ В статье Д. У. Чамзо 2020 г. (Чамзо, 2020) называется 63 личных фонда в НА РТ, которые насчитывались в 2019 г. С того времени 64-м по счету стал личный фонд Г. Ч. Ширишина, который был сформирован в конце 2019 г.

и искусства, из которых 9 фондов принадлежат тувинским писателям (Мунге, 2022: 39). Сам процесс создания духовных, культурных ценностей, произведений литературы, который отражен в черновых записях, рукописях, также рассматривается как результат творческой деятельности писателя, поэтому имеет большое значение и сохраняется в виде документальных материалов в их личном архиве.

Целью нашего исследования стал историко-архивоведческий анализ документов одного из таких архивов — личного фонда Народного писателя Тувы Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажи¹ (1929–2006): выявление способа систематизации и группировки архивного фонда, определение сильных и слабых сторон при работе с фондом. Сравнение рукописей и опубликованных материалов писателя позволит открыть новые грани в литературном наследии Кызыл-Эника Кыргысовича (*фото 1*).

Ранее в документоведении и архивоведении изучение и анализ личных фондов основывались на рекомендациях по работе с личными фондами деятелей литературы и искусства, разработанными в 1990 г.² Позже нормативно-правовой основой работы с личными фондами стал Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» и Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях (Романова, 2021).

Опираясь на законодательные акты и принимая во внимание свой опыт работы, многие архивные учреждения разрабатывали собственные методики по собиранию документов личного происхождения (Альтман, Иноземцева, 2013: 139). В настоящее время ведущее научное учреждение в области архивного дела — Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела — разработал методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах, взятые за основу архивистами страны в работе с фондами личного происхождения (далее — Методические рекомендации)³.

В процессе работы над формированием и систематизацией документов личного происхождения применяются различные схемы организации фонда. При этом, нередко выбор по систематизации

*Фото 1. Кызыл-Эник Кыргысович Кудажи, 1989 г.
(НА РТ, ф. n-380, оп. 1, д. 208).*

*Photo 1. Kyzyl-Enik Kyrgysovich Kudazhi, 1989
(NA RT, f. n-380, inventory list 1, case record 208).*

¹ В публикациях имеются разночтения в написании фамилии народного писателя, где часто встречается вариант «Кудажы». По правилам тувинской орфографии последняя гласная в имени собственном «Кудажы» пишется через «ы». В данной статье авторы придерживаются написания через «и» — «Кудажи».

² Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство) / Главархив СССР, ЦГАЛИ СССР. М., 1990.

³ Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / Росархив, ВНИИДАД. М., 2021. 185 с.

фонда определяется личностью фондообразователя⁴ (где может выступать один человек или семья, род); сферой его деятельности, а также составом и объемом принимаемых на хранение документов. Так, в личных фондах творческих работников (писателей, композиторов, художников, актеров и т. п.) главное место занимают их произведения и рукописи.

Сотрудники архива перед принятием личного фонда на государственное хранение проводят целый комплекс работ: выявление потенциального фондодатчика, установление контакта, переговоры; работа с фондодатчиком по сдаче и приему документов (юридические вопросы); непосредственная работа с документами (проведение экспертизы ценности, систематизация, учет, научное описание личного фонда и др.); использование документов личного фонда и организация доступа пользователей.

Научная новизна предлагаемой статьи заключается во введении в научный оборот неиспользованных ранее архивных документов фонда п-380 НА РТ, проведении архивоведческого исследования личной коллекции народного писателя Тувы, руководствуясь Методическими рекомендациями.

Справка о К. Э. Кудажу

Кызыл-Эник Кудажу дебютировал в литературе как лирик, его первые стихи были опубликованы в 1948 г., а в 1958 г. вышел первый сборник стихов «Первый шаг». Затем начал писать прозаические произведения и как журналист одновременно занимался очерками и публицистикой. В 1968 г. он уже автор шести книг. За первое большое прозаическое произведение «Тихий уголок» на республиканском литературном конкурсе получил премию, затем был напечатан первый роман «Высокие облака» (1965 г.). С его именем связано становление и развитие тувинского романа, выход тувинской литературы к всесоюзному читателю. В начале 1970-х гг. он начал писать четырехтомный роман «Улуг-Хем неугомонный», который закончил к концу 1990-х гг. Этот роман стал главным произведением его жизни, за него он стал лауреатом литературной премии РСФСР.

В области драматургии Кызыл-Эник Кыргысович стал единственным автором Тувы, чьи произведения перешли «границу» Тувы. Первая пьеса «Проделки Долумы» и героическая драма «Одиннадцать» выходят в свет в 1960-е годы. Спектакли «Проделки Долумы» (1970 г.) были поставлены в Монголии и Якутии, а героическая драма «Одиннадцать» (1972 г.) — в Украине в 1981 г.

Свою творческую деятельность он сочетал с активной работой переводчика, он перевел на тувинский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. И. Чуковского, В. Шекспира (с переводных русскоязычных изданий). В разные годы он представлял культуру Тувы и России во Франции, Италии, Швейцарии, Венгрии, Индии, Пакистане, Индонезии, Сингапуре и др. Стихи К.-Э. К. Кудажу печатались в Германии, Италии, Венгрии, Болгарии, Польше. Некоторые стихи были положены на музыку и стали популярными песнями в народе.

Как мы видим, К.-Э. Кудажу был универсальным писателем. Он был прозаиком, поэтом, драматургом, публицистом, переводчиком и журналистом. Он являлся членом Союза писателей СССР, избирался членом обкома КПСС, депутатом Верховного Совета Тувинской АССР, членом ревизионной комиссии Союза писателей СССР и РСФСР, редакционного Совета издательства «Современник», членом Комитета солидарности стран Азии и Африки, неоднократно избирался делегатом съездов Союза писателей СССР и РСФСР. За заслуги в развитии советской литературы награжден орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран труда», удостоен почетного звания Народного писателя Республики Тыва и другими наградами.

Историография вопроса

Жизнь и творчество писателя представлены широким рядом публикаций на страницах тувинской прессы и альманаха «Улуг-Хем», в отдельных изданиях на тувинском языке — разных авторов:

⁴Фондообразователь — физическое лицо, в процессе жизни и деятельности которого образовались документы, которые могут быть отнесены к составу Архивного фонда Российской Федерации (Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / Росархив, ВНИИДАД. М., 2021. С. 13). Впервые понятие фондообразователь было применено Г. С. Габаевым в 1921 г. на заседании от 4 августа 1921 г. на «Кружке архивных работников им. А. С. Лаппо-Данилевского» (Хорхордина, 2003: 451).

Д. Куулар¹, Ч. Серен-оола², С. Тамба³, Ч. Куулар⁴, М. Кенин-Лопсана⁵, В. Салчака⁶ и др. На русском языке представлены работы М. Хадаханэ⁷, В. Локонова⁸, З. Самдан⁹, С. Лебедевой¹⁰, Е. Бады-Монге¹¹, С. Ондур¹², Э. Мижита¹³, а также в словаре «Тувинская литература» С. Комбу (Комбу, 2012: 106–114) и библиографическом справочнике писателей Тувы (Танова, 2013); и др.

В сборнике «Тыва литератураннын антологиязы» («Антология тувинской литературы») подчеркивается, что Кызыл-Эник Кудажи начал свою творческую деятельность в 1948 г., с 1968 г. являлся членом Союза писателей СССР (Тыва литератураннын ..., 1984: 314).

В сборнике статей разных лет «Литературная Тува» М. А. Хадаханэ дает оценку творчеству К.-Э. Кудажи. В частности, М. Хадаханэ дает анализ повести «Анай-кыс» (1980) в переводе Т. Петелиной, романа-дилогии «Улуг-Хем неугомонный» (1973–1974), сборника стихов и поэм «Вершины» (1978). Критик подчеркивает, что К. Кудажи является и поэтом: «Многотомный роман и многочисленные пьесы не должны заслонять лицо хорошего поэта» (Хадаханэ, 1986: 95).

З. Б. Самдан в своей монографии «От фольклора к литературе» подчеркивает, что проза К.-Э. Кудажи и М. Кенин-Лопсана тяготеет к исключительным характеристикам, романтической условности, символике. В образах-символах и образах-аллегориях (конь, журавль, цветок, река) прослеживается «стремление к углубленному познанию человеческой индивидуальности» (Самдан, 1987: 72).

Из перечисленных работ видно, что творчество писателя известно и активно изучается тувиноведами, но в то же время его документальное наследие еще не вошло в поле внимания исследователей и данная статья является первым исследованием в этом направлении. При этом работа находится на стыке архивоведения с одной стороны и текстологии — с другой, представленной сравнением рукописей и опубликованной прозы народного писателя. Изучение информационного потенциала документального наследия К.-Э. К. Кудажи позволит не только определить состояние фонда личного происхождения, отметить слабые и сильные стороны систематизации личных фондов в НА РТ, но и раскрыть новые грани в рукописном наследии писателя.

Состав личного фонда

Личная коллекция документов К.-Э. К. Кудажи поступила на государственное хранение в Национальный архив Республики Тыва в 2007 г. Документы были сданы супругой писателя К. С. Кудажи — Сарыглар Маскыровой Кудажи в количестве 352 ед. хр. (запись составлена ведущим специалистом архива Н. Д. Болдур-оол), затем в 2012 г. С. М. Кудажи дополнительно внесла еще 56 ед. хр. (запись

¹ Куулар Д. Бичии тоожунун четпестери: К.-Э. Кудажинын «Тараа» деп тоожузунун дугайында [Недостатки маленькой повести: о повести «Хлеб» К.-Э. Кудажи] // Шын. 1964, Янв. 18, 19, 21; С. 4; февр. 14. С. 4. (На тув. яз.).

² Серен-оол Ч. Чогаалчынын созу: К.-Э. Кудажинын «Ырак булут» деп романынын дугайында [Слово писателя: о романе К.-Э. Кудажи «Далекое облако»] // Улуг-Хем. 1972. № 30. С. 262–271. (На тув. яз.).

³ Тамба С. Уйгу чок Улуг-Хем: К.-Э. Кудажинын «Уйгу чок Улуг-Хем» романынын дугайында [Улуг-Хем неугомонный: о романе К.-Э. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный»] // Шын. 1973. Окт. 27. С. 4. (На тув. яз.).

⁴ Куулар Ч. Сагышты ыры-биле ажыдар: К.-Э. Кудажинын «Уйгу чок Улуг-Хем» деп чогаалынын дугайында [Душа открывается песней: о романе К.-Э. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный»] // Улуг-Хем. 1974. № 33. С. 272–282. (На тув. яз.).

⁵ Кенин-Лопсан М. Толгези дужер: К.-Э. Кудажинын дугайында [Жребий достигнет: о К.-Э. Кудажи] // Шын. 2005. Февр. 1. С. 4. (На тув. яз.).

⁶ Салчак В. Оргун чонга ооруп чор мен: К.-Э. Кудажинын 70 харлаан оюнга [Многочисленному народу радуюсь: посвящается 70-летию К.-Э. Кудажи] // Шын. 1999. № 91. С. 3. (На тув. яз.).

⁷ Хадаханэ М. «В тихом уголке»: о повестях К.-Э. Кудажи «Хлеб», «Тихий уголок» // Улуг-Хем. 1969. Кн. 11. С. 171–174.

⁸ Локонов В. Возмужание таланта: заметки о творчестве К.-Э. Кудажи // Улуг-Хем. 1976. Кн. 16. С. 236–244.

⁹ Самдан З. Возрождение эпоса // Сибирские огни. 1981. № 9. С. 166–169.

¹⁰ Лебедева С. Сотворение художественной правды // Улуг-Хем. 1988. № 24. С. 162–166.

¹¹ Бады-Монге Е. Роль художественной детали в романе К.-Э. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный» // Улуг-Хем. 2005. № 2. С. 154–159.

¹² Ондур С. Гостинец черта. Юбиляр в воспоминаниях коллег и друзей: к 80-летию К.-Э. Кудажи // Тувинская правда. 2009. 12 декабря. С. 4.

¹³ Мижит Э. Древний космос в романе «Улуг-Хем неугомонный» // Тувинская правда. 2010. 23 января. С. 4.

составлена архивистом 2-й категории Р. Д. Удрек). Всего личный фонд включает 408 ед. хр., содержащих сведения о фактах и событиях 1929–2004 гг.

При поступлении документов в архив на начальном этапе работы с личным фондом, сотрудник архива, после проведения первичной экспертизы на основании переданных документов от фондообразователя, первым делом составляет сдаточную опись, включая в нее предварительно отобранные документы. Также уточняется состав, условное количество единиц хранения, крайние даты. Далее работа с личным фондом предполагает проведение полноценной экспертизы ценности документов и научно-техническую обработку, включающую в себя работу по формированию единиц хранения, научное описание документов, составление описи дел, документов постоянного хранения. Решение принимает экспертно-проверочная комиссия архива.

В отношении личного фонда Кызыл-Эника Кыргызовича решение экспертно-проверочной комиссии Архивного агентства Республики Тыва было вынесено 22 ноября 2007 г. (протокол № 12), которым фонду присвоили шифр и название ф. п-380 «Кызыл-Эник Кыргызович Кудажи — народный писатель Республики Тыва», включив в состав архивного фонда Республики Тыва и Российской Федерации.

Фонд представлен разнообразным составом документов: личное дело и автобиография, фотодокументы и рисунок профиля писателя, литературные произведения, рукописи, рецензии и отзывы, записные книжки, статьи, афиши и программки, удостоверения, письма, родословная и т. д. Документальное наследие позволяет восстановить некоторые моменты жизни и творчества Кызыл-Эника Кыргызовича Кудажи.

Научное описание документов, составление предисловия к фонду является одним из главных и ответственных этапов работы архивиста. Процесс подготовки предисловия к архивному фонду начинается с обязательного изучения истории жизни и деятельности фондообразователя, его творчества. В процессе написания предисловия большую помощь архивному работнику оказывают ранее сформированные сдаточная опись, дело фонда, исторические источники, справочная и научная литература. В составленном предисловии к личному фонду К.-Э. К. Кудажи, архивист Н. Д. Болдур-оол отразила историко-биографические сведения о нем, в которых указывается, что он

«...родился 13 декабря 1929 г. в местечке Чээнек сумона Ийи-Тал Улуг-Хемского хошуна Тувинской Народной Республики в семье арата-скотовода. Окончил Кызылское педагогическое училище, Кызылский педагогический институт, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работал в колхозе, учителем в школе, редактором республиканских газет “Тыванын аныяктары”, “Шын”, председателем правления Союза писателей Тувинской АССР, начальником отдела администрации Президента Республики Тыва, литературным консультантом правления Союза писателей Республики Тыва» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 1, л. 1).

Анализ состава документов показал, что при его систематизации архивными работниками применялась хронологическая схема, внутри которой идет группировка дел по годам, без разделения на виды и темы. Применение данной схемы в некоторой степени вызывает определенные неудобства при дальнейшей работе, в использовании личного фонда, ввиду большого количества дел. Соответственно, необходим пересмотр принципов ведения данного архива.

Анализируя личный фонд Кызыл-Эника Кыргызовича, мы предлагаем систематизацию документов по номинальному признаку, группируя в следующие разделы:

- документы к биографии,
- документы служебной и общественной деятельности,
- документы творческой деятельности,
- документы о фондообразователе,
- переписка.

Представим документы по каждой из групп. В данный раздел были включены материалы к биографии народного писателя, содержащих личные (биографические документы).

Документы к биографии

Архивный фонд народного писателя содержит его личное дело на 24 страницах, в котором хранится личный листок по учету кадров, автобиография на 2 л. (рукописный текст на русском языке),

копии дипломов об окончании Кызылского государственного педагогического института, Высшей партийной школы при ЦК КПСС, копия удостоверения о награждении значком «Отличник милиции», копия диплома о присуждении премии Союза писателей РСФСР за 1987 г., копия удостоверения к медали «Ветеран труда», содержательная краткая автобиография на 5 листах (машинописный текст на русском языке), характеристика на 3 листах, список ранних повестей и рассказов на 2 листах. В этот раздел входят также военный билет Кызыл-Эника Кыргысовича, оттиски личной печати писателя (НА РТ, ф. п-380, оп. 1 (доп.), д. 16), документы об образовании (студенческий, комсомольский билеты), дипломы, удостоверения, пропуска, мандаты, билеты (служебные, депутатские, наградные), дневники и записные книжки, путевые заметки (семейный блокнот), почетные грамоты, поздравительные письма, открытки.

В опубликованных интервью, в статьях, посвященных народному писателю Тувы (С. М. Саган-оол¹, Е. Т. Тановой (Танова, 2013), В. Павловой², О. Момбулай³), имеются интересные факты из его биографии. Но мы узнаем дополнительные сведения из его автобиографии, где он более полно описал свое рождение и события способствовавшие этому:

«Я родился 13 декабря 1929 г. Я единственный ребенок семьи. Мое имя назвали еще до моего рождения, даже тогда, когда меня еще не было во чреве своей матери, богини Сагаан-Дарийги и Ногаан-Дарийги (Белая Богиня и Зеленая Богиня), которые жили в Монголии. До меня моя мама родила мальчика, но ему суждено было не жить. Мои родители тайком ездили к богиням молиться, так как в то время религия была запрещена, буддийские монастыри (хурээ) уничтожались..., сжигались, ламы, шаманы подвергались гонениям и кровавым репрессиям.

Прекрасные богини хорошо приняли моих родителей, и, в свою очередь, они угостили по тувинскому обычаю богинь аракой, хотя они не пили, грудинкой-курдюком. Узнав цель и положение моих родителей, богини сказали что к вашему аалу ночами ходит черный тигр, в этом заключается вся ваша беда. Они читали сутры и сказали, что его, тигра прогнали, что по приезду домой вы под койкой найдете змеиную шкуру и храните ее, потом у вас родится сын-двойник с родимым пятном на плече, его людям не должны показывать. Назовите сына Кызыл-Эник, чтобы злые духи брезговали, зовите дочкой. Вот эти «предписания» богинь, честно говоря, мне доставляли много неудобств, из-за чего я рос застенчивым, закрытым, нелюдимым, всегда искал одиночество. В детстве мальчики меня дразнили, когда вырос девушки ко мне не подходили из-за моего имени, на самом деле оно по-тувински красивое.

Как предсказали богини, я родился в год Змеи. Мама меня кормила грудью прямо до школьного возраста, т. е. до 8 лет, я носил женские одежды, ходил в юбочке, имел длинные косички. Так велели мои крестные-богини. Моя мать это предписание очень прилежно соблюдала. В 1944 году, когда Тува вошла в состав Советского Союза, люди стали получать русские имена, я тоже хотел иметь такое красивое имя, но мама наотрез запретила мне. ... В 1938 году я поступил учиться в летнюю школу, которая открылась в нашем Ийи-Тальском сумоне Улуг-Хемского кожууна Тувинской Народной Республики. За один месяц учебы я окончил первый класс и осенью того же года поступил во второй класс Шагонарской начальной школы. Со мной в одном классе учились двадцатилетние парни и девушки, я помню, некоторые девушки-ученицы даже рожали. Время было такое, необыкновенное.

Мы тогда все имели всякие прозвища: «Трактор», «Угу» («Сова»), «Бык», «Кош-Кулак» («Лишнее Ухо»), «Корова», «Верблюд» и т. д. Я имел почему-то странное прозвище «Дангына» («Принцесса»). Видимо из-за того, что я в детстве носил женскую одежду и косички. Я перед отъездом в Шагонарскую школу в последний раз отведал живительное материнское молоко. Сейчас с удовольствием вспоминаю, что из этих «тракторов», «сов», «коров», «верблюдов», вышли такие известные люди Тувы, как доктор филологических наук Ш. С. Сат, кандидат исторических наук В. Ч. Очур, народный артист России Б. Ф. Бады-Сагаан, заслуженный механизатор республики М. С. Малбык-оол, заслуженные учителя республики Н. Б. Тыртык-

¹ Саган-оол С. М. «Писателю нужны талант, хорошее образование и хороший сон» [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004, № 11 (21–28 марта). URL: <http://centerasia.ru/issue/2004/11/916-pisatelju-nuzhny-talant-khoroshee.html> (дата обращения: 12.05.2022).

² Павлова В. Вернувший Сердце Азии [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. 2014, 20 марта. URL: <https://mkyzyl.ru/about/info/news/4640/> (дата обращения: 12.05.2022).

³ Момбулай О. Кудажи Кызыл-Эник Кыргысович [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. 2020, 27 июля. URL: <https://kntuva.ru/2020/07/29/кудажи-кызыл-эник-кыргысович-1929-2006/> (дата обращения: 12.05.2022).

Кара, В. О. Бавуу-Сюрюн и многие другие. А я из «Дангыны» Народным писателем Республики Тыва» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 1, лл. 15–19).

В личном фонде народного писателя внимание привлекает к себе также документ «Родословная внучки К.-Э. К. Кудажи Инессы за 1999 г.», в котором внучка писателя Инесса Дугаржаповна Чоксум представила генеалогическое древо пяти поколений семьи Кудажи. В своей работе она дает небольшой исторический ракурс в историю образования своего рода, вышедшего, по ее мнению, из рода древних кыргызов (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 319) (фото 2).

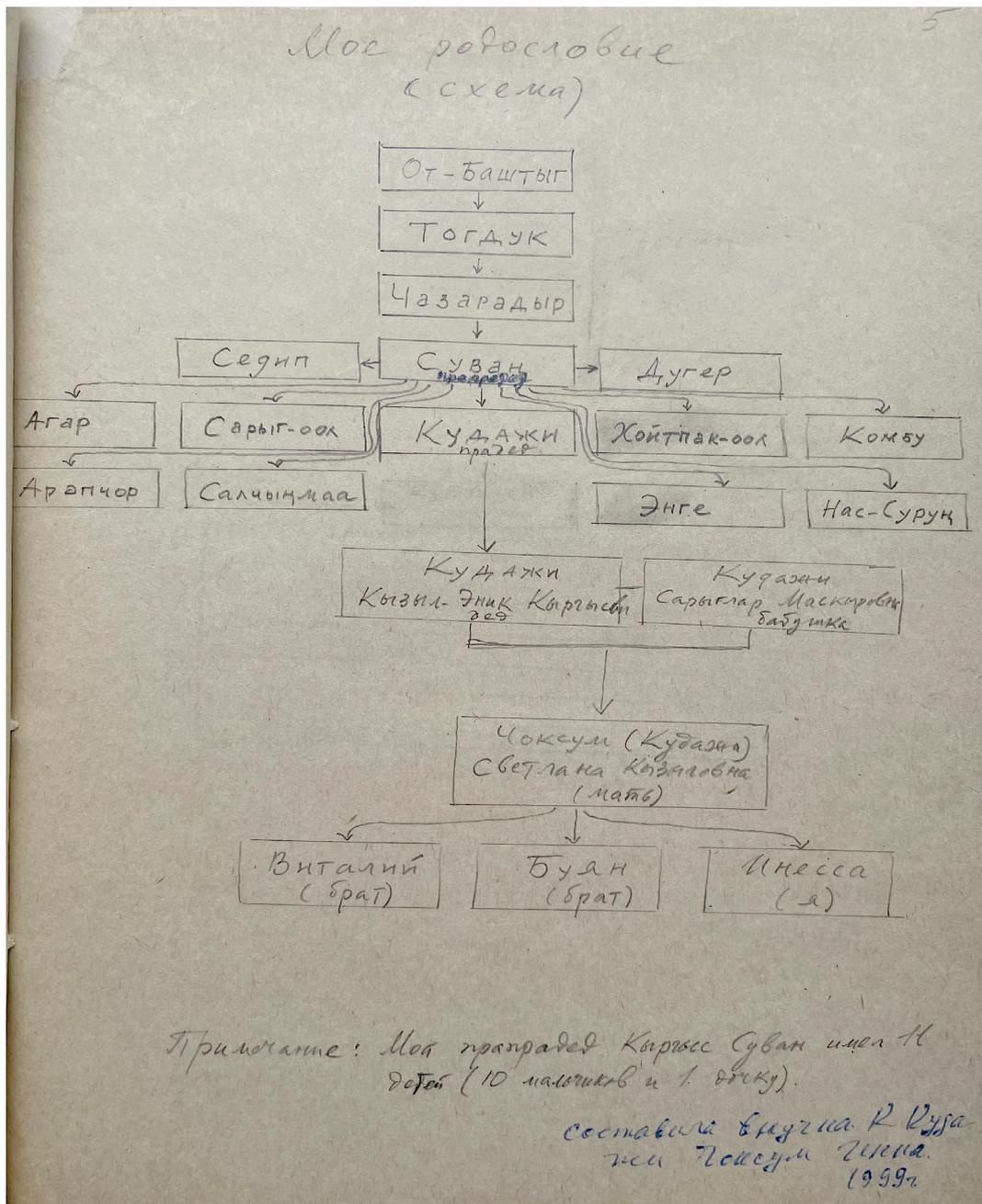

Фото 2. Родословная внучки К.-Э. К. Кудажи Инессы за 1999 г.
(НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 319).

Photo 2. Genealogical tree of K.-E. K. Kudazhi's granddaughter Inessa in 1999.
(NA RT, f. n-380, inventory list 1, case record 319).

Свою родословную народный писатель дал в документе «Родословная К.-Э. К. Кудажи за 2000 г.», где описал основателей рода Кудажи: деда Сувана, участника Кобдинского сражения, отца Кыргыза (Михаила) Сувановича Кудажи. Отец писателя — знаменитый скотовод, обладатель Ордена ТНР, ставший участником тувинской делегации, сопровождавшей 3-й эшелон подарков от трудящихся Тувы в 1943 г. Историческим фактом стало участие К. С. Кудажи 24 июня 1945 г. в параде Победы на Красной площади (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 328).

В целом, документы, относящиеся к биографии народного писателя Тувы, разнообразны, что позволяет дополнить и уточнить события из его жизни, узнать о нем больше. Богатый состав и разнообразие документов, которые хранились в семье Кызыл-Эника Кыргызовича, в том числе характеризуют их владельца как очень ответственного и дальновидного человека, понимающего ценность документальных источников.

Документы служебной и общественной деятельности

Много внимания и сил К.-Э. К. Кудажи отдавал общественной деятельности. Данный раздел представлен материалами, связанными с его работой в редакциях республиканских газет, на выборных должностях депутатом Верховного Совета Тувинской АССР, председателем правления Совета писателей Тувы и др. В архивном фонде хранятся материалы и доклады выступлений писателя на различных конференциях, в том числе в составе тувинской делегации писателей Тувинской АССР, в рамках V советской конференции солидарности с народами Азии и Африки, на Пленуме Союза писателей РСФСР.

По сохранившимся материалам из личной коллекции Кызыл-Эника Кыргызовича можно узнать исторические факты и события тех времен. Так, из штатного расписания правления Союза писателей Тувинской АССР за 1985 г. можно узнать, что в правлении тогда всего было 8 сотрудников (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 158). Несомненный интерес вызывают документы по пребыванию председателя правления Союза писателей РСФСР А. И. Волкова в Тувинскую АССР, материалы и фотографии по приезду С. В. Михалкова в Туву в декабре 1981 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 119, 120, 131).

Стоит отдельно отметить наличие в фонде статей и выступлений писателя, отражающих его мнение по государственным, политическим процессам, происходившим в Туве. Выкованная суровым временем закалка и крепкий стержень писателя выдают прямо у него высказываний и независимость в политических суждениях. Например, в фонде хранятся высказывания Кызыл-Эника Кыргызовича, рукописи по описанию проекта государственного герба Тувы от 1993 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 239, лл. 338–340), неопубликованные статьи-рукописи «О проекте Конституции Республики Тыва», «Я за прямое президентское правление», датированные 1998 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 283, 284).

Его богатый жизненный опыт и любовь к истории родного края, полученные знания в педучилище, институте и Высшей партийной школе, отражаются в его общественных выступлениях, которые в свою очередь, обладали авторитетом в обществе, формировали мышление у подрастающего поколения.

Документы творческой деятельности

Эти документы К.-Э.К. Кудажи представляют самую значительную часть личного фонда писателя, включающую рукописи художественных произведений. Рукописи Кызыл-Эника Кыргызовича, представленные в личном фонде, отличаются жанровым разнообразием:

- романы — 32 ед. хр.;
- пьесы: драма, комедии, рукописи постановок — 18 ед. хр.;
- повести — 8 ед. хр.;
- рассказы — 19 ед. хр.;
- очерки — 12 ед. хр.;
- стихотворения и поэмы — 22 ед. хр.;
- басни — 2 ед. хр.

В состав документов о творческой деятельности К.-Э.К. Кудажи можно отнести рукописи писателя о своем творчестве «Мээн хензиг дуржулгам» («Мой маленький опыт») за 1988 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1

(доп.), д. 30), «Тывызыым — Тывада» («Моя загадка – в Тыве») за 1994 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1 (доп.), д. 43) и др.

Одним из интересных и достоверных источников информации являются театральные афиши. В фонде народного писателя имеются театральные афиши, программки к его спектаклям, которые выражают его востребованность, популярность и признание (НА РТ, ф. п-380, оп. 1 (доп.), д. 9).

Представленные материалы личного фонда К.-Э. Кудажы несомненно являются частью историко-культурного наследия тувинского народа, а также отражают основные вехи становления и развития тувинской литературы второй половины XX века в целом.

В круг наших задач входит обзор рукописного прозаического материала, их характеристика и разбор отдельных рукописей: рассказов «Гимн жизни», «Замок», «Две Оксаны», «Шончалай», повестей «Хлеб», «Тихий уголок» и романа «Улуг-Хем неугомонный». Выбор избранных эпических произведений К.-Э. К. Кудажы основан к тяготению писателя именно к эпическим жанрам, их в личном фонде писателя в Национальном архиве РТ 71 ед. хранения.

Рассказы и повести 1950–1960-х гг.

В личном фонде п-380 имеется рукопись рассказа «Гимн жизни», напечатанная на машинке (5 листов), датированная 1950 г., подписанная лично К.-Э. К. Кудажы (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 4, лл. 1–5). Зачин рассказа таков: «Тайга примолкла. Уснула тайга. Она ведь целый день трудилась. Ей надо было кормить-поить разную живность, всякое зверье» (там же: л. 1). Данный рассказ был опубликован в сборнике рассказов и повестей «Тихий уголок», изданном Тувинским книжным издательством в 1968 г.¹ Перевод текста на русский язык был осуществлен Марьям Рамазановой. В данном тексте мы не находим никаких расхождений и текстовых изменений первоначального варианта рукописи с опубликованной.

Рассказ «Замок» в личном фонде п-380 представлен в виде рукописи, напечатанной на машинке (7 листов), датированной 1960 г., подписанной лично К.-Э. К. Кудажы (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 23, лл. 1–7). На полях рукописи писатель собственноручно сделал пометку «К. Кудажы». Рассказ был издан на русском языке Тувинским книжным издательством в 1968 г.²

О рождении лирической прозы в тувинской литературе, в частности о присутствии лирического начала, фольклорного приема психологического параллелизма в рассказе «Шончалай» (1962) пишет З. Б. Самдан (Самдан, 1987: 59). Этот рассказ в личном фонде писателя представлен в виде рукописи, напечатанной на машинке (12 листов), датированной 1962 г., подписанной лично К.-Э. К. Кудажы. В рассказе повествуется о большой любви журналиста и простой чабанки, которые несвободны от своих семей. Рассказ построен от лица лирического героя в виде воспоминания:

«Первыми предвестниками весны были цветки шончалая, что расцветали за нашим селом на проталинах. Детвора, как только распускается цветок шончалая, берет в руки колья и идет выкапывать его сладкие корешки. Но я не был среди них. Сам не знаю почему, хотя я был их ровесником и недавно всем нам стукнуло по восемь лет» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 31, лл. 1–12).

Перевод текста на русский язык был осуществлен Марьям Рамазановой. Рукопись рассказа с опубликованным текстом не имеет никаких расхождений.

В рассказе «Две Оксаны» К.-Э. Кудажы дается история жизни молодого парня по имени Кежиккей, который приехал учиться в сельскохозяйственный институт. Успешно окончил, влюбился в русскую девушку по имени Оксана и женился на ней. Оксана работала парикмахером. Домой в село не поехал. Личная жизнь с Оксаной разладилась по ее вине. Она слишком любила свободную жизнь: часто пропадала на стороне, любила гулять на стороне. Кежиккей оформляет с ней развод и приезжает в село. Уроки жизни не прошли даром. Жизнь преподносит и новую любовь. Зовут ее тоже Оксана, и она тоже парикмахер. Но вторая Оксана оказалась хорошей девушкой, он женится на ней и остается в селе.

Если мы наблюдаем в рассказе «Шончалай» лирическое звучание, то в рассказе «Две Оксаны» — сатирический подтекст:

¹ Кудажы К.-Э. К. Тихий уголок: повести и рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1968. С. 200–204.

² Там же. С. 3–161.

«С тех пор, как только случалось бывать в Кызыле, парикмахерскую, где работала Оксана, Кежиккей не обходил. Клятва, данная самому себе когда-то, была забыта. И он снова парикмахерше доверил свой нос. С другой Оксаной ходил в кино, в театр, в парк, на танцы. И однажды, приехав в город, отдал ей не только нос, но и свое сердце вместе с головой» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 24, л. 13).

Перевод текста на русский язык был осуществлен Марьям Рамазановой. Рукопись рассказа с опубликованным текстом не имеет никаких расхождений.

Повесть «Хлеб» является подлинным произведением, написанный по канонам соцреализма, в нем присутствуют идеологические штампы. Основная тема повести — поклонение тувинскому хлебу — просо:

«Вместе с пассажирами, следовавшими из Кызыла в Абакан, из автобуса вышел и Тарак-оол. Он подошел к берегу Уса, на поверхности которого прыгали барашки волн, и прислушался к торопливому говору реки. Вдруг взгляд его остановился на одном стебельке проса, наклонившемся к воде, будто оно решило умыться в студеных струях, и плавно раскачивавшемся от легкого колебания воздуха» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 28, л. 1).

Повествование ведется от третьего лица. История, рассказанная Тарак-оолом, о давно минувших временах. В ней и гражданская война в начале XX века, и классовая борьба, и строительство нового социалистического общества, и дружба между русским и тувинским народами. В личном фонде №П-380 повесть представлена в виде рукописи, напечатанной на машинке (28 листов), датированной 1962 г. Рукопись рассказа с опубликованным текстом не имеет никаких расхождений.

Особенности перевода вышеуказанных рассказов и повести «Хлеб» заключается в том, что Марьям Рамазанова как переводчик передает творческий замысел писателя точно, и поэтому, наверное, К.-Э. К. Кудажи в самой рукописи не дает какие-либо поправки, уточнения. Оригинал (рукопись) полностью совпадает с опубликованным текстом.

Лирическое звучание прозы К.-Э. Кудажи усилилось и в повести «Тихий уголок» (Самдан, 1987: 59). Главный герой повести Эрес ведет нелегкую борьбу с сельскими чиновниками, будучи бригадиром полеводческого звена. Конфликт повести строится вокруг рационализаторских идей Эреса. Руководители колхоза видят в нем конкурента и организуют сложности его работе. В личном фонде №П-380 повесть «Тихий уголок» представлен в виде рукописи, напечатанной на машинке (157 листов), датированной 1968 г., подписанной К.-Э. К. Кудажи. На первой странице рукописи от руки указано, что переводчик А. Буртвенский, хотя в изданном в 1968 г. сборнике рассказов и повестей К.-Э. Кудажи имя переводчика другое «А. Буртынский». Очевидно, что в приписке на документе допущена ошибка в имени переводчика Александра Семеновича Буртынского, писателя, переводчика.

Рукопись повести представляет ценнейшую информацию о творческой лаборатории Кудажи-писателя. Писатель свои почерком вычеркивал некоторые слова в тексте повести. Например, в первом абзаце вступления (пролога) к повести слово «кончихах» заменена на слово «вершинах», слово «сосен» на «сопок». Есть абзацы, где собственноручно автором вычеркнуты целые предложения. К примеру, в 3 абзаце: «Скоро жалобно замычат телята, заблеют ягнята, — им впервые суждено встретить суровую зиму». И таких авторских поправок в рукописи повести много. Очевидно переводчик выполнил перевод некачественно, это не удовлетворило самого автора.

Рукописи рассказов и повестей, хранящие в личном фонде К. Э. Кудажи представлены небольшой коллекцией. В результате сравнения с опубликованными текстами можно сделать вывод о том, рукописи не подвергались переделке и переработке за исключением повести «Тихий уголок».

Роман-эпопея К.-Э. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный» является четырехтомным произведением (фото 3). Данное определение жанра роману дает ведущий литературовед Тувы, основатель тувинской литературоведческой науки А. Калзан, о чем сам писатель пишет в своей краткой автобиографии: «Известный тувинский критики А. К. Калзан мой этот четырехтомное произведение назвал романом-эпопеей» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 294, л. 5; орфография источника сохранена. — Е. М., Б. М.).

В личном фонде К.-Э. Кудажи имеется рукопись статьи Д. С. Куулара о романе «Улуг-Хем неугомонный», напечатанная на машинке на тувинском языке на 6 листах, датированная 20 июлем 1972 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 64, лл. 1–6). В частности Доржу Куулар в своей статье «К. К. Кудажиның “Уйгу чок Улуг-Хем” деп улуг романынын бирги болгаш ийиги номнарын номчааш билгеним» («Наблюдения после прочтения первого и второго томов романа “Улуг-Хем неугомонный”») обосновывает определение

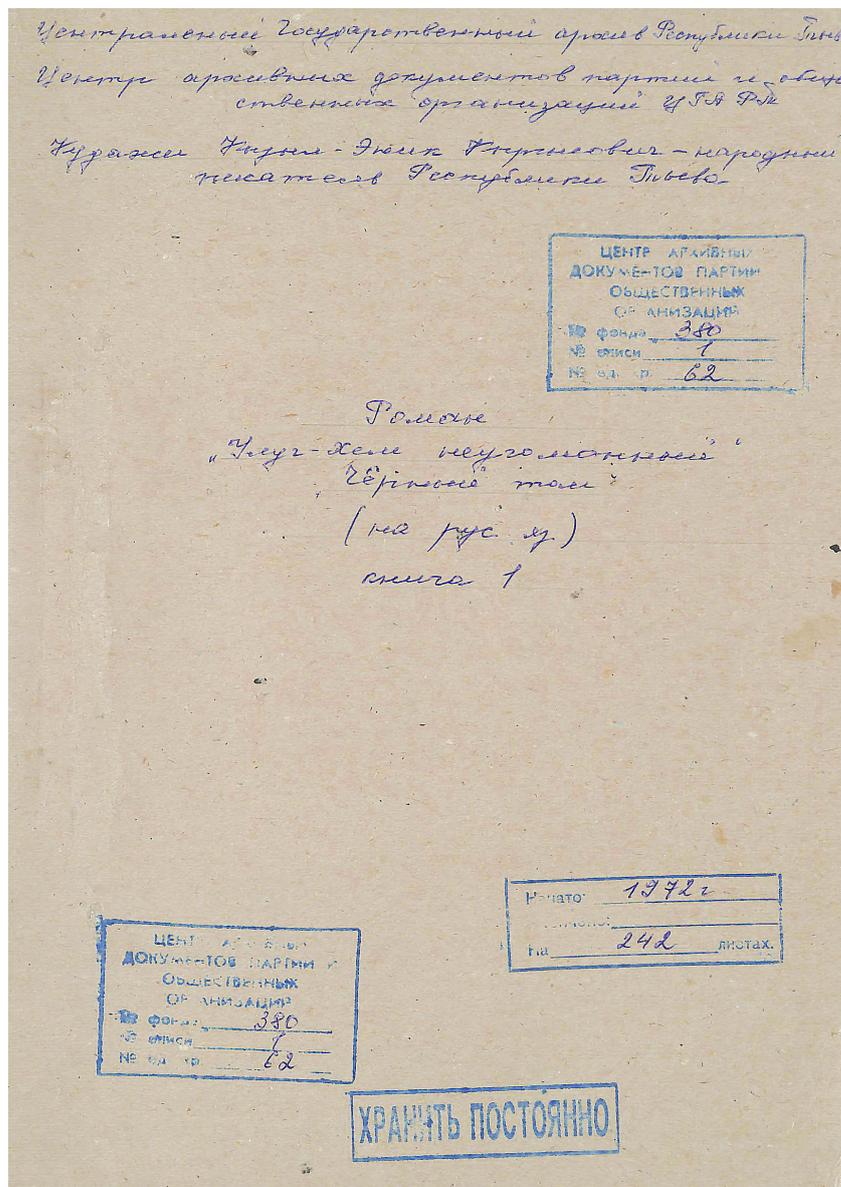

Фото 3. Обложка рукописи романа «Улуг-Хем неугомонный» «Черный том», книга 1, 1972 г. (НА РТ, ф. n-380, оп. 1, д. 62, лл. 1–2).

Photo 3. The cover of the manuscript of the novel “Ulug-Khem the Restless” “Black Volume”, book 1, 1972 (NA RT, f. n-380, inventory list 1, case record 62, lists 1–2).

А. Калзана о том, что роман «Улуг-Хем неугомонный» является романом-эпопеей:

«Мурнунда бижиттинген романнар “Араттың сөзү”, “Аңгыр-оолдуң тоожузу” бедик мергежил-биле бижиттинген... Ынчангаш бо чогаалдар эпопея деп адаттынмас, а “Уйгу чок Улуг-Хем” ынчаар адап болурунуң барымдаалары баштайгы ийи номдан-на коступ чыдар-дыр» (там же: л. 1).

Перевод: «Ранее написанные романы “Слово арата”, “Повесть о светлом мальчике» написаны на высоком уровне... И поэтому эти произведения не могут называться эпопеями, а “Улуг-Хем неугомонный” может называться, потому что в первых двух томах присутствуют на то все основания» (перевод Е. Д. Монгуша).

Принципиальное отличие романа К.-Э. Кудажи от романов С. Тока и С. Сарыг-оола, по мнению З. Б. Самдан, заключается в том, что романы классиков тувинской литературы не подкреплены новыми художественными решениями: «В романе К.-Э. Кудажи эта тенденция развита на качественно новом

уровне прежде всего посредством многоплановой композиции, введения в нее многих относительно самостоятельных сюжетных линий» (Самдан, 1987: 39).

В личном фонде К.-Э. Кудажи имеется рукопись статьи «Роман-диалогия К. Кудажи “Улуг-Хем неугомонный” — широкое полотно об исторических событиях в начале XX века в Туве» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 264, лл. 1–3). В левом углу рукописи стоит личная печать и подпись К.-Э. Кудажи, датированная 2004 г. По сведению самого писателя: «Роман был издан в 1973, 1974 годах на тувинском языке, в 1976, 1977 годах на русском языке в Туве, в 1984 году в Москве, в 1988 году в Новосибирске. В 1995 году повторно вышел в Туве» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 264, л. 3).

На страницах газет, журналов выходили многочисленные статьи на тувинском и русском языках, где рассматривались различные аспекты романа. Отдельно следует отметить литературно-критические работы А. Калзана, М. Хадаханэ (Хадаханэ, 1986), З. Самдан (Самдан, 1987), С. Лебедевой (Лебедева, 1987), Ч. Серен-оола (Серен-оол, 1972), Е. Бады-Монге (Бады-Монге, 2005), В. Салчака (Салчак, 1999) и других.

Рукописи на русском языке романа «Улуг-Хем неугомонный» хранятся в личном фонде писателя:

- роман «Улуг-Хем неугомонный» «Черный том», книга 1 (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 62, лл. 1–242) 1972 г.;
- роман «Улуг-Хем неугомонный» «Красный том», часть 1 (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 75, лл. 1–188) 1974 г.;
- роман «Улуг-Хем неугомонный» «Красный том», часть 2 (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 76, лл. 1–141) 1974 г.;
- роман «Улуг-Хем неугомонный» «Красный том», часть 3 (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 77, лл. 1–123) 1974 г.;
- отрывок из романа «Улуг-Хем неугомонный» «Заветный камень» (НА РТ, ф. п-380, оп.1, д. 298, лл. 1–5) 8–9 июля 1999 г.

Перевод «черного» и «красного» томов романа был осуществлен А. Китайником.

Первый том («Черный том»)¹ выходит на страницы печати в 1976 г. и в опубликованном тексте мы видим расхождения с первоначальным текстом (Книга 1):

<p>«Над сопкой стоял человек. Не так уж высоко от него в зимнем небе плыли черные тучи. Это был тот человек, о котором в народе говорят: если встанет, то высок, если схватит, то силен» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 62, л. 5).</p>	<p>«На вершине горы стоял человек. Вровень с ним по зимнему хмурому небу плыли черные снеговые тучи. Про таких, как этот человек, говорят: если встанет, то высок, если схватит, то силен»².</p>
---	--

Словосочетание «над сопкой» в опубликованном тексте было заменено словосочетанием «на вершине горы».

<p>«Днем Суузунма некогда думать. Грязный и каторжный труд ее давит с утренних сумерек до вечерних. Теперь у нее нет такого стройного стана, как когда находилась в своем аале у родителей, она всем на виду осунулась» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 62, л. 124).</p>	<p>«Днем Суузунме некогда думать. Весь день — от раннего рассвета до потемок — давит ее грязный, каторжный труд. Когда, о чем думать? Была бы минута дух перевести... Похудела, осунулась Суузунма. Обновившийся халат, сшитый матерью перед отъездом в Шагонар, болтается на ней»³.</p>
--	--

¹ Кудажи К.-Э. К. Улуг-Хем неугомонный. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1976. 341 с.

² Перевод А. Китайника. Там же. С. 7.

³ Перевод А. Китайника. Там же. С. 96.

Далее имя собственное женское, которое заканчивается на гласный звук, и по правилам русской орфографии не склоняется, а в опубликованном тексте он склоняется.

Последний абзац книги 1 заканчивается на оптимистической ноте, наконец-то дети Сульдема, главного героя романа, все вместе собрались дома. Рукопись существенно переработана. В опубликованном тексте абзац начинается с нового предложения, который меняет существенно смысл текста не в лучшую сторону. Здесь налицо социальный статус главного героя романа — Сульдема, бедного арата.

<p>«Со стороны посторонним казалось, что Сульдем у себя создал правление, амбын-нойном которого был сам старик. Теперь он никуда сыновей не отпустит. Только об этом и думал старик Сульдем. Казалось, что на всем белом свете нет силы, которая смогла бы побороть это его желание» (НА РТ, ф. п-380, оп.1, д. 62, л. 242).</p>	<p>«Соседи посмеивались. Сульдем, говорили, свое правление создал, амбын-нойном стал! Старик нравилась эта шутка. Он решил твердо: больше сыновей от себя ни на шаг. И казалось ему: нет такой силы на свете, которая смогла бы помешать этому его решению»¹.</p>
--	--

В части I красного тома, в главе первой, в первом абзаце имеются расхождения с рукописью. В рукописи присутствует предложение с указанием времени года — весна.

<p>«Красное зарево. На вершине горы Куу-Даг, опираясь спиной к одинокой лиственнице сидел Буян, долго смотрел в сторону Барыка. Весеннее солнце садилось на вершинах гор. Возле него легкие облака тоже озарены заревом. Лучи солнца перекинутые через эти коричневые облака тоже красные» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 75, л. 6).</p>	<p>«Буян сидел на вершине Куу-Дага, опершись спиной о высокую лиственницу, и смотрел в сторону Барыка, что был где-то далеко внизу, невидный за частоколом деревьев. Предвечернее солнце цеплялось за макушки гор, окрашивая легким багрянцем облака»².</p>
---	--

В части II «красного» тома глава двадцать третья полностью в опубликованном тексте вошла под главой двадцать третья части I.

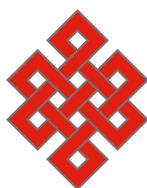
<p>«После очередной поездки Чудурукпая в Эжим, может, чего-нибудь снюхал, хорек чейзен все к нему стал подлизываться (или крутиться возле него) (в словаре этого слова нет). Точно как китайский клей в сказках» (НА РТ, ф. п-380, оп.1, д. 141, л. 1; цитата дается без изменений, с рабочими пометками. — Е. М., Б. М.).</p>	<p>«Что такое с Хорек чейзенем случилось? Липнет, как клей китайский, к Чудурукпая, прохода ему не дает»³.</p>
--	---

В части III «красного тома» глава тринадцатая рукописи — в опубликованном тексте оказалась под номером двенадцать, поскольку этот текст был включен в 12-ю главу. В первом абзаце опубликованного текста словосочетание «грозный Караты-хан» заменено на «грозный Курбусту хан», семантическое значение имен собственных в тексте разнятся, так как Курбусту хан — покровитель неба, а Караты хан имеет земное значение. Таких изменений рукописи в тексте всего романа встречаются неоднократно.

¹ Там же. С. 173.

² Кудажи К.-Э. К. Улуг-Хем неугомонный. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1977. С. 7.

³ Там же. С. 123.

«Барыкский Мангыр чейзен скакал, как сказочный грозный Караты-хан, гнал своего коня под собой со всех ног, кнутом чуть не рассекая ляжку своего скакуна, удилами чуть не распоров рот своего коня до самых ушей» (НА РТ, ф. п-380, оп.1, д. 123, л. 1).

«Мангыр чейзен гнал коня, не разбирая дороги. Разневанный, словно грозный Курбусту хан из сказки, он чуть не до крови исхлестал плетью коня, а удилами едва не разодрал ему рот»¹.

Также в личном фонде К.-Э. Кудажи хранится рукопись под названием «Отрывок из романа «Улуг-Хем неугомонный» «Заветный камень» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 298, лл. 1–5). Рукопись интересна тем, что красивым каллиграфическим почерком самого писателя написан не отрывок из романа, а заметка — исповедь, датированная 8–9 июля 1999 г. и посвященная 55-летию вхождения Тувы в состав России. В рукописи писатель дает пояснение о том, где находится сердце Самылыга²:

«В конце 50-ых годов вышеупомянутый Маады Тарынма мне показал то самое сердце Самылыга — великого материка Азии, о котором вы читали из отрывка. Это сердцеобразная черная глыба на берегу Енисея. Заветный камень!.. Каждый раз он мне представлялся новым, загадочным, подсказывал новые мысли. Именно по этой причине о нем я стал писать в своем романе» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 298, лл. 1–2).

Таким образом, прозаическое литературное наследие К.-Э. Кудажи 1950–1970-х гг. в фондах Национального архива Республики Тыва представляет ценную коллекцию, в которой наблюдается определенное «свертывание» и переделка рукописного текста, как и в литературном наследии С. К. Тока (Монгуш, 2020: 179). Несомненно не только текстологическая, но и общекультурная ценность рукописей, поскольку в них содержатся неизвестные страницы тувинской истории второй половины XX века.

Документы о фондообразователе

Следующий раздел включает в себя документы, статьи, отзывы, рецензии на работы и творчество К.-Э.К. Кудажи, стихотворения, посвященные народному писателю. В коллекции также вошли удостоверение почетного гражданина города Кызыла, документы о присвоении званий Отличника печати, милиции, общества «Знание», постановления администрации Улуг-Хемского кожууна о присвоении почетного звания «Улуг-Хемнин Ноян-Чогаалчызы» («Писатель-князь Улуг-Хема»), о переименовании улицы в его честь в г. Шагонаре, о присвоении его имени библиотеке Улуг-Хемского кожууна, сельскому дому культуры с. Ийи-Тал и др. Кроме того, в 2009 г. указом Правительства Республики Тыва Кызылскому педагогическому колледжу было присвоено имя Народного писателя Республики Тыва К.-Э. К. Кудажи.

Среди данной группы особое место занимают наградные документы: постановление секретариата правления Союза писателей РСФСР о награждении Почетной грамотой и «О присуждении литературной премии Союза писателей РСФСР» (1987 г.) (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 175), указ Президента Республики Тыва от 9 декабря 1999 г. № 590 «О награждении Кызыл-Эника Кыргысовича Орденом Республики Тыва» (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 310).

Кроме этого, народный писатель Тувы является обладателем следующих почетных званий и наград:

- Заслуженный писатель Тувинской АССР (1979 г.);
- орден «Знак Почета» (1984 г.);
- Народный писатель Тувы (1987 г.);
- Заслуженный работник образования (2005 г.);
- Лауреат Государственной премии Республики Тыва (2003 г.).

¹ Там же. С. 201.

² Самылыг считается священным камнем, который имеет форму человеческого сердца. По словам самого писателя этот камень находится возле нового моста через Енисей в южной части города (в сторону с. Эрбек). А также К.-Э. Кудажи называл этот камень сердцем Азии (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 298, л. 4).

Его имя внесено в государственную книгу «Заслуженные люди Тувы XX века», что приравнено к государственной награде республики¹.

Документальные материалы, содержащие сведения о наградах и достижениях писателя показывают, насколько ценным оказался его вклад не только в тувинскую литературу, но и в культурную жизнь Тувы.

Переписка

В архивном фонде К.-Э. К. Кудажи эпистолярный жанр писателя представлен более 70 письмами, телеграммами. Письма, хранящиеся в фонде писателя, освещают его творческую деятельность, его деловые и дружественные связи с известными людьми, среди которых писатели, редакторы, крупные государственные деятели Тувы и СССР.

Первые письма в личном фонде народного писателя, представленные в хронологическом порядке, представлены письмами:

- английскому путешественнику Д. Каррутерсу (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 82),
- от переводчика А. У. Китайника (1974–1989 гг.) (НА РТ, ф. п-380, оп. 1),
- от председателя правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалкова (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 98) и др.

Немало в фонде Кызыл-Эника Кыргысовича писем с зарубежными корреспондентами: с почетным членом редакции польского литературного журнала «Камэна» Е. Велюнского, письма от редактора газеты «Родопски устрем» за 1981–1983 гг., переписка с другом из Польши по имени Derzy Wielunski и др. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 125, 173, 217).

Большую историческую ценность представляют документальные материалы и переписка с представителями Ровенской области Украинской ССР. Переписка с директором Ровенского муздраттеатра А. Дацковым (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 121), председателем Ровенского областного литературного объединения Г. Демьянчуком (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 123), переписка с И. Т. Кузнецовым, однополчанином тувинских добровольцев из г. Ровно отражают глубокие братские связи Украины с Тувой. В своем письме Иван Тимофеевич пишет:

«Дорогой Кызыл-Эник Кыргысович! Информировать Вас, что мои друзья однополчане — тувинские добровольцы спокойно спят на ровенской земле. На их могилах зимой и летом лежат живые цветы. ... Я произношу вслух слова: — Ваш подвиг ровенчане знают и восхищаются вашим подвигом» (НА РТ, ф. п-80, оп. 1, д. 263).

Далее в своем письме он сообщает о праздновании 50-летия освобождения Украины, предлагает прислать список о награждении оставшихся в живых тувинских добровольцев памятным знаком «Участник освобождения Украины» (НА РТ, ф. п-80, оп. 1, д. 263). В личном фонде п. 380 хранится рукопись повести И. Т. Кузнецова «Саяндан Ровно чедир» («Из Саян до Ровно»), переведенный на тувинский язык К.-Э. К. Кудажи (НА РТ, ф. п-380, оп. 1 (доп.), д. 23–24).

Среди документов по переписке народного писателя выделяются афиша, программа и приглашение на премьеру пьесы К.-Э.К. Кудажи «Одиннадцать» в Ровенском муздраттеатре им. М. Островского в 1981 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 122). Из писем директора театра А. Дацкова следует, что Кызыл-Эник Кыргысович не смог приехать в Ровно и Дубно на премьеру своей пьесы.

Но уже в апреле 1981 г. в Туву с гастролями приезжает Ровенский областной музыкально-драматический театр с постановкой спектакля «Одиннадцать» (фото 3). С артистами театра приезжает и Иван Тимофеевич Кузнецов, непосредственный участник и боевой товарищ тувинских добровольцев.

¹ Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва (2004) / ред. коллегия: В. Я. Тимофеев, В. Ф. Чадамба, Ч. М. Доржу, М. П. Татаринцева. Кызыл : ГУП ПИК «Офсет», 2004. С. 266.

Фото 4. Встреча К.-Э. Кудажы с артистами Ровенского театра во время пребывания на гастролях в Туве, май, 1981 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, (доп.), д. 2).

Photo 4. K.-E. Kudazhi's meeting with the actors of the Rivne Theater during their tour in Tuva, May of 1981 (NA RT, f. n-380, inventory list 1, (additional), case record 2).

В фонде также хранятся воспоминания К.-Э. К. Кудажы о поездке тувинской делегации ветеранов-фронтовиков в г. Ровно в 1983 г., его фотография с М. Б. Байыскыланом, тувинским добровольцем, сделанная во время встречи в Гостелерадиокомпании Тувы на съемках телепередачи в 1983 г. (НА РТ, ф. п-380, оп. 1, д. 133).

Благодаря переписке исследователи могут воссоздать разные исторические моменты как в биографии писателя, так и в жизни республики. Воспитанный на высокой советской морали он всегда придерживался своих жизненных ориентиров, доводил начатое до конца.

В процессе работы необходимо отметить, что использование личных фондов, их востребованность исследователями во многом зависят от юбилейных дат фондообразователя, крупных исторических мероприятий, изданием книг, фотоальбомов, подготовкой телепередач, выставок по определенной сфере деятельности. В отношении личного фонда народного писателя Тувы с момента сдачи на государственное хранение поступил всего один официальный запрос от сотрудника НА РТ, для написания статьи о личных фондах в 2020 г.

Заключение

Документальное наследие народного писателя Тувы Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажы представляет несомненную историческую и источниковедческую ценность. Рукописи писателя, его личный фонд являются своеобразным памятником культуры и духовным наследием народа. И дальнейшее исследование его фонда позволит открыть новые сведения о его творческой деятельности, восстановлению исторических фактов и событий.

В целях дальнейшего использования личного фонда и удобства работы исследователей, целесообразнее было бы провести систематизацию фонда применяя функционально-хронологическую схему, с учетом новых Методрекомендаций. Расположение документов по таким разделам как: биография, профессиональная (служебная деятельность), общественная деятельность, творческая деятельность, переписка и т. д. позволит более шире представить его документальное наследие. В рамках проведенного исследования выявлены некоторые недочеты при систематизации личного фонда, которые в дальнейшем будут усовершенствованы. Проведенный анализ личного фонда, его выводы будут полезны также в плане пересмотра правил комплектования, формирования, систематизации личных архивов и коллекций в НА РТ.

Сохранение традиции собирания и пополнения архива документальными материалами личного происхождения является одним из важных источников комплектования государственных архивов. В настоящее время в силу ряда причин (нехватка специалистов архива, нежелание и неготовность потенциальных фондообразователей сдавать личные собрания в архив, отсутствие финансовой возможности архива выкупать личные коллекции, утрата в обществе культуры собирания личных коллекций документов на бумажном носителе и т. д.) в архивной среде возникает настороженность в дальнейшем пополнении личными коллекциями документов. Между тем, с развитием информационных технологий и появлением новых видов документов личного происхождения на электронных носителях, у архивистов назревает вопрос о развитии новых методов и направлений в комплектовании архивов.

Учитывая высокий интерес исследователей к личным фондам видных представителей общества, можно предположить, что решение данных вопросов в дальнейшем станет приоритетным направлением в развитии архивного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтман, М. М., Иноземцева, З. П. (2013) Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // Вестник архивиста. № 1 (121). С. 137–150.
- Бондаренко, Т. А. (2007) В. А. Дубровский — архивист, краевед, историк (1925–1996 гг.) // Отечественные архивы. № 3. С. 3–8.
- Карелина, Е. К., Монгуш, У. О. (2020) Личный фонд Саая Бюрбе в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 165–174. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.11>
- Комбу, С. (2012) Тувинская литература. Словарь. Новосибирск : Наука. 360 с.
- Монгуш, Е. Д. (2020) Литературное наследие С. К. Тока в фондах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 175–186. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>
- Мунге, Б. В. (2022) Вклад С. Т. Танова в становление отрасли культуры Тувинской Народной Республики // Северные архивы и экспедиции. Т. 6. № 2. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2022-6-2-37-45>
- Романова, Е. А. (2021) Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения: история создания, традиции и новации // Отечественные архивы. № 6. С. 21–27.
- Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 80 с.
- Танова, Е. Т. (2013) Тываның чогаалчылары: намдар төөгүзү, ажыл-чорудулгазы [Писатели Тувы: биографии и творческая деятельность] / ред. Л. С. Мижит. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 192 с. (На тув. яз.).
- Тыва литературанның антологиязы [Антология тувинской литературы] (1984) / сост. А. А. Даржай. Кызыл : Тувкнигоиздат. 440 с. (На тув. яз.).
- Хадаханэ, М. А. (1986) Литературная Тува: статьи разных лет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 124 с.
- Хорхордина, Т. И. (2003) Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М. : РГГУ. 525 с.
- Чамзо, Д. У. (2018) Фонд государственного и политического деятеля, писателя С. К. Тока в Государственном архиве Республики Тыва // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народа : материалы региональной конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России / отв. ред. Б. В. Мунге. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 124 с. С. 83–86.
- Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Дата поступления: 14.07.2022 г.

REFERENCES

- Altman, M. M. and Inozemceva, Z. P. (2013) Aktual'nye problemy sobiraniia dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia na sovremennom etape [Actual problems of private documents collecting in modern stage]. *Herald of an Archivist*, no. 1 (121), pp. 137–150. (In Russ.).
- Bondarenko, T. A. (2007) V. A. Dubrovskii — arkhivist, kraeved, istorik (1925–1996 gg.) [V. A. Dubrovsky — archivist, regional ethnographer, historian (1925–1996)]. *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).
- Karelina, E. K. and Mongush, U. O. (2020) Lichnyi fond Saaya Biurbe v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Personal collection of Saaya Byurbe at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 165–174. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.11>
- Kombu, S. (2012) *Tuvinskaia literatura. Slovar' [Tuvan literature. Dictionary]*. Novosibirsk, Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Mongush, E. D. (2020) Literaturnoe nasledie S. K. Toka v fondakh Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva [S. K. Toka's literary heritage in the collections of the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 175–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>
- Munge, B. V. (2022) Vklad S. T. Tanova v stanovlenie otrasli kul'tury Tuvinskoj Narodnoj Respubliki [Contribution of S. T. Tanov in the development of the cultural sector of the Tuva People's Republic]. *Northern Archives and Expeditions*, vol. 6, no. 2, pp. 37–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2022-6-2-37-45>
- Romanova, E. A. (2021) Metodicheskie rekomendatsii po rabote s dokumentami lichnogo proiskhozhdeniia: istoriia sozdaniia, traditsii i novatsii [Methodic recommendations on the acquisition, description, registration and use of documents of personal origin in state and municipal archives: the history of creation, traditions and innovations]. *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 21–27. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (1987) *Ot fol'klora k literature: na materiale tuvinskoj prozy 40–70-kh godov [From folklore to literature: The case of Tuvan prose of the 1940s–1970s]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 80 p. (In Russ.).
- Tanova, E. T. (2013) *Tyvaning chogaalchylary: namdar töögüzü, azhyl-chorudulgazy [Writers of Tuva: Biographies and creative activity]* / ed. by L. S. Mizhit. Kyzyl, OAO “Tyvapoliograf”. 192 p. (In Tuv.).
- Tuva literaturannyyng antologiiazy [Anthology of Tuvan literature]* (1984) / comp. by A. A. Darzhai. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 440 p. (In Tuv.).
- Khadakhane, M. A. (1986) *Literaturnaia Tuva: stat'i raznykh let [Literary Tuva: Articles from different years]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 124 p. (In Russ.).
- Khorkhordina T. I. (2003) *Rossiiskaia nauka ob arkhivakh: Istoriia. Teoriia. Liudi [Russian science of archives: History. Theory. People]*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 525 p. (In Russ.).
- Chamzo, D. U. (2018) Fond gosudarstvennogo i politicheskogo deiatelia, pisatel'ia S. K. Toka v Gosudarstvennom arkhive Respubliki Tyva [The archival fonds of the statesman and politician, writer S. K. Tok in the State Archives of the Republic of Tuva]. In: *Rol' i znachenie arkhivov i arkhivnykh dokumentov v sokhraneni i istoricheskoi pamiati Naroda [The role and significance of archives and archival documents in preserving the historical memory of the people]* : Proceedings of the regional conference dedicated to the 100th anniversary of the State Archival Service of Russia / ed. by B. V. Munge. Kyzyl, Publishing House of Kyzyl Educational Center “Aniyak”. 124 p. Pp. 83–86. (In Russ.).
- Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Submission date: 14.07.2022.

Личный фонд Чимита-Доржу Байыровича Ондара в Национальном архиве Республики Тыва

Татьяна Е. Котюшева

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация,

Александра И. Арчимаева

Национальный архив Республики Тыва; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Российская Федерация

В статье представлен обзор фонда личного происхождения «Ондар Чимит-Доржу Байырович — видный государственный и общественный деятель Тувы и России. Председатель Совета Министров, Верховного Совета Тувинской АССР, Народный депутат РСФСР (1990–1993), депутат Государственной Думы (2003–2007)» в Национальном архиве Республики Тыва.

Ч.-Д. Б. Ондар является одним из известных руководителей Тувы советского периода, работавшим Председателем Верховного Совета Тувинской АССР (до 1991 г.). С его именем связано активное строительство, бурное развитие Тувы после вхождения ее в состав СССР.

В фонде содержатся 52 единицы хранения за 1958–2016 гг. Это документы служебной, общественной деятельности, биографические, творческие, а также материалы, собранные держателем фонда. Особенностью фонда 914 является тот факт, что в нем есть несколько рукописей, написанных самим автором. Некоторые из них уже изданы в виде книг, остальные еще ждут своего часа. На основании документов составлены основные вехи биографии Ч.-Д. Б. Ондара, этапы его трудовой деятельности на пивоваренном заводе, в строительной отрасли, в горнодобывающей промышленности, а также в политике.

Ключевые слова: Чимит-Доржу Байырович Ондар; архивный документ; личный фонд; Национальный архив Республики Тыва; история Тувы; Тува

Для цитирования:

Котюшева Т. Е., Арчимаева А. И. Личный фонд Чимита-Доржу Байыровича Ондара в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 25–35. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.2>

Котюшева Татьяна Егоровна — главный специалист отдела государственного учета и обеспечения сохранности архивных документов Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (394-22) 5-64-39. Эл. адрес: yegorovnat@mail.ru

Арчимаева Александра Иннокентьевна — специалист II категории отдела государственного учета и обеспечения сохранности архивных документов Национального архива Республики Тыва; магистрант Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92. Тел.: +7 (394-22) 5-64-39. Эл. адрес: aleksandra.archimaeva@mail.ru

Article

The personal fonds of Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar in the National Archives of the Republic of Tuva

Tatyana E. Kotyusheva

The National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Alexandra I. Archimaeva

The National Archives of the Republic of Tuva; Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The article presents an overview of the personal archive entitled “Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar, a prominent statesman and public figure of Tuva and Russia. The Chairman of the Council of Ministers, Supreme Council of the Tuvan ASSR, People’s Deputy of the RSFSR (1990–1993), Deputy of the State Duma (2003–2007)” at the National Archives of the Republic of Tuva.

Ch.-D. B. Ondar is one of the famous leaders of Tuva of the Soviet period who worked as Chairman of the Supreme Council of the Tuvan ASSR (until 1991). His name is associated with active construction, rapid development of Tuva after its entry into the USSR.

The fonds contains 52 items for the period of 1958–2016. These are documents on official and public activities, biographical and creative materials as well as those collected by the holder of the archive. A special feature of the collection 914 is the fact that it contains several manuscripts written by the author himself. Some of them have already been published as books, the rest are still waiting for their time to come. The main milestones of Ch.-D. B. Ondar’s biography and the landmarks of his labor activity at a brewery, in the construction and mining industries, etc. were determined based on the documents.

Keywords: Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar; archival document; personal fonds; National Archives of the Republic of Tuva; history of Tuva; Tuva

For citation:

Kotyusheva T. E. and Archimaeva A. I. Lichnyi fond Chimita-Dorzhu Baiyrovicha Ondara v Natsional’nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar in the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 25-35. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.2>

KOTYUSHEVA, Tatyana Egorovna, Chief Specialist, Department of State Record Keeping and Preservation of Archival Documents, the National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-64-39. E-mail: yegorovnat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2017-6690

ARCHIMAEVA, Alexandra Innokentievna, Second Category Specialist, Department of State Record Keeping and Preservation of Archival Documents, the National Archives of the Republic of Tuva; Master’s Student, Institute of History and Law, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation; 92 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-64-39, +7 (913) 358-52-07. E-mail: aleksandra.archimaeva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8089-0212

Введение

Национальный архив Республики Тыва на протяжении многих лет проводит планомерную работу по собиранию документов личного происхождения (Чамзо, 2020). Среди них есть фонд под названием «Ондар Чимит-Доржу Байырович — видный государственный и общественный деятель Тувы и России. Председатель Совета Министров, Верховного Совета Тувинской АССР, Народный депутат РСФСР (1990–1993), депутат Государственной Думы (2003–2007)». Документы этого фонда были сданы на хранение в Государственный (ныне — Национальный) архив Республики Тыва (далее — НА РТ) 6 ноября 2018 г. (акт № 1 приема от 06.11.2018 г.) самим фондообразователем.

В опись данного фонда вошли 52 единицы хранения за 1958–2016 гг. Опись состоит из 7 листов, два из которых составляет историческая справка. В фонде содержатся документы служебной, общественной деятельности, биографические, творческие, а также материалы, собранные самим Ч.-Д. Б. Ондаром.

Чимит-Доржу Байырович Ондар (фото 1) (1932 г.р.) является одним из известных руководителей Тувы советского периода, добровольно ушедшим с поста Председателя Верховного Совета Тувинской АССР в 1991 г. С его именем связано активное строительство, бурное развитие Тувы после вхождения ее в состав СССР (История Тувы, 2016: 3, 36).

Несмотря на значительную роль, которую он играл в развитии Тувы и которую признает общественность¹, его собственные публикации — публицистические² и в научных изданиях (Ондар, 2006, 2010, 2011, 2012а), тем не менее, пока на сегодня его деятельность не освещена в достаточной мере в официальной истории, за исключением нескольких обзорных статей, связанных с его общим вкладом в историю (Конгу, Ламажаа, 2014; Конгу, 2014) и эпизодических упоминаний его в трудах (История Тувы, 2016: 3, 36; Распад СССР ..., 2016: 363, 370, 433, 443, 448, 455, 457, 478).

Тем более важным и ценным представляется его фонд личных документов в главном архиве республики, который на сегодня сформировался и будет в дальнейшем пополняться. Несмотря на небольшое число имеющихся документов (как мы уже сказали, 52 ед. хр.), они также представляют собой ценную информацию о жизни и деятельности Ч.-Д. Б. Ондара. Целью данной статьи является обзор фонда Чимит-Доржу Байыровича Ондара, документов о нем, хранящихся в Национальном архиве Республики Тыва, и введение информации о них в научный оборот.

Фото 1. Чимит-Доржу Байырович Ондар.

Фото Ч. Ламажаа, 2007 г.

Photo 1. Chimit-Dorzhu Baiyrovich Ondar.

Photo by Chimiza Lamazhaa, 2007.

¹ Антупьева Н. Чимит-Доржу Ондар: Мои правила жизни: выслушать, понять, простить [Электронный ресурс] // Центр Азии (газета). 1999, № 28. 14–18 июля. URL: <http://centerasia.ru/issue/1999/28/4934-chimit-dorzhu-ondar-moi-pravila-zhizni.html> (дата обращения: 12.04.2022); Бывший глава Верховного Совета Тувинской АССР: «Три принципа руководителя: слушать, понять, простить» [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2006, 4 апреля. URL: <https://tuvaaonline.ru/2006/04/04/ondar.html> (дата обращения: 12.04.2022); Оюн Д. Ондар Чимит-Доржу Байырович. Бывший руководитель Тувы, лидер тувинской диаспоры в Москве отмечает 70-летие [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2006, 28 декабря. URL: <https://tuvaaonline.ru/2006/12/28/chimit.html> (дата обращения: 12.04.2022); Посохин А. ...И народ сегодня стал иным [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2014, № 95 от 28 августа. URL: <https://tuvapravda.ru/arkhiv/i-narod-segodnia-stal-inym/> (дата обращения: 12.04.2022); Ондар Чимит-Доржу Байырович... [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. 2022, 19 января. URL: <https://kntuva.ru/2022/01/19/чимит-доржу-байырович-ондар-государс/> (дата обращения: 12.04.2022); Чимит-Доржу Ондар — 57-й почетный гражданин Кызыла [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. 2022, 19 января. URL: <https://mkyzyl.ru/about/info/news/7091/> (дата обращения: 12.04.2022); С юбилеем, уважаемый ветеран! ТувГУ поздравляет с 90-летием видного общественного деятеля, Президента Ассоциации инженеров Тувы Чимит-Доржу Ондара [Электронный ресурс] // Сайт Тувинского государственного университета. 2022, 28 апреля. URL: <http://tuvsu.ru/news/8468/> (дата обращения: 12.05.2022) и др.

² Ондар Ч.-Д. Б. Путь инженера. Кызыл : б. и., 2013; Ондар Ч.-Д. Б. Время меня опережает. Кызыл : б. и., 2016.

Рукописи

Особенностью фонда 914 «Ондар Чимит-Доржу Байырович — видный государственный и общественный деятель Тувы и России. Председатель Совета Министров, Верховного Совета Тувинской АССР, Народный депутата РСФСР (1990–1993), депутат Государственной Думы (2003–2007)» является тот факт, что в нем есть несколько рукописей, написанных самим автором. Некоторые из них уже изданы в виде книг, остальные еще ждут своего часа.

Это рукописи книг «Путь инженера» (2013 г.) (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18) и «Время меня опережает» (2016 г.) (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25), а также рукописи, которые вошли в книгу «Время меня опережает»: «Принятие декларации о государственном суверенитете Советской Республики Тыва» (отрывок из рукописи «Уроки жизни и поиск»), «Новая конституция Республики Тыва: выход из тупика» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 12), «Эпоха. Развал СССР, а Россия развивается» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 22), «Эпоха 2» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 23), «Уроки жизни или бурное время» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 13), «Уроки жизни и поиск» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 14), «Падение СССР» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 15), «Падение СССР. Разрушение Советской власти и потеря веры и власти» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 16).

Рукопись книги «Путь инженера» автобиографична и составляет 185 л. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 20). Рукопись является PDF вариантом верстки изданной в 2013 г. книги «Путь инженера»¹. На титульном листе имеется запись в правом верхнем углу «В печать: Редактор (подпись не разборчива) 24.04.2014 г.». На каждой странице рукописи стоит подпись редактора. В ее основу легли воспоминания о детских и юношеских годах, о пройденном трудовом пути, начиная с Кызылского пивоваренного завода и заканчивая трестом «Тувинстрой». Таким образом, в ней отображены все вехи становления его как профессионала. Это живая история становления в республике промышленности, строительной отрасли, это люди, строившие социализм, это дух времени. Книга вышла в печать в 2014 г.

Рукопись книги «Время меня опережает» состоит из 121 л. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25) (фото 2). Это тоже PDF вариант изданной книги, вышедшей в свет в 2016 г.² В отличии от рукописи книги «Путь инженера» на ней нет никаких пометок. Она рассказывает о политической и государственной деятельности Чимит-Доржу Байыровича на постах Председателя Совета Министров Тувинской АССР, Председателя Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. Она повествует о трудных 1990-х гг., связанных с рыночными реформами, распадом СССР, глубоким политическим и экономическим кризисом, о событиях, происходивших после распада СССР в России, Туве, о жизни, об ответственности перед людьми, о взаимоотношениях с коллегами, о том, как остаться самим собой. В ней много имен

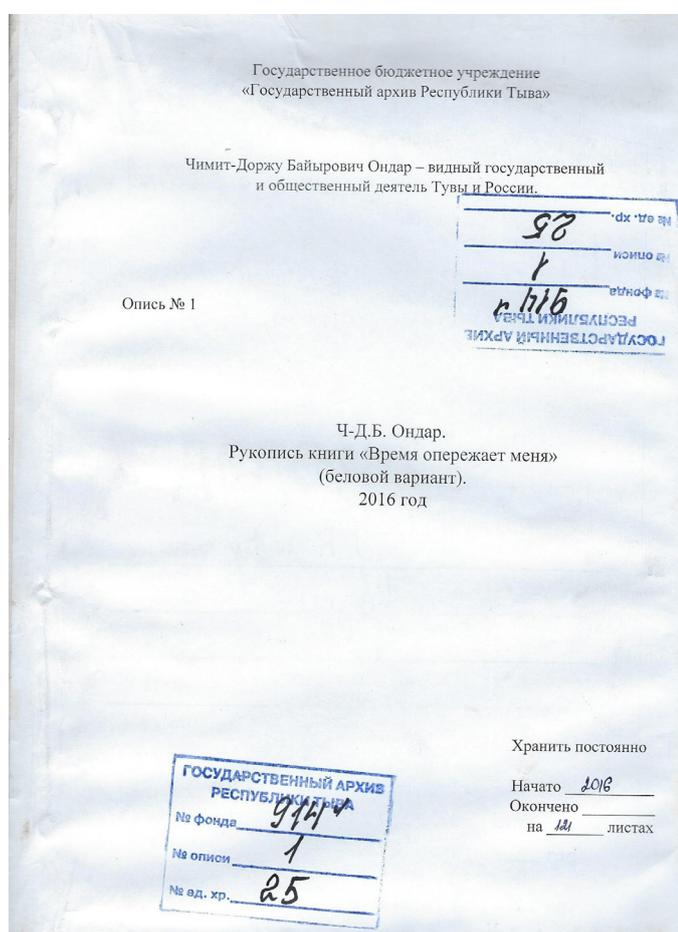

Фото 2. Титульный лист рукописи книги Ч.-Д. Б. Ондара
«Время меня опережает» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25).

Photo 2. The title page of the manuscript of the book by Ch.-D. B. Oндар
“Time is Ahead of Me” (NA RT, f. 914, inventory list 1, case record 25).

¹ Ондар Ч.-Д. Б. Путь инженера. Кызыл: б. и., 2013.

² Ондар Ч.-Д. Б. Время меня опережает. Кызыл: б. и., 2016.

людей с кем была связана служебная деятельность Чимит-Доржу Байыровича и в Верховном Совете РСФСР на постоянной основе, и в общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России».

Рукописное сочинение «Принятие декларации о государственном суверенитете Советской Республики Тыва» (отрывок из рукописи «Уроки жизни и поиск») (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 12, л. 1–16) было опубликовано в журнале «Новые исследования Тувы» в 2012 г. (Ондар, 2012b). Проект декларации был вынесен на всенародное обсуждение. По итогам обсуждения данного проекта поступило более 430 откликов. Также в рукописи содержится текст самого документа, состоящего из 16 пунктов, который был принят на основании постановления Верховного Совета Тувинской АССР от 12.12.1990 г., а в книге «Время меня опережает» напечатаны 1, 2 и 16 пункты. Кроме этого, в рукописи содержится полный текст доклада «О государственном суверенитете Тувинской АССР» Председателя Верховного Совета Тувинской АССР Ондара Ч.-Д. Б. на четвертой сессии Верховного Совета Тувинской АССР седьмого созыва — в книге «Время меня опережает» дан его краткий анализ.

Помимо этого, в деле подшита копия статьи «Новая конституция Республики Тува: выход из тупика» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 12, л. 17–19), опубликованная в журнале «Конституционный вестник» за 1992 г. № 11. В ней автор рассказывает о подготовке и принятии новой конституции, повествует о событиях, происходивших в 1990 г., в период «парада суверенитетов» в Советском Союзе и о принятии Декларации государственного суверенитета Советской Республики Тува.

В сочинении «Падение СССР. Разрушение Советской власти и потеря веры и власти» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 16) Ч.-Д. Б. Ондар размышляет о развале Советского Союза, о коммунистической партии, о ее лидерах: И. В. Сталине, Н. С. Хрущеве, М. С. Горбачеве, Н. И. Рыжкове, Б. Н. Ельцине, о Ново-Огаревском совещании по союзному договору, участниками которых были главы союзных и автономных республик СССР. На них обсуждался вопрос формирования нового союзного договора из-за назревшего кризиса между союзными республиками СССР. Обсуждались вопросы о финансовых и экономических взаимоотношениях. Описывается обстановка в Тыве в это смутное время, что из себя представляли государственные органы власти. Рукопись не была издана. В ней имеются не вошедшие в книгу «Время меня опережает» постановление Президиума Верховного Совета Тувинской АССР от 27.03.1991 г. «О праздновании 70-летия народной революции в Тыве и образовании Тувинской Народной Республики», также полностью приведен доклад Председателя Верховного Совета ТАССР Ч.-Д. Б. Ондара на внеочередной девятой сессии Верховного Совета Тувинской АССР седьмого созыва «О политической обстановке в республике и неотложных мерах по укреплению государственной власти». В нем говорилось о необратимости демократических процессов в стране, о ГКЧП, о несостоявшемся подписании Союзного договора, о стабильном функционировании в республике отраслей народного хозяйства, о выполнении первоочередных задач и т. д.

Рукопись «Падение СССР» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 15) перекликается с рукописью «Падение СССР. Разрушение Советской власти и потеря веры и власти». В ней имеются выступления депутатов на внеочередной девятой сессии Верховного Совета Тувинской АССР Г. Я. Эппа, А. Н. Пиче-оола, А. Н. Монгуша, З. Н. Сат и других, чего не было напечатано в книге «Время меня опережает».

Рукописи «Эпоха» за 2015 г. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 22), «Эпоха 2» за 2016 г. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 23) легли в основу книги «Время меня опережает». Авторских пометок и записей в рукописях не имеется.

Рукописные сочинения «Уроки жизни или бурное время» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 13), а также «Уроки жизни и поиск» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 14) близки по содержанию и повествуют о годах перестройки, политической обстановке в стране и республике в начале 1990-х годов. Вошли в книгу «Время меня опережает».

Рукописи показывают желание Ч.-Д. Б. Ондара осмыслить пройденный свой личный путь, а также сложности, которые преодолевала в 1990-е годы вся распадающаяся советская страна, и Тува, в частности.

Вехи биографии

Из опубликованных и неопубликованных документов Ч.-Д. Б. Ондара можно восстановить его биографию.

В 2017 г. Ч.-Д. Б. Ондар написал свою биографию, которая также вошла в состав его фонда (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 1, л. 9–13).

Чимит-Доржу Байырович пишет, что родился 28 апреля 1932 г. в селе Кызыл-Тайга Сут-Хольского района Тувинской Народной Республики. С 1954 г. по 1960 г. был студентом Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина (ныне – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). Далее идет послужной список его трудовой деятельности, начиная с назначения его 6 апреля 1960 г. на должность инженера строящегося Кызылского пивоваренного завода и заканчивается 2010 г. уходом с поста председателя исполнительного комитета Совета Ассамблеи народов России.

В рукописи книги «Путь инженера» более подробно представлены детские годы и годы отрочества Ч.-Д. Б. Ондара (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 9). Здесь автор пишет: «Точно не помню, где-то в начале сороковых годов XX века мои родители жили в местечке Ак-Ой Устуу Ишкина» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 9). Далее он очень трогательно, с любовью вспоминает дедушку Чангаа-Даргана, который слыл в своих краях непревзойденным мастером-ювелиром. Многие женщины любили носить его изделия из золота, серебра и меди. Кроме того, он изготавливал оружие, порох и пули, седла, узды, домашнюю утварь, которые пользовались большим спросом у населения. Он знал тибетский язык и мог читать сутры. С ранних лет приучал к труду своего внука. С большой теплотой Чимит-Доржу Байырович вспоминает вечера, когда дедушка, поглаживая бритую голову внука, рассказывал сказки и интересные истории, под которые тот засыпал (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 5).

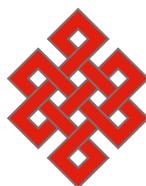
Чимит-Доржу Байырович с детства тянулся к знаниям, отличался любознательностью, обладал лидерскими качествами, шустрым характером. Отец, имени которого он не называет, говорил ему: «Сынок, наши предки все мастеровые люди. Если ты будешь усердно и с большим желанием... у тебя есть возможность прославить наш род в большом деле, чего до сих пор никто из нас не достиг» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 14). Отец брал его на охоту, учил кузнечному делу, паять, пользоваться различными инструментами, правильно поливать всходы (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 16).

Когда папа ушел «за красной каменной солью», как тувинцы говорили об ушедших в мир иной, у матери на руках остались четверо детей: Чимит-Доржу, Кызыл-оол, Дююн и Кызыл-Уруг. Для семьи настали трудные времена. Нужно было косить сено, заготавливать дрова на зиму, убирать урожай. Часть этих забот легли на плечи не окрепшего ребенка, из-за чего он был вынужден временно оставить школу. Трудно было без сильного отцовского плеча (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 18).

Окончив Шаган-Арыгскую школу, он поступил в вуз г. Ленинграда. Здесь он также обрел семейное счастье, познакомившись с Диной Николаевной, которая стала его супругой на долгие годы.

После окончания вуза 6 апреля 1960 г. приказом начальника Управления мясной и молочной промышленности Тувинской автономной области Ч.-Д. Б. Ондар был назначен на должность инженера строящегося Кызылского пивоваренного завода. В его обязанности входило содержать в исправном состоянии все технологическое оборудование, электрическое хозяйство, холодильный агрегат, отопление, водоснабжение, канализацию и котельную. Качество продукции зависело от четкой работы оборудования на технологическом потоке (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 27). Практических навыков у молодого специалиста не было, поэтому он поставил перед собой цель в кратчайшие сроки приобрести их, оставаясь работать на вторую смену (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 28). Целеустремленность, основательный подход к своим должностным обязанностям, умение применять теоретические знания на практике, широко мыслить, ответственность — все это стало основой его профессионального и карьерного роста.

21 июня 1961 г., в возрасте 25 лет Чимит-Доржу Байырович был назначен начальником строительного-монтажного управления «Сельэлектрострой», которое занималось электрификацией сел. Прежнее руководство не справлялось с плановыми обязательствами и на эту должность назначили неопытного, но энергичного молодого специалиста. Приобретая навыки в управленческих, хозяйственных, финансовых делах, он наладил работу в организации так, что она стала выполнять и перевыполнять план, повысилась заработная плата работников. В 1964 г. управление во всесоюзном социалистическом соревновании заняло первое место и организации вручили переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Чимит-Доржу Байыровичу присвоили звание «Отличник энергетики и электрификации СССР» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 37, 39, 41).

В областном комитете партии заметили молодого, перспективного, энергичного молодого специалиста и в 1964 г. направили его возглавлять комбинат «Туваасбест». Его строительство решением ЦК ВЛКСМ было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой, на которую приезжали молодые люди со всего Советского Союза (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 49). Чтобы изучить процесс добычи асбеста, начиная с рудника и кончая выдачей готовой продукции, он поехал на Урал, в г. Асбест на комбинат «Ураласбест» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 58).

На внеочередном заседании коллегии Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности СССР 28 августа 1967 г. Ч.-Д. Б. Ондар был утвержден на должность управляющего общестроительного генподрядного треста «Тувинстрой». Поблагодарив за доверие, он говорил, обращаясь к заместителю министра: «Михаил Аббович, вы же знаете у нас практически нет никаких строительных баз. Все что трест сегодня имеет это приспособленные кустарные подсобные предприятия» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 102).

Ч.-Д. Б. Ондар организовал развитие отрасли, ее материально-технической базы, занимался подготовкой и обучением инженеров и техников. Через несколько лет трест «Тувинстрой» создал базу социального и экономического развития республики, способствовал профессиональному росту рабочих и инженерно-технических кадров строительной отрасли. В 1974 г. коллектив треста «Тувинстрой» занял первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании и завоевал переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Чимит-Доржу Байыровичу был вручен орден Трудового Красного Знамени (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 18, л. 102). Трест «Тувинстрой» построил Кызылский молокозавод, дом политпросвещения, приемную станцию «Орбита», производственную базу СУ-48, Дом художника, универмаг «Саяны», музыкально-драматический театр, комбинат «Стройдеталь» и другие объекты в столице Тувы.

В 1977 г. Чимит Доржу Байыровича назначили на пост Председателя Совета Министров Тувинской АССР. В конце ноября 1984 г. на бюро областного комитета партии ему предложили перейти на должность Председателя Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. Хозяйственника это предложение не обрадовало, но нужно было подчиниться решению партийных органов. По его мнению, Верховный Совет представлял собой декоративный орган власти. Законы Верховный Совет республики принимал быстро: брали принятые законы СССР и РСФСР и в их текстах вместо «РСФСР» писали «ТАССР», все принципиальные вопросы перед принятием на сессии Верховного Совета обязательно согласовывались в областном комитете Коммунистической партии Советского Союза (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25, л. 31, 34).

В 1989 г. Чимит-Доржу Байырович был избран Председателем Верховного Совета Тувинской АССР. Это было непростое время.

В рукописи книги «Время меня опережает» он пишет:

«Война Кремля с Белым домом, Ельцина с Горбачевым рождала вакуум власти и ожидание нехороших перемен в огромной стране и за парадом суверенитетов крылся не только интерес местных политических элит укрепить свои позиции, но и вполне понятное желание создать для регионов как можно более полный правовой каркас их государственности на случай распада СССР и России. В республиках, краях и областях РСФСР готовились жить порознь. Декларация о государственном суверенитете Тувы должна была, по моему разумению, дать населению республики набросок ее будущего, развеять страхи о том, что русских, украинцев, татар и др., в новой Туве ждет участь пасынков и падчериц» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25, л. 46, 58–59).

Затем была работа в Верховном Совете РСФСР, где он сначала руководил рабочей группой бюджетной комиссии Верховного Совета, а затем был руководителем подкомиссии по реабилитации репрессированных народов СССР. В 1997 г. начал работать в общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 25, л. 95, 109). В 2010 г. V съезд Ассамблеи народов России удовлетворил просьбу Чимит-Доржу Байыровича об уходе с поста председателя исполнительного комитета Совета Ассамблеи народов России (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 1, л. 12).

В этом, 2022 году, ему исполнилось 90 лет и юбиляр по-прежнему бодр, активен. «Чтобы долго жить нужно много работать физически и головой. Не давать организму застывать», — так пишет он в автобиографии (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 1, л. 13). Судя по его трудовой деятельности, по образу жизни, он следует этому девизу всю жизнь.

Чимит-Доржу Байырович — один из первых инженеров Тувы. Он внес огромный вклад в развитие строительной отрасли, в социально-экономическое развитие Тувинской АССР, возглавляя кабинет министров и Верховный Совет. Соответственно его биография, все документы, касающиеся его личности, его деяний — все это часть истории Тувы и необходимо их собирать, фиксировать, хранить, изучать.

Другие документы

В фонде имеются тексты выступлений Чимит-Доржу Байыровича на различных мероприятиях, которые показывают его активную жизненную позицию, его деятельность и организаторские таланты.

Так, в деле 6 на 73 листах собраны выступления, которые читались им на монгольской земле, посвященные дню СССР в 1984 г. Встречи проходили в посольстве СССР, на митинге общественности во дворце Молодежи в г. Дархане, в ЦК МНР, на торжественном собрании, посвященном открытию 23 месячника монголо-советской дружбы и дней СССР на примере достижений Тувинской АССР в коммунистическом строительстве (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 6, л. 1–73).

А в деле 7 представлены доклады пленума областного комитета КПСС за 1988 г., в которых говорится о работе бюро областного комитета КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета Министров, доклад на внеочередной девятой сессии Верховного Совета Тувинской АССР седьмого созыва о политической обстановке в республике и неотложных мерах по укреплению государственной власти за 1991 г. Также в этом деле находится небольшое выступление перед ветеранами в Верховном Хурале Республики Тыва, в котором оратор говорил о государственных, политических деятелях, которые внесли большой вклад в развитие республики это: Буян-Бадыргы, С. К. Тока, Х. А. Анчимаа, А. М. Чымба и др. Также говорил о деятелях культуры таких как В. Б. Оскал-оол, А. Чыргал-оол и др., которые прославляли культуру тувинского народа. В выступлении перед жителями г. Кызыла 9 октября 2007 г. Чимит-Доржу Байырович рассказывает об истории своего народа, о задачах, которые стоят перед властью (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 7 л. 1–26).

Помимо этого, Чимит-Доржу Байырович сдал на хранение также 5 своих записных книжек за 1956–2015 гг. и 11 рабочих тетрадей за 1972–2016 г. В них отражены будни руководителя, хозяйственника. Например, в рабочей тетради за 1975 г. записано сколько груза нужно вывести: цемент 1643 т., мрамора 20 т., шифер 37 ящиков и т. д. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 32, л. 46.) Кроме этого он фиксировал в них вопросы, предложения, которые рассматривались на совещаниях руководителей министерств и ведомств, на заседании Верховного Совета Тувинской АССР, на бюро областного комитета КПСС. Так, по записи в рабочей тетради от 9 апреля 1979 г. на совещании работников сельского хозяйства можно увидеть картину состояния сельского хозяйства в этот промежуток времени. Какие задачи решались по развитию животноводства, по сохранению поголовья скота, по увеличению надоев. Какие провести мероприятия к весеннему севу и т. д. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 33).

В фонде также имеются книги коллег, с которыми он работал продолжительное время и которые составляли долгое время его личную библиотеку. В частности, книга Г. Ч. Ширшина «...Жизнь продолжается о времени, товарищах и о себе» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 50), книга В. П. Абовского в соавторстве с Л. А. Батухтиным «Строители — люди служения» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 51). Последняя была подарена Чимит-Доржу Байыровичу его другом В. П. Абовским. Авторы руководили строительной отраслью Красноярского края, поэтому активно взаимодействовали также и с тувинскими коллегами. Вот как пишется в ней о строительной отрасли в Тувинской АССР:

«База стройиндустрии в Тувинской АССР (г. Кызыл) была создана в середине 60-х годов. В состав базы входили три цеха: крупнопанельного домостроения (выпуск изделий с учетом строительства в сейсмических условиях); сборного железобетона, деревообработки. За счет средств Тувинской республики построены два кирпичных завода. Созданные мощности значительно улучшили обеспечение тувинских строителей материалами и изделиями. Стало возможным возведение промышленных объектов. Кызыл приобрел новый облик. Застроенный многоэтажными домами. Построено значительное количество объектов соцкультбыта. Постоянная забота обкома КПСС (Тока С. К., Долгополова Г. Н., Остапца А. И., Мендуме, Ширшина Г. Ч., Ондара Ч. Б.) способствовала скоростному созданию и быстрому освоению базы» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 51, л. 58).

Среди книг есть брошюра «Политех — студенческая молодость моя» 2014 г. издания. Посвящена сорокалетию инженерно-технического факультета Тувинского государственного университета

*Фото 3. Поздравления сотрудников Тувинского государственного университета Ч. Д. Ондару с 90-летием.
Фото пресс-службы ТувГУ, 2022 г.*

*Photo 3. Photo 3. Ch. D. Ondar is receiving congratulations of the employees of Tuvan State University on his 90th anniversary.
Photo by the Press Office of TuvSU, 2022.*

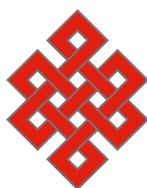
(НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 52), с которым Ч.-Д. Б. Ондар поддерживал и продолжает поддерживать связи (фото 3).

В ед. хр. 45 «Документы (историческая справка комбината «Туваасбест», воспоминания ветеранов, переписка), собранные для написания книги «Путь инженера»» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 45). По документам этого дела можно проследить историю развития комбината «Туваасбест», здесь перечислены имена руководителей предприятия, а также письма на имя Чимит-Доржу Байыровича от людей, с которыми свела его судьба во время строительства комбината, воспоминания сослуживцев.

Например, инженер Александр Монгуш в воспоминаниях пишет, что большая часть его трудовой деятельности прошла на строительстве объектов треста «Тувинстрой», которым руководил Чимит-Доржу Байырович Ондар. Он вспоминает о нем, как о хорошем организаторе производства, как об общительном и отзывчивом руководителе, который всегда интересовался, как организован труд рабочих, чем они питаются, обеспечены ли теплыми помещениями. С каждым рабочим Ондар здоровался рукопожатием и сопутствующим разговором (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 45, л. 27–28).

М. Сундуй-оол в своем письме Чимит-Доржу Байыровичу благодарит его за помощь в получении благоустроенной квартиры. Вот выдержки из его письма:

«Вы тогда работали Председателем Совета Министров Тувы. Тогда я жил в неблагоустроенной квартире по адресу Пушкина, 22. С семьей топили дрова. Я решил обратиться к руководству комбината с просьбой, чтобы мне дали благоустроенный коттедж. Знал, что многие из фабрики получили. Я же трудовую деятельность начал с временной дробильной установки на руднике. Тогда называли временной фабрикой. Заявление мое не подписывали, ссылаясь, что на комбинате нет квартир. Я решил идти к Вам на прием. Мы поздоровались. Даю Вам заявление. Ознакомившись с заявлением, вы спросили: «До сих пор живешь в неблагоустроенной? Михаил, может ты нарушаешь производственную дисциплину?» Я ответил: «Чимит Байырович, как же я могу вам наврать. Если я нарушитель, как могли меня избрать депутатом рабочего совета?» После этого вы что-то много написали на заявлении и сказали мне: «Михаил, я написал твоему руководству, исполнить твою просьбу. Если они тебе откажут еще раз придешь». Поэтому я благодарен вам до конца своих дней» (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 45, л. 27–28).

Письма, воспоминания, которые хранил Ч.-Д. Б. Ондар, полны теплом, чувством любви, уважения, благодарности Чимит-Доржу Байыровичу.

В фонде также имеются документы (справки, показатели, анализ, информация) по социально-экономическому развитию и о внутриполитической обстановке в Республике Тыва накануне выборной кампании за 2006–2011 гг. (НА РТ, ф. 914, оп. 1, д. 46). В данном деле содержится анализ минерально-сырьевой базы Республики Тыва, технические характеристики и потребность в электроэнергии горно-обогатительных комбинатов на вновь осваиваемых месторождениях в республике на прогнозируемый период (на 2020 г.), также служебная записка о необходимости утилизации мышьяка и тяжелых металлов, накопленных в картах захоронения техногенных отходов ГОК «Тувакобальт» в районе поселка Сайлыг Чеди-Хольского кожууна, показатели социально-экономического развития Республики Тыва по итогам 2005 года по сравнению с другими регионами Сибирского федерального округа.

Все эти документы представляют трудовую деятельность Ч.-Д. Б. Ондара, а также все, что происходило со строительной отраслью Тувы в советское время.

Заклучение

В документах данного фонда отображена не только биография Чимит-Доржу Байыровича Ондара, одного из первых профессиональных инженеров Тувы, руководителя ряда организаций, а затем и республики. По ним восстанавливается история становления промышленности в Туве, ее развитие, история Тувы и России.

Эти документы ждут тех, кому интересна историческая наука, но кроме этого они учат жить, размышлять, созидать, поскольку содержат много личных воспоминаний, размышлений человека, умудренного богатым жизненным и профессиональным опытом.

Фонд имеет перспективы для расширения, поскольку Чимит-Доржу Байырович Ондар продолжает хранить свою личную коллекцию документов, у него огромный фотоархив. В настоящее время с ним ведутся переговоры о сдаче документов в Национальный архив Республики Тыва, где с ними смогут ознакомиться все желающие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История Тувы (2016) : в 3 т. / отв. ред. Н. М. Моллеров. Новосибирск : Наука. Т. 3. 455 с.
- Конгу, А. А. (2014) Чимит-Доржу Ондар: «Моя душа, переживания и мой опыт...» // Новые исследования Тувы. № 2. С. 36–44.
- Конгу, А. А., Ламажаа, Ч. К. (2014) Путь инженера (Круглый стол по книге Чимит-Доржу Ондара) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 10–23.
- Ондар, Ч.-Д. Б. (2006) Рец. на Н. П. Москаленко. Этнополитическая история Тувы в XX в. М., 2004 // Этнографическое обозрение. № 1. С. 182–186.
- Ондар, Ч.-Д. Б. (2010) Время требовало новых кумиров // Новые исследования Тувы. № 1. С. 102–107.
- Ондар, Ч.-Д. Б. (2011) Первые демократические выборы в Туве 1990 года (отрывок из рукописи «Уроки жизни и поиск») // Новые исследования Тувы. № 4. С. 27–45.
- Ондар, Ч.-Д. Б. (2012а) Прежде чем войти в реку, посмотри на камни под водой (отрывок из рукописи «Уроки жизни и поиск») // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–57.
- Ондар, Ч.-Д. Б. (2012б) Принятие Декларации о государственном суверенитете Советской Республики Тува // Новые исследования Тувы. № 2. С. 10–28.
- Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Дата поступления: 11.05.2022 г.

REFERENCES

- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2016) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).
- Kongu, A. A. (2014) Chimit-Dorzhu Ondar: «Moia dusha, perezhivaniia i moi opyt...» [Chimit-Dorzhu Ondar: “My soul, feelings and my experience...”]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 36–44. (In Russ.).

Kongu, A. A. and Lamazhaa, Ch. K. (2014) Put' inzhenera (Kruglyi stol po knige Chimit-Dorzhu Ondara) [Engineer's path (round table about Chimit-Dorzhu Ondar's book)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 10–23. (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2006) Rets. na N. P. Moskalenko. Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX v. M., 2004 [Review on N. P. Moskalenko. Ethnopolitical history of Tuva in the twentieth century. Moscow, 2004]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 182–186. (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2010) Vremia trebovalo novykh kumirov [The time demanded new idols]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 102–107. (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2011) Pervye demokraticheskie vybory v Tuve 1990 goda (otryvok iz rukopisi «Uroki zhizni i poisk») [The first democratic election in Tuva of 1990 (An extract of the manuscript “Lessons of Life and a Quest”)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 27–45. (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2012a) Prezhde chem voiti v reku, posmotri na kamni pod vodoi (otryvok iz rukopisi «Uroki zhizni i poisk») [Before entering the river look at the stones under the water (Fragment of the manuscript “Lessons of Life and a Search”)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2012b) Priniatie Deklaratsii o gosudarstvennom suverenitete Sovetskoi Respubliki Tuva [Adoption of the Declaration of State Sovereignty of the Soviet Republic of Tuva (Extract from the manuscript “Lessons of Life and a Quest”)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 10–28. (In Russ.).

Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Submission date: 11.05.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.3

Статья

Личный фонд Монгуша Баян-ооловича Артаса в Национальном архиве Республики Тыва

Аяна А. Самдан

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается личный фонд Монгуша Баян-ооловича Артаса (1913-1999), министра МВД Тувинской АССР (1962 г.), депутата Верховного Совета Тувинской АССР, который хранится в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ, фп. 357, оп. 1). Фонд был создан в 1999 г. и дополнен в 2001 г. документами семьи Артаса.

Документы фонда можно разделить на следующие группы: автобиографии, личные дела и анкеты; воспоминания участника первого эшелона подарков для Красной Армии; воспоминания о репрессиях в Туве; фотографии; доклады, лекции, конспекты; записные книжки, телефонные справочники; письма, открытки, грамоты, удостоверения, членские билеты; вырезки из газет. Документы фонда позволяют проследить весь его жизненный путь.

Определенный объем рассматриваемого фонда представлен документами, касающимся темы политических репрессий в Туве. В частности, это статьи М. Б. Артаса, опубликованные в республиканской прессе, его рапорта, обращения к вышестоящим должностным лицам и органам. Ряд документов составляют воспоминания, лекции и выступления о доставке первого эшелона подарков для Красной Армии в 1942 г. Поэтому документы личного фонда М. Б. Артаса представляют интерес не только для его прямых потомков, для исследователей его личной истории, но и в целом для историков, изучающих историю Тувы.

Ключевые слова: личный фонд; Тува; Тувинская АССР; история Тувы; Монгуш Баян-оолович Артас; репрессии; Красная Армия

Для цитирования:

Самдан А. А. Личный фонд Монгуша Баян-ооловича Артаса в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 36-53. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.3>

Самдан Аяна Анай-ооловна — кандидат исторических наук, главный специалист отдела государственного учета и обеспечения сохранности архивных документов Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (39422) 5-60-53. Эл. адрес: samayana@mail.ru

SAMDAN, Ayana Anai-oolovna, Candidate of History, Chief Specialist, Department of State Accounting and Preservation of Archival Documents, National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 5-60-53. Email: samayana@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7785-7497

The personal fonds of Mongush Bayan-oolovich Artas at the National Archives of the Republic of Tuva

Ayana A. Samdan

The National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines the personal fonds of Mongush Bayan-oolovich Artas (1913–1999), Minister of Internal Affairs of the Tuvan ASSR (1962), deputy of the Supreme Council of the Tuvan ASSR. It is stored in the National Archives of the Republic of Tuva (NA RT, f. 357, inventory list 1). The fonds was created in 1999 and supplemented with documents of the Artas family in 2001.

The documents in the fonds can be divided into the following groups: autobiographies, personal files and questionnaires; memoirs of a participant of the first convoy with gifts for the Red Army; recollections of repressions in Tuva; photographs; reports, lectures, notes; notebooks, telephone directories; letters, postcards, certificates of achievement, identification documents, membership cards; newspaper clippings. These documents allow us to trace his entire life's path.

A certain amount of the considered fonds is represented by documents related to the topic of political repression in Tuva. In particular, these are articles by M. B. Artas published in the republic's press, his reports, appeals to higher officials and bodies. A number of documents are memoirs, lectures and speeches about the delivery of the first convoy with gifts for the Red Army in 1942. Therefore, the documents in the personal fonds of M. B. Artas are of interest not only for his direct descendants and for researchers of his personal biography, but also for scholars studying the history of Tuva in general.

Keywords: *personal fonds; Tuva; Tuvan ASSR; history of Tuva; Mongush Bayan-oolovich Artas; repressions; Red Army*

For citation:

Samdan A. A. Lichnyi fond Mongusha Baian-oolovicha Artasa v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Mongush Bayan-oolovich Artas at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 36-53. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.3>

Введение

В статье рассматривается личный фонд Монгуша Баян-ооловича Артаса (1913–1999) (фото 1), члена Малого Хурала Тувинской Народной Республики (ТНР) и ЦК ТНРП, комиссара III ранга, министра МВД Тувинской АССР (1962 г.), депутата Верховного Совета Тувинской АССР, который хранится в Национальном архиве Республики Тыва.

Несмотря на внушительных послужной список, на историческое значение, М. Б. Артас пока не удостоился большого внимания исследователей. Из имеющихся публикаций отметим статью М. С. Байыр-оола (Байыр-оол, 2012). Основываясь на воспоминаниях М. Б. Артаса, но не затрагивая его профессиональную деятельность на посту министра внутренних дел, автор раскрывает запутанный клубок взаимоотношений М. Б. Артаса с первыми лицами республики, комитетом государственной безопасности, прокуратурой и др. Историк встал на сторону М. Б. Артаса, считая, что он «пожертвовал... властью, карьерой, привилегиями» (там же: 97).

Сведения об отце М. Б. Артаса — Мамышеве Владимире Ульяновиче, какесе по национальности, который прибыл в Туву в 1900 г. в качестве ямщика И. Сафьянова и обосновался на Хемчике, приводит

Фото 1. Артас Монгуш Баян-оолович.
1950-е гг.

(НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л. 63об.)
Photo 1. Artas Mongush Bayan-oolovich,
the 1950s (NA RT, f. 357, inventory list 1,
case record 67, list 63, reverse side).

Т. Е. Котюшева (Котюшева, 2020: 222). Также имеется ряд публикаций М. Б. Артаса в республиканских газетах, в основном связанных с темой политических репрессий (почти все они хранятся в личном фонде, о котором пойдет далее речь).

Нам уже приходилось писать о М. Б. Артасе в научно-популярном издании — книге «Созидатели советской Тувы. Чтобы помнили...»¹, изданной Культурным фондом им. К. Шойгу в 2017 г. В ней освещены биографии людей, внесших значительный вклад в развитие республики. В нашей статье «Роковой подарок Правительства» раскрывается жизненный путь М. Б. Артаса, в том числе отмечается его участие в политических репрессиях в Туве².

В данной публикации мы проанализируем личный фонд ФП. 357 (НА РТ, фп. 357, оп. 1) «Артас Монгуш Баян-оолович — министр внутренних дел Тувинской АССР» Национального архива Республики Тыва (далее — НА РТ). Поддержание, развитие личных фондов — одно из направлений деятельности Национального архива Республики Тыва (Чамзо, 2020).

Предыстория формирования фонда такова. В 1992 г. Центральный государственный архив Республики Тыва (старое название НА РТ) обратился к М. Б. Артасу, как видному деятелю Тувинской Народной Республики и советского периода, с предложением передать на государственное хранение свои документы и фотографии, поскольку они представляют историческую ценность. Для отбора и передачи документов были выделены два археографа — Л. О. Норбу и Т. Д. Монгуш. Обработка объемного личного архива затянулась на несколько лет. Согласно акта № 1 от 20 декабря 1999 г. архив принял документы, из которых были отобраны и сформированы 68 дел, хронологически охватывающих 1942–1998 гг.

В 2001 г. фонд был дополнен благодаря жене М. Б. Артаса — Ольге Григорьевне Артас. Она провела скрупулезную работу по отбору, систематизации личных документов. Дополнительно было сформировано 4 дела, таким образом, всего в фонде на сегодня имеется 72 единицы хранения.

Документы фонда можно разделить на следующие группы: автобиографии, личные дела и анкеты; воспоминания участника первого эшелона подарков для Красной Армии; воспоминания о репрессиях в Туве; фотографии; доклады, лекции, конспекты; записные книжки, телефонные справочники; письма, открытки, грамоты, удостоверения, членские билеты; вырезки из газет. Представим их.

Воспоминания и автобиографии

К категории документов под названием «Воспоминания» можно отнести следующие единицы хранения: «Воспоминание Артаса о первом генерале Кууларе Шома Даниловиче за 1998 год» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 3, на 6 л.); «Краткое воспоминание Артаса за 1985 год» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 49, на 21 л.); «Воспоминание Артаса за 1998 год» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 63, на 17 л.); «Воспоминания М. Б. Артаса о своем детстве, о борьбе с белогвардейцами, о сопровождении подарков Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, написанные в 1993 году» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 69, на 58 л.).

Сюда же следует отнести несколько вариантов автобиографии, написанные как от руки, так и набранные на печатной машинке в разные годы в основном для служебных целей. Так, в деле № 9 «Личные дела» имеются автобиографии и общая тетрадь № 70 «Автобиография, написанная Артасом М.Б. в 1999 году», на 20 л. (рукопись).

М. Б. Артас родился 5 августа 1913 г. в местечке Ак-Адыр в долине реки Манчурек Хемчикского хошуна (ныне — Сут-Хольского кожууна Республики Тыва) в семье бедного арата. Отец Монгуш Влади-

¹ Созидатели советской Тувы. Чтобы помнили... / отв. ред. М. М.-Б. Харунова. Абакан: Журналист, 2017. 288 с.

² Там же. С. 56–62.

Фото 2. Мать Артаса, Анна — сестра Артаса, Артас, его супруга Ольга Григорьевна и сын Темир
(НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л. 48об.).

Photo 2. Artas's mother, his sister Anna, Artas, his wife Olga Grigorievna and his son Temir
(NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67, list 48, reverse side).

мир Баян-оол (Мамышев Владимир Ульянович, хакас по национальности, умер в 1934 г.) (Котюшева, 2020: 222) и мать — Монгуш Сендинмаа Намдаковна (умерла в 1965 г.) занимались животноводством, как и все остальное население Тувы того времени (фото 2). Семья нанималась к Ондару Нармандыгы-чагырыкчы, который кочевал в мест. Дээрбе-Даш и Чечектиг. Отец строил и обновлял скотный двор, пахал землю и сеял хлеб. Мать доила коров, обрабатывала шерсть и делала из нее войлок.

В своих воспоминаниях М. Б. Артас писал, что его семья жила в «чуме» (тув. *чадыр өг*), который утеплялся зимой корой лиственницы и дерном, а также в юрте и полуземлянках. Он отмечал, что неимущие тувинцы в основном одевались в одежду из шкур. Сукно, далемба¹, шелк стоили очень дорого и были недоступны для бедняков.

В записях Артаса имеются этнографические материалы. В частности, он выделяет следующие виды дополнительной подработки тувинцев: а) *борбак-сарбактаар*² (в период заготовки мяса на зиму, в ноябре — декабре, забойщики скота нанимались к более зажиточным семьям и за свою услугу получали продуктами питания); б) *мажак чыыр* (букв. 'собрать колосья') — сбор зерна с колосьев, оставшийся после жатвы; как писал М. Б. Артас, только его семья собирала достаточно много, до 5–6 барба, а каждая барба весила 3–4 пуда; в) *морзук казар* (букв. 'выкапывать барсучью нору') — добыча запасов грызунов на зиму. «Отец мой определял, — писал он, — где копать землю и добраться до места, где складирется зерно... Это очень трудоемкая работа. Из одного склада морзука иной раз (добывали. — А. С.) до 5–6 пудов зерна» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 70, л. 4).

В семье родились двенадцать детей, но выжили только четверо. Остальные умерли в малолетнем возрасте по болезни или в результате несчастного случая.

После образования Тувинской Народной Республики, в связи с изменениями политической ситуации Ондар Нармандыгы выделил семье Монгушей рабочего коня и корову, сказав, что он сам дальше

¹Ткань саржевого переплетения.

²*Борбак-сарбак* (тув.) — скарб, пожитки; здесь в значении 'подработать'.

будет заниматься своим хозяйством, отпустил их. После отец устроился кладовщиком склада зерна филиала Госторга в Чадане.

Весной 1924 г., когда семья кочевала в устье р. Чыргакаы, появились участники контрреволюционного восстания (Барыймаа, Кокай-оол, Келдир-Сенди, Бадабма и др.), которые унесли весь запас муки, забрали у семьи лошадь и юрту, принадлежащую Госторгу. За растрату имущества отец был арестован. Но примерно через 20 дней он был освобожден из-под стражи, доказав свою непричастность. Отец устроился сторожем в магазине в местности Чайлаг-Алаак, а подросток Артас — пастухом.

Осенью 1926 г. М. Б. Артас поступил на курсы по изучению монгольского языка в Верхне-Чаданский монастырь. Всего в курсе обучались 15–20 детей. Жили и учились в одной большой юрте. Учителями были Данзын-демчи и Ховалыг Билчээ-чугагайчы — ламы этого хурээ. Но мальчик не доучился, поскольку в конце апреля 1927 г. с другом Даваа сбежал домой.

Осенью этого же года он продолжил обучение в одной из школ Кызыла. Учителями были Дарган-хелин, бывший кумзат Верхне-Чаданского монастыря, Лундуп-хелин из Танды, Сат Лопсан Базыр-оолович, Самбуу Монгуш Монгеевич, а физическую культуру вели ставший впоследствии известным деятелем культуры Адыг-Тулуш Кок-оол (впоследствии ставший В. Кок-оолом)¹ и Оюн Лагба из Эрбека (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 70, л. 13; д. 69, л. 19). Его одноклассниками были С. Б. Пюрбю и О. Х. Сагаан-оол (впоследствии известные писатели), О. А. Толгар-оол (будущий ученый-историк), Лопсан-Кенден (ставший потом министром культуры ТНР), А. Б. Даваа (будущий прокурор Тувинской АССР) и др.

Успевающих в учебе учеников для дальнейшего получения образования отправляли маленькими группами в учебные заведения СССР. В августе 1929 г. одиннадцать человек, в числе которых был и М. Б. Артас, были направлены в Ленинградский институт народов Севера. Как писал он в своих воспоминаниях, выехали из Кызыла пешком, а вещи загрузили на телегу с лошадью. До

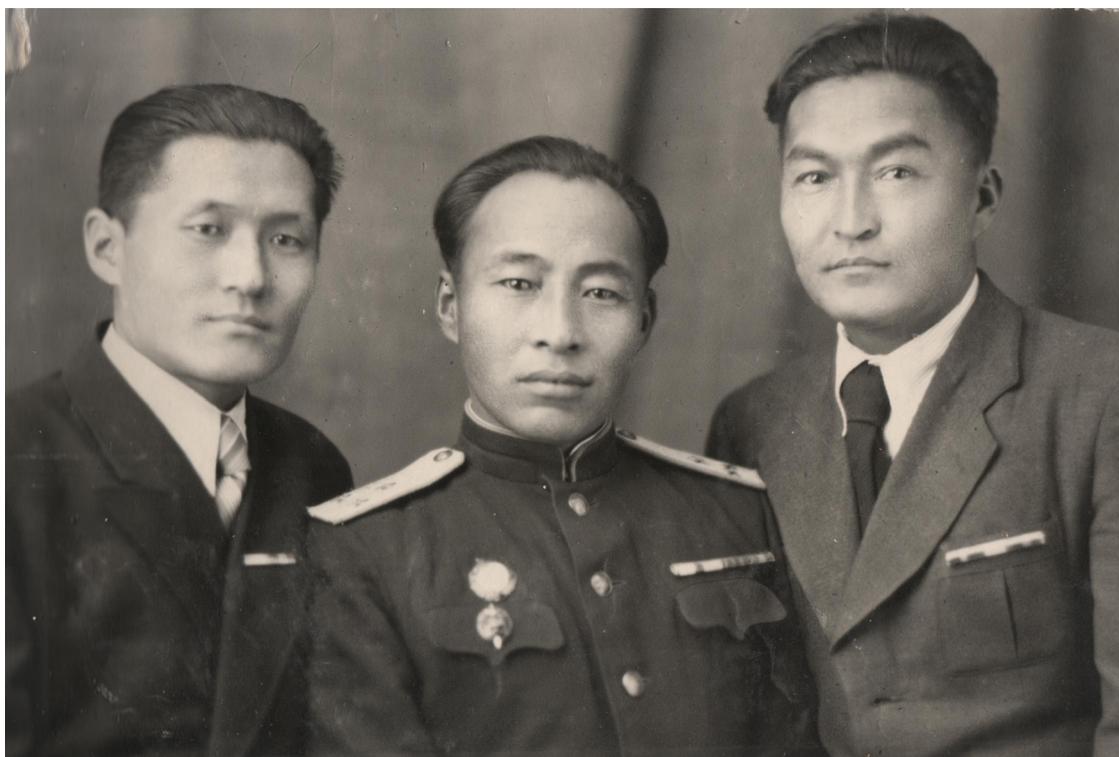

Фото 3. О. Толгар-оол, М. Артас, Лопсан-Кенен (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л. 63).
Photo 3. O. Tolgar-ool, M. Artas, Lopsan-Kenden (NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67, list 63).

¹ Во время паспортизации ему дали русское имя Виктор, а тувинское — стало фамилией.

Абакана добрались на 12 сутки. Оттуда сели на поезд и доехали до Ленинграда. После 3-месячных подготовительных курсов их зачислили в первый курс.

На следующий год учебную группу, где он обучался, перевели в рабочий факультет Института народов Востока им. Енукидзе¹, который готовил специалистов по линии кооперативной, педагогической и советского строительства (Кононов, Иориш, 1977: 66). Затем, уже в третий раз, тувинскую группу перевели в Ленинградский педагогический институт им. Герцена. Выпускниками данного учебного заведения стали: С. А. Сереккей (министр здравоохранения ТНР), Лопсан-Кенден (министр культуры ТНР), М. Д. Биче-оол (ученый-филолог), О. А. Толгар-оол (ученый-историк) (*фото 3*), С. Б. Пюрбю (писатель), О. Мандараа (чрезвычайный полномочный представитель ТНР в СССР) и др.

Со студентами периодически встречались ответственные лица, в том числе посол ТНР в СССР М. Муния-Базыр, а в 1932 г. приехал Генеральный секретарь ЦК ТНРП Иргит Шагдыржап. Он встречался с руководством и преподавателями Института, беседовал со студентами, узнавал от них условия учебы и проживания, а со своей стороны рассказал о происходящих изменениях в Туве.

В 1932 г. по указанию полпреда ТНР студенты — С. Танов, М. Б. Артас, Тарма, С. А. Сереккей — были направлены работать переводчиками и параллельно учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) им. И. В. Сталина. А на следующий год его одного отправили в г. Тамбов переводчиком-курсантом в Объединенную кавалерийскую школу им. 1-й Конной Армии. Учебное заведение готовило будущих военных командиров для народно-революционных армий Тувы и Монголии. «Монгольские и тувинские курсанты составляли два взвода, которые находились в составе одного эскадрона» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 69, л. 31). Таким образом, вне своего желания он стал обучаться военному делу. Огромные трудности он испытывал при переводе специальных терминов с русского языка на тувинский, поскольку он, как переводчик, должен был хорошо знать учебный материал, чтобы в точности его передать. Поэтому он занимался очень много самостоятельно и совместно с преподавателями. Помимо учебы курсанты активно занимались спортом (волейбол, футбол, силовые упражнения на турнике и брусьях).

В июне 1934 г. состоялся первый выпуск группы тувинских курсантов. В их числе были А. С. Эртне, О. Лопсан, Ооржак Лопсан, Самбуу, Чыдыг-Ала, Кумзат-оол и др. Им присвоили звания среднего командного состава.

Затем ему поступило предложение поступить в Оренбургскую летную школу им. В. П. Чкалова, для чего он в Москве прошел комиссию. Но в этот момент в его семье произошла трагедия: в результате несчастного случая погиб отец, мать осталась с малолетними детьми. М. Б. Артас был вынужден вернуться в Туву. Здесь он поступил переводчиком в МВД.

Анкеты и личное дело

Продолжением биографии являются анкеты и личные дела, связанные с трудовой деятельностью. В деле № 9 имеется анкета работника МГБ, заполненная 2 октября 1950 г., и личные дела за 1959-1978 гг. — на 33 л.

В анкете в графе «Образование» он указал только рабфак Института народов Востока им. Енукидзе. А по линии профессиональной деятельности: 9-месячные курсы ЦШ НКВД СССР (1940–1941 гг.) и курсы по переподготовке руководящего состава Высшей офицерской школы МВД СССР (1947–1948 гг.).

В качестве периодов трудовой деятельности обозначены:

- 1932–1933 гг. — переводчик КУТВ им. Сталина,
- 1933–1934 гг. — переводчик Объединенной кавалерийской школы им. Первой Конной армии в г. Тамбове,
- 1934–1935 гг. — переводчик МВД ТНР г. Кызыл,
- 1935–1938 гг. — уполномоченный МВД ТНР,
- 1938–1939 гг. — начальник управления лагерей МВД ТНР,

¹ Ленинградский институт живых восточных языков им. А. С. Енукидзе 4 июня 1927 г. был переименован в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе.

- 1940 г. — слушатель ЦШ НКВД СССР,
- 1941–1944 гг. — заместитель министра МВД ТНР,
- 1944–1949 гг. — заместитель начальника УМВД Тувинской автономной области,
- 1949–1957 гг. — заместитель начальника УМГБ Тувинской автономной области,
- 1957–1962 гг. — начальник УВД исполкома облсовета (фото 4),
- 1962–1962 гг. — министр МВД Тувинской АССР,
- 1962–1964 гг. — инспектор-организатор Тандинского производственного колхозно-совхозного управления,
- 1964–1973 гг. — заместитель директора КПП треста «Тувинстрой».

Фото 4. Второй слева М. Артас. 1950-е годы (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л. 63об).

Photo 4. The second from the left is M. Artas, the 1950s

(NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67, list 63, reverse side).

Общественная и партийная деятельность М. Б. Артаса также была насыщенной:

- 1936 г. — член ТНРП,
- 1941–1944 гг. — член ЦК ТНРП,
- 1941–1944 гг. — член Малого Хурала,
- 1947–1948 гг. — член пленума бюро ГК ВКП(б),
- 1954–1956 гг. — член Тувинского обкома КПСС,
- 1953–1955 гг. — депутат облсовета и член облисполкома,
- 1961–1962 гг. — депутат облсовета,
- 1962 г. — депутат Верховного Совета Тувинской АССР (фото 5).

*Фото 5. В первом ряду в центре С. К. Тока, М. К. Мендуме. второй справа М. Б. Артас. 1959 г.
(НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л.63об).*

*Photo 5. In the center are S. K. Toka and M. K. Mendume; the second from the left is M. B. Artas, 1959
(NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67, list 63, reverse side).*

В графе «Награждения» у него указаны следующие награды: два ордена «Знак почета», «Орден ТНР» (1940); медали «За боевые заслуги», «Победа над Германией», «За доблестный труд», значок «Заслуженный работник органов НКВД СССР».

Отражение темы политических репрессий в Туве в документах фонда

Определенный объем рассматриваемого фонда представлен документами, касающимся темы политических репрессий в Туве (всего 12 единиц хранения). В частности, это статьи М. Б. Артаса, опубликованные в республиканской прессе, его рапорта, обращения к вышестоящим должностным лицам и органам:

- «Письмо первому секретарю обкома КПСС т. Тока С. К.», датированное 11 июня 1962 г. (черновик, написанный от руки; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 28, на 11 л.);
- «Рапорт министру внутренних дел РСФСР полковнику Тикунову В. С.», датированный 20 июня 1962 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 29 на 6 л.);
- рукопись статьи «Төөгүнү өскертип болбас» («Нельзя изменить историю»), датированная 1991 г. (на тувинском языке, печатный вариант; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 54 на 8 л.);
- рукопись статьи для газеты «Деткимче» «Последствия неограниченной власти» (на русском языке; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 55 на 30 л.);
- рукопись статьи для газеты «Деткимче» «Кызыгаар чок чагырганың уржуктары» («Последствия неограниченной власти») (на тувинском языке, черновой вариант; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 56 на 28 л.);
- рукопись статьи «Төөгүнү өскертип болбас» («Историю изменить нельзя»), датированная 1991 г. (на тувинском языке, рукопись; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 57 на 5 л.);
- «Ответы Артаса М. Б. на вопросы, заданные Борбак-оолу А.» 1991 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 58 на 4 л.);

- рукопись статьи для газеты «Деткимче» «Кызыгаар чок чагырганың уржуктары» («Последствия неограниченной власти») (на тувинском языке; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 59 на 35 л.);
- «Письменные ответы на вопросы начальник следственного отдела республиканской прокуратуры Куулара Ш. С. о репрессиях 30–40-х и начале 50-х годов», 1993 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 60 на 11 л.);
- «Письмо Артаса М. Б. Президенту Республики Тыва Ооржаку Ш. Д.», датированное 31.10.1995 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 61 на 16 л.);
- рукопись статьи для газеты «Тувинская правда» помощника прокурора Республики Тыва по особым поручениям, старшего советника юстиции Ш. Куулара «Возвращение первого генерала милиции» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 62 на 4 л.);
- общая тетрадь «Опровержения М. Б. Артаса на статьи Ю. Л. Аранчына “Чогум баажызы чудел?” (“В чем же состоит разгадка?”), “Онза судче орук” (“Дорога в особый суд”), “О жизни и деятельности С. К. Тока”, “О деятельности А. С. Борбак-оола”» 1992 г., рукопись (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 68 на 52 л.).

М. Б. Артас по долгу своей службы принимал участие в политических репрессиях. Известно, что он вел уголовное дело, по которому необоснованно были обвинены по политическим статьям 10, 11, 12, 13, 15 Уголовного кодекса ТНР девять человек: первый секретарь Улуг-Хемского хошкома ТНРП Таржаа Кужугет, заместитель председателя Монге-Байыр Сат, секретарь Эртине Хертек, заведующий отделом Норбу Донгак (бывший шаман), бухгалтер Намдакай Кыргыз, бухгалтер электростанции Хунашпан Донгак, машинистка Кускелдей Кол, Чингин-оол Тулуш и Донгак Шулуу (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 62, л. 2).

В архивных делах № 59, 68 имеется воспоминание М. Б. Артаса, где говорится о том, что 19 декабря 1939 г. пожаром было уничтожено административное здание Улуг-Хемского райисполкома. Банальный пожар здания хошкома партии в руках умелых обвинителей превратился в контрреволюционную деятельность. Расследованием факта пожара занимался секретно-политический отдел МВД под руководством начальника Парчына и с участием К. Бады-Суура и Баир-оола (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 59, л. 25–29; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 68, л. 34–39).

М. Б. Артас по приказу министра МВД ТНР Н. Ч. Товарищтая, советника И. П. Рогова подключился к расследованию дела. В частности, он в своих воспоминаниях писал:

«Проводил допросы арестованных и осуществлял очные ставки между обвиняемыми и ранее осужденных КР деятельность лицами Тажи, Чанзан-оол между Кужугет Таржаа, которые подтвердили о том, что последний уже давно был завербован в контрреволюционную организацию в Тыве, которую возглавляли бывший Председатель Совета Министров и Председатель Президиума Малого Народного Хурала Тувинской Народной Республики» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 29, л. 1–2).

Т. Кужугет, в отличие от своих «подельников», как бывший военный, до последнего категорически отрицал предъявленное обвинение и, находясь в тюрьме, обращался к генеральному секретарю ЦК ТНРП С. К. Тока, председателям Совета Министров О. Байыру, Президиума Малого Хурала О. Полату и министру МВД Н. Ч. Товарищтаю (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 59, л. 28; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 68, л. 37–37об.). Но все его просьбы остались без ответа.

Аресты, в нарушение норм УПК ТНР, производились без санкции прокурора, в некоторых случаях постановления на арест оформлялись позднее, чем он осуществлялся; по окончании следствия обвиняемых не знакомили с материалами дела. Обвинительные заключения не утверждались прокурором. Чтобы добиться признательных показаний использовались жестокие методы: арестованным не давали спать и есть, некоторых ночью вывозили за город и угрожали убийством, если не дадут признательные показания. Позднее на допросе в прокуратуре Тувинской АССР осужденные Чингин-оол, Кускелдей полностью подтвердили применение незаконных методов следствия по отношению к подсудимым, а также непосредственную роль М. Б. Артаса в фальсификации уголовного дела.

После завершения расследования уголовного дела главный «вредитель» Т. Кужугет был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Его ходатайство о помиловании Президиум Малого Хурала ТНР отклонил, оставив в силе решение судебной коллегии МВД¹ (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 59, л. 29; НА

¹ Членами судебной коллегии были С. К. Тока, министр МВД Н. Ч. Товарищтай, прокурор республики, председатель Верховного суда ТНР, которые назначались Президиум Малого Хурала ТНР (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 59, л. 29; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 68, л. 39–40).

РТ, фп. 357, оп. 1, д. 68, л. 39). Монге-Байыр и Эртине осуждены на 8 лет каждый, Чингин-оол — 6 лет, Намдакай и Норбу — по 5 лет, а Кускелдей получила 3 года условно. Шулуу умер во время следствия, а Норбу и Хунашпан — в тюрьме. В 1962 г. по решению Президиума Верховного суда Тувинской АССР все они были оправданы.

В 1962 г. на заседании бюро Тувинского обкома КПСС на основании материалов, представленных руководством Управления государственной безопасности СССР по Тувинской АССР, был рассмотрен вопрос о грубом нарушении революционной законности М. Б. Артасом в бытность в системе МВД ТНР. Решением бюро его исключили из состава членов бюро обкома КПСС, сняли с должности министра МВД Тувинской АССР, лишили звания комиссара III ранга и статуса депутата Верховного Совета Тувинской АССР, а по партийной линии объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Но затем партийная комиссия при ЦК КПСС отменила его, заменив выговором без занесения в учетную карточку (НА РТ, фп-1, оп. 1, д. 61, л. 2).

20 июня 1962 г. М. Б. Артас данное решение обжаловал министру внутренних дел РСФСР полковнику В. С. Тикунову (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 29), где помимо изложения фактов, сообщил, что:

«в конце июля 1940 г. не закончив расследование указанного дела ... выехал на учебу в ЦШ НКВД СССР в Москву, а вышеуказанное дело по распоряжению министра передал для дальнейшего расследования его заместителю Ензаку. Таким образом, расследование этого дела я не начинал и не заканчивал... Следовательно, я не мог сделать окончательные выводы и составить обвинительное заключение» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 29, л. 5).

Одновременно обращение пошло на стол первому секретарю обкома КПСС С. К. Тока (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 28).

Широкое обсуждение темы репрессий началось в период гласности в республиканских газетах. В фонде хранятся рукописный и печатный варианты серии статей, опубликованных в нескольких номерах газеты «Деткимче» за 1991 г. «Төөгүнү өскертп болбас» («Историю изменить нельзя») (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 54 на 8 л; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 57 на 5 л.) и «Последствия неограниченной власти» на русском и тувинском языках, (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 55, 56, 59).

В фонде сохранилась рукопись статьи «Мой ответ А. Борбак-оолу», написанной на тетради. Датировка на обложке — 1991 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 58 на 4 л.). Здесь М. Б. Артас поясняет детали ареста основного «организатора поджога» Кужугета Таржаа:

«В ...газете “Деткимче” от 20.1.1991 № 8 Борбак-оол пишет, что 12 июля 1962 г. дело о поджоге рассматривался на бюро обкома КПСС. Артас отказывался в том, что он допрашивал К. Таржаа. Я никогда ни на бюро обкома и на Пленуме обкома КПСС, где меня выгоняли из члена бюро и обкома КПСС, не отказывался в том, что я Таржаа допрашивал.

От чего я отказывался и не признал и не признаю сейчас: 1962 году руководство Управления КГБ А. Борбак-оол, Волосников на бюро Тувинского обкома КПСС представили документ о том, что будто я, Артас, по своей инициативе, самовольно без санкции Политбюро ТНРП, Президиума Малого Хурала ТНР и прокурора ТНР в 1940 г. арестовал члена ЦК ТНРП и правительства ТНР К. Таржаа.

От такого обвинения я отказался категорически и никогда не приму его, т. к. такого не было с моей стороны. Таржаа был арестован по решению Политбюро ЦК ТНРП, где присутствовали члены Президиума Малого Хурала ТНР, прокурор республики» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 58, л. 2–2об).

В деле № 60 «Письменные ответы на вопросы начальник следственного отдела респрокуратуры Куулара Ш. С. о репрессиях 30–40-х и начале 50-х годов», датированном 1993 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 60, на 11 л.) М. Б. Артас повторяет те же сведения, которые он писал министру МВД РСФСР.

Кроме того, в рукописи он написал свое отношение к бюсту С. К. Тока, установленному в 1981 г. в центре г. Кызыла. Дело в том, что в начале 1990-х гг. общественная организация «Мемориал», Народный фронт «Хостуг Тыва» («Свободная Тува») выдвинули требования «о сносе бюста С.К. Тока в Кызыле, переименовании названных его именем совхозы, школы, улиц, а также лишения его почетных званий» (Канзай, 2015: 142). М. Б. Артас подчеркнул огромный вклад С. К. Тока за более чем 40 лет своего правления в социально-экономическое развитие Тувы. «Можно ли перечеркнуть все положительные, что сделал С. К. Тока и вычеркнуть его из истории?» задался он вопросом и тут же сам ответил: «Хотя я сам был его приближенным и всякое было между нами, но, тем не менее, не буду в сторону С. К. Тока писать сплетню и клевету. Истории нужна только правда» (НА РТ, фп. 357, оп. 1,

д. 60, л. 5). Он предложил не только не трогать памятник, но также увековечить память амбын-нояна Соднам-Балчыра и Буян-Бадыргы (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 60, л. 5).

31 октября 1995 г. М. Б. Артас письменно обратился к первому Президенту Республики Тыва Ш. Д. Ооржаку с просьбой восстановления его специального звания комиссара милиции III ранга, присвоенного в 1962 г., изложив на семи страницах подробности его лишения. 16 марта 1996 г. Главное управление кадров МВД РФ, рассмотрев его заявление, сообщило, что при увольнении из органов внутренних дел М. Б. Артас не был лишен специального звания и «с учетом имеющейся у него выслуги лет имеет право на получение пенсии по линии МВД» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 61, л. 1).

Воспоминания о доставке первого эшелона подарков для Красной Армии

Ряд документов составляют воспоминания, лекции и выступления о доставке первого эшелона подарков для Красной Армии:

- «Выступление Артаса перед коллективом МВД» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 3 на 6 л.);
- «Статья М. Б. Артаса о сборе подарков для Красной Армии “Большой подарок”» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 4 на 8 л.);
- «Лекция «Помощь ТНР фронту» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 5 на 5 л.);
- «Воспоминание Артаса по случаю вручения подарков фронту» 1982 г., печатный вариант (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 44 на 22 л.)
- «Воспоминание М. Б. Артаса о своем детстве, о борьбе с белогвардейцами, о сопровождении подарков Красной Армии в годы Великой Отечественной войны», без даты, рукопись на 58 л. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 69, л. 35-58об.).

В них, помимо детального воссоздания картины доставки материальной помощи фронту, можно увидеть, какие события представляли укрепление советско-тувинской дружбы.

В апреле 1942 г. из ТНР отправилась правительственная делегация с подарками в СССР, которую возглавил С. К. Тока. В составе делегации были: Саны-Шири, чабан из Монгун-Тайги, подаривший

Фото 6. Тувинская делегация в Москве (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67, л. 62об.).

Photo 6. Tuvan delegation in Moscow (NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67, list 62, reverse side).

табун лошадей и другой скот; арат-скотовод Ынаажык из Сут-Холя; майор Ооржак Лопсан, командир эскадрона Тувинской народно-революционной армии; О. Х. Саган-оол, писатель; Тараканова, передовая доярка колхоза «Федоровка» Каа-Хемского района; Барынмаа, швея; М. Б. Артас, заместитель министра МВД ТНР; О. Мандараа, полпред ТНР в СССР.

Делегация выехала 16 апреля 1942 г. из г. Кызыла. В г. Черногорске Красноярского края состоялся торжественный митинг, где выступили члены тувинской делегации. В частности, Саны-Шири в своей речи заверил от имени всех тружеников Тувы, что в дальнейшем они будут работать еще лучше, больше выращивать скот с тем, чтобы оказать посильную помощь Красной Армии.

Подарки составили 64 вагона поезда. По бокам вагонов было написано «Делегация от тувинского народа», «Подарки фронту от тувинского народа». Еще одна остановка была в г. Красноярске, где им показали военный завод им. К. Е. Ворошилова, выпускающий зенитные пушки, минометы, автоматы и др. военное оружие.

25 апреля они прибыли на Ярославский вокзал Москвы, где их встретил заместитель Наркома иностранных дел СССР тов. В. Г. Деканозов, представители Наркомата обороны СССР тов. Талоконов и др. Делегация остановилась в гостинице «Метрополь».

На следующий день делегацию принял в Кремле первый заместитель председателя Наркома СССР, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. В конце встречи В. М. Молотов сообщил о решении показать тувинским союзникам места сражений Красной Армии. На другой день они выехали на трех легковых автомашинах ЗИЛ-101. Делегация посетила гг. Истра, Волоколамск и Можайск. По пути следования они видели обгоревшую немецкую технику, а города были почти полностью разрушены.

На железнодорожной станции г. Можайска делегацию торжественно с почетным караулом и духовым оркестром встретили представители Пятой общеармейской армии во главе с руководителем политического аппарата Ивановым. Митинг открыл председатель Можайского горисполкома (фамилия не указана), выступили С. К. Тока, Саны-Шири, а их приветствовали пионеры и артисты из Москвы (фото 7).

Затем делегация отправились вглубь к передовым частям Красной Армии западного фронта.

Фото 7. Осмотр трофеев в Можайске (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 67).

Photo 7. Inspection of spoils of war in Mozhaisk (NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 67).

Когда началась фронтовая дорога или вернее она закончилась, С. К. Тока посадили в кабину одного из тракторов, который буксировал грузовую автомашину, а все остальные члены пошли пешком. По прибытии к линии фронта, здесь также был организован митинг. Были вывешены лозунги со словами: «Дружественный боевой привет от Красной Армии тувинскому народу».

После выступления С. К. Тока вручил Красное знамя от тувинского народа Пятой общевойсковой армии. Его принял тов. Иванов, а присутствовавшим бойцам — высшую награду республики «Орден Тувинской Народной Республики». Каждому бойцу были вручены подарки в белых мешочках, куда положили продукты питания, папиросы, носовые платки и ручные часы (фото 8).

28 апреля 1942 г. делегацию принял командующий западным фронтом маршал Г. К. Жуков. С. К. Тока зачитал Указ Президиума Малого Хурала ТНР «О награждении орденом Республики Г. К. Жукова и начальника политического отдела Пятой общевойсковой армии Иванова и др.». «Вслед за этим т. Тока вручили в подарок тт. Жукову и Иванову тон-шубу, сделанные из мерлушей шкуры белого цвета, сверху накрытые материалом шелком с разноцветными рисунками, специальным поясом и тувинской шапкой из соболиной шкурки и тут же эти шубы одели т. Жукову и Иванову» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 70, л. 52об.) (фото 6).

Фото 8. Западный фронт. 1942 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 1).

Photo 8. The Western Front, 1942 (NA RT, f. 357, inventory list 1, case record 1).

Артасу и Лопсану разрешили посетить оборону передовой линии — траншеи. В 70–80 метрах от них находились немецкие солдаты, обе стороны обменивались короткими фразами. Им удалось, хотя и очень коротко, но побеседовать с советскими бойцами.

Затем состоялась теплая встреча с командующим Пятой армии генералом И. И. Федюнинским, которого также С. К. Тока наградил «Орденом Республики». Генерал, в свою очередь, подарил свой личный пистолет С. К. Тока в знак дружбы и признательности, а также передал для Тувинской Народно-революционной армии в качестве трофеев немецкие оружия: автоматы, парабеллумы, пулеметы и др.

Вернувшись в Москву, делегация встретилась с партийным и государственным деятелем Е. М. Ярославским и генералом-полковником О. И. Городовиковым.

4 мая 1942 г. С. К. Тока, Мандараа, Саган-оола и М. Б. Артаса второй раз в Кремле принял В. М. Молотов. С. К. Тока попросил снятый советскими киножурналистами документальный фильм, который был не до конца смонтирован, увезти с собой, чтобы «ознакомить тувинский народ» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 70, л. 57), а также выдачи разрешения вывоза трофейного оружия в упрощенном порядке. Все его просьбы были удовлетворены.

Затем делегацию в полном составе принял председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Е. Бадаев. Во время дружеской беседы он огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении С.К. Тока высшей наградой СССР — Орденом Ленина за особо важные заслуги в оказании помощи Красной Армии.

6 мая 1942 г. делегация выехала в Туву из Ярославского вокзала. Провожали В. Г. Деканозов, Латников и др. По приезду домой каждый участник делегации выступил в райцентрах, колхозах и совхозах и одновременно показал киножурнал о поездке делегации ТНР на фронт.

Документы о депутатской деятельности

Документы, связанные с депутатской деятельностью М. Б. Артаса, составляют:

«Документы депутата Тувинской автономной области, Тувинской АССР Артаса М. Б.» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 256. на 25 л.);

«Информация депутата облсовета М. Б. Артаса секретарю исполкома областного Совета депутатов трудящихся Г. Иванову» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 22 на 3 л.).

В них имеются, например, отчет перед избирателями по избирательному округу № 35, где в прениях выступили избиратели с острыми вопросами: не могут оформить пенсию, после объединения двух колхозов («Красное знамя» и им. В. И. Ленина) в совхоз «Барлык» у половины рабочих возникли проблемы с трудоустройством и им предложили добровольно трудоустроиться в совхозе «Уюк» Пий-Хемского района, Ак-Довуракском асбестовом комбинате или в Тандинском районе. Депутат М. Б. Артас просил направить в Барун-Хемчик ответственных лиц, чтобы разобраться на месте и принять необходимые меры (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 22, л. 2).

Кроме этих документов есть вызов на очередную сессию областного Совета депутатов трудящихся за 1961 г., письма в государственные и местные органы самоуправления за подписью секретаря Президиума Верховного Совета Тувинской АССР Г. Иванова с различными просьбами избирателей (например, организация регулярного автобусного движения между населенными пунктами, улучшение организации работы торговых предприятий, упорядочение организации отвода лесосек, строительство интернатов, открытие школ и т.д.), отчеты перед избирателями по Кызыл-Тайгинскому избирательному округу № 51 Дзун-Хемчикского района за 1961–1962 гг. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 256, л. 12–19).

Доклады, выступления

В фонде хранятся тексты выступлений докладов на заседаниях, торжественных собраниях, радио и телепередачах:

- «Доклад начальника управления внутренних дел облисполкома т. Артаса М. Б.» 1958 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 20 на 18 л.);
- «Доклад начальника управления внутренних дел Тувинского облисполкома т. Артаса М. Б.» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 23 на 14 л.);
- «Телекөрүкчүлерге чугаа» («Выступление по телевидению о работе МВД Тувинской АССР») за 1961 г. (на тувинском языке; нет конца, НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 26 на 5 л.);
- «Материал для проведения лекций, бесед, докладов и тематических информационных» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 34 на 23 л.);
- Выступление Артаса М. Б. на слете пионеров в связи с 50-летием пионерской организации им В. И. Ленина за 1968 год (на тувинском языке; НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 35 на 2 л.);

- «Выступление М.Б. Артаса на заседании объединенного Пленума ЦК ВКП(б) за 1968 год» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 36 на 7 л.).

В одном из докладов, посвященных тунеядству, до населения доводится содержание принятого Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Согласно ему, совершеннолетние трудоспособные граждане, которые уклоняются от общественно-полезного труда, извлекают нетрудовые доходы или совершают иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, будут выселяться в специальные отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 23. л. 10). Докладчик дает примеры тунеядства. Например, П. А. Путинцев 1922 г.р., инвалид 3 группы, нигде не работал, но содержит 15 ульев пчел и живет за счет реализации меда. Б.-Т. Д. Тюлуш, 1916 г.р. из Улуг-Хема, в течение 5 лет нигде постоянно не работал, лишь подрабатывал по возможности. Имел 5 детей. Общим собранием поселка его приговорили к выселению сроком на 3 года. Некоторые лица перекочевали в отдаленные места и живут в юртах, имея небольшое количество крупного и мелкого рогатого скота. Они не занимаются общественно-полезным трудом (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 23, л. 3–4).

В докладе «Борьба за здоровый быт — дело всей общественности» он помимо вопроса быта советских людей, который являлся «жизненным делом всей общественности и каждого честного строителя коммунизма» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 20, л. 1), многочисленных цитирований В. И. Ленина и др., привел много примеров бытовых правонарушений.

Например:

«Систематически нарушает покой соседей, издевается над своей семьей, варварски относится к своим детям С. С. Кончыр-оол, работающий шофером в АТК № 2.... Он часто в семье устраивает скандалы, которые заканчиваются, как правило, дебошами. Не раз, доведенная до отчаяния, его жена приходила в милицию в 2–4 часа ночи с просьбой забрать, усмирить дебошира-мужа, который не давал покоя не только семье, но и соседям по квартире» (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 20, л. 5).

Другой пример. Тракторист Чаа-Хольской МТС Испей, член КПСС, систематически пьянствует и на почве этого часто совершает прогулы. Пьянство мешает ему устроить семейный быт. Сейчас он уже 3-й раз женат, причем всех жен он избивал, в результате чего они вынуждены уходить от него. Находясь в общественных местах, Испей допускал хулиганские действия, оскорбляя граждан, за что был осужден на один год исправительно-трудовых работ (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 20, л. 17).

Газетные вырезки

Отдельное место в фонде занимают газеты и ее вырезки, которые датируются с 01.10.1980 г. по 12.12.1991 г. (НА РТ, фп. 357, оп. 1, д. 42 на 93 л.). Всего сохранились 8 наименований газет и 72 вырезок. В большинстве своем они представляют собой публикации М. Б. Артаса, посвященные политическим репрессиям. Некоторые газеты или вырезки представлены в нескольких экземплярах.

№	Наименование газеты	Всего номеров	Номера
1	«Тувинская правда»	6	№ 259 (13280) 10 ноября 1988 г.; № 36 (13657) 13 февраля 1990 г. № 19 (14085) 15 ноября 1991 г.; № 30 (14096) 3 декабря 1991 г.; № 34 (14100) 12 декабря 1991 г.; № 24 (14090) 19 ноября 1991 г. и 5 вырезок без установленных дат;

2	«Шын»	5	№ 105 (12795) 7 мая 1985 г. № 24 (14224) 28 января 1990 г. № 144 (14344) 26 июня 1990 г. № 142 (14642) 15 августа 1991 г.; № 193 (14693) 15 ноября 1991 г. и 67 вырезок без установленных дат;
3	«Деткимче»	2	№ 6 30.10–6.11.1991 г.; № 8 20.11–27.11.1991 г. — 4 экз.
4	«Содействие» (еженедельная депутатская газета)	1	№ 6 9.10–16.10.1991 г.
5	«Молодежь Тувы»	3	№ 14 28 июня 1991 г.; № 8 22 февраля 1991 г.; № 118 (430) 1 октября 1980 г.
6	«Центр Азии»	1	№ 20 16.11–26.11.1991 г.
7	«Тываның аныктары»	1	№ 136 (9893) 15.11.1990 г.
8	«Каргыштыг чылдар» («Мемориал» ниитилелиниң органы)	1	Январь 1991 г.

Другие документы

В категорию «Другие документы» входят три группы документов:

- 1) фотографии,
- 2) удостоверения, членские билеты,
- 3) записные книжки, органайзеры, общие тетради, блокноты и телефонные справочники разных форматов.

К фотографиям относятся не только оригиналы фотографий, а также фотокопии, выполненные в не самом хорошем качестве:

- «Западный фронт, в центре генерал Иванов, от него справа налево С. К. Тока, слева направо Репин, советник ЦК ТНРП, Артас М. Б. 1942 г.» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 1, на 1 л.),
- «Западный фронт. Выступает генерал Иванов, слева направо С. К. Тока, Артас М. Б.» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 2, на 1 л.),
- «Фотография за 1950 год. М. Б. Артас играет в шахматы» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 10, на 1 л.);
- «Фотография за 1980 год. Ветераны войны и труда на демонстрации 1 мая» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 41, на 1 л.) и др.

Удостоверения, членские билеты имеются за разные годы:

- «Удостоверение № 15 за 1947 год» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 2),
- удостоверение члена Тувинского обкома КПСС за 1954 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 13),
- удостоверение № 8 за 1956 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 16),
- удостоверение № КА–102 за 1956 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 17),
- удостоверение № 8 за 1958 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 21),
- удостоверение № 24 за 1965 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 32),
- удостоверение № 241 за 1975 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 39),

- удостоверение № 42 за 1980 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 40),
- удостоверение № 388 за 1981 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 43),
- удостоверение о награждении М. В. Артаса знаком «60 лет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина за 1984 год» (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 48),
- удостоверение № 42 за 1987 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 53).

Членских билетов всего два:

- членский билет В № 018351 за 1954 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 12),
- членский билет № 638873 за 1959 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 25).

Депутатских билетов — 4:

- депутатский билет № 31 за 1953 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 11),
- депутатский билет № 22 за 1957 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 19),
- депутатский билет № 35 за 1959 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 24),
- депутатский билет № 38 за 1961 г. (НА РТ, ф. 357, оп. 1, д. 27).

В объемной папке 65 хранятся записные книжки, органайзеры, общие тетради, блокноты и телефонные справочники разных форматов — 12 шт. Все они пронумерованы. В частности, текст обращения к Ш. Д. Ооржаку на 15 л. (рукопись), воспоминания на 21 л., воспоминание о репрессиях в Туве; о встрече с Жуковым, Г. В. Молотовым; статья в газету «Первые пионеры Тувы» (1982).

В тетрадях, блокнотах имеются различные лекции, конспекты. Блокнотов всего 13 шт. Имеются три телефонных справочника.

В этой же папке имеется книга «TAR kezemse tyrumu» («Уголовный кодекс ТНР») (Кызыл, 1942) на тувинском и русском языках.

Заключение

Личный фонд М. Б. Артаса довольно объемный и был сформирован из документов, сданных членами его семьи. Документы фонда позволяют проследить весь его жизненный путь. Хотя в нем отсутствуют такие материальные документы, как, например, ордена, медали, пагоны и др., тем не менее документы освещают очень важные периоды истории республики.

Из всего массива документов фонда, на наш взгляд, ценными источниками являются его воспоминания о репрессиях в Туве, о С. К. Тока, о вручении первого эшелона подарков тувинской делегацией во время Великой Отечественной войны в 1942 г. и др. Поэтому документы личного фонда М. Б. Артаса представляют интерес не только для его прямых потомков, для исследователей его личной истории, но и в целом для историков, изучающих историю Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байыр-оол, М. С. (2012) Комиссар милиции // Новые исследования Тувы. № 1. С. 82–97.
- Канзай, А. К. (2015) Трагические события // Салчак Тока / отв. ред. К. А. Бичелдей. М. : Слово. 543 с. С. 135–152.
- Кононов, А. Н., Иориш, И. И. (1977) Ленинградский восточный институт. М. : Наука. 136 с.
- Котюшева, Т. Е. (2020) Архивные документы по вопросам переселения хакасов в Урянхайский край в конце XIX — начале XX в. // Новые исследования Тувы. № 2. С. 213–223. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.15
- Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.5

Дата поступления: 08.05.2022 г.

REFERENCES

- Baiyr-ool, M. S. (2012) Komissar militsii [Commissar of militia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 82–97. (In Russ.).
- Kanzai, A. K. (2015) Tragicheskie sobytiia [Tragic events]. In: *Salchak Toka* / ed. by K. A. Bicheldey. Moscow, Slovo. 543 p. Pp. 135–152. (In Russ.).

Kononov, A. N. and Iorish, I. I. (1977) *Leningradskii vostochnyi institute [Leningrad Oriental Institute]*. Moscow, Nauka. 136 p. (In Russ.).

Kotyusheva, T. E. (2020) Arkhivnye dokumenty po voprosam pereseleniia khakasov v Uriankhaiskii krai v kontse XIX — nachale XX v. [Archival documents on Khakas resettlement to Uriankhai Territory in late 19th — early 20th centuries]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 213–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.15>

Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Submission date: 08.05.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.4

Статья

Личный фонд Григория Чоодуевича Ширина в Национальном архиве Республики Тыва

Александра И. Арчимаева

Национальный архив Республики Тыва; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Российская Федерация

В статье представлен анализ документов личного фонда государственного деятеля Тувы советского периода — первого секретаря Тувинского обкома партии (1973–1990), Председателя Великого Хурала (1995–1998), депутата Верховного Хурала Республики Тыва (1998–2002) Григория Чоодуевича Ширина (1934 г. р.). Данный фонд хранится в Национальном архиве Республики Тыва. Документы приняты на хранение 25 декабря 2019 г. от самого фондодержателя.

В личном фонде содержится 120 единиц хранения, в том числе автобиография, документы служебной деятельности, творческие документы, а также другие документы, собранные им самим по интересующим его темам. По документам можно проследить всю трудовую деятельность Г. Ч. Ширина, а также его творческие работы, научные публикации. Официальные справки, программы и пр. позволяют проанализировать развитие народного хозяйства Тувы в этот период.

Личный архив Г. Ч. Ширина может стать одним из важнейших источников исследования советского периода истории Тувы, вопросов ее управления, стратегического развития.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Тыва; личный фонд; Григорий Чоодуевич Ширин; архивный документ; Тува; Тувинская АССР; советский период

Для цитирования:

Арчимаева А. И. Личный фонд Григория Чоодуевича Ширина в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 54–64. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.4>

Арчимаева Александра Иннокентьевна — специалист II категории отдела государственного учета и обеспечения сохранности архивных документов Национального архива Республики Тыва; магистрант Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91; 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (394-22)-5-64-39. Эл. адрес: aleksandra.archimayeva@mail.ru

ARCHIMAEVA, Aleksandra Innokentievna, Second Category Specialist, Department of State Record Keeping and Preservation of Archival Documents, the National Archives of the Republic of Tuva; Master's Student, Institute of History and Law, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation; 92 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-64-39. E-mail: aleksandra.archimayeva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8089-0212

The personal fonds of Grigory Chooduevich Shirshin at the National Archives of the Republic of Tuva

Aleksandra I. Archimaeva

The National Archives of the Republic of Tuva; Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The article presents an analysis of the documents of the personal fonds of a statesman of Tuva in the Soviet period — the first secretary of the Tuvan Regional Party Committee (1973–1990), Chairman of the Great Khural (1995–1998), deputy of the Supreme Khural of the Republic of Tuva (1998–2002) Grigory Chooduevich Shirshin (born in 1934). This fonds is kept in the National Archives of the Republic of Tuva. The documents were accepted for storage on December 25, 2019 from the holder of the archive.

The personal fonds contains 120 items, including an autobiography, documents on official business, creative documents, as well as other records collected by G. Ch. Shirshin himself on topics of interest to him. By using these documents, it is possible to trace all his work activities, as well as his creative works and academic publications. Official letters of verification, programs, etc. allow us to analyze the development of the national economy of Tuva during this period.

The personal archive of G. Ch. Shirshin can become one of the most important sources for research into the Soviet period of the history of Tuva, issues of its management and strategic development.

Keywords: *National Archives of the Republic of Tuva; personal fonds; Grigory Chooduevich Shirshin; archival document; Tuva; Tuvan ASSR; Soviet period*

For citation:

Archimaeva A. I. Lichnyi fond Grigoriia Chooduevicha Shirshina v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Grigory Chooduevich Shirshin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 54-64. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.4>

Введение

В данной статье представлен анализ личного фонда видного государственного деятеля Тувы, первого секретаря Тувинского обкома партии (1973–1990), Председателя Великого Хурала (1995–1998), депутата Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (1998–2002), председателя Комитета по бюджету, налогам и финансам Верховного Хурала (1998–2002) Григория Чоодуевича Ширина (1934 г. р.) в Национальном архиве Республики Тыва. Личный фонд имеет номер № 920 и название «Шишин Григорий Чоодуевич — первый секретарь Тувинского обкома КПСС, депутат Верховного Совета СССР IX–XI созывов». Здесь содержатся автобиография политического деятеля, доклады и публичные выступления, а также его рукописи и статьи.

Г. Ч. Шишин внес вклад и в развитие исторической науки Тувы. Им были опубликованы такие произведения, как «Под знамя Ленина из опыта идейно-политической работы ТНРП по воспитанию трудового братства на идеях ленинизма в 1922–1944 гг.» (1975 г.), «Деятельность ТНРП по воспитанию трудовых аратов на идеях ленинизма в 1922–1944 гг.» (1972 г.), «Очерки истории Тувинской организации КПСС» (1975 г.).

В настоящее время Григорий Чоодуевич находится на заслуженном отдыхе и занимается научной работой. Так, например, он исследовал историю Тувы 1950–1960-х гг. сквозь призму информации, которая содержится в дневниках С. К. Тока (Ширшин, 2017). В 2004 г. была опубликована его книга «Жизнь продолжается. О времени, товарищах и о себе», в которой политический деятель пишет о том, что было сделано, достигнуто на посту партийного руководителя, а также высказывает свое мнение о жизни республики в 1990-х годах XX в.¹ Он также выступает с разными комментариями и оценками современной социально-экономической ситуации в Туве².

Документы в Национальный архив РТ передал сам Г. Ч. Ширшин, они были оформлены актом приема-передачи №1 от 25 декабря 2019 г. После проведения научно-технической обработки дела были приняты на хранение в количестве 120 единиц хранения за 1932–2014 гг.

Опись документов состоит из пяти разделов:

- 1) Биографические документы;
- 2) Документы служебной деятельности;
- 3) Творческие документы;
- 4) Документы, собранные держателем фонда для своих работ и по интересующим его темам;
- 5) Документы, дата которых не установлена.

Поскольку жизнь и деятельность Г. Ч. Ширшина были тесно связаны с важными историческими событиями Тувы, его роль в истории республики существенна (см., напр.: Ламажаа, 2009: 120–125; История Тувы, 2016: 207–208; Москаленко, 2004: 159–179; Харунова, 2011: 94–112), то его личный фонд представляет большой интерес для историков, исследующих советский период истории Тувы.

Представим состав фонда, вводя тем самым его материалы в научный оборот.

Автобиография

Первым делом фонда является его автобиография (НА РТ, оп. 1, д. 1). Документ состоит из трех листов. На первом листе изложена автобиография Г. Ч. Ширшина от руки. В ней автор кратко перечисляет основные годы и этапы своей деятельности. На следующих страницах представлена его биография в печатном виде.

Согласно этому документу, Г. Ч. Ширшин родился 5 августа 1934 г. в селе Нарын Эрзинского района, в семье арата.

Надо сказать, что состав его семьи был описан в известном монографическом труде Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» (Потапов, 1969: 137). Его отца звали Ширшин (он славился как хороший охотник), маму — Ширшине. Нурзет — старший сын, указанный в работе Л. П. Потапова Дорж, средний сын — и есть сам Г. Ч. Ширшин, Кызыл — младший сын, Мыдык — дочь (там же: 137). Имя Дорж Г. Ч. Ширшин получил при рождении. Имя Григорий он получил в школе, так как в классе было шесть учеников по имени Дорж и учителя все время путались (Ширшин, 2004: 12).

Трудовую деятельность начал секретарем народного суда, затем два года работал заведующим организационного отдела райкома комсомола. После демобилизации из рядов советской армии, в 1955 г. в течение двух лет работал учителем Моренской школы в Эрзинском районе. В 1959 г. закончил педагогическое училище, а в 1964 г. — высшую партийную школу при ЦК КПСС в г. Москве. С 1957 по 1967 гг. работал вторым и первым секретарем Эрзинского райкома ВЛКСМ после чего он был избран первым секретарем обкома комсомола.

В 1967 г. и на долгие годы Г. Ч. Ширшин связал свою судьбу с партийной деятельностью. Сначала он был назначен заведующим отдела пропаганды и агитации Тувинского обкома КПСС. В 1972 г. закончил

¹ Ширшин Г. Ч. Жизнь продолжается. О времени, товарищах и о себе. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004.

² Экс-руководитель Тувы Григорий Ширшин оценил значение Индивидуальной программы развития республики [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/politics/42223/ (дата обращения: 12.05.2022); Сразу хочу сказать, как руководитель с большим стажем: критиковать всегда легче, чем работать // ИА «Тува-Онлайн», 2016, 22 апреля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2016/04/22/srazu-hochu-skazat-kak-rukovoditel-s-bolshim-stazhem-kritikovat-vsegda-legche-chem-rabotat-grigoriy-shirshin.html> (дата обращения: 12.05.2022).

Фото 1. Первый секретарь Тувинского обкома КПСС Григорий Ширшин, 1980-е гг.

Фото из личного архива Г. Ч. Ширшина.

Photo 1. First Secretary of the Tuvan Regional Committee of the CPSU Grigory Shirshin, the 1980s.

Photo from the personal archive of G. Ch. Shirshin.

Академию общественных наук при ЦК КПСС по специальности «обществовед-политолог». С июня 1973 по 1990 гг. на протяжении 18 лет возглавлял Тувинский обком партии (фото 1).

Г. Ч. Ширшин — делегат XXV (1976 г.), XXVI (1981 г.), XXVII (1986 г.) и XXVIII (1990 г.) съездов КПСС, был членом ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8–11 созывов (1970, 1974, 1979, 1984 гг.), а также народный депутат Союза СССР двенадцатого созыва (с 1989 г.) и народный депутат Верховного Совета Тувинской АССР первого — третьего (1962–1975), пятого — седьмого созывов (1980–1993). Имеет воинское звание полковника (1982 г.) (Ширшин, 2004: 6).

Стоит также отметить, что Г. Ч. Ширшин является кандидатом исторических наук. Диссертационную работу он защитил в 1972 г. по теме «Деятельность Тувинской Народно-революционной партии по воспитанию трудовых аратов на идеях ленинизма в 1922–1944 гг.»¹. Правда, диплом кандидата исторических наук в личном фонде отсутствует.

В период пребывания его в должности первого секретаря обкома партии в Туве создавались крупные промышленные предприятия, формировались местные кадры инженерно-технической интеллигенции, велось крупномасштабное жилищное строительство, прокладывались новые дороги, открывались новые учебные заведения. С участием центральных научных учреждений, Госплана СССР и Госплана РСФСР, министерств и ведомств проводились крупные научно-практические конференции и совещания по проблемам развития республики.

В биографии говорится о том, что Г. Ч. Ширшин участвовал в развитии дружественных отношений Тувы и Монголии: «Г. Ч. Ширшин в 1992–1996 гг. был советником первого заместителя Председателя Правительства, представителем Президента Республики Тыва по связям с Монголией с правами заместителя Главы Правительства. Находясь на этой должности, прилагал усилия для развития экономических и культурных связей Тувы с Монголией, укрепления пограничного режима в интересах обеих сторон» (НА РТ, ф. 920, д. 1, л. 2).

В марте 1996 г. политик был избран на пост Председателя Великого Хурала (съезда) народа Республики Тыва. На этом посту он внес свои знания и опыт в развитие республики в новых социально-экономических реалиях.

В 1998–2002 гг. работал депутатом Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва, одновременно председателем комитета по бюджету, налогам и финансам Верховного Хурала. В документе говорится, что Г. Ч. Ширшин «непосредственно участвовал в защите бюджетных средств в укреплении финансово-бюджетных основ функционирования республики, обеспечении её насущных потребностей» (НА РТ, ф. 920, д. 1, л. 2)

Г. Ч. Ширшин имеет награды за заслуги перед Советским государством, Коммунистической партией за вклад в социально-экономическое развитие Тувы: награжден орденом Ленина — в связи с 50-летием со дня рождения (1984 г.), «Октябрьской Революции» (1976 г.), орденом «Знака почета» (1966 г.), медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970 г.), «За отличие в охране государственной границы СССР» (1966 г.), «За освоение целинных земель» (1972 г.)

¹ Ширшин Г. Ч. Деятельность Тувинской Народно-революционной партии по воспитанию трудовых аратов на идеях ленинизма в 1922–1944 гг.: дисс. ... к-та ист. н. М., 1972.

(НА РТ, фп. 2, д. 2738, л. 3). За заслуги в развитии и укреплении братской дружбы, сотрудничества Монгольского и Советского народов Г. Ч. Ширшин был награжден медалью «Найрамдал» («Дружба») (1982 г.) (НА РТ, фп. 2, д. 2738, л. 42) а также монгольским орденом «Элдан гадас» («Полярная звезда») (1998 г.) за развитие Советско-Монгольской дружбы. Помимо этого, он был дважды награжден орденом Республики Тыва (2004, 2008 гг.), званием «Почетный гражданин города Кызыла» (НА РТ, ф. 920, д. 1, л. 3).

В начале книги Г. Ч. Ширшина «...Жизнь продолжается. О времени, товарищах и о себе»¹ содержится раздел, посвященный политике, написанный кандидатом исторических наук А. К. Канзай. В данном разделе описана краткая биография Г. Ч. Ширшина. Несмотря на то, что текст автобиографии, который хранится в Национальном архиве РТ, имеет мало отличий от биографии, изложенной в книге, в архивном документе содержится больше информации о достигнутых результатах в развитии народного хозяйства Тувинской АССР за 1973–1990 гг.

Документы служебной деятельности

К документам служебной деятельности относятся 54 единиц хранения. Подавляющее большинство документов данного раздела содержат доклады, тезисы и выступления Г. Ч. Ширшина за 1967–2008 гг., переписка по наказам избирателей за 1963–2001 гг., где изложены их просьбы.

В переписке по наказам избирателей за 1963–2001 гг. видно, что к Г. Ч. Ширшину обращались с разными просьбами: по разрешению жилищного вопроса, по предоставлению пенсии, по вопросам, связанных с репрессированными родственниками, по делам городского и сельского благоустройства, а также строительства городских учреждений.

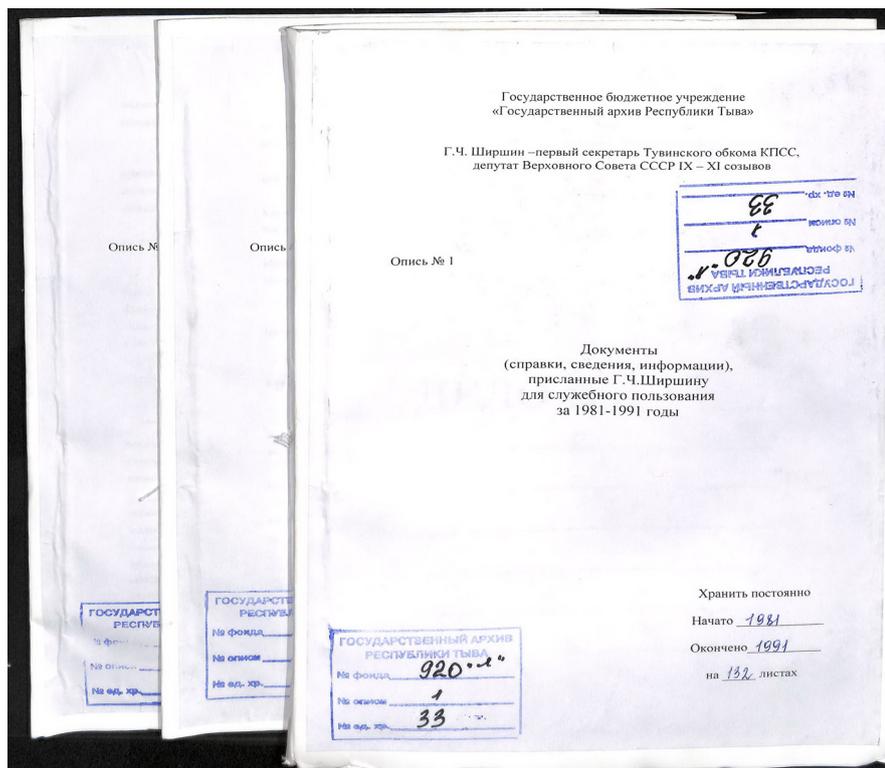
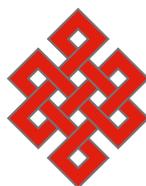

Фото 2. Титульные листы документов личного фонда ФР–920 «Григорий Чоодуевич Ширшин – первый секретарь Тувинского обкома КПСС, депутат Верховного Совета СССР IX–XI созыва».

Photo 2. Title pages of documents from the personal funds ФР–920 “Grigory Chooduevich Shirshin, First Secretary of the Tuva Regional Committee of the CPSU, deputy of the Supreme Council of the USSR, the 9th–11th convocations”.

¹ Ширшин Г. Ч. Жизнь продолжается. О времени, товарищах и о себе. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. С. 3–6.

Большой интерес для исследователей могут представлять доклады Г. Ч. Ширшина. На годы активной политической деятельности Г. Ч. Ширшина приходятся седьмая (1961–1965 гг.), восьмая (1966–1970 гг.), девятая (1971–1975 гг.), десятая (1976–1980 гг.) и одиннадцатая (1981–1985 гг.) пятилетки. В каждом своем докладе, тезисах и выступлениях он дает характеристику развития народного хозяйства в Тувинской АССР в тот или иной период времени. В текстах дан текущий отчет об успехах и выполнении плана в области промышленности, сельского хозяйства, строительства предприятий. Здесь можно увидеть сюжеты о росте национального дохода, повышении народного благосостояния, укреплении материально-технической базы, интенсификации сельского хозяйства, осуществлению планов капитального строительства, росте продажи продовольственных товаров. Важным достижением республики в те годы стало развитие промышленности, представленной горнорудной, энергетической, угольной, лесной и деревообрабатывающей и другими отраслями. Работали десятки современных крупных предприятий, в их числе комбинаты «Тувакобальт» и «Туваасбест» имени В. И. Ленина, угольные разрезы, тепловые электростанции, предприятия стройиндустрии, легкой, пищевой и мясомолочной промышленности (НА РТ, ф. 920, д. 35, л. 8). Г. Ч. Ширшин дает подробный анализ социально-экономического развития по основным показателям экономической деятельности, а также сравнивает их с предыдущими годами.

Из докладов видно, что большое внимание руководство республики уделяло электрификации народного хозяйства. В документах содержатся данные о количестве введенных в эксплуатацию высоковольтных линий электропередачи. Развитие электрификации вызвало перемены в отраслях экономики и жизни населения республики. Тувинская АССР была подключена к единой энергосистеме Сибири. Возросло потребление электроэнергии в промышленности, сельском хозяйстве. Вырос и показатель электрооборуженности рабочих в различных отраслях.

Стоит отметить, что Г. Ч. Ширшин отмечал не только успехи, но и недостатки в работе. Так, например, в своих тезисах от 30 декабря 1974 г. он подчеркивал, что в развитии народного хозяйства основными проблемами стали не освоение капитальных вложений в области строительства и низкие темпы его роста, недостаточное использование основных фондов для повышения эффективности промышленных предприятий, имелись недостатки в работе транспортных предприятий. Также он дает дальнейшие рекомендации в разрешении данной ситуации.

Большое внимание уделялось культурному развитию и образованию советской Тувы. Так в докладе «50-летие СССР и некоторый опыт пропаганды дружбы народов в Тувинской АССР» содержится информация о количестве изданных книг, качестве работы издательств, журналов, газет. Уделялось внимание вопросам дальнейшего совершенствования работы учреждений культуры и искусства. Также Г. Ч. Ширшин отмечает высокий уровень образованности населения Тувы. Учился каждый четвертый человек и на каждые 10 тысяч человек населения приходилось 200 студентов (НА РТ, ф. 920, д. 7, л. 3).

В докладах также перечисляются методы работы агитации и пропаганды среди трудящихся. Видно, что большое внимание уделялось национальной политике в Тувинской АССР. Так, например, в докладе посвященном «К пятидесятилетию СССР и опыт пропаганды дружбы народов в Тувинской АССР за 1972 г.» подчеркивается многонациональный состав республики. В ней проживали представители более 50 национальностей: тувинцы, хакасы, русские, украинцы, белорусы, эстонцы, буряты, татары, башкиры и др. В докладе говорится о том, сколько сил вкладывали местные партийные комитеты в пропаганду интернационального воспитания молодежи. Коммунистическая партия проводила работу по усилению интернационального воспитания трудящихся (НА РТ, ф. 920, д. 7, л. 10).

В «Текстах выступлений в средствах массовой информации за 1972–2008 гг.» содержатся интервью Г. Ч. Ширшина, где он, будучи заведующим отделом пропаганды и агитации обкома партии, отвечал на вопросы по просьбе читателей. В своих докладах он отмечает важность культурного развития (НА РТ, ф. 920, д. 10, л. 1–124).

В документах мы можем найти информацию о планируемых экспедициях на территории Тувинской АССР. Так в выступлениях первого секретаря обкома КПСС Г. Ч. Ширшина на всесоюзной и кызылских, городских партийных конференциях 1973–1990 гг. мы можем узнать о том, что планировались геологические экспедиции по выявлению наиболее перспективных месторождений полезных ископаемых и определению их запасов. Особое внимание уделялось приросту запасов кобальта, асбеста на Саянском месторождении, сырья для цементной промышленности и строитель-

ных материалов. Также уделяется внимание межнациональным отношениям (НА РТ, ф. 920, д. 13, л. 1–30).

В своих выступлениях автор всегда отмечает большую роль Советского Союза и коммунистической партии в развитии республики. Так, на научно-практической конференции в своем докладе «Расцвет экономики и культуры Советской Тувы — торжество Ленинской национальной политики КПСС» за 1984 г. Г. Ч. Ширшин отмечает, что Советское государство выделяло огромные капиталовложения в 1970-е гг. Стоимость основных производственных фондов народного хозяйства республики за последние десять лет (1974–1983 гг.) возросла в 1,9 раза, что в свою очередь позволило Туве участвовать в общесоюзном разделении труда по производству асбеста, кобальта, ртути, мяса, шерсти, продукции охотничье-промыслового хозяйства (НА РТ, ф. 920, д. 35, л. 7).

Из докладов и выступлений Г. Ч. Ширшина мы можем понять, как менялась политика Советского Союза в годы «перестройки». Так, например, в докладе на собрании партийно-хозяйственного актива республики «О мерах по ускорению экономического и социального развития Тувинской АССР» за 1985 г. говорится, что основными направлениями в работе являются перестройка инвестиционной и структурной политики. Стали больше говорить о проблемах социально-экономического развития.

Из последующих документов становится ясно, что происходили изменения не только в экономике, но и политике. В докладе Г. Ч. Ширшина на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза за 1986 г. говорится о перестройке партийной работы, её критике и путях дальнейшего развития (НА РТ, ф. 920, д. 41, л. 1).

В докладе на XXI Тувинской областной партийной конференции «Отчет о работе обкома КПСС и очередные задачи областной партийной организации» за 1988 г. видно, что в соответствии с политическими и экономическими реформами в стране возникают задачи перестраивания стиля и методов партийного руководства, совершенствования работы с кадрами (НА РТ, ф. 920, д. 42, л. 2). В докладе на собрании партийно-хозяйственного актива республики «Задачи партийных, советских, хозяйственных организаций, вытекающих из решений апрельского пленума ЦК КПСС» за 1989 г. говорится об избирательной компании и негативных тенденциях в экономике (НА РТ, ф. 920, д. 43, л. 1).

В программе кандидата в народные депутаты СССР, первого секретаря обкома КПСС Г. Ч. Ширшина за 1989 г. говорится о том, что ведется работа над осуществлением в республике политической реформы, которое заключается в укреплении законодательной, исполнительной и судебной власти (НА РТ, ф. 920, д. 45, л. 1).

В докладах начала 1990-х гг., относящихся к периоду развала Советского Союза и началу периода президентства Б. Н. Ельцина, видно, что политики обеспокоены появлением нестабильности и беспорядка, росте преступности, ослаблением дисциплины. В докладе на научно-практическом совещании «Основные направления социально-экономического развития Республики до 2005 г.» за 1990 г. говорится о том, что стоит задача быстрее завершить разработку концепции территориального хозрасчета и самофинансирования республики. В докладе перечисляются основные проблемы республики. Например, такие как: топливно-энергетическая, теплоэнергетики, проблемы развития горнодобывающей промышленности и другие (НА РТ, ф. 920, д. 48, л. 3).

Таким образом, по документам служебной деятельности Г. Ч. Ширшина можно проследить социально-экономическое развитие советской Тувы.

Творческие документы

К творческим документам относятся 5 ед. хр. В данном разделе находятся рукописи статей «Кууселденин хыналдазын сайзырангайжидар» («Развитие исполнительской дисциплины»), опубликованная в газете «Шын» за 1973 г. (НА РТ, ф. 920, д. 56, л. 1–13), «Солнце над Тувой», опубликованная в газете «Правда» 10 октября в 1974 г. (НА РТ, ф. 920, д. 57, л. 1–11), «В братской семье народов», опубликованная в журнале «Агитатор» в 1974 г. (НА РТ, ф. 920, д. 58, л. 1–27), «Великий октябрь и возрождение тувинского народа» за 1987 г., опубликованный в журнале №10 «Вопросы истории КПСС» (Ширшин, 1987: 14–28) и «Некоторые мысли о развитии межнациональных отношений в Туве» за 1988 г. (НА РТ, ф. 920, д. 60, л. 1–14).

В статье на тему «Некоторые мысли о развитии межнациональных отношений в Туве» Г. Ч. Ширшин попытался проанализировать достижения Тувы в решении проблем между нациями, народностями. Автор отмечает огромную поддержку со стороны российского пролетариата в развитии тувинского народа на пути национального возрождения, социального прогресса. Г. Ч. Ширшин подчеркивает, что всеми успехами в социально-политической, экономической и культурной жизни все труженики Советской Тувы обязаны Коммунистической партии и Советскому государству. В своей статье автор говорит о том, какие мероприятия проводятся в республике по содействию интернационального воспитания среди трудящихся.

В статье «Великий Октябрь и возрождение тувинского народа», посвященной к 70-летию Великого Октября, представлена краткая история Тувы. Автор уделит большое внимание истории революционной борьбы народов Сибири, становления ТНР и развитию Тувинской народно-революционной партии. В статье был дан обзор развития народного хозяйства на социалистических принципах, отмечены особенности коллективизации. Г. Ч. Ширшин отмечал, что Центральный Комитет партии и Советское правительство с первых дней вхождения Тувы в состав СССР делали все для подъема экономики, культуры, повышения жизненного уровня в автономной области. Автор в своей работе не только перечислял достижения в развитии экономики, но обозначил основные направления дальнейшей работы. В статье говорится, что «постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает масштабное развитие всех отраслей народного хозяйства и культуры, укрепление их материально-технической базы, повышение материального благосостояния и культурного уровня населения за счет увеличения строительства объектов жилищно-коммунального хозяйства, культурно-бытового назначения, здравоохранения и осуществления других мероприятий социального назначения» (НА РТ, ф. 920, д. 59, л. 9). Исходя из данной статьи можно увидеть, что XXVII съезд КПСС, январский и июньский Пленумы 1987 г. ЦК КПСС повлияли на цели и задачи перестройки, осуществление революционных изменений в экономической, социальной и духовной жизни общества.

Вышеперечисленные дела были отнесены к разделу творческим документам в связи с тем, что данные статьи были опубликованы в печатных изданиях. Работы Г. Ч. Ширшина показывают его не только как человека любящего свою Родину, но также демонстрируют политика как исследователя и историка.

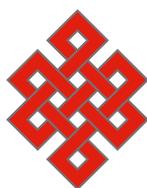
Документы, собранные фондообразователем для своих работ и по интересующим темам

В разделе документов, собранных фондообразователем для своих работ и по интересующим темам, содержатся 50 ед. хр. Это различные сведения, статистические показатели, постановления, планы мероприятий, справки, перечни, протоколы, переписка, расчеты, отчеты, а также планы работ.

Большинство документов содержат статистическую информацию, связанную с деятельностью Г. Ч. Ширшина в течение всей его трудовой жизни. Например, в данных о распространении периодической печати в Тувинской АССР за 1967–1969 гг. содержится подробная информация по каждому изданию и агентствам в Тувинской АССР.

В документах приведены данные по развитию отраслей промышленности и строительства, по различным бюджетным учреждениям, а также по вопросам социального обеспечения.

В документе «Тувинская АССР в двенадцатой пятилетке (основные показатели социального и экономического развития) за 1989 г.» представлена численность населения и трудовых резервов в сравнении с другими годами. Также здесь обнаруживаются статистические показатели для изучения населения: показатели естественного и механического движения. Содержится средняя численность рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства, численность пенсионеров и средний размер назначенных им месячных пенсий по закону о государственных пенсиях, занятость пенсионеров и инвалидов в общественном производстве, движение рабочих и использование рабочего времени в основных отраслях народного хозяйства, оплата труда и доходы населения, среднемесячная зарплата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства. Также даны такие показатели, как обеспечение населения товарами и услугами, продажа отдельных видов производственных и непродовственных товаров, обеспеченность сетью предприятий розничной торговли, объем реализации

платных услуг на одного жителя, объем реализации отдельных видов платных услуг населению, объем реализации бытовых услуг, потребление населением отдельных видов продовольствия, обеспеченность населения жильем, жилищный фонд, газоснабжение городов и поселков городского типа, газификация сельских населенных пунктов. В документе содержатся данные и по развитию народного образования и культуры, здравоохранения, охраны окружающей среды, правонарушениях (НА РТ, ф. 920, д. 82, л. 1).

В деле «О социально-экономическом развитии Тувинской АССР за 1980–1991 гг. (том 1)» также содержатся различные статистические показатели. Например, для характеристики развития сельского хозяйства представлены динамика роста поголовья скота во всех категориях хозяйств, анализ финансового состояния совхоза, показатели экономического и социального развития Тувинской АССР. Для изучения человеческого капитала представлены такие показатели, как численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, трудоспособное население Тувинской АССР и др. (НА РТ, ф. 920, д. 65, л. 1).

В документах «О социально-экономическом развитии Тувинской АССР за 1980–1991 гг. (том 2)» представлены основные показатели капитального строительства жилья и объектов культурно-бытового назначения за три года XII пятилетки в г. Кызыле, данные о фонде заработной платы по всем отраслям народного хозяйства республики, сведения о состоянии доходов и расходов населения Тувинской АССР за 1985–1990 гг. Для изучения населения содержится информация о рождаемости, смертности, детской смертности и естественный прирост населения Тувинской АССР за 1988 г. (НА РТ, ф. 920, д. 66, л. 1).

Из документов можно узнать о том, какие объекты строительства планировались в советской Туве. Например, в документах шефской помощи Тувинской АССР за 1986–1995 гг. содержится справка по освоению капитальных вложений и выполнению плана строительно-монтажных работ за 1986–1988 гг. организациями краев и областей, осуществляющими шефское строительство в Тувинской АССР, протокол совещания по вопросу шефского строительства лабораторного корпуса ТКО Сибирского отделения АН СССР силами Новосибирской области, перечень объектов производственного, социально-культурного назначения и жилых домов, строительство которых намечается осуществить в порядке помощи в 1991–1995 гг. в Тувинской АССР (НА РТ, ф. 920, д. 70, л. 1).

В документах по вопросам строительства нефтепродуктопровода «Минусинск-Кызыл» за 1986–1989 гг. представлены основные технико-экономические показатели и расчеты, обосновывающие целесообразность проектирования и строительства нефтепродуктопровода (НА РТ, ф. 920, д. 71, л. 1).

Деятельность Г. Ч. Ширшина также была связана с функционированием финансово-бюджетной системы республики. В «Справке о результатах проверки исполнения партийного бюджета Тувинской областной парторганизации за 1986 г.» содержится информация об исполнении доходной части партийного бюджета и вопросы уплаты членских партийных взносов, а также информация об исполнении расходной части партийного бюджета, строительстве и капитальном ремонте, о бухгалтерском учете (НА РТ, ф. 920, д. 72, л. 1).

В некоторых документах можно узнать о ходе строительных работ предприятий. Например, в документах по строительству цементного завода в г. Шагонар Тувинской АССР за 1987–1990 гг. представлен протокол совещания по вопросу строительства, справка о ходе его строительства и другие документы (НА РТ, ф. 920, д. 73, л. 1).

В деле «О плане работы по разработке программ по основным вопросам социально-экономического развития республики в XIII пятилетке (1991–1995 гг.)» говорится о том, что ставилась задача разработать концепцию перехода республики на самокупаемость и самофинансирование. Данную проблему необходимо было решить совместно с Сибирским отделением Академии наук (НА РТ, ф. 920, д. 93, л. 1–13).

В личном фонде Г. Ч. Ширшина можно встретить документы, связанные с развитием дружественных отношений Тувы и Монголии. В деле ф–920 д–96 «План Верховного Хурала Республики Тыва с Хуралами приграничных аймаков МНР за 1993–1995 гг.» содержится Протокол о сотрудничестве и взаимодействии Верховного Совета РТ, Великого Государственного Хурала Монголии и Убсунурского аймачного Хурала представителей граждан от 13 июня 1993 г., в котором говорится о том, что стороны

будут развивать и укреплять сотрудничество между представительными органами РТ и Убсунурского аймака в следующих направлениях:

- обмен конституционными, законодательными актами и решениями органов местного самоуправления;
- контроль по защите прав и свобод граждан по пресечению и профилактике правонарушений;
- стажировка и обмен опытом депутатов местных Советов народных депутатов Тувы и Убсунурского аймака (НА РТ, ф. 920, д. 96, л. 1).

В данном документе также содержится список членов делегатов Верховного Совета Республики Тыва, Постановление Верховного Хурала Республики Тыва «Об обращении Верховного Хурала в Организацию Непредставленных Народов и краткая история народа Тыва» (НА РТ, ф. 920, д. 96, л. 5).

В «Документах по итогам визита делегации Правительства Республики Тыва во главе с Президентом Ш. Д. Ооржаком в Монголию за 1995 г.» содержатся тезисы к беседе по вопросам сотрудничества с Монголией и др. тезисы (НА РТ, ф. 920, д. 100, л. 1–14).

В личном фонде Г. Ч. Ширшина также хранятся дела, связанные с деятельностью Коммунистической партией Российской Федерации. В документе «Позиция коммунистов к избранию депутата в Госдуму (декабрь 1991 г.)» содержатся критические замечания и предложения, заявления и другие документы (НА РТ, ф. 920, д. 99, л. 1–95).

В документах по проведению избирательной кампании 2003–2004 гг. содержатся постановления, информация о составе деятельности Тувинского республиканского отделения КПРФ (НА РТ, ф. 920, д. 105, л. 1–29)

В деле «Документы (предвыборная программа, план, обращение) по подготовке и проведению выборов в Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва за 2014 г.» содержатся предвыборная программа Тувинского республиканского отделения политической партии КПРФ на выборах депутатов Верховного Хурала от 14 сентября 2014 г. (НА РТ, ф. 920, д. 110, л. 1–8).

Таким образом, документы, собранные фондообразователем для своих работ и по интересующим его темам, показывают, что Г. Ч. Ширшин занимался не только организацией деятельности народного хозяйства республики, но и анализировал, глубоко вникал в суть проблем. Также данные документы показывают какие проекты планировались и реализовывались в тот период времени.

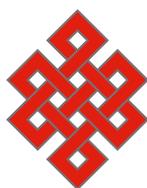
Документы, год которых не установлен

К документам, год которых не установлен, относятся девять ед. хр. (НА РТ, ф. 920, д. 112–120) Данные документы содержат материалы по вопросам строительства железной дороги Курагино-Кызыл, данные первых, вторых секретарей горкомов и райкомов ЦК КПСС Тувинской АССР и других политических деятелей.

В деле «Документы (общие сведения, схемы) о строительстве железной дороги Курагино-Кызыл» содержатся такие данные о проекте, как протяженность дороги, грузооборот, грузопоток, окупаемость, производственный штат, объем земляных работ, количество искусственных сооружений, а также схемы строительства (НА РТ, ф. 920, д. 113, л. 1–3). Можно предположить, что данный документ относится к 1980-м гг.

В деле «Сведения о выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР по Тувинской АССР (без даты)» представлена краткая информация различных кандидатах, в том числе и о Г. Ч. Ширшине. Он был выдвинут в кандидаты народных депутатов СССР по Тувинской АССР от территориального избирательного округа № 391 г. Кызыла, занимая должность первого секретаря ОК КПСС, дата выдвижения — 9–24 января. Его выдвигали 65 коллективов предприятий и организаций, совхозов, школ, медицинских учреждений и сходов граждан. Подробная информация содержится и по другим государственным деятелям (НА РТ, ф. 920, д. 114, л. 1–14). Исходя из биографии Г. Ч. Ширшина и указанной должности в данном документе можно предположить, что дело может относиться к 1989 г.

В документах содержится информация о партийном стаже, образовании, учебном заведении, специальности и ранее занимаемой должности председателя, заместителей председателя Совета Министров Тувинской АССР и Республиканского Комитета народного контроля, на первых и вторых секретарей горкомов и райкомов КПСС Тувинской АССР, заведующих отделами, членов бюро Ту-

винского обкома КПСС, на министров, председателей государственных комитетов и управлений Тувинской АССР, председателей исполкомов Кызылского городского, районных Советов народных депутатов Тувинской АССР (НА РТ, ф. 920, д. 115, 116, 117, 118, 119, 120). Исходя из данных о партийном стаже людей, можно предположить, что документы относятся к концу 1980-х гг.

Заключение

Документы из личного фонда Г. Ч. Ширшина показывают, что жизнь политика была богата событиями. Изучение документов из личного фонда Г. Ч. Ширшина откроет много неизвестных страниц истории советской Тувы.

Данный фонд доступен для исследователей и может широко использоваться. В дальнейшем Г. Ч. Ширшин планирует сдать еще дополнительно документы из своего домашнего архива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История Тувы (1964): в 2 т. / отв. ред. Л. П. Потапов и др. М. : Наука. Т. 2. 455 с.
- История Тувы (2016): в 3 т. / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Наука. Т. 3. 455 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2009) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.
- Москаленко, Н. П. (2004) Этнополитическая история Тувы в XX веке. М. : Наука. 222 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск : Наука. 139 с.
- Ширшин, Г. Ч. (2017) Летопись советской Тувы 1950–1960-х гг. в дневниках Салчака Тока // Новые исследования Тувы. № 4. С. 77–93.

Дата поступления: 01.06.2022 г.

REFERENCES

- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (1964): in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. II / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2009) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions: The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- Moskalenko, N. P. (2004) *Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX veke [Ethnopolitical history of Tuva in the 20th century]*. Moscow, Nauka. 222 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).
- Kharunova, M. M. (2011) *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka [Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century]*. Novosibirsk, Nauka. 135 p. (In Russ.).
- Shirshin, G. Ch. (2017) *Letopis' sovetskoi Tuvy 1950–1960-kh gg. v dnevnikakh Salchaka Toka [A Chronicle of the Soviet Tuva (1950s–1960s) in the Diaries of Salchak Toka]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 77–93.

Submission date: 01.06.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.5

Статья

Личный фонд Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны Торжу и ее семьи в Национальном архиве Республики Тыва

Солангы Ю. Чыргалан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Арат С. Ондар

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется один из личных фондов Национального архива Республики Тыва (НАРТ), посвященный Анне (Таки-Сурун) Намбыраловне Торжу (1911–2006), первому профессиональному фельдшеру Тувы, и членам ее семьи. Фонд был создан в 2005 г. Это один из самых больших личных фондов архива (Ф. Р–788) — более 172 единиц хранения. Представлен состав фонда, документы, которые в нем содержатся и по которым можно исследовать также историю здравоохранения Тувы. Материалы позволяют произвести обзор вековой истории развития Тувы, подготовки национальных кадров для ТНР в 1930-е гг., становление и развитие системы здравоохранения Тувы, массовые политические репрессии, охватившие не только Советский Союз, но и ТНР.

Внутреннее разделение фонда сделано по функционально-хронологической систематизации: 1) документы к биографиям членов семьи Торжу (во многом перекликаются с другими видами документов); 2) документы служебной (профессиональной) деятельности; 3) фотодокументы; 4) печатные издания; 5) имущественно-хозяйственные документы. Также документы делятся по членам семьи на пять отдельных групп документов: 1) А. Н. Торжу; 2) И. И. Торжу, ее супруга; и дочерей 3) Аи Ивановны; 4) Таисии Ивановны; 5) Галины Ивановны. В фонде есть также фотографии: индивидуальные фотографии фондообразователей, групповые (фотографии разных лиц), видовые фотографии. Особый интерес среди фотографий вызывает фотоальбом «110 группа акушерок» 1935 г. Это был первый выпуск монгольско-тувинской группы национальных меньшинств Московского Центрального медтехникума.

Небольшой фонд документов семьи Торжу имеется также в Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Поэтому авторы предлагают создать полные описи документов, их объединение и размещение в едином месте — для удобства пользователей.

Ключевые слова: Тыва; Тувинская Народная Республика; Анна Намбыраловна Торжу; история здравоохранения; история Тувы; личный фонд; Национальный архив Республики Тыва

Для цитирования:

Чыргалан С. Ю., Ондар А. С. Личный фонд Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны Торжу и ее семьи в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 65-75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.5>

Чыргалан Солангы Юрьевна — ведущий специалист отдела истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394) 223-37-66. Эл. адрес: solangy.tchyrgalan@yandex.ru

Ондар Арат Сергеевич — специалист I категории отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (39422) 5-63-15. Эл. адрес: arat.ondar.90@mail.ru

The personal fonds of Anna (Taki-Surun) Nambyralovna Torzhu and her family in the National Archives of the Republic of Tuva

Solangy Yu. Chyrgalan

*Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation,*

Arat S. Ondar

The National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article analyzes one of the personal fonds at the National Archives of the Republic of Tuva (NA RT). It deals with Anna (Taki-Surun) Nambyralovna Torzhu (1911–2006), the first professional paramedic in Tuva, and her family members. The fonds was created in 2005. This is one of the largest private fonds of the Archive (f. P-788). It has more than 172 items. The authors present the composition of the fonds and documents it contains. By researching them, one can also study the history of Tuva's healthcare. The materials allow us to examine the century-old history of Tuva's development, the training of national personnel for the Tuvan People's Republic (TPR) in the 1930s, the formation and development of the Tuvan healthcare system, the wave of mass political repressions that swept over not only the Soviet Union, but also the TPR.

The internal classification of the fonds is made according to the functional and chronological systematization: 1) biographical documents relating to members of the Torzhu family (largely, they are similar to other types of the documents); 2) records regarding official (professional) activity; 3) photographic documents; 4) printed publications; 5) legal and economic documents. Also, the documents are divided into five separate groups by family members: 1) Anna N. Torzhu; 2) Ivan I. Torzhu, her husband; and their daughters 3) Aya Ivanovna; 4) Taisiya Ivanovna; 5) Galina Ivanovna. There are also photos in the fonds: private photos of its creators of the fonds, group (pictures of different persons) and panoramic photos. Among the photographs, the photo album "The 110th Group of Midwives" (1935) is of particular interest. It was the first graduation of a Mongolian and Tuvan group of national minorities at Moscow Central Medical School.

A small collection of documents relating to the Torzhu family is also available in Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Therefore, the authors suggest creating complete inventories of the documents, combining and storing them in a single place for the convenience of users.

Keywords: Tuva; Tuvan People's Republic; Anna Nambyralovna Torzhu; history of healthcare; history of Tuva; personal fonds; National Archives of the Republic of Tuva

For citation:

Chyrgalan S. Yu. and Ondar A. S. Lichnyi fond Anny (Taki-Surun) Nambyralovny Torzhu i ee sem'i v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Anna (Taki-Surun) Nambyralovna Torzhu and her family in the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 65-75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.5>

CHYRGALAN, Solangy Yurievna, Leading Specialist, Department of History, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 223-37-66. E-mail: solangy.tchyrgalan@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4067-120X

ONDAR, Arat Sergeevich, First Category Specialist, Department for Application and Publication of Documents, the National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 5-63-15. E-mail: arat.ondar.90@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5842-619X

Введение

Фонды Национального архива Республики Тыва (НА РТ) являются уникальным хранилищем историко-документального наследия Тувы. В том числе особый интерес в нем представляют документы личных фондов. Они не только раскрывают историю жизни одного человека, но также той сферы, в которой он трудился. Один из таких интересных фондов посвящен Анне (Таки-Сурун) Намбыраловне Торжу (1911–2006), первому профессиональному фельдшеру Тувы, которая окончила в 1933 г. Московский медицинский техникум.

О ней, как об одной из первых тувинков, получивших специальное образование и плодотворно работавшей на разных участках государственного, хозяйственного и культурного строительства, упоминает исследователь женского движения в Туве Г. А. Забелина (Забелина, 2010: 59). В 1933 г. в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока (КУТВ) состоялась встреча студентов, в том числе и А. Торжу, с писателем Максимом Горьким. Интересно то, что воспоминания об этой встрече сохранились не только у самих студентов, но и М. Горького. И написал он в своих мемуарах именно об Анне:

«Я вчера был в Коммунистическом университете трудящихся Востока. ... Вышла там тувинская женщина, у которой ноги крепче телеграфного столба; она чорт (так у М. Горького. — прим. автора) знает сколько лет на этих ногах простоят. ... Она политически организованный человек, который распоряжается русским языком довольно свободно, умеет даже этикие колкие словечки вдвинуть в свою речь» (цит. по: Харунов, 2009: 105).

Ее имя отмечено во втором томе истории Тувы (История Тувы, 2007: 251). А. Н. Торжу была посвящена статья М. О. Дыртык-оол¹.

Много было посвящено статей об Анне Намбыраловне в периодической печати. В 1988 г. в газете «Молодежь Тувы» было напечатано интервью Т. Жимбуевой с А. Н. Торжу². В 2011 г. в честь 90-летия Тувинской Народной Республики в газете «Шын» вышла статья дочери А. Н. Торжу Аи Торжу на тувинском языке «Оорушкуну, мунгаралды-даа корген»³, в которой автор рассказывает о судьбе матери. В том же номере газеты о нашей героине была опубликована статья журналистки С. Данзын-оол «Буянныг огбелер»⁴.

В 2004 г. вышла книга «Заслуженные люди Тувы XX века», являющаяся Государственной книгой Республики Тыва, внесение в которого приравнивается к государственной награде. В список Заслуженных людей XX века по праву вошла Анна Намбыраловна⁵.

В 2011 г. отмечался 100-летний юбилей со дня рождения А. Н. Торжу⁶.

Фонд А. Н. Торжу в Национальном архиве Тувы является одним из больших личных фондов архива⁷ (Ф. Р-788), в котором хранится более 172 единиц хранения. Это документы семьи Торжу: Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны; ее супруга Ивана Ивандавича Торжу (Монгуш Торжу Ыймаандай оглу), выпускника Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), директора кожзавода, затем — лесозавода; дочерей Таисии, Аи, Галины, соответственно — учителя, врача-хирурга и первой

¹ Дыртык-оол М. О. Первая акушерка-тувинка Анна Торжу (История формирования персональной коллекции в музее) // Современные научные исследования и разработки. 2018, т. 2, № 11. С. 251–253.

² Жимбуева Т. Воспоминания накануне праздника. // Молодежь Тувы. 1988, 8 марта, № 30 (1590). С. 3.

³ Торжу А. Оорушкуну, мунгаралды-даа корген: [эң баштайгы фельдшер Таки-Сурун Н. Т. дугайында] // Шын. 2011, Март 12, № 26. С. 10.

⁴ Данзын-оол С. Буянныг огбелер: [ТАР-нын 90 чылынга Анна (Таки-Сурун) Намбыраловна Торжунун огбулезинин дугайында] // Шын. 2011, Март 12, № 26. С. 10.

⁵ Анна (Таки-Сюрюн) Намбыраловна Торжу // Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл, 2004. С. 218.

⁶ 100 лет со дня рождения первого профессионального фельдшера Тувы Таки-Сурун Торжу [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 8 марта. URL: <https://bashky.ru/news/k-100-letiyu-tnr-oni-byli-pervymi/> (дата обращения 14.11.2021).

⁷ Ему уступают фонды И. В. Бакурова (1900–1975) и В. И. Бакурова (1925–1944), отца и сына, участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., насчитывающие 120 единиц хранения (НА РТ, ф. 703), фонд материалов о репрессиях в Туве за 1920–1950-е гг. — 105 ед. хранения (НА РТ, ф. 689), фонд А. Ш. Баир-оола (1904–1984), видного деятеля государственных органов ТНР — 89 единиц хранения (НА РТ, ф. 542).

женщины тувинки с высшим образованием по специальности «Инженер связи». Среди материалов представлены семейные фотографии, материалы периодической печати, воспоминания.

В статье представлен состав фонда, документы, которые в нем содержатся, и по которым можно исследовать также историю здравоохранения Тувы. Материалы позволяют произвести обзор вековой истории развития Тувы, подготовки национальных кадров для ТНР в 1930-е гг., становление и развитие системы здравоохранения Тувы, массовые политические репрессии, охватившие не только Советский Союз, но и ТНР.

Общие сведения о фонде

Личные фонды и коллекции Национального архива РТ были сформированы в 1950-х гг., когда архив стал пополняться первыми комплектами документов личного происхождения (Чамзо, 2020: 76). Таких фондов в НА РТ на сегодня насчитывается 63 фонда (4556 ед. хранения) (там же: 75).

Фонд А. Н. Торжу был создан в 2005 г., когда Ая Ивановна Торжу, дочь А. Н. Торжу, передала на постоянное хранение в НА РТ значительную часть семейного архива. На основании договора дарения и акта приема-передачи, утвержденной экспертно-проверочной методической комиссией (ЭПМК) Государственной архивной службы РТ от 15 ноября 2005 г. и 3 марта 2006 г. было передано 164 единиц хранения. Акт был составлен Р. Н. Базыр, ведущим специалистом отдела информации, использования и публикации документов, Н. И. Сургутской, заведующей отделом учета НА РТ (НА РТ, ф. 788, оп. 1, лл. 1–19). Летом 2015 г. фонд был дополнен документами, переданными также Аей Ивановной начальнику отдела государственного учета и обеспечения сохранности архивных документов Д. У. Чамзо (НА РТ, ф. 788, оп. 1, лл. 20, 21). Архив пополнился медицинскими изданиями, автором которых является сама А. И. Торжу.

Каждая из единиц хранится в отдельной папке и конверте, все они имеют разную сохранность и полноту. Сведения о поступлении, составе, количестве и состоянии дел фонда личного происхождения Р-788 зафиксированы в имеющихся учетных документах: книге учета поступлений, списках фондов, описи дел и документов, деле фонда, паспорте архива. Основную информацию о хранящихся документах в архивном фонде Р-788 «Документы семьи Торжу Анны Намбыраловны (Кыргыз Таки-Сурун Намбыраловна) — отличника здравоохранения Республики Тыва, одной из первых акушерок Тувы» можно найти в «Путеводителе по фондам Государственного архива Республики Тыва»¹.

Работниками архива была выполнена работа по правовым, организационным и методическим аспектам комплектования фонда согласно Федеральному закону от 22 октября 2004 г. №-125 ФЗ «Об архивном деле Российской Федерации» и Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях.

Мы же постарались провести систематический анализ фонда.

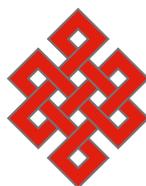
Если проделать внутреннее разделение фонда по функционально-хронологической систематизации, то можно распознать такие видовые многообразия документов как:

- 1) документы к биографиям членов семьи Торжу (во многом перекликается с другими видами документов);
- 2) документы служебной (профессиональной) деятельности;
- 3) фотодокументы;
- 4) печатные издания;
- 5) имущественно-хозяйственные документы.

Фонд состоит из документов семьи Торжу, которых можно классифицировать по членам семьи на пять отдельных групп документов:

- 1) Анны Намбыраловны (57 ед. хр.);
- 2) Ивана Ивандаевича (81 ед. хр.);
- 3) Аи Ивановны (15 ед. хр.);

¹ Путеводитель по фондам Государственного архива Республики Тыва. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирское книжное изд-во, 2012. С. 335–337.

- 4) Таисии Ивановны (3 ед. хр.);
- 5) Галины Ивановны (8 ед. хр.).

Обширной группой документов являются документы Ивана Ивандаевича, насчитывающие 81 ед. хранения. Особенность этих единиц хранения — преобладание документов к биографии (47%), трудовой деятельности (29%). Также фонд богат фотодокументами (20%), печатными изданиями (3%). Содержит оригиналы личных документов, передающих достоверную информацию. Среди наиболее значимых — свидетельство о рождении (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 83, л. 1), трудовая книжка (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 89, лл. 1–19), справка-подтверждение, свидетельствующая о том, что И. И. Торжу действительно с 1931 по 1936 гг. обучался в КУТВ им. И. В. Сталина (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 101, л. 1), удостоверение об окончании Городской двухгодичной экономической школы при Кызылском горкоме КПСС (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 112, л. 1), свидетельство о смерти И. И. Торжу (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 130, л. 1), фотографии Ивана Ивандаевича. 84% документов группы составляют оригиналы документов, 16% — копии.

Второй по объему является группа документов Анны Намбыраловны — 57 ед. хранения. 58% из них документы, раскрывающие биографию. Отдельно хотелось бы отметить некоторые документы: рукопись биографии (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1), свидетельство о браке 1935 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 5), свидетельство о рождении (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 11), военный билет А. Н. Торжу (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 17). В группе документов Анны Намбыраловны только 7% относятся к копиям, что увеличивает их ценность. Группа документов героини богата фотодокументами (18%), документами служебной деятельности (11%), имущественно-хозяйственными документами (11%), переписками (2%).

Фотографии фонда семьи Торжу хранятся как отдельные единицы хранения и включены в систематизацию по отдельным лицам, но, тем не менее, их необходимо классифицировать.

Систематизацию фотографий внутри фонда можно проделать по жанрам: 1) индивидуальные фотографии фондообразователей; 2) групповые (фотографии разных лиц); 3) видовые фотографии. В фотографиях семьи Торжу отражены студенческие годы, годы служения ТНР, прочные семейные узы, дружеские отношения. Дело 2 фонда Р-788 хранит фотографию А. Н. Торжу, запечатленную в 1934 г. в Москве. Студентка медицинского техникума Таки-Сурун представлена с короткой стрижкой в костюме и галстуке, с закрепленным значком Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 2, л. 1).

Также в данную группу фотодокументов А. Н. Торжу можно включить индивидуальную фотографию однокурсницы Оюн Чыртакай, сделанную также в 1934 г. в Москве (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 3, л. 1). Среди материалов имеются индивидуальные фотографии: И. И. Торжу, студента КУТВ (1933 г.) (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 60, л. 1); первой дочери А. Н. Торжу — Кара-Кыс, умершей в возрасте 3 лет (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 52) в 1936 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 7, л. 1); врача-анестезиолога А. И. Торжу во время операции (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 147, л. 1); главного инженера городского узла связи Г. И. Насюрюн (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 163, л. 1).

Особый интерес среди фотографий вызывает дело 6 — фотоальбом «110 группа акушерок» (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 6, л. 1). Это был первый выпуск монгольско-тувинской группы национальных мень-

*Фото 1. А. Н. Торжу. Москва, 1934 г.
(НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 2, л. 1).*

*Photo 1. Anna N. Torzhu. Moscow, 1934
(NA RT, f. 788, inventory list 1, case record 2, list 1).*

Фото 2. А. Н. Торжу (в центре) в кругу внуков и правнуков, 1995 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 41, л. 2).

Photo 2. Anna N. Torzhu (in the center) among grandchildren and great-grandchildren

(NA RT, f. 788, inventory list 1, case record 41, list 2).

шинств Московского Центрального медтехникума. Фотосессия у одноклассников и преподавателей состоялась 28 июня 1935 г.

Отдельно можно сгруппировать семейные фотографии: А. Н. Торжу с внуками (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 1), правнуками (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 41, л. 1), И. И. Торжу с племянником (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 115, л. 1), семья Насюрюн — Галина Ивановна, муж врач-ортопед Валерий Петрович, дети Урана и Аяна (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 161, л. 1).

Отдельной группой можно выделить документы дочерей А. Н. и И. Торжу — Таисии, Аи, Галины — 21% объема фонда. От общего числа документов фонда группа документов старшей дочери Таисии Ивановны составляет 1,74%, относящиеся к документам биографии. Большим разнообразием обладают документы Аи Ивановны (13,95%), среди которых преобладают печатные издания (45%). Книги написаны на тувинском языке и обладают большой ценностью, так как изданы были маленькими тиражами.

Представляем список данных изданий А. И. Торжу:

1. Улуг назылыгларга. Эмчинин сумелери [Рекомендации врача для пожилых]. Кызыл, 2010. 198 с. (100 экз.);
2. Ижин-шойундулер аарыглары. Эмчинин сумелери [Болезни желудочно-кишечного тракта. Советы врача]. Кызыл, 2012. 335 с. (100 экз.);
3. Эмчинин сумези [О витаминах и минералах. Советы врача]. Кызыл, 2012. 39 с. (50 экз.);
4. Кара бууректер-биле сыный аарыглары. Эмчинин сумелери [Заболевания почек и мочевого пузыря. Советы врача]. Кызыл, 2013. 109 с. (50 экз.);
5. Тыныш органнарынын аарыглары. Эмчинин сумелери. [Заболевания дыхательных органов]. Кызыл, 2014. 130 с. (100 экз.);

6. Эр улуска эмчинин сумелери [Советы врача мужчинам]. Кызыл, 2014. 166 с. (100 экз.);

7. Чурек-биле дамырлар аарыглары. Эмчинин сумелери [Болезни сердца и сосудов]. Кызыл, 2015. 199 с. (50 экз.);

8. Газета «АВА» (21 ноября 2013 г. — 25 июня 2015 г.), всего 21 выпуск. В первом выпуске от 21 ноября 2013 г. содержится статья Аи Ивановны «Солуннун бир дугаар деткикчизи болдум» [Стала первой, кто оказал поддержку газете], где автор пишет о том, как решилась на спонсорскую помощь в ее издании, придавая особое значение, так как посчитала данную газету полезной для тувинских женщин-матерей. В дальнейшем вероятно выпуски журнала доставлялись А. И. Торжу в знак благодарности.

Группа документов Галины Ивановны составляет 4,65%, в ней представлены документы к биографии, служебной деятельности, фотодокументы и печатные издания.

Фонд семьи Торжу имеется также в Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Насчитывает 141 ед. хр. По внутримузеевской классификации коллекция распределена на фонды: «Декоративно-прикладное искусство», «Документально-письменные источники», «Этнография. Ткань. Кожа», «Живопись. Графика», «Нумизматика». Летом 1980 г. музеем были закуплены 24 грамоты и благодарственных писем от Анны Намбыраловны (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 7634-14). Грамоты разных годов были получены А. Н. Торжу «за добросовестный труд, активную общественную деятельность, многолетнюю плодотворную работу, за систематическое перевыполнение производственных норм, за честное отношение к труду, укрепление трудовой дисциплины и т. д.». Хотелось бы отметить грамоты периода Тувинской Народной Республики 1937 и 1938 гг. (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 7634/7, 15, 16).

В июле 2008 г. Аей Ивановной были переданы в дар 80 предметов. 45 предметов были отобраны в основной фонд, 35 относятся к вспомогательному фонду (НМ РТ, ф. «ДПИ» КП 11262/4-45, НВ 1673/1-35). Среди наиболее значимых: 1) ордена, медали и значки А. Н. Торжу; 2) портрет героини, хранящийся в фонде «Живопись. Графика»; 3) личные вещи; 4) фотокопии из семейного архива.

В 2011 г. в музее прошел вечер-памяти с выставкой, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Торжу, в результате чего коллекция музея также пополнилась 37 экспонатами (НМ РТ, КП 11402/1-2, НВ 1796/1-35). На этот раз музей пополнился копиями: документов (12 ед.), фотографий семьи Торжу (23 ед.) и книг (2 ед.)

В количественном отношении фонд семьи Торжу в НА РТ является обширнее музейной коллекции. На 87% фонд здесь состоит из оригиналов документов, классифицированных нами по разным видам. Уникальность фонда также заключается в том, что большинство документов относится к периоду Тувинской Народной Республики, Советской Тувы. Коллекция в музее представляет большую ценность в первую очередь тем, что в ней хранятся предметы особого значения: «Орден Трудового Красного Знамени» Анны Намбыраловны, являющийся общегражданской наградой, врученный за трудовые заслуги; «Орден Труда ТНР» — высшая награда Республики, изготовленный по заказу Правительства ТНР в 200 экз. Ценность представляют и личные вещи семьи.

Биография А. Н. Торжу и развитие системы здравоохранения Тувы

Документы фонда позволяют восстановить вехи биографии Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны Торжу, дополнить имеющиеся уже в публикациях сведения о ней.

Она является одной из известных личностей Тувы, представителем первого поколения интеллигенции. Ее жизненный путь переплетается с важными событиями истории родного края, связан с политическими реалиями, становлением системы здравоохранения, соприкасается с судьбами многих известных людей, внесшими также вклад в развитие Тувы.

Торжу Анна (Таки-Сурун) Намбыраловна родилась 8 марта 1911 г. в местечке Аргалыкты сумона Хендерге Улуг-Хемского кожууна (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 15, л. 1) в многодетной аратской семье вторым ребенком (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 1). Замена имени Таки-Сурун на русское имя Анна произошла в период введения паспортизации, после вхождения Тувы в состав СССР (в 1944 г.) (Ламажаа, 2021: 9–13). Ее имя оказалось длинным и не поместилось в строку. Регистратор предложил имя «Анна». По словам героини, она очень любила данное матерью имя «Таки-Сурун», но ей пришлось согласиться. 1 ноября 1945 г. она получила паспорт с новым именем (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 82).

Отец ее — Кыргыз Намбырал Шойдар оглу (Намбырал-Хелин) был настоятелем Хендергейского хурээ, получившим образование в Тибете. Известно, что он погиб при переходе реки Улангом в Мон-

голии во время национально-освободительного движения тувинского народа в 1911–1912 гг. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 1). Мать — Кыргыз Севилбаа Адыг-Тулушевна, 1882 г. р. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 8), уроженка сумона Эъжим Улуг-Хемского кожууна. У нее было четверо детей: Сунгарап (1908 г.р.), Таки-Сурун (1911 г.р.), Дажима (1914 г.р.), Комбу (1924 г.р.) (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 3).

После образования Тувинской Народной Республики, в 1920–1930-х гг. в Туве начались социальные преобразования, охватившие всю республику. Декретом Правительства ТНР от 28 июня 1930 г. была введена национальная письменность, были изданы первые учебники по тувинской письменности. Несмотря на ряд организационных проблем, стоящих перед властью, начали открываться школы, встал вопрос о подготовке квалифицированных кадров.

В 1923 г., когда Таки-Сурун было всего 12 лет, она стала курьером-почтальоном между Хендерге и Чааты. Развозя корреспонденцию, с большим интересом она рассматривала листы, исписанные латинскими и монгольскими шрифтами. Позже вместе с другими молодыми людьми из разных сел, Таки-Сурун обучалась грамоте в с. Чааты-Аксы, потом в Хем-Белдир (одно из прежних названий г. Кызыла)¹.

В 1930 г. она была отобрана для учебы в Московском государственном медицинском техникуме имени Клары Цеткин (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 17, л. 1), основанном по распоряжению Народного комитета здравоохранения СССР в середине 1920-х гг. Из Тувы в него были отправлены 5 девушек: Тулуш Серенмаа Чамзырановна, Кыргыз Таки-Сурун Намбыраловна, Тактан Хууракпан Черлик-ооловна, Оюн Чыртакай Чамьяновна, Монгуш Сарыг-Тараа Деликовна (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 6, л. 1). Закончили техникум четыре из них. Решением Государственной Квалификационной комиссии от 15 июля 1935 г. Таки-Сурун вместе с тремя тувинками получила специализацию фельдшера-акушера (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 17, л. 1).

С будущим мужем Монгушем (Иваном Ивандаевичем) Доржу Таки-Сурун познакомилась, обучаясь в Москве. Поженились они 13 июня 1935 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 5, л. 1). По новой системе именования граждан, (Ф.И.О.), введенной в 1944 г., имя Доржу стало фамилией (опечатка буквы «Д» на «Т»), новое имя и отчество — Иван Ивандаевич (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 82–83).

С 1930 по 1941 гг. здравоохранительные функции в ТНР осуществляло министерство по культурным делам. Как самостоятельная отрасль в структуре Совета Министров Министерство здравоохранения было создано в 1941 г. В управление нового ведомства перешли лечебные дела, санитарные, научно-исследовательские учреждения, курорты, санатории, аптеки².

Начало трудовой деятельности Таки-Сурун было связано с больницей г. Кызыла им. С.К. Тока. Одноэтажное здание располагалось у берега Енисея (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 48). На работу молодого специалиста принял главный врач Иван Васильевич Гриновецкий. По воспоминаниям Таки-Сурун, в больнице также работали врачи-терапевты: Шампуров, Гарнус, жена И. В. Гриновецкого; отоларинголог Первуховский, хирург Комаров³ (там же: 60–61). В этих стенах Таки-Сурун, прекрасно освоившая технику обезболивания родов, стала одной из лучших акушерок ТНР (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 17, л. 1).

С 1935 г. до 1956 г. в течение 21 года (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 52, л. 1) (за исключением направлений в Бай-Хаак (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 9, л. 1) и Чадаан) А. Н. Торжу проработала акушеркой при больнице г. Кызыла. В 1941 г. когда Ивана Ивандаевича назначили на должность председателем районной потребительской кооперации Тувинценкоопа, семья переехала в с. Бай-Хаак. С 1941 по 1943 гг. А. Н. Торжу работала акушеркой Тандынской районной больницы (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 9, л. 1), с 1956 г. — акушеркой женской консультации родильного дома г. Кызыла.

Анна Намбыраловна работала и общалась со многими специалистами, отправленными для работы из СССР в ТНР. Это сменивший И. В. Гриновецкого Евгений Павлович Поляков, врач-гинеколог Владимир Самсонович Соскавец, медицинская сестра Марта Андреевна Дубовская (НА РТ, ф. 788,

¹ 100 лет со дня рождения первого профессионального фельдшера Тувы Таки-Сурун Торжу [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 8 марта. URL: <https://bashky.ru/news/k-100-letiyu-tnr-oni-byli-pervymi/> (дата обращения 14.11.2021).

² Министерство здравоохранения Тувы. 75 лет по пути развития / отв. ред. К. К. Монгуш. Красноярск: ООО «Абрис», 2016. С. 10.

³ В документе не у всех указаны полные данные.

оп. 1, д. 155, л. 52–53), акушерки Екатерина Мартемьянова, Анна Тырышкина, Валентина Топоева и мн. другие (там же: 71).

В июле 1946 г. она сдала выпускные экзамены по курсам медицинских сестер Красного Креста и Красного Полумесяца СССР при Обкоме Красного Креста в г. Кызыле с присвоением звания медицинской сестры запаса с правом работы в военно-лечебных учреждениях в военное время (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 16, л. 1). В 1947 г. вступила в ряды Коммунистической партии СССР (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, л. 2).

Несколько слов о ее супруге. Торжу Иван Ивандаевич (Монгуш Доржу Ымаандай оглу) родился 23 октября 1906 г. в семье Монгуша Ивандая Маныевича и Ондар Самбыга, уроженцев Барыын-Хемчикского кожууна (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 83, л. 2).

В 1931 г. был отправлен для учебы в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина, который успешно окончил через четыре года (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 101, л. 1). В 1937–1938 гг. работал завхозом (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 65, л. 1), заместителем министра животноводства и земледелия ТНР (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 64, л. 1). 1939 г. работал следователем Государственной прокуратуры ТНР (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 66, л. 1). 1940–1943 гг. — переводчик, заведующий резервов, ответственный по работе с кадрами, председатель Тандынского кожоопа, председатель профкома в Правлении Тувинскокоопа (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 67, лл. 1, 2). В январе 1943 г. был назначен директором Кожевенного завода, несколько раз был премирован за выполнение военного заказа, государственного плана (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 73, л. 1). В 1945 г. Торжу становится начальником отдела районной промышленности Облмеспрома, 1946–1948 гг. — заведующий отдела промышленности и транспорта редакции газеты «Шын», 1948 г. по указанию Обкома ВКП (б) был переведен на должность директора торгово-кооперативной школы при Тувоблпотребсоюзе (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 70, лл. 3, 4). С 1950 по 1967 гг. вплоть до ухода на заслуженный отдых занимал разные должности при Тувоблпотребсоюзе.

С именами супружеской пары Торжу связано становление и развитие здравоохранения, отраслей сельского хозяйства, легкой промышленности, строительства в Туве. Анна Намбыраловна и Иван Ивандаевич были свидетелями многих исторических событий, их участниками. А. Н. Торжу была участником первого съезда медицинских работников ТНР в 1935 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 8, л. 1). В тяжелые военные годы Анна Намбыраловна была в составе комиссии по обследованию призывников, Иван Ивандаевич был директором кожзавода (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 70, лл. 5, 6). Предприятие работало безостановочно. Шили полушубки, хромовые сапоги, валенки, спальные мешки, варежки. Продукция предприятия отправлялась на фронт.

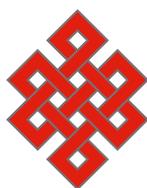
Молодую семью не обошли и политические репрессии в ТНР. В газете «Хостуг арат» № 88 (241) от 29 декабря 1939 г. вышла статья на тувинском языке об А. Н. Торжу. Автор под псевдонимом «Угун-Билер» (букв. 'Знающий родословную') писал:

«Таки-Сурун — уроженка с. Хендерге Улуг-Хемского кожууна, в настоящее время работает в одном из больниц г. Кызыла. Ее отец Намбырал-лама — сын Шойдара, бывшего камбы-ламы хурээ Хендерге. Среди “этих Шойдаров” нет ни одного выходца из аратов. Все они, Демчи-Соржу, Бегзи-Демичи, Намбырал-хелин, Домбай-Хаа — феодал-теократы, “контрреволюционеры-эксплуататоры”. Хемчик-оол¹, Дашпаа² являются ее зятьями. С семьей Хемчик-оола Таки-Сурун и ее муж имели дружеские отношения, ходили друг другу в гости. Дочери Дашпаа во время судебных разбирательств по делу “группы контрреволюционеров” проживали в семье Торжу» (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 56–57).

За факт близкого родства с «контр»-обвиняемыми Хемчик-оолом и Дашпаа Таки-Сурун была заподозрена и отнесена к разряду ненадежных. Из-за нехватки медицинских кадров Таки-Сурун не уволили с работы, но установили тотальный контроль над каждым ее шагом. Когда выходила из дома, должна была оставлять на двери записку о своем местонахождении. Также по воспоминаниям А. Н. Торжу известно, что в течение месяца, когда муж остался без работы, семье пришлось жить в курятнике, в котором было холодно и сыро, несмотря на то, что топили печь. Потом они отремонтировали заброшенный дом по ул. Щетинкина (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, л. 58).

¹ Адыг-Тюлюш Хемчик-оол Олдукай оглу (1893–1938) — государственный и политический деятель Тувинской Народной Республики, председатель Совета Министров ТНР (1928–1929), редактор газеты «Шын» (1930–1933), председатель Президиума малого Хурала ТНР (1933–1938).

² Дашпаа — феодал, которого обвиняли в контрреволюционной деятельности в 1930-х гг. Отсутствует в списке репрессированных.

Супруги Торжу являются образцовыми родителями. В 1937 г. родилась их старшая дочь Таисия, в 1939 г. — Ая, 1942 г. — Галя (НА РТ, ф. 788, оп. 1, л. 2). Таисия Ивановна окончила Кызылский государственный педагогический институт, всю жизнь посвятила школе и детям. Ая Ивановна получила диплом Красноярского медицинского института, стала врачом-хирургом, анестезиологом. Галина Ивановна окончила Новосибирский электротехнический институт связи по специальности «инженер-связи», дослужилась до начальника Управления федеральной почтовой связи (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, лл. 3, 4).

Анна Намбыраловна Торжу — обладатель многочисленных наград, среди которых: Орден Труда ТНР (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\35); медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\43); нагрудной знак «Отличник здравоохранения» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\44); Орден Трудового Красного Знамени (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\38); нагрудной знак «Заслуженный работник здравоохранения Республики Тыва» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\40); юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\37); «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\36); «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\42); значки «30 лет Советской Туве» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\39); «40 лет Советской Туве» (НМ РТ, ф. «ДПИ», КП 11262\41). В 1994 г. ей было присвоено звание «Почетный гражданин г. Кызыла» (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 1, лл. 3, 4).

Изучение фонда семьи Торжу НА РТ позволило нам ответить на ряд вопросов, ответы на которых не имеются в других хранилищах. Например, дело 155 хранит книгу на тувинском языке, написанную А. И. Торжу на тувинском языке «Авамнын чугаалары»¹ («Рассказы матери»), опубликованную в 2004 г. (НА РТ, ф. 788, оп. 1, д. 155, 80 л.), где А. И. Торжу делиться воспоминаниями. Изучив фонд, мы смогли ответить на ряд вопросов: 1) когда и как были изменены личные данные А. И. и И. Торжу; 2) о странице из жизни, связанной с политическими репрессиями; 3) о современниках, с кем герои создавали на благо Тувы. В целом, фонд НА РТ дает более точные сведения в сравнении с опубликованными ранее источниками. Уникальность фонда архива связано также с наличием в нем архива документов главы семьи И. И. Торжу (49,39% от общего количества ед. хранения).

Заключение

Мы рассмотрели архивы семьи Торжу в государственных учреждениях — Национального архива и Национального музея РТ, в которых хранятся оригиналы основных документов, характеризующие их биографические данные (в НА РТ оригиналы документов составляют 87%, в НМ РТ — 52%). При этом мы не исключаем возможность наличия архивов семьи в других хранилищах, так как дочери А. И. и И. И. Торжу тоже являются известными в своих профессиях, их отдельные документы могут храниться в ведомственных архивах.

Объединение фондов семьи Торжу, которые сейчас разбиты на два фонда в НА РТ и НМ РТ, было бы логически правильным. Тем не менее, это практически неразрешимая юридическая задача, которая содержит много нюансов и сложностей. Поэтому более реальным является задача создания полных описей документов, хранящихся в разных учреждениях, и объединение этих описей, размещение в едином месте — для удобства пользователей. Можно также рассмотреть возможности дублирования (копирования) письменных документов для каждого хранилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века / отв. ред. В. С. Иванова. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 118 с.

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

¹ Торжу А. И. Авамнын чугаалары [Рассказы матери]. Кызыл : Республиканская типография, 2004. 160 с. (На тув. яз.).

Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944). Абакан : Изд-во «ООО Журналист». 144 с.

Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Дата поступления: 23.06.2022 г.

REFERENCES

Zabelina, G. A. (2010) *Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoi polovine XX veka [Women of Tuva in the family and society in the first half of the twentieth century]*. Kyzyl, Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 118 p.

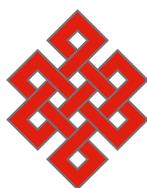
Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologii i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoj Narodnoi Respublike (1921–1944) [The rise of the intelligentsia in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*. Abakan, ООО “Zhurnalist”. 144 p. (In Russ.).

Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Submission date: 23.06.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.6

Статья

Личный фонд Дандар-оола Кок-Хунаевича Ооржака в Национальном архиве Республики Тыва

Рамиль Ш. Харунов

Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, Российская Федерация,

Марианна М.-Б. Харунова

Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация,

Долаана Д. Оюн

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация

В статье представлен анализ содержания фонда документов личного происхождения политического и общественного деятеля Тувы советского периода Дандар-оола Кок-Хунаевича Ооржака (1937 г. р.), который хранится в Национальном архиве Республики Тыва. В составе фонда систематизировано и сгруппировано 196 единиц хранения по четырём разделам: «Личные документы», «Творческие документы», «Документы служебной деятельности», «Документы, собранные фондообразователем».

Личные документы представлены автобиографиями, характеристиками и образовательными документами, творческие документы — опубликованными книгами и черновиками произведений. Наиболее обширный раздел — документы служебной деятельности. Здесь отражена многолетняя работа Д. К.-Х. Ооржака в комсомольских и партийных органах Тувинской АССР. Многочисленные тексты выступлений, записи в рабочих тетрадях позволяют исследователю соприкоснуться с атмосферой советского строительства. В разделе «Документы, собранные фондообразователем» хранятся фотографии, с помощью которых происходит визуализация эпохи, можно увидеть людей, встречи с коллективами, различные объекты на территории республики.

Ключевые слова: Дандар-оол Кок-Хунаевич Ооржак; личный фонд; документы личного происхождения; Тува; история Тувы

Для цитирования:

Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б., Оюн Д. Д. Личный фонд Дандар-оола Кок-Хунаевича Ооржака в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 76-87. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.6>

Харунов Рамиль Шатмуратович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: ramar33@mail.ru

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук, заведующий отделом аспирантуры Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-18-84. Эл. адрес: ondar18@mail.ru

Оюн Долаана Демир-ооловна — начальник отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (394-22) 5-65-44. Эл. адрес: dolaanaoyun74@mail.ru

Article

The personal fonds of Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak in the National Archives of the Republic of Tuva

Ramil Sh. Kharunov

Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Marianna M.-B. Kharunova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Dolaana D. Oyun

The National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents an analysis of the fonds of personal documents related to Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak (born in 1937), an outstanding political and public figure of Tuva in the Soviet period. It is stored in the National Archives of the Republic of Tuva. As part of the fonds, 196 units have been systematized and grouped into four sections: "Personal documents", "Creative documents", "Documents on official activities", "Documents collected by the creator of the fonds".

The personal documents consist of autobiographies, characteristics and educational records, creative documents, i.e. published books and drafts of works. The most extensive section includes documents concerning official activities. It reflects the longstanding work of D. K.-Kh. Oorzhak in Komsomol and party bodies of the Tuvan ASSR. Numerous texts of speeches, entries in work logs allow a researcher to deal with the atmosphere of Soviet construction. The section "Documents collected by the creator of the fonds" comprises photographs that help to visualize the age. One can see people, meetings with collectives, various objects on the territory of the Republic.

Keywords: Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak; personal fonds; documents of personal origin; Tuva; history of Tuva

For citation:

Kharunov R. Sh., Kharunova M. M.-B. and Oyun D. D. Lichnyi fond Dandar-oola Kok-Khunaevicha Oorzhaka v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [The personal fonds of Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak in the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 76-87. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.6>

KHARUNOV, Ramil Shatmuratovich, Candidate of History, Research Fellow, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: ramar33@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7940-5972

KHARUNOVA, Marianna Monge-Bairovna, Candidate of History, Head, Postgraduate Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: ondar18@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9011-2262

OYUN, Dolaana Demir-oolovna, Head, Department for Acquisition, Departmental Archives and Records Keeping, the National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-65-44. E-mail: dolaanaoyun74@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3500-0476

Введение

Историческая наука советского государства мыслила масштабными явлениями — формации, классы, революции, государства. Сведения о жизни отдельных людей — «винтиков истории» — откладывавшаяся в документах личных архивов в виде дневников, переписки, фотографий, рабочих тетрадей, материалов биографического и служебного характера, не представляли интереса и долгое время относились к числу ограниченно востребованных. Они считались неполноценным историческим источником из-за субъективности, неточности и бессистемности их содержания. Информация о рядовом человеке могла быть полезна исследователю лишь как вспомогательная в контексте колоссальных исторических процессов. С принятием Положения о Государственном архивном фонде СССР (ГАФ СССР) 1958 г., которое регламентировало прием в архивы документальных материалов пока только определенного круга лиц, отмеченных официальными заслугами¹, ситуация стала меняться. Положением о ГАФ СССР 1980 г. ограничительный критерий «общественные заслуги лица» был снят, нормативно вводилось понятие «документы личного происхождения»². В этом была огромная заслуга общественности и архивистов, которые с начала 1960-х гг. публично поднимали вопросы о необходимости пересмотра отношения к исторической ценности личных собраний, независимо от общественных заслуг их создателей — «рядовых людей» (Альтман, Иноземцева, 2013: 139).

Закон об архивном деле и архивах 2004 г. предусматривает решение вопроса о включении в состав Архивного фонда РФ документов, находящихся в частной собственности, исключительно на основании экспертизы ценности документов и оформления договора между собственником или владельцем архивных документов и государственным или муниципальным архивом, музеем, библиотекой либо организацией Российской академии наук, независимо от их происхождения³. Архивным фондом личного происхождения принято называть фонд, в который входит комплекс документов, отложившихся в процессе жизни и деятельности отдельной личности, семьи, рода, поступивших от граждан и включенных в состав Архивного фонда Российской Федерации (АФ РФ) (Альтман, Иноземцева, 2013; Мягкова, 2020; Бурова, 2017).

В Туве первые комплекты документов личного происхождения стали поступать в архивные учреждения в середине 1950-х гг. В 1954–1957 гг. работниками Центрального государственного архива Тувинской автономной области (ЦГА ТАО; ныне — НА РТ) была проделана большая работа по сбору воспоминаний участников революционных событий 1917–1921 гг. На 2020 г. в НА РТ были сосредоточены 63 личных фонда, в которых имеются 4556 единиц хранения (ед. хр.). Большую часть личных фондов составляют документы политических деятелей, представителей тувинской культуры и искусства, участников Великой Отечественной войны, тувинских добровольцев (Чамзо, 2020: 77).

Фото 1. Дандар-оол Кок-Хунаевич Ооржак, 2005 г.
(НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 195, л. 1).

Photo 1. Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak, 2005
(NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 195, list 1).

¹ Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР» // Собрание постановлений Правительства (СП СССР) 1958. № 14. Ст. 112.

² Постановление Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР» // СП СССР. 1980. № 10. Ст. 71.

³ Федеральный закон от 27 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169.

В их число входит фонд документов личного происхождения (№ П. 395) Ооржака Дандар-оола Кок-Хунаевича (1937 г.р.) (*фото 1*), видного государственного и общественного деятеля Республики Тыва, одного из ярких представителей своего поколения, который родился в 1937 г. в многодетной аратской семье. Он относится к поколению, успевшему впитать в себя культурные ценности традиционного тувинского общества, обучиться новым знаниям и встроиться в мощную советскую государственную систему, пережить реформы перестроечной эпохи и найти достойное применение своему богатому жизненному опыту в современных реалиях.

Биография Д. К.-Х. Ооржака до сих пор не была предметом специального научного исследования. Разрозненную информацию о нем можно почерпнуть из газетных материалов или интернет-ресурсов, посвященных в основном юбилейным датам и событиям. Лишь во 2-м томе «Урянхайско-тувинской энциклопедии», вышедшей в свет в 2021 г., есть статьи, посвященные Д. К.-Х. Ооржаку (Урянхайско-тувинская энциклопедия, 2021: 167), его жене — Маны Оюновне (там же: 169) и их сыну — Дандару Дандар-ооловичу (там же: 167). Используя фонд документов личного происхождения Д. К.-Х. Ооржака для нашего исследования, мы не только сохраняем память о нашем современнике, но и придаем историческую ценность подобным документам.

Цель статьи — анализ содержания и введение в научный оборот материалов личного фонда Д. К.-Х. Ооржака из собрания Национального архива Республики Тыва.

Фонд был сформирован на основании договора дарения от 2 августа 2016 г. В ходе его создания была проведена экспертиза ценности документов и составлен научно-справочный аппарат, включающий опись, предисловие, сдаточную опись. Договор и акт проверки наличия и состояния документов со стороны НА РТ были подписаны начальником отдела Д. Д. Оюн. На все документы фонда проставлен гриф «Хранить постоянно».

В описи содержатся 196 единиц хранения, сгруппированных по четырем разделам: «Творческие документы», «Личные документы», «Документы служебной деятельности», «Документы, собранные фондообразователем». Документы передал сам фондообразователь с отметкой в договоре дарения — «можно пользоваться всем».

Раздел «Творческие документы» представлен статьями в газетах (1970–2015 гг.) «Тувинская правда», «Шын», «Известия», «Улаачы», в журнале «Агитатор». Всего имеется 15 статей, 9 из них на тувинском языке, 6 — на русском. В этом же разделе зарегистрирована книга Дандар-оола Ооржака «Чыргакыдан изим унген ...», изданная в 2006 г.¹

В раздел «Личные документы» входят автобиографии, благодарности и грамоты. К «Документам служебной деятельности» относятся тексты выступлений первого секретаря Тувинского областного комитета ВЛКСМ Д. К.-Х. Ооржака с 1968 г. по 1986 г., а также рабочие тетради с 1960-х по 1980-е гг.

В разделе «Документы, собранные фондообразователем» указан реферат на тему «Подбор, расстановка и воспитание кадров в условиях многонационального состава населения Тувинской АССР» за 1983 г.

Коллекция служебных материалов, фотографий, личных и творческих документов позволяет не только воссоздать биографию Дандар-оола Кок-Хунаевича, но и дополняет персональной историей его жизни общую картину советской Тувы (1944–1991).

Далее рассмотрим некоторые документы из разделов вышеуказанной описи.

Личные документы

Автобиографии Дандар-оола Кок-Хунаевича разнесены по двум фондам. Фонд «Тувинский областной комитет КПСС — Тувинский обком КПСС» содержит личное дело с автобиографией, заполненной от руки с датировкой 25.08.1971 г. (НА РТ, ф.п-2, оп. 2, д. 2663, л. 11). В фонде документов личного происхождения (№ П. 395) находится отпечатанная автобиография от 20.11.2015 г. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 15, л. 1–3).

В автобиографии Д. К.-Х. Ооржака, написанной 25 августа 1971 г. и подписанной личной подписью, указано, что он родился в 1937 г. в с. Хорум-Даг Дзун-Хемчикского района Тувинской АССР, в семье

¹ Ооржак Д. Чыргакыдан изим унген ... [Я выходец из Чыргакы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. (На тув. яз.).

арата-скотовода Кок-Хуна М. Саловича Ооржака. В 1948 г. он поступил в первый класс Хандагайтинской средней школы, в 1958 г. окончил Чаданскую среднюю школу. В этом же году поступил в Алтайский сельскохозяйственный институт, а в 1960 г., окончив очно II курс института, по семейным обстоятельствам перевелся на заочное отделение, которое окончил в 1963 г.

В августе 1960 г. Дандар-оол Кок-Хунаевич начал свою трудовую деятельность инструктором Дзун-Хемчикского райкома ВЛКСМ, затем учился на курсах ЦКШ при ЦК ВЛКСМ, работал инструктором обкома ВЛКСМ, первым секретарем Барун-Хемчикского райкома ВЛКСМ. В 1964 г. его рекомендовали в Новосибирскую Высшую партийную школу, по окончании которой он работал инструктором отдела оргпартрabоты обкома КПСС. В сентябре 1967 г. был избран первым секретарем обкома ВЛКСМ. Член КПСС с 1964 г. Женат, имеет трех сыновей (НА РТ, ф.п-2, оп. 2, д. 2663, л. 11).

В другом тексте, написанном в 2015 г., автор указывает, что он родился по лунному календарю в конце (хвосте) Года Мыши, а по паспорту 1 января 1937 г. в селе Хорум-Даг Дзун-Хемчикского кожууна Тувинской Народной Республики. Как видно, в данном тексте год рождения указан с учетом восточного календаря.

В этом документе Д. К.-Х. Ооржак добавил новые сведения о своей деятельности: с 1971 по 1973 г. он работал первым секретарем Тандинского райкома КПСС, с 1973 по 1987 г. — секретарем обкома партии. С 1987 по 1990 г. был председателем Комитета народного контроля Тувинской АССР. В 1991 г. избирался председателем Контрольной комиссии Тувинской организации КП РСФСР. В последующие годы до избрания депутатом Верховного Хурала Республики Тыва работал директором совхоза «Хадын» Пий-Хемского района и председателем администрации Тандинского кожууна. Затем в 2002 г. избран депутатом Великого Хурала (Палаты Представителей) — председателем Палаты Представителей Великого Хурала первого созыва.

В свое время многократно избирался членом бюро обкома КПСС, членом Президиума Верховного Совета, членом Правительства Тувинской АССР, членом Совета безопасности при Председателе Правительства Республики Тыва. Был депутатом Верховного Совета пяти созывов.

В отличие от предыдущего данный документ имеет сведения о поощрениях: награжден двумя орденами «Знак Почета» (1971, 1976), орденом Республики Тыва (2001), монгольскими юбилейными медалями. Ему присвоено почетное звание «Почетный гражданин города Кызыла» (2005).

Так же в этой автобиографии указано, что Дандар-оол Кок-Хунаевич написал несколько книг, в том числе «Спасибо судьбе»¹.

Данный документ содержит более подробную информацию о семье: он женат на Маны Оюновне, имеет трех сыновей: Дандара, Темира, Арата. У них свои семьи, дети (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 15, л. 1–3).

Таким образом, автобиографии достаточно полно раскрывают происхождение, дают информацию об образовании, основных этапах трудовой деятельности, наградах, семье и творчестве Д. К.-Х. Ооржака, что соответствует стилю и назначению документов данного вида.

Фото. 2. Свидетельство об окончании Хандагайтинской начальной школы, 1952 г. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 16, л. 1).

Photo 1. Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak, 2005 (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 195, list 1).

¹ Ооржак Д. К.-Х. Спасибо судьбе. Кызыл: ИП Ооржак Р. К., 2009. 78 с.

Оценки знаний и поведения ученика 4 класса
Хандагайтинской семилетней школы
г.Хандагайты Овюрского района Тув. авт. об.

Дандар-оола Ооржака К-Хунаевича
за 1951-52 уч. года.

Предметы	Оценки по четвертям				Испытания	Средняя оценка
	I	II	III	IV		
Хангайский язык	письменный	4	5	4	5	5
	устный	5	5	5	4	5
Русский язык	письменный	5	5	5	5	5
	устный	5	5	5	5	5
Арифметика	4	5	5	5	5	5
Естествознание	5	5	5	5	5	5
История	5	5	5	5	5	5
География	5	5	5	5	5	5
Физическая подготовка	4	5	5	5	5	5
Отсутствовало по болезни уч. дней	-	-	-	-	-	-
Отсутствовало уроков	-	-	-	-	-	-
Число опозданий	-	-	-	-	-	-
Примечание	-	-	-	-	-	-
Поведение	5	5	5	5	5	5

Передан в 5 класс.
Классный руководитель
3 июня

Фото 3. Оценка знаний и поведения ученика 4 класса Хандагайтинской семилетней школы поселка Хандагайты Овюрского района Тувинской автономной области Д. К.-Х. Ооржака за 1951–1952 учебный год (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 16, л. б/н).

Photo 3. Assessment of knowledge and behavior of the 4th grade student of the Khandagaityn seven-year school in the settlement of Khandagaity of the Ovyursky district of the Tuvin Autonomous Oblast D. K.-Kh. Oorzhak for the 1951–1952 academic year (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 16, unnumbered list).

Фото 4. Похвальная грамота за отличные успехи и примерное поведение ученика 7 класса Хорум-Дагской школы Ооржака Дандар-оола, 1955 г. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 17, л. 1).

Photo 4. Certificate of distinction for excellent achievements and model behavior to the student of the 7th grade of the Khorum-Dag school Oorzhak Dandar-ool, 1955 (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 17, list 1).

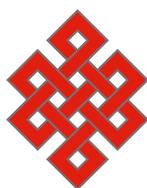

Некоторые сведения из автобиографий Дандар-оола Кок-Хунаевича подтверждаются документами, хранящимися в личном фонде. Например, «Свидетельство Министерства Просвещения РСФСР» об успешном окончании Хандагайтинской начальной школы 3 июня 1952 г. (фото 2), в котором написано, что им изучены родной язык, русский язык, арифметика, естествознание, история, география, физическая подготовка.

Еще одним интересным документом является ведомость оценки знаний и поведения ученика 4 класса, разлинованная и заполненная от руки за подписью классного руководителя, свидетельствующая об отличной учебе, отсутствии пропущенных уроков и опозданий (фото 3).

12 июня 1955 г. ученику 7 класса Хорум-Дагской школы была выдана похвальная грамота за отличные успехи и примерное поведение с портретами Ленина и Сталина (фото 4).

В личном фонде Д. К.-Х. Ооржака имеется также автобиография его жены, Маны Оюновны Ооржак, которая родилась 15 апреля 1939 г. в г. Кызыле. Окончив Кызылскую среднюю школу № 2, в 1956 г. она поступила в Иркутский государственный медицинский институт на фармацевтический факультет, после окончания которого получила специальность провизора. Маны Оюновна имеет знак «Отличник здравоохранения СССР», почетное звание «Заслуженный работник Республики Тыва», награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. Неоднократно

избиралась народным депутатом городского Совета, многие годы была народным заседателем Верховного суда Тувинской АССР, активно участвовала в работе женсоветов (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 158, лл. 1–3).

Характеристики. Поскольку Д. К.-Х. Ооржак является партийным и государственным деятелем, в его личном фонде содержатся документы — характеристики, подписанные секретарями обкома КПСС С. К. Тока, Г. Ч. Ширшином.

Характеристика 1967 г. была подготовлена для рекомендации Д. Ооржака первым секретарем Тувинского обкома комсомола. Текст печатного документа был подписан С. К. Тока, который указал, что общеобразовательный уровень, морально-политические качества и опыт партийно-комсомольской работы Дандар-оола Кок-Хунаевича вполне достаточны для выдвижения на ответственную комсомольскую работу (НА РТ, ф.п-2, оп. 2, д. 2663, л. 21).

В 1987 г. Г. Ч. Ширшин отметил следующие качества депутата Верховного Совета Тувинской АССР, руководителя группы школы партийно-хозяйственного актива при обкоме КПСС Д. К.-Х. Ооржака:

«Владеет проблемами экономического и социального развития республики. В работе проявляет деловитость и инициативу, умеет работать с людьми. Хорошо знает суть современных требований к кадрам и их работе, в оценке ее объективен. Требователен к себе и другим. Пользуется авторитетом среди актива, трудящихся республики» (НА РТ, ф.п-2, оп. 2, д. 2663, л. 42).

Данный вид документов не только дает представление о личных и деловых качествах Дандар-оола Кок-Хунаевича, но также дополняет основные сведения об этапах его партийной работы, например, о периоде его обучения в Новосибирской Высшей партийной школе — с 1964 по 1966 гг.

Жизнь людей, всегда тесно связанная с исторической эпохой, является отражением времени, в котором они жили, поворотных событий и процессов, свидетелями которых они были. По судьбам отдельных людей можно писать исторические энциклопедии, настолько насыщено, ярко, плодотворно и драматично складывалась их судьба.

К такому поколению можно отнести Дандар-оола Кок-Хунаевича и Маны Оюновну, родившихся в Туве в первой половине XX века. Они стали современниками становления Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), вхождения ТНР в состав Советского Союза (1944 г.) и дальнейшего развития современной Тувы (с 1991 г.).

Документы служебной деятельности

К документам служебной деятельности относятся 105 текстов, из них написанных от руки на русском языке — 53, напечатанных на русском языке — 47, на тувинском — 5. Они составляют основную часть личного фонда Д. К.-Х. Ооржака, находятся в удовлетворительном состоянии и достаточно полно отражают его многолетнюю работу.

Тексты выступлений и рабочие тетради. Личные фонды Д. К.-Х. Ооржака отражают его активную общественную и партийную деятельность. Тексты выступлений с 1968 по 1986 гг. являются тому доказательством. Например, среди них есть выступления перед избирателями, на четырнадцатой областной партийной конференции, на районном семинаре пропагандистов, на открытии дней литературы и искусства в Каа-Хемском районе в 1973 г., о международном положении, на республиканском фестивале художественной самодеятельности, на открытии Дней тувинской литературы и искусства в Москве в 1974 г., перед студентами строительных отрядов, на семинаре руководителей школ экономического образования, на одиннадцатой зимней спартакиаде, на юбилейном вечере музыкально-драматического театра, на совещании правления республиканской организации общества «Знание», на открытии международных соревнований по стрельбе из лука, на открытии Дней Красноярского края в Тувинской АССР, на встрече с выпускниками школ города Кызыла 1978 г., на Всесоюзной научно-практической конференции в Баку в 1979 г., на встрече с Сергеем Михалковым в 1981 г., на совещании работников МВД, на пресс-конференции Министерства культуры РСФСР в 1984 г., на выставке «Современное монгольское изобразительное искусство» в 1985 г., на августовской конференции учителей в г. Чадане в 1986 г. и многие другие.

Одним из ярких текстов обобщающего характера является выступление по телевидению «В семье единой», посвященное 40-летию Советской Тувы (1984). Автор отмечает, что за короткий исторический период в Туве произошли огромные социально-экономические и культурные преобразования, важным итогом которых являются успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном развитии.

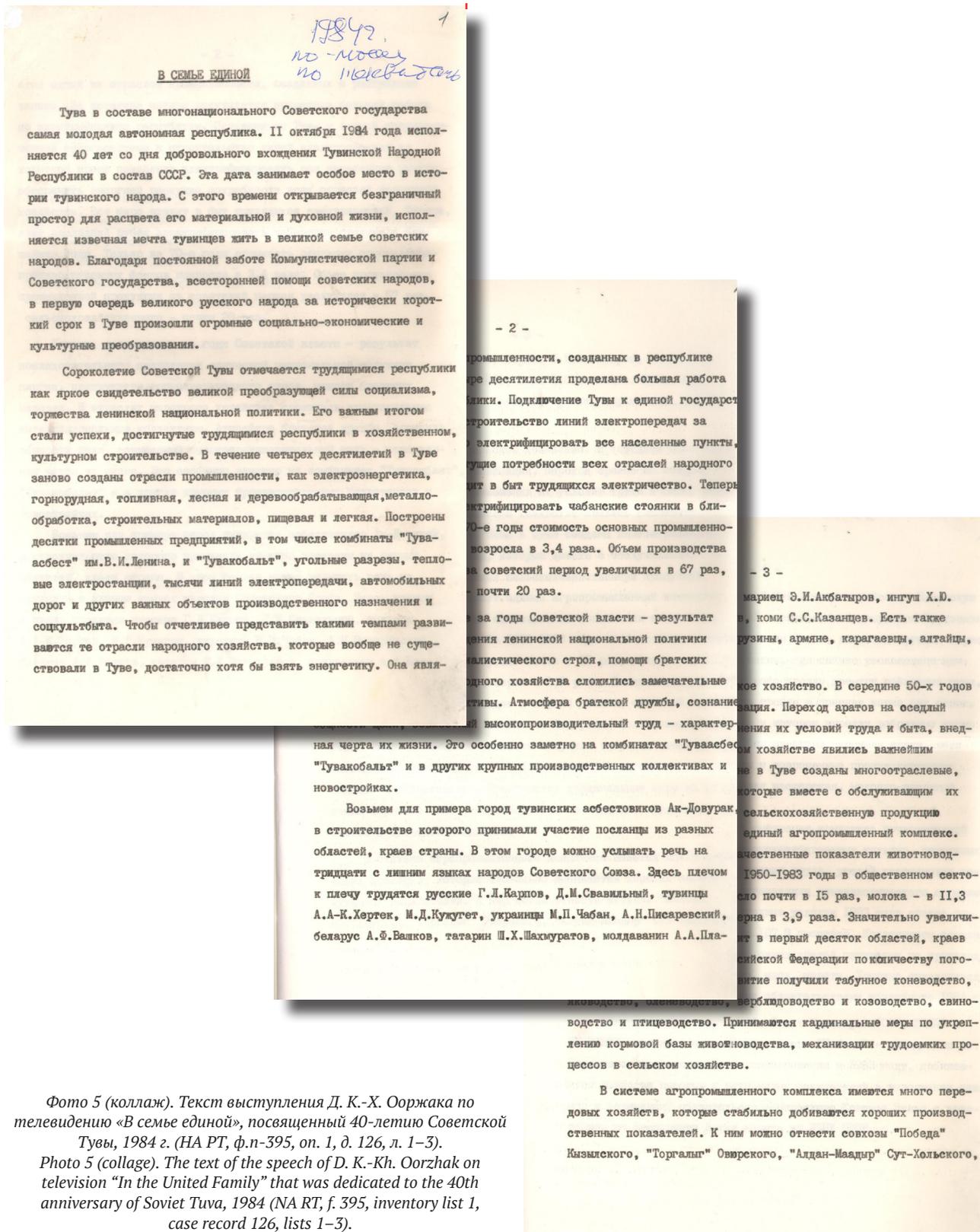
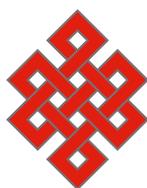

Фото 5 (коллаж). Текст выступления Д. К.-Х. Ооржака по телевидению «В семье единой», посвященный 40-летию Советской Тувы, 1984 г. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 126, л. 1–3).
 Photo 5 (collage). The text of the speech of D. K.-Kh. Oorzhak on television “In the United Family” that was dedicated to the 40th anniversary of Soviet Tuva, 1984 (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 126, lists 1–3).

В качестве примера приведем три страницы из выступления, на которых автор обобщил итоги развития в промышленности и сельском хозяйстве Тувинской АССР (фото 5).

К одним из ценных документов служебной деятельности можно отнести рабочую тетрадь, которая велась Д. К.-Х. Ооржаком в блокноте с 1971 по 1980 г. (фото 6). Всего в блокноте 81 лист, заполненный записями ручкой с черными, синими и красными стержнями, с вклеенными газетными вырезками. Данный документ показывает повседневную деятельность Дандар-оола Кок-Хунаевича. На первой же странице в 1971 г. он зафиксировал, что по прогнозам Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения академии наук СССР (ИЭОПП СО АН СССР, г. Новосибирск) население Тувы к 1990 г. достигнет 350 тыс. чел., из них промышленных рабочих 100 тыс. чел. (К слову, по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Туве проживало 309 100 чел. (Харунова, Харунов, 2021: 144)).

Записи содержат его размышления и заметки по проблемам этики руководителя, статистические данные по экономике Тувинской АССР, переписи населения в разрезе районов 1970–1979 гг., о выполнении народно-хозяйственных планов, об организации социалистических соревнований между коллективами, списки членов бюро обкома КПСС (выступавших с докладами на торжественных заседаниях), о книгоиздании, о назначении пособий на детей из малообеспеченных семей и мн. др.

Эти записи от руки характеризуют Дандар-оола Кок-Хунаевича как пунктуального, эрудированного и разносторонне развитого человека, искренне волнующегося за развитие родной Тувы. Мы можем видеть детализированную информацию по развитию республики, собранную в цифры и таблицы, перемежающиеся с личными высказываниями и переживаниями за события и достижения, которыми был богат период Тувинской АССР.

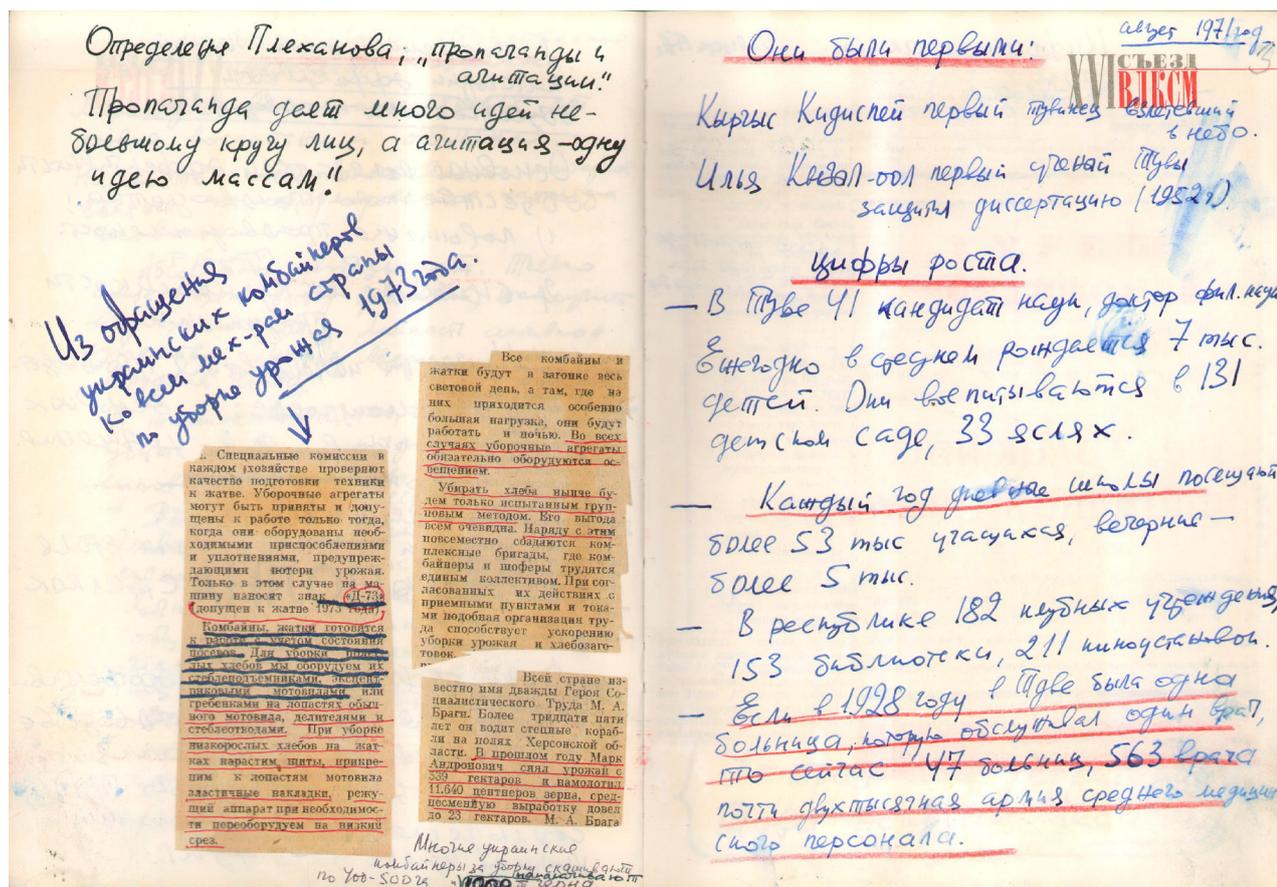

Фото 6. Страницы из рабочей тетради Д. К.-Х. Ооржака за 1971–1980 гг. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 50, л. 3).
 Photo 6. Pages from the D. K.-Kh. Oorzhak's work log for 1971–1980 (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 50, list 3).

Фотофонд

Фотофонд Д. К.-Х. Ооржака небольшой в количественном отношении.

Самая ранняя фотография датирована 1955 г. На ней изображены семиклассники Хорум-Дагской школы. Следующая фотография 1958 г. со студентами Алтайского сельскохозяйственного института в общежитии.

Далее идут фотографии с 1966 г. по 2005 г., отображающие рабочие встречи Дандар-оола Кок-Хунаевича. Одной из самых интересных является фотография членов Тувинского обкома ВЛКСМ (1968 г.) с подписью Д. К.-Х. Ооржака «Коллектив Тувинского обкома ВЛКСМ сфотографировались в дни празднования 50-летия Ленинского комсомола (1918–1968 гг.)» (фото 7).

Фото 7. Фотография членов Тувинского обкома ВЛКСМ, 1968 г. (НА РТ, ф.п-395, оп. 1, д. 170, л. 1).
 Photo 7. Photo of members of the Tuvan Regional Committee of Komsomol, 1968
 (NA RT, f. 395, inventory list 1, case record 170, list 1).

Все фотографии черно-белые, за исключением портрета Д. К.-Х. Ооржака, сделанного в 2005 г. (см. фото 1).

Данный фонд, на наш взгляд, можно пополнить фотографиями семьи Дандар-оола Кок-Хунаевича, братьев, сестер, жены и детей, так как в нем есть только фотографии отца — Ооржака Кок-Хуна Мунгаш-Саловича (1891–1967) и матери — Ооржак (Монгуш) Чанчип Намналовны (1893–1966). По подписям к фотографиям мы узнаем полные имена родителей Д. К.-Х. Ооржака, которые в автобиографиях указаны только инициалами.

В перспективе фондообразователь планирует систематизировать и подготовить новые материалы к сдаче в фонд документов личного происхождения, в том числе и многочисленные фотографии семейного и служебного характера.

Творческие документы

Особенно ценным источником о семейной жизни Д. К.-Х. Ооржака является книга «Чыргакыдан изим унген ...»¹, изданная в 2006 г., переведенная автором на русский язык и изданная в 2009 г. под названием «Спасибо судьбе»².

Это очерк на 78 страницах, по словам автора, «написанный для моих детей, внуков и их потомков»³. Книгу предваряет вступительная статья А. Хертека, члена Союза писателей Республики Тыва и Союза журналистов Российской Федерации⁴. Первая глава содержит разделы «Живая память рода», «Они всегда в моем сердце», «Горжусь, что пас овец, сеял хлеб», «Спасибо судьбе», «О Тока, Ширшине и Ооржаке». Вторая глава посвящена родителям и своей семье. Третью главу написала его жена — Маны Оюновна о своем муже.

Эта книга примечательна тем, что автор разместил здесь родословную «Древа жизни» от своих родителей и их восьми детей. Книга богато иллюстрирована фотографиями, размещенными почти на каждой странице издания. Среди них есть фотографии братьев и сестер Д. К.-Х. Ооржака, жены, сыновей, внуков и многие другие. Так же в книгу включены стихи Ч. Кара-Куске и Ш. Куулара, посвященные 60-летию и 65-летию Дандар-оола Кок-Хунаевича. Книга написана доступным языком, легко читается и выражает чувства глубокой любви к родителям, родной земле, детям и внукам многонациональной семьи автора. Безусловно, это книга является одним из интересных источников личного фонда Д. К.-Х. Ооржака.

Заключение

Фонд документов личного происхождения Дандар-оола Кок-Хунаевича достойно вошел в состав Архивного фонда Российской Федерации в лице НА РТ, в котором он доступен для всех исследователей.

Первичное описание материалов фонда позволяет сделать вывод о том, что в комплексе с документами из других личных фондов они позволяют расширить источниковую базу по социально-экономическому и политическому развитию Тувы, составить представление об особенностях мышления и мотивации участников советского строительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтман, М. М., Иноземцева, З. П. (2013) Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // Вестник архивиста. № 3. С. 137–150.

Бурова, Е. М. (2017) Терминология в сфере работы с документами личного происхождения // История и архивы. №3 (9). С. 29–44.

Мягкова, Е. М. (2020) Фонды личного происхождения: этапы истории, опыт работы, краткая историография вопроса // Вестник ВНИИДАД. № 4. С. 16–26.

Урянхайско-тувинская энциклопедия (2021) : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : ООО «ИПП «Журналист». Т. II. 672 с.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. № 3. С. 137–147. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.5

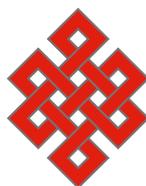
Дата поступления: 03.07.2022 г.

¹ Ооржак Д. Чыргакыдан изим унген ... [Я выходец из Чыргакы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. (На тув. яз.).

² Ооржак Д. К.-Х. Спасибо судьбе. Кызыл: ИП Ооржак Р. К., 2009.

³ Там же. С. 2.

⁴ Хертек А. Об авторе // Ооржак Д. К.-Х. Спасибо судьбе. Кызыл: ИП Ооржак Р. К., 2009. С. 3–4.

REFERENCES

Al'tman, M. M. and Inozemtseva, Z. P. (2013) Aktual'nye problemy sobiraniia dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia na sovremennom etape [Actual problems of collecting documents of personal origin at the present stage]. *Vestnik arkhivista*, no. 3, pp. 137–150. (In Russ.).

Burova, E. M. (2017) Terminologiiia v sfere raboty s dokumentami lichnogo proiskhozhdeniia [Terminology in the field of work with documents of personal origin]. *Istoriia i arkhivy*, no. 3 (9), pp. 29–44. (In Russ.).

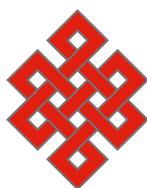
Miagkova, E. M. (2020) Fondy lichnogo proiskhozhdeniia: etapy istorii, opyt raboty, kratkaia istoriografiia voprosa [Personal archives: historical stages, practical experience, brief historiography of the problem]. *Vestnik RGGU. Serii: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost'*, no. 4, pp. 16–26. (In Russ.).

Uriankhaisko-tuvinskaia entsiklopediia [Uriankhai-Tuvan Encyclopedia] (2021) : in 2 vols / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, OOO «IPP «Zhurnalist». Vol. II. 672 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Osobennosti formirovaniia gorodskogo rasseleniia v Tuve v sovetskii period [Features of urban settlement in Tuva in the Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.5

Submission date: 03.07.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.7

Статья

Судьба Михаила Григорьевича Торосова сквозь призму архивных документов (по материалам хакасского и тувинского архивов)

Елена П. Мамышева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Российская Федерация

В настоящей статье представлен анализ документов Национального архива Республики Тыва и Национального архива Республики Хакасия, отражающих жизнь и работу видного политического деятеля Хакасии — Михаила Григорьевича Торосова (1900–1938), имя которого в советской историографической традиции длительное время замалчивалось.

Поскольку он был репрессирован, большинство документов, связанных с ним, было уничтожено или засекречено. Поэтому в фондах Национального архива Республики Хакасия сохранилось незначительное количество материалов о М. Г. Торосове: личное дело, автобиография, анкета. Тем не менее они показывают его вклад в социалистические преобразования в Хакасской автономной области, раскрывают многогранность личности, его востребованность властью на разных участках советского строительства.

Для воспроизведения всей его жизненной траектории особую актуальность приобретает обращение к фондам Национального архива Республики Тыва. В жизни М. Г. Торосова приезд на празднование 15-летия Тувинской Аратской Республики в 1936 г. сыграл роковую роль.

Ключевые слова: Михаил Григорьевич Торосов; архивный документ; личный фонд; Национальный архив Республики Тыва; Национальный архив Республики Хакасия; история Тувы; история Хакасии

Для цитирования:

Мамышева Е. П. Судьба Михаила Григорьевича Торосова сквозь призму архивных документов (по материалам хакасского и тувинского архивов) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 88–102. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.7>

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655000, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Тел.: +7 (3902) 22-62-36. Эл. адрес: sozor@mail.ru

Mamysheva, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Khakass State University. N.F. Katanov. Postal address: Lenin Ave., 90, 655000, Russia, Abakan, Russian Federation. Tel.: Tel. 8(3902) 22-62-36. E-mail: sozor@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1620-5679

Article

The fate of Mikhail Grigorievich Torosov through the prism of archival documents (a case study of records from archives in Khakassia and Tuva)

Elena P. Mamysheva

Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

This article presents an analysis of documents from the National Archives of the Republic of Tuva and the National Archives of the Republic of Khakassia that reflect activities of the outstanding political figure of Khakassia Mikhail Grigorievich Torosov (1900–1938). For a long time his name was concealed in the Soviet historiographical tradition.

Since he was purged, most of the documents related to him were destroyed or classified. That is why a small amount of materials about M. G. Torosov has been preserved in the fonds of the National Archives of the Republic of Khakassia: his personal file, autobiography, and questionnaire. Nevertheless, they indicate his contribution to the socialist transformations in the Khakass Autonomous Oblast and provide insight into the versatility of his personality, his relevance for the authorities in different areas of Soviet construction.

In order to trace his entire life trajectory, it is especially pertinent to refer to the fonds of the National Archives of the Republic of Tuva. M. G. Torosov's arrival at the celebration of the 15th anniversary of the Tuvan Arat Republic in 1936 played a fatal role in his life.

Keywords: *Mikhail Grigorievich Torosov, archival document; personal fond; National Archives of the Republic of Tuva; National Archives of the Republic of Khakassia; history of Tuva; history of Khakassia*

For citation:

Mamysheva E. P. Sud'ba Mikhaila Grigor'evicha Torosova skvoz' prizmu arkhivnykh dokumentov (po materialam khakasskogo i tuvinskogo arkhivov) [The fate of Mikhail Grigorievich Torosov through the prism of archival documents (a case study of records from archives in Khakassia and Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 88-102. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.7>

Введение

Становление новой власти в 1917–1930-е гг. во всех уголках Советского государства с его сложной этнической структурой сопровождалось появлением новой плеяды людей — людей особого склада, занимающих в новом ее устройстве, экономике, культуре, идеологии ответственные посты (Красовицкая, 2007: 5). Возрастание в отечественной историографии интереса к личностям отдельных представителей этнических элит, к роли конкретных людей, которые проявили большую активность в модернизационных процессах 1920–1930-х гг. как на общесоюзном, так и на региональном уровне следует связать с антропологическим поворотом в гуманитарных науках, в том числе в исторических исследованиях. Он обусловил переключение внимания ученых с изучения социально-экономических и политических процессов с акцентом на обезличивание к человеку в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности.

Михаил Григорьевич Торосов (1900–1938) — выдающийся политический и общественный деятель Хакасии. В разные годы он являлся первым секретарем Хакасского окружкома ВЛКСМ, ответственным секретарем окружкома ВЛКСМ, заведующим Хакасским отделением Красноярской совпартшколы и окружным отделом здравоохранения, заведующим отделом культуры и пропаганды Хакасского

обкома ВКП(б), директором Хакасской совпартшколы, первым секретарем Аскизского райкома партии ВКП(б), председателем исполкома областного Совета депутатов трудящихся Хакасской автономной области (фото 1).

1920–1930-е гг. в Хакасии вместили в себя множество событий: окончание гражданской войны, установление на этой территории Советской власти, национально-государственное строительство, коллективизацию и хозяйственную модернизацию данной территории. В 1924 г. Хакасский уезд был образован в результате выделения его частей из состава Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии. В 1925 г. он был переформирован в округ, а в 1930 г. — в Хакасскую автономную область.

Жизнь и деятельность М. Г. Торосова, как и многих политических деятелей в изучаемый период замалчивались и не получили должного освещения в рамках советской историографии. Впервые к биографии М. Г. Торосова и его современников исследователи обратились после волны реабилитации жертв политических репрессий второй половины 1950-х гг. В 1960–1970-е гг. последовала серия статей об участниках модернизационных процессов 1920–1930-х гг. в Хакасии. Так, на страницах литературно-художественного альманаха «Ах тасхыл», издаваемого как популярное издание на хакасском языке, были впервые приведены неполные биографические сведения о М. Г. Торосове¹. В 1990-е гг., в условиях гласности и перестройки, К. М. Патачаков издал работу, выполненную в расширенном формате на хакасском языке, посвященную жизни выдающихся сынов и дочерей Хакасии, среди которых вновь был назван и Торосов². На рубеже 1990-х — начале 2000-х гг. публикации на русском языке, посвященные отдельным аспектам его жизни, появились в периодической печати³. В начале 2000-х гг. его имя было включено в энциклопедии и сборник популярных статей, посвященный жертвам политических репрессий – уроженцам Аскизского района Хакасии, подготовленный под редакцией руководителя ассоциации жертв политических репрессий (Общество «Мемориал» (с 1997 г.)) Н. С. Абдина⁴.

В 1998 г. была опубликована совместная работа В. Н. Тугужековой, С. В. Карлова, посвященная анализу политических и идейных истоков репрессий в отношении разных социальных групп, в том числе и национальной интеллигенции, среди представителей которой бы назван М. Г. Торосов (Тугужекова, Карлов, 1998: 48–57). В литературе 1990-х гг. названная работа отличалась новизной, авторы ввели в научный оборот материалы архивных следственных дел архивов Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю, Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новосибирской области, доступ к которым стал возможным благодаря послаблению законных ограничений.

Фото 1. Михаил Григорьевич Торосов, 1936 г.
(Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» — НА РКХ, ф. 806, оп. 1, д. 61, л. 1).

Photo 1. Mikhail Grigorevich Torosov, 1936
(National Archives of the Republic of Khakassia — NA RKH, f. 806, op. 1, d. 61, l. 1).

¹ Патачаков К. М. М. Г. Торосовтанар // Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. 1970. № 18. С. 78–79.

² Патачаков К. М. М. Г. Торосов (1900–1938) // Люди земли хакасской. Краеведческое пособие для учащихся. Абакан, 1990. С. 23–31.

³ Абдин Н. «Приговор окончательный и подлежит немедленному исполнению» // Хакасия. 1994, 14 декабря. № 196. С. 4–5; Казаков Е. Сын хакасской земли // Хакасия. 2001, 18 января. № 9 (19366). С. 5–6; Абдин Н. Июльский приговор: репрессии в Хакасии в 30-е годы // Хакасия. 2003, 12 июля. № 128 (19985). С. 6.

⁴ Гавриленко В. К. Торосов Михаил Григорьевич // Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 2. Абакан: Поликор, 2008. С. 194; Абдин Н. С., Абдин В. Н. Политические репрессии в Аскизском районе Хакасии (1920–1950). Абакан, 2008.

Отдельные сюжеты о жизнедеятельности М. Г. Торосова представлены в работе Н. А. Данькиной (Данькина, 2004: 91–92).

В 2017 г. были опубликованы мемуары В. М. Торосова «Дела минувших лет»¹, сына Михаила Григорьевича. В предисловии к своим воспоминаниям В. Торосов отметил, что «сейф к моей родословной плотно закрыт, замурован, и доступа к нему не будет никогда»². Подробно останавливаясь на истории своей родословной, он с горечью писал, что знал «своего отца только заочно, по отдельным сохранившимся документам, составленным им, по рассказам мамы, близких родственников, и по нескольким его письмам, написанным им из Москвы в декабре 1936 г. с союзного съезда Советов, принявшего Конституцию СССР и из тюрьмы в апреле 1938 г.»³. Стоит отметить, что информация об отце, воспроизведенная автором в мемуарах, представляет особую ценность для исследования жизнедеятельности Михаила Торосова. В то же время она не свободна от личностного, субъективного характера.

Таким образом, до настоящего времени всестороннего научного осмысления многогранной деятельности Михаила Торосова так и не произведено. Между тем, обращение к истории становления и развития национальных элит, изучение процесса их формирования отвечает интересам современного российского общества и отечественной науки. В этой связи особую актуальность приобретают архивные документы, хранящиеся в региональных архивах, которые проливают свет на жизнь и деятельность жителей республик, активных строителей новой жизни. Сами архивы в этом отношении нуждаются в новом подходе на анализ ценности и значимости хранимых в них документов, которые раскрывают роль и значение отдельных личностей в истории.

Цель настоящей статьи — показать значение документов архивов Республики Хакасия (Государственного казенного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» — далее НА РХ) и Республики Тыва (Национального архива Республики Тыва — далее НА РТ) в воссоздании основных этапов жизнедеятельности Михаила Григорьевича Торосова. Объектом исследования являются материалы документов названных региональных архивов, привлечение которых позволит заполнить имеющиеся лакуны в биографических сведениях о М. Г. Торосове.

Характеристика архивных документов

Создание и становление архива в Хакасии происходило в 1920–1930-е гг. В октябре 1927 г. было создано окружное архивное бюро при аппарате секретариата Хакасского окрисполкома. В 1935 г. оно было преобразовано в областное архивное управление Хакоблисполкома, а в 1939 г. — в областной архивный отдел НКВД, затем МВД (находился в его подчинении по 1960 г.). В феврале 1987 г. решением Хакасского областного Совета народных депутатов был образован архивный отдел, переименованный в марте 1992 г. Постановлением Совета Министров Республики Хакасия в Комитет по делам архивов при Совете Министров Республики Хакасия, с мая 1997 г. — при Правительстве Республики Хакасия. В марте 1992 г. Государственный архив ХАО преобразован в Центральный государственный архив РХ. В 2005 г. ЦГА РХ, переименованный снова в Государственный архив РХ, вошел в состав Комитета по делам архивов при Правительстве РХ (Сушкова, 2008: 261). В 2009 г. в связи с ликвидацией Комитета по делам архивов полномочия по управлению архивным делом были переданы Министерству культуры Республики Хакасия, было создано Государственное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив Республики Хакасия».

В настоящее время Национальный архив, по материалам которого историю Хакасии возможно отследить с 1812 г., имеет на хранении более 1700 фондов, в которых насчитывается более 300000 еди-

¹ Владислав Михайлович Торосов (3 марта 1937 — 6 июня 2018) — государственный, научный и общественный деятель Хакасии, кандидат экономических наук (1972), действительный член Российской и Международной инженерной академии (1994), заслуженный деятель науки Республики Хакасия (2002), почётный доктор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (2004). Председатель Хакасского республиканского общественного движения Совет старейшин родов хакасского народа (2003–2017). За свои заслуги был удостоен званий «Почетный гражданин Аскизского района» (1997), «Почетный гражданин города Абакана» (1999), «Почетный гражданин Республики Хакасия» (2018), «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия» (2002).

² Торосов В. М. Дела минувших лет. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. С. 5.

³ Там же. С. 28.

ниц хранения, в том числе: исторические фонды (дореволюционные), управленческая документация, документы по личному составу, документы личного происхождения (более 30 личных фондов), фото- и фонодокументы.

Интересующие нас материалы 1920–1930-х гг., отложившиеся в НА РХ, обладают высоким информационным потенциалом, поскольку в них нашли отражение изменения, происходившие во всех сферах общественной жизни как в целом по стране, так и в регионах, в частности. Решающее значение в характере этих процессов сыграли особенности становления Советского государства, формирования нового государственного аппарата на принципах соединения законодательной и исполнительной функций, жесткой централизации, привлечения к управлению широких масс населения, далеких от управленческой работы.

В то же время в практике архивного строительства в 1920–1930-е гг. внедрялось засекречивание персональной информации партийных и советских работников, отнесенных к числу классово-чуждых элементов. Исследователи отмечают, что «работа по выявлению компрометирующего материала на граждан в 1920-е гг. приняла характер важного вспомогательного инструмента репрессий: выявлялись для принятия превентивных мер представители тех слоев и общественных групп и структур, в деятельности которых содержались возражения против установления советской власти (Корнеева, Копылова, 1992: 23). Материалы архивных следственных дел, заподозренных в антисоветской деятельности, длительное время оставались закрытыми для исследователей. Документы не подлежали оглашению, скрывались под грифами «Секретно», «Совершенно секретно». Кроме того, в указанный период архивные фонды как центральных, так и региональных архивов понесли большие потери из-за неконтролируемого изъятия архивных документов, организованного органами Государственного политического управления при Наркомате внутренних дел РСФСР (ГПУ при НКВД РСФСР), Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ОГПУ при СНК СССР) в целях «выявления «врагов» и средством для продвижения «классовой борьбы» в мирных условиях» (Боброва, 2009:159).

Информация о деятельности М. Г. Торосова содержится в составе разных фондов НА РХ. В ходе репрессивных действий против него фотографии и документы, связанные с ним, были уничтожены. Его потомки были лишены возможности сформировать, сохранить семейный архив.

В НА РХ нами был использован фонд П-2 «Хакасский областной комитет КПСС». Из материалов данного фонда, в состав которого включены личные дела работников обкома КПСС, персональные дела и другие материалы, относящиеся к документам личного состава, важными для нашего исследования явились документы, относящиеся к биографии М. Г. Торосова: личный листок по учету кадров, автобиография, выписка из протокола Хакасского обкома ВКП (б). Доступ к его личному делу, содержащему персональные данные, долгое время для исследователей был закрыт. Лишь с конца 1990-х — начала 2000-х годов возникла возможность ознакомления с документами, которые позволили установить некоторые вехи жизни Торосова.

Важная информация была почерпнута нами из личного листка по учету кадров, заполненного Торосовым 13 марта 1937 г. (*фото 2b*).

В исследованиях отмечается, что «роль и место этого документа в системе партийно-советского учета были официально закреплены инструкцией, принятой состоявшимся при ЦК РКП(б) 12–18 декабря 1921 г. совещанием заведующих учетно-статистическими отделами губкомов» (Морозова, 2018: 199). На этом совещании была принята типовая форма личного листка объемом в четыре страницы, которая была разослана в губернские и уездные комитеты партии вместе с инструкцией по его заполнению, содержавшей краткие пояснения по каждому пункту (там же: 199). Вместе с ответами на данные вопросы учетно-статистические отделы получали исчерпывающую информацию о работнике, из которой можно было вывести и выводы о его политической благонадежности. Ценность личного листка, как исторического источника, состоит, прежде всего, в достоверности и точности фиксации сведений о месте прохождения службы в хронологической последовательности.

М. Г. Торосов заполнил все графы и таблицы листка по учету кадров аккуратным каллиграфическим почерком, что позволяет исследователям без труда читать его содержание. Документ содержит 34 вопроса, ответы на которые должны были быть обязательными. Наряду с вопросами о дате и месте рождения, о национальности, о социальном происхождении и положении имелись вопросы об участии в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских выборных органах, о знании

Личный листок по учету кадров

Фамилия Торосов имя Михаил отчество Игнатьевич

1. Год и месяц рождения 1925 г. май 2. Пол муж 3. Место рождения (по существующему административному делению) Область Хакасия, р-н Ч.А. (Ч.А. и Хакасия), Хакасия, Ч.А. Национальность хакасская

5. Соц. происхождение: а) бывш. сословие (звание) родителей рабочие б) основное зан. родителей до Октябрьской революции рабочий-заводчик, завод, артели, дань батрака, после Октябрьской революции рабочие 6. Основная профессия (занятие) к моменту вступления в партию делом 1/2 делов 7. Соц. положение солдатский 8. Партийность член ВКП(б) 9. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Хакасским Округом

10. Партист. стаж февраль 1927 г. № партийного 0487862 или к/карт. 11. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1925 по 1928 12. Состоял ли в других партиях (каких, с какого и по какое время) не состоял 13. Состоял ли ранее в ВКП(б) Член с какого и по какое время и причины исключения или выбытия

14. Участвовал ли в оппозициях (каких, когда) не участвовал

15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года созвездий, с 1923

16. Образование среднее специальное: Омская-Финлянд. школа. в Общез. (школа, неучился) в Общез. (школа-разведка)

Общая и специальная	Полное наименование учебного заведения (вуза, техникума, техникума, колледжа, лицея и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-н, год)		Всего не окончено курсов	Какая часть специальности по результатам оконченного учебного заведения
			вступил	окончил курс		
	<u>Омская-Финлянд. школа в Красноярске</u>		<u>1919</u>	<u>1925</u>	<u>сдал</u>	<u>полностью</u>
	<u>в Сибири (школа-разведка) Ин-т з. Малая</u>	<u>инженерно-техническое отделение (инженер)</u>	<u>1921</u>	<u>1925</u>	<u>член</u>	<u>полностью</u>

17. Ученая степень (звание) Член 18. Имеет ли научные труды, изобретения Член (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам опубликованы, необходимо дать в приложении) 19. Был ли за границей Да

Дата (м-н, год) с какого времени	по какой стране (указать город, место)	Цель поездки (пребывания)	
			<u>с 1919</u>

20. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

Дата (м-н, год) вступл.	ухода	Должность или выполняемая работа	Подробное название учреждения, организации или предприятия	Местонахождение учреждения или предприятия (указать город, район, какой области, края, республики)
<u>1911</u>	<u>1919</u>	<u>ученик, батрак</u>	<u>Завод Вишняков, Обл. Хакасия</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1919</u>	<u>1925</u>	<u>Батрак</u>	<u>Байков-Кулаков за-во</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1925</u>	<u>1925</u>	<u>Рабочий, завод батрак</u>	<u>Омская-Финлянд. школа и завод</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1925</u>	<u>1925</u>	<u>Делом</u>	<u>Зав.-Вет. Обл. Хакасия</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1925</u>	<u>1927</u>	<u>Партиорганизатор</u>	<u>Туркестанская Машинная</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1927</u>	<u>1928</u>	<u>Счетовод</u>	<u>Омская-Финлянд. школа</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1928</u>	<u>1928</u>	<u>Зав. заводом</u>	<u>Хакасская обл. при автомаш. Хакасская округ. (включая)</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1928</u>	<u>1930</u>	<u>Заведующий</u>	<u>Округ. Отдел здравоохран.</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1930</u>	<u>1930</u>	<u>Заведующий</u>	<u>Округ. Отдел культуры</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1930</u>	<u>1935</u>	<u>Заведующий</u>	<u>Хакасская обл. С.М.И.</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1935</u>	<u>1935</u>	<u>Директор</u>	<u>Сибирь. Завод-Разведка</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1935</u>	<u>1935</u>	<u>Секретарь</u>	<u>Хакасская обл. С.М.И.</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
<u>1935</u>	<u>1935</u>	<u>Председатель</u>	<u>Хакасская обл. С.М.И.</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>

21. Работа по совместительству (в момент заполнения личного листа)

<u>1935</u>	<u>Председатель</u>	<u>Обл. Комитет Ново-Туркестанской Рабочей</u>	<u>Чем.-Вет. Обл. Хакасия</u>
-------------	---------------------	--	-------------------------------

Фото 2 (а, б). Личный листок по учету кадров Торосова М. Г. (НА РХ, ф.п-2, оп.3, д. 354, л. 1, 1 (оборот).
 Photo 2 (a, b). Personal data sheet of M. G. Torosov (NA RKH, f. n-2, inventory list 3, case record 354, list 1, 1 (back side).

и иностранных языков, о службе в армиях, о наградах и поощрениях после Октябрьской революции, о привлечении к судебной ответственности, о партвыскапаниях, о результатах прохождения партчистки, о семейном положении, об адресе места проживания. Листок подписан лично Торосовым и заверен подписью и печатью (НА РХ, ф.п-2, оп. 3, д. 354, лл. 1-4).

Особую ценность в восстановлении траектории жизни Торосова представляет его автобиография. Большинство сведений, содержащихся в документе, совпадают со сведениями из личного листка (фото 3 а, б).

Автобиография была составлена Торосовым в июле 1937 г. в машинописном виде на трех страницах, подписана им лично. В середине и во второй половине 1930-х гг. требования к ее написанию включали в себя подробную информацию об отношении к деятельности других, ранее существовавших партий. В соответствии с требованиями к содержанию автобиографии Торосов указал, что в оппортунистических партиях не состоял, что сведения, изложенные им в документе, могут подтвердить Кузугашев, Интутова, Тогдин и др. (НА РХ, ф.п-2, оп. 3, д. 354, л. 3).

Важным дополнением к материалам личного дела М. Г. Торосова стали документы фонда личного происхождения Кузьмы Михайловича Патачакова (1922-1998) (НА РХ, ф.р-966).

Судьба архива известного этнографа, видного исследователя истории, сотрудника Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории К. М. Патачакова, который был сформирован им на протяжении его творческого пути, сложилась благополучно. После смерти Кузьмы

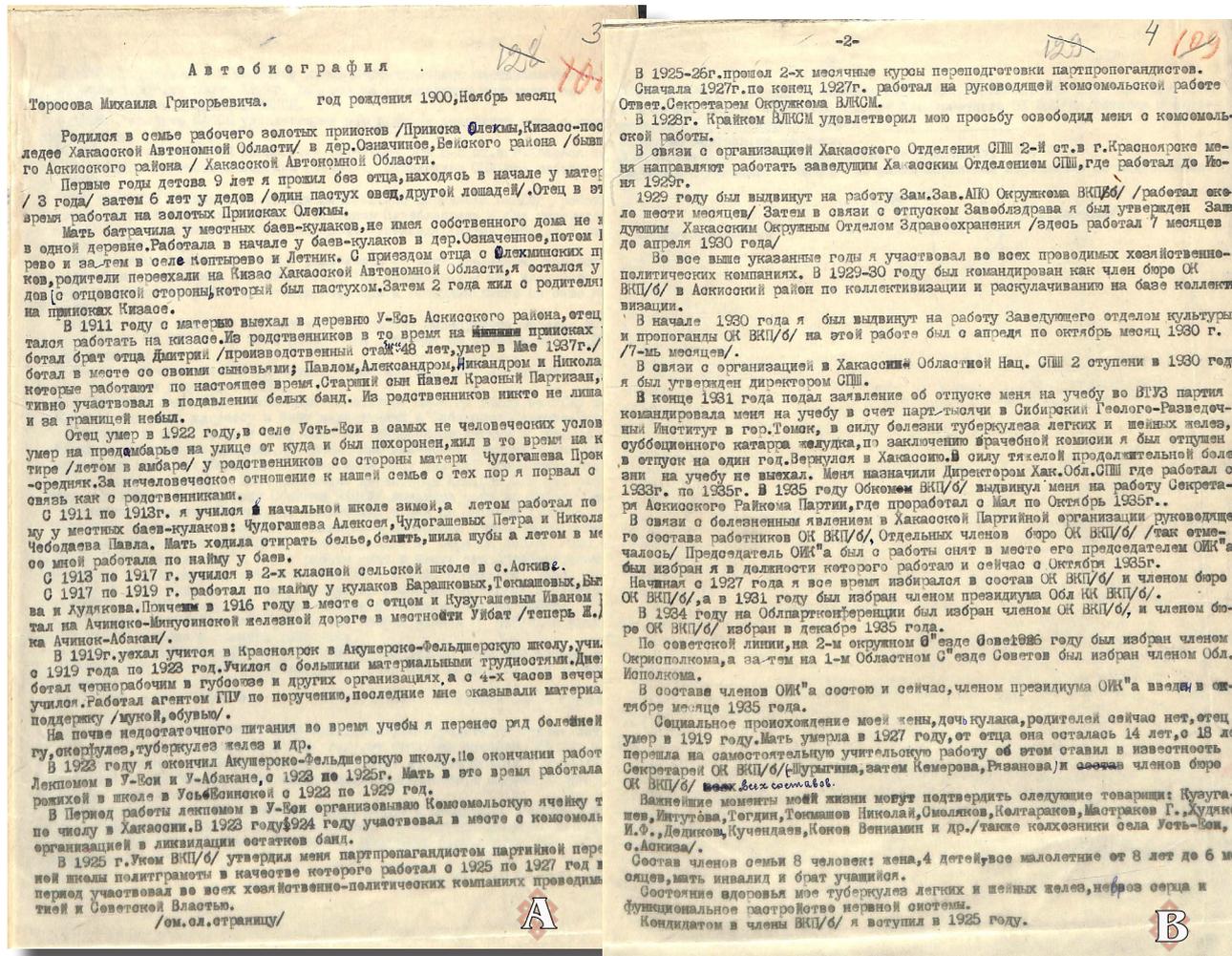

Фото 3 (а, б). Автобиография М. Г. Торосова (НА РХ, ф.п-2. оп. 3. д. 354, л. 3, 4).

Photo 3 (a, b). M. G. Torosov's autobiography (NA RKH, f. n-2, inventory list 3, case record 354, lists 3, 4).

Михайловича потомки ученого правильно распорядились наследием ученого. Оно находилось в идеальном состоянии, и наследники передали его на хранение в республиканский архив. Фонд включает в себя 528 дел, в составе которых отложились рукописи неопубликованных статей, фотографии, каталожные карточки, библиографические списки, вырезки из газет по истории и этнографии хакасов и др.

Весьма привлекательным для нашего исследования явилось дело «Краткие биографические справки: Балахчин Яков Андрианович; Казанакоев Анатолий Тимофеевич; Киштеев Иван Михайлович; Самрин Константин Константинович; Тодышев Кирилл Семенович; Торосов Михаил Григорьевич. Машинопись с авторскими правками» (НА РХ, ф. р-966, оп. 1, д. 20, лл. 26–29). Рукописи статей, составленные автором в 1970–1980 г. в машинописном варианте на русском языке, содержат ценную информацию о представителях национальной интеллигенции Хакасии, принявших активное участие в модернизационных процессах 1920–1930-х гг. Следует подчеркнуть, что названные материалы были опубликованы автором в переведенном на хакасский язык варианте в СМИ и научно-популярных изданиях.

Материалы о М. Г. Торосове, расположенные на листах 26–31 данного дела, представляют собой рукопись, аккуратно выполненную на печатной машинке. Кузьма Михайлович при подготовке биографической статьи, вероятно, обратился к потомкам Торосова, поскольку он использовал его сохранившиеся письма к родным. К примеру, письмо Торосова с Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов в Москве, адресованное его супруге Клавдии Терентьевне, в котором он делился своими

впечатлениями от выступлений руководителей партии и государства. Он писал: «Любое поручение, любое задание выполнять честно, добросовестно и с большой ответственностью» (НА РХ, ф. р-966, оп. 1, д. 20, л. 31). Эти строки, по мнению Патачакова, обогатили идейно, окрылили счастливыми перспективами всех участников делегации съезда, принявшего Конституцию СССР. Сюжеты из письма, приведенные в данной рукописи, дополняют архивную информацию о том, что Торосов был участником делегации съезда, принявшего Конституцию СССР.

Учитывая наличие в НА РХ закрытых дел, можно сказать, что в настоящее время мало документов, связанных с именем М. Г. Торосова, в этой связи каждый имеющийся документ приобретает особую ценность.

Интересная информация хранится в Национальном архиве Республики Тыва (далее — НА РТ), который был создан в 1930 г. и в настоящее время является главным хранителем документального наследия Тувы. В архивохранилищах учреждения имеются рукописи, начальная дата которых приходится на 1715 г. Несомненным достоянием архива являются коллекции личного происхождения, прием и систематизация которых ведется архивистами Тувы с 1954 г. (Чамзо, 2020). В то же время, «в связи со сменой кадрового и политического состава правительственных и иных организаций, с введением тувинской национальной письменности в 1930 г. комплекс откладывающихся документов отражал, в первую очередь, историю становления нового государства (Мунге, Куулар, Ламажаа, 2020: 8).

Протоколом постановления Совета Министров ТАР № 54 от 7 апреля 1932 г. основная функция Государственного архива была обозначена как «собрание и систематизация всех основных материалов из истории и хозяйственно-культурному строительству ТАР» (там же: 14). В этой связи в фондах архива Тувы сохранены документы Президиума Малого Хурала, Совета Министров ТНР, Верховного суда и Прокуратуры ТНР, народного суда города Кызыла. Помимо этого, имеются на хранении документы, которые свидетельствуют об укрепляющихся связях между ТНР и СССР, между ТНР и отдельными регионами СССР.

В частности, в архивном фонде 92 «Совет Министров ТНР» в деле «Запись бесед Председателя Малого Хурала ТАР с председателем ЦИК СССР и наркома земледелия СССР» сохранился важный для нас документ — удостоверение, выданное 3 июля 1936 г. № К-217 Михаилу Торосову. Оно свидетельствует о том, что Торосов был командирован «в Танну-Тувинскую республику в качестве представителя для участия в праздновании годовщины пятнадцатилетнего существования Танну-Тувинской республики и для передачи приветствия правительству и трудящимся массам Танну-Тувинской республики от советов, рабочих, колхозников и всех трудящихся масс области по поводу этого знаменательного празднования» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 613, л. 18) (фото 4).

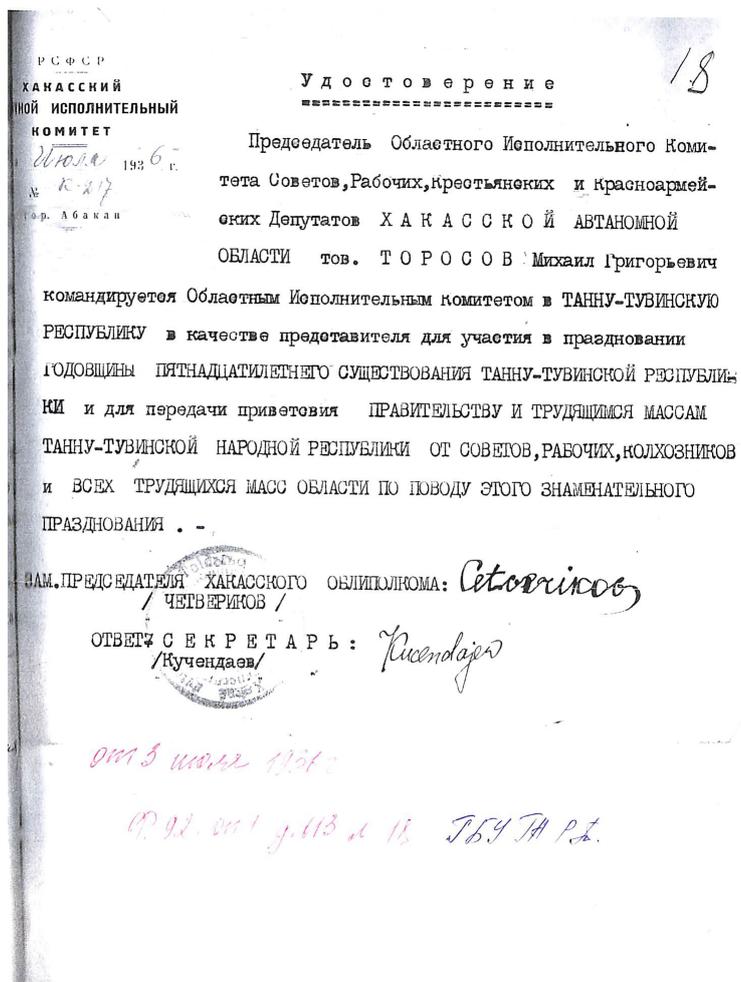
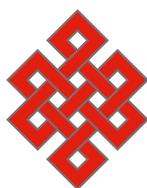

Фото 4. Удостоверение М. Г. Торосова (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 613, л. 18).
Photo 4. M. G. Torosov's certificate of employment (NA RT, f. 92, inventory list 1, case record 613, list 18).

Выявленные в НА РХ и в НА РТ архивные документы имеют важное значение в восстановлении жизнедеятельности Торосова, в возвращении его имени в историю Хакасии 1920–1930-х гг. Достоверность анализируемых документов не вызывает сомнений, поскольку они имеют все делопроизводственные реквизиты. Безусловно, для полного исследования его судьбы важно расширение источниковой базы, привлечение и использование информационного потенциала документов архивов Новосибирской области и Красноярского края¹, следственных дел (доступ к ним вновь ограничен) в фондах хакасского архива.

Основные вехи жизни

М. Г. Торосов родился 21 ноября 1900 г. в селе Означенное Бейского района Минусинского уезда (ныне — г. Саяногорск) в простой трудовой семье. В 1911 г. мальчик пошел в школу, окончил два класса. С 1913 по 1917 гг. Торосов учился в сельской школе села Аскиз. Закончив школу, он продолжил образование в Красноярской фельдшерско-акушерской школе с 1919 г. по 1923 гг. (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 1).

В автобиографии М. Г. Торосов отмечал: «Учился с большими материальными трудностями, днём работал чернорабочим в губсоюзе и на железнодорожной станции, а с 4 часов вечера учился» (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 3). Будучи студентом, Торосов участвовал в совещаниях представителей хакасов по вопросам народного образования, а в марте 1921 г. в г. Красноярске вошел в состав «Инициативной группы по выработке хакасской транскрипции для печатания букварей и книг на хакасском языке», которая вскоре утвердила в качестве основы проект Торосова-Одежкина. Однако формирование письменности хакасов в тот период не было завершено в силу тяжелого экономического положения в стране, и в регионе, в частности.

Молодой человек, увлеченный общественной работой, проявлял большой интерес к истории, находил время для изучения архивных документов, жадно читал периодическую печать. Чтение газет и журналов осталось его увлечением на долгие годы. Он писал: «Выписываю журналы и газеты: “Правда”, “Власть труда”, “Народный университет на дому”, “Коммунистический университет на дому”, ленинские тома “3-е издание”, “Спутник агитатора”, регулярно читаю за исключением некоторых отделов» (НА РХ, ф. 1, оп. 2 «а», д. 3, л. 1; сохранена стилистика автора. — Т. М.).

После окончания фельдшерской школы с 1923 по 1925 гг. Торосов работал помощником лекаря в селах Усть-Есь и Усть-Абакан. В этот период он не остался в стороне от общественно-политической жизни, принял участие в создании комсомольских ячеек. Так была создана ячейка в Усть-Еси «третья по счету во всем уезде» (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 3). Данный опыт комсомольца оказался востребованным новой властью, поэтому в 1925 г. Хакасский уездный комитет ВКП(б) утвердил М. Г. Торосова, успешно окончившего двухмесячные курсы переподготовки, пропагандистом партийной передвижной школы политграмоты (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 1/обор.). В течение двух лет Михаил проводил пропагандистскую работу в улусах и селах Хакасии, одновременно он успевал оказывать медицинскую помощь и участвовать в ликвидации неграмотности (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 3).

В 1927 г. Торосов вступил в ряды ВКП(б). Очевидно, как и многие его современники, он решился на этот шаг, поскольку верил «возможности заняться реализацией национальной политики РКП(б)» (Хасенова, Жеребцов, 2019: 84). Вступление в ряды руководящей партии открыло перспективы карьерного роста: молодой коммунист в том же году был избран первым секретарем Хакасского окружкома ВЛКСМ. В условиях социалистической модернизации комсомольская организация под руководством М. Г. Торосова занималась массовым вовлечением комсомольцев в соцсоревнование на предприятиях промышленности и строительства.

Торосов принял участие и в решении кадровых вопросов, которые приобрели наибольшую остроту после окончания гражданской войны, поскольку необходимо было наладить государственное и хозяйственное управление, руководство организационно-партийной и идейно-воспитательной работой. Решению этой задачи были призваны советско-партийные школы (СПШ), создание которых началось в РСФСР с осени 1920 г. (Аманжолова, 2019: 21–36). Создание советских партийных школ проходило в русле укрепления партийного образования, поскольку новой властью оно рассматривалось

¹ Хакасская автономная область с момента своего создания в 1930 г. входила в состав краев: 1930–1934 гг. — Западно-Сибирского (центр — г. Новосибирск), 1934–1991 гг. — Красноярского края (центр — г. Красноярск).

как один из основных инструментов создания слоя управленцев, поскольку именно идеологическая составляющая образования должна была обеспечить, по мнению власти, «качественное улучшение личного состава доминирующей политической силы, повышение партийной сознательности членов» (Рябченко, Золотарева, 2019: 130).

В октябре 1928 г. в связи с организацией Хакасского отделения Красноярской СПШ II ступени¹ М. Г. Торосов был назначен на должность заведующего Хакасским отделением СПШ. С июня 1929 г. он совмещал эту должность с должностью заместителя заведующего агитации и пропаганды окружкома ВКП (б), с заведованием окружным отделом здравоохранения. На его ответственности были вопросы организации медицины, обустройство больниц и медпунктов, снабжение их медикаментами, кроме того, он занимался кадровыми вопросами, а также принимал участие в оказании медицинской помощи населению (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 4). В этот период в сфере здравоохранения Хакасии существовала масса проблем: не хватало врачебных кадров, среднего медперсонала, специализированных помещений.

В начале 1930 г. Михаил Григорьевич был назначен на должность заведующего отделом культуры и пропаганды Хакасского обкома партии (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 4). Через семь месяцев, в октябре 1930 г. в связи с открытием в Хакасии областной национальной советской партийной школы (СПШ) М. Г. Торосов был утвержден ее директором (там же). Руководителю СПШ приходилось решать вопросы поиска помещений для учреждения, проблемы финансирования школы, недостатка учебной и методической литературы, укомплектованности преподавательского состава (Мамышева, Донгак, 2020: 96). При активном участии директора в учебный план удалось включить такие общеобразовательные дисциплины как русский и хакасский языки, география, естествознание, общая агрономия, механизация сельского хозяйства, зоотехния (НА РХ, ф. 38, оп. 5, д. 20, л. 55). Однако, в связи с необходимостью получения высшего образования в 1931 г. М. Г. Торосов «подал заявление об отпуске на учебу в счет парттысячи» и был командирован на учебу в Сибирский геолого-разведочный институт г. Томска на очную форму обучения (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 4). Он проучился два года по очной, три — по заочной форме обучения. Заочное обучение Михаил Григорьевич совмещал с обязанностями директора СПШ, вновь возложенными на него.

В октябре 1935 г. М. Г. Торосов был избран председателем Хакасского областного исполкома депутатов трудящихся и членом бюро обкома ВКП (б) (НА РХ, ф. п-2, оп. 3, д. 354, л. 6). Компетенции, знания, полученные Торосовым на самых различных участках в предыдущие годы, помогли ему сразу вникнуть в нюансы новой ответственной работы.

Накануне пятилетнего юбилея Хакасской автономной области в октябре 1935 г. председатель облисполкома Михаил Торосов отчитался об итогах развития автономии перед Президиумом ВЦИК. Он раскрыл состояние дел в различных отраслях народного хозяйства, показал ресурсы и возможности автономной области, но основное внимание уделил трудностям и проблемам, сдерживающим её развитие.

По результатам доклада Торосова ВЦИК принял постановление, в соответствии с которым впоследствии была разработана широкая программа развития области. По ряду вопросов были даны поручения Совету народных комиссаров РСФСР, Госплану РСФСР, наркоматам и Красноярскому крайисполкому. В ходе реализации программы в области были решены вопросы в сфере образования,

¹ В 1920–1930-е гг. система партийного образования включала в себя три типа учебных заведений. Совпартшкола I ступени (уездная), создавалась на уровне уезда, округа, района. Она предполагала обучение в течение трех месяцев для рабочих и четырех месяцев для крестьян. Основная задача этих школ состояла в приобщении слушателей к начальным политическим знаниям. В совпартшколе II ступени, которая организовывалась на уровне губернии, края, АССР, автономной области. В течение девяти месяцев осуществлялась подготовка советских и партийных работников. Набор в школу был строже: в нее могли поступить лица, окончившие школу I ступени или имеющие знания в этом объеме. Совпартшкола II ступени должна была дать слушателям разностороннее марксистское развитие. Курс был рассчитан на шесть месяцев теоретической подготовки и три месяца учебы на специальных отделениях. Совпартшкола III ступени являлась коммунистическим университетом с трехлетним курсом обучения (два года — общетеоретический курс и один год — специализация). Она должна была обеспечить подготовку «образованных марксистов, призванных сменить старую партийную гвардию» (Мамышева, Донгак, 2020: 95).

здравоохранения, культуры, коммунального и дорожного хозяйства, энергетики, связи, горнорудной промышленности и сельскохозяйственного производства¹.

Хакасская автономная область с момента своего создания получила возможность установления тесных контактов с соседней Тувинской Народной Республикой. Уже в сентябре 1931 г. делегация из Тувы во главе с секретарем по идеологии ЦК ТНРП С. К. Тока выехала в Хакасию, где в рамках визита в СССР на совместном совещании с руководителями областных учреждений Хакасии им были четко обозначены проблемы подготовки специалистов, а также просьба об отправке в Туву преподавателей-хакасов (НА РХ, ф. 2, оп. 1, д. 51, л. 14). В материалах к протоколу заседания хранится доклад С. К. Тока, в котором он сообщает, что «В июле 1930 г., при помощи научных организаций Советского Союза, мы создали новую письменность. С того времени прошел всего год. За это время по новой письменности мы имеем грамотных 20% населения» (НА РХ, ф. 2, оп. 1, д. 41, л. 37).

Впоследствии по этому поводу между руководством Тувинского государства и первым секретарем Хакасского обкома ВКП (б) С. Е. Сизых велась активная переписка, эпизоды которой сохранились в Национальном архиве Республики Хакасия. Так, в апреле 1932 г. Министерство культуры ТНР обратилось с просьбой командировать к началу учебного года знающих тувинский язык «окончившего партшколу Спирина Семена и преподавателя тувинского языка Спирина Тимофея» (НА РХ, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 54). В личном письме к С. К. Токе Сизых подтвердил готовность Хакасской автономной области предоставить двух преподавателей и принять на обучение учащихся Тувы в учебные заведения области: педтехникум, совпартшколу, коноводтехникум. Далее сообщалось о том, что после обсуждения этого вопроса на заседании Хакасского бюро обкома ВКП(б) его решение пошло по линии облоно (НА РХ, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 56).

Проблема подготовки квалифицированных кадров оставалась долгие годы главным вопросом в культурном строительстве Тувы. В НА РТ в фонде «ЦК ТНРП» имеется «Доклад о системе народного образования и состоянии просвещения в ТНР» за 1944 г., в котором отражена помощь Советского Союза в области народного просвещения ТНР, приводятся данные об оказании братской помощи по развитию национальной культуры и народного просвещения Тувы со стороны Хакасского областного отдела народного образования, о направлении лучших специалистов — учителей в ТНР. В докладе даны сведения об общем количестве обученных специалистов из ТНР в высших учебных заведениях Советского Союза, всего с 1925 по 1943 г. обучалось 952 человека, в том числе в Абаканском учительском институте (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 2976, л. 30–31).

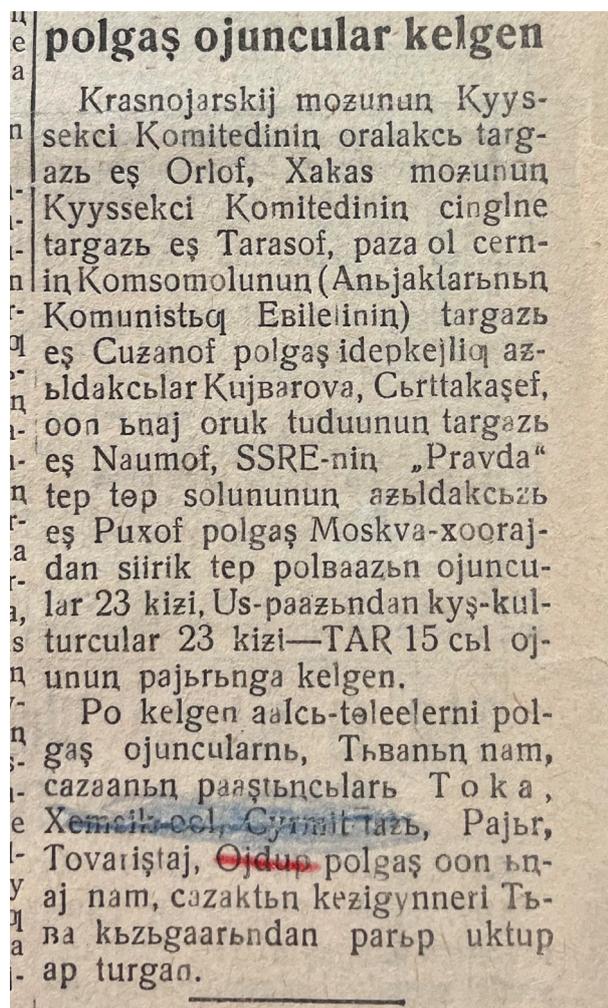

Фото 5. Вырезка из газеты «SbN» (газетный фонд НА РТ, газета «SbN» от 7 июля 1936 г., № 54 (555)).

Photo 5. A clipping from the newspaper "SbN" (newspaper collection, NA RT, newspaper "SbN" of July 7, 1936, No. 54 (555)).

¹ Торосов В. М. Дела минувших лет. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. С. 15.

² НА РТ, газета «SbN» от 7 июля 1936 г. № 54 (555), перевод со старотувинского языка (на латинизированной на новотюркской основе) выполнен Б. В. Мунге.

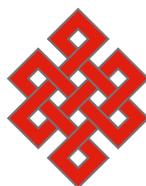

Фото 6. Приветственная речь товарища «Тарасова» (опечатка фамилии Торосова) (НА РТ, газетный фонд, газета «Вперед» от 17 июля 1936 г., № 50 (401)).
 Photo 6. Welcome speech of comrade Tarasov (typo in the surname of Torosov) (newspaper collection NA RT, newspaper "Vpered" of July 17, 1936, No. 50 (401)).

На празднование 15-летия ТАР приехали: чрезвычайный уполномоченный правительства Союза СССР А. В. Шотман, полномочный представитель СССР в ТАР В. В. Малков, торговый представитель СССР в ТАР Ш. Ш. Шаймарданов, полпред Монгольской Народной Республики в ТАР Намзырай, а также другие гости — представители Красноярского края, советские летчики, артисты и др. Поздравительные телеграммы в честь празднования поступили от председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина, генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. М. Димитрова, руководителя обкома Ойротии Толуша (Николая Ивановича) Енчинова, Хакасского обкома КПСС С. Е. Сизых, ректора и преподавателей КУТВ и др.

На празднование юбилея в столицу Тувы из Хакасской автономной области прибыла целая делегация во главе с М. Г. Торосовым: руководитель комсомола Чульжанов (Culzanof), активные представители молодежи Куйбарова (Kujbarova), Чертыгашев (Сьрттакасеф), руководитель строительства дорог Наумов (Naumof)² (фото 5).

В своем докладе, опубликованном в газете «Вперед», руководитель делегации М. Торосов отметил:

«Товарищи! Мне поручено предать свободному тувинскому народу от Хакасской области радостный привет! Я очень рад слышать, что ТАР имеет большие достижения. Араты в прошлом, как и народы Хакасии, без имени, письменности, имеют право на существование, свободно и успешно строят свою государственность — это чрезвычайно огромное завоевание революционной Тувы. Хакасская область решила преподнести Вам в подарок племенного жеребца — рысака и быка симментала. Пусть этот подарок свидетельствует о всекрепнущей нашей дружбе. Да здравствует широкие аратские массы! Да здравствует т.т. Кемчик-оол, Тока и Чурмит-тажи!» (НА РТ, газетный фонд, газета «Вперед» от 17 июля 1936 г. № 50 (401)) (фото 6).

Пребывание Торосова в составе делегации Хакасии на праздновании 15-й годовщины тувинской народной революции было расценено следователями НКВД как его участие в «установлении связи с разведкой одного из иностранных государств» (Тугужекова, Карлов, 1998: 53). Агентом этой разведки был определен Сирен — председатель Тувинского Центросоюза кооператоров, который якобы был посвящен в цели и задачи организации (там же, 1998: 53).

В 1936 г. во время обсуждения проекта Конституции СССР Торосов высказался за выведение Хакасской автономной области из состава Красноярского края, за прямое подчинение ее правительству РСФСР. Следует подчеркнуть, отстаиваемое им преобразование состоялось спустя годы, во времена перестройки, демократизации страны (1991 г.).

Столь смелые высказывания председателя Хакоблесполкома привели к тому, что он был заподозрен в антисоветской деятельности. В 1937 г. на заседании бюро обкома ВКП (б) он был исключен из партии, как член буржуазно-националистической организации «Союз сибирских тюрок». Многим подсудимым этого времени инкриминировалось создание контрреволюционной организации среди национальной интеллигенции Ойротской, Хакасской автономных областей, Горно-Шорского национального района Западно-Сибирского края и образовать единое государство на территории этих земель, включая Туву. Идея о создании Хакасской автономной советской социалистической республики в составе РСФСР, высказанная М. Г. Торосовым, явилась основанием для его обвинения в «буржуазном национализме», затем в октябре 1937 г. — для ареста. Он пробыл несколько дней под следствием в Хакасском облуправлении НКВД, затем его направили в Красноярск, где он был расстрелян 13 июля 1938 г. В 1957 г. М. Г. Торосов был реабилитирован посмертно. (Тугужекова, Карлов, 1998: 57).

Таким образом, выявленные архивные документы позволяют расширить представление о семье Михаила Григорьевича, уточнить основные этапы его трудовой деятельности. В связи с отсутствием его личного фонда сведения о нем были почерпнуты из незначительного количества дел фондов двух региональных архивов, тем не менее, они явились надежным материалом для освещения жизненного пути Торосова.

Заключение

Михаил Григорьевич Торосов является выдающимся политическим деятелем Хакасии, становление которого произошло в ранние советские годы. Призванный к участию в преобразованиях, охвативших страну в 1920–1930-е гг., Торосов намеревался внести свою лепту в построение нового общества. На всех постах он добросовестно и профессионально выполнял возложенные на него обязанности. Однако трагическая судьба не обошла стороной Торосова. Попав под жернова политических репрессий, он должен был быть обреченным на забвение. Все свидетельства, связанные с его именем, были уничтожены: семейные архивы, фотографии, рабочие тетради, записные книжки. В этой связи не сохранились и не были выделены в отдельный архивный фонд документы личного происхождения М. Г. Торосова.

В деле возвращения его имени, его вклада в становление автономной области неопределимую помощь оказали документы, сохранившиеся в архиве Республики Хакасия, весомо дополняют их материалы, выявленные в настоящее время в Национальном архиве Республики Тыва. Следует отметить, что вводимые в оборот архивные источники, являясь основой для изучения жизнедеятельности одного из деятелей Хакасии 1920–1930-х гг., имеют особую ценность и в раскрытии содержания, становления и развития связей между Тувой и советской Хакасией, в выявлении их особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманжолова, Д. А. (2019) Образование для управленцев: Из опыта 1920–1930-х гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. № 4. С. 21–36.
- Боброва, В. С. (2009) Секретные фонды архивов Сибири в 1920-е годы // Российская история. № 6. С. 158–169.
- Данькина, Н. А. (2004) Интеллигенция Хакасии в конце XIX — 30-е гг. XX вв. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 125 с.
- Корнеева, В. Е., Копылова, О. Н. (1992) Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. № 3. С. 13–25.

Красовицкая, Т. Ю. (2007) Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): документы и материалы. М. : Институт российской истории РАН. 446 с.

Мамышева, Е. П., Донгак, А. А. (2020) Советская партийная школа в Хакасии: исторические и организационно-правовые условия функционирования (вторая половина 1920-х — 1930-е гг.) // Г. И. Чорос-Гуркин и современность. Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения основоположника изобразительного искусства Горного Алтая, известного общественного и политического деятеля Григория Ивановича Чорос-Гуркина / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 132 с. С. 92–98.

Морозова, Т. И. (2018) Личные листки по учету кадров как источник изучения партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.) / отв. ред. К. В. Захаров. Новосибирск : б. и. 300 с. С. 197–203.

Мунге, Б. В., Куулар, М. Ш., Ламажаа, Ч. К. (2020) История архивного дела Тувы: социально-философский анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.1>

Рябченко, А. Г., Золотарева, И. Д. (2019) Особенности партийного образования в СССР конца 1920-х – 1930-х гг. // Научный вестник Южного института менеджмента. № 4. С. 129–133.

Сушкова, Т. А. (2008) Центральный государственный архив Республики Хакасия // Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / науч.-ред. совет: В. А. Кузьмин (пред.) и др. Красноярск : Поликор. Т. 2. 320 с. С. 261.

Тугужекова, В. Н., Карлов, С. В. (1998) Репрессии в Хакасии. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 112 с.

Хасенова, Ж. О., Жеребцов, И. Л. (2019) Ахмет Байтурсынов: от репрессий к реабилитации // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 2 (38). С. 82–88.

Чамзо, Д. У. (2020) Документы личного происхождения в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 75–86. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Дата поступления: 02.04.2022 г.

REFERENCES

Amanzholova, D. A. (2019) Obrazovanie dlia upravlentsev: iz opyta 1920–1930-kh gg. [Education for managers: From the experience of the 1920–1930s]. *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee*, vol. 6, no. 4, pp. 21–36. (In Russ.).

Bobrova, V. S. (2009) Sekretnye fondy arkhivov Sibiri v 1920-e gody [Secret fonds of archives of Siberia in the 1920s]. *Rossiiskaia istoriia*, no. 6, pp. 158–169. (In Russ.).

Dan’kina, N. A. (2004) *Intelligentsiia Khakasii v kontse XIX — 30-e gg. XX veka* [The intelligentsia of Khakassia in the late 19th — the 30s of the 20th century]. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 125 p. (In Russ.).

Korneeva, V. E. and Kopylova, O. N. (1992) Arkhivy na sluzhbe totalitarnogo gosudarstva (1918 — nachalo 1940-kh gg.) [Archives in the service of the totalitarian state (1918 — early 1940s)]. *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 13–25. (In Russ.).

Krasovitskaia, T. Yu. (2007) *Natsional’nye elity kak sotsiokul’turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktiabr’ 1917 — 1923 g.)* [National elites as a sociocultural phenomenon of Soviet statehood (October 1917 — 1923)]: Documents and materials. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 446 p. (In Russ.).

Mamysheva, E. P. and Dongak, A. A. (2020) Sovetskaia partiinaia shkola v Khakasii: istoricheskie i organizatsionno-pravovye usloviia funktsionirovaniia (vtoraia polovina 1920-kh — 1930-e gg.) [The Soviet party school in the Republic of Khakassia: Historical, organizational and legal conditions of operation (the second half of the 1920s — 1930s)]. In: *G. I. Choros-Gurkin i sovremennost’* [G. I. Choros-Gurkin and modernity]: Proceedings of the All-Russian science-to-practice conference with international participation dedicated to the 150th anniversary of the birth of the founder of the fine arts of the Altai Mountains, the famous public and political figure Grigory Ivanovich Choros-Gurkin / ed. by N. V. Ekeev. Gorno-Altaysk, Surazakov Research Institute of Altaistics. 132 p. Pp. 92–98. (In Russ.).

Morozova, T. I. (2018) Lichnye listki po uchetu kadrov kak istochnik izucheniia partiino-sovetskoi elity Sibiri 1920-kh godov [Personal data sheets as a source of studying the Party-Soviet elite of Siberia in the 1920s]. In: *Arkhivnaia sluzhba: put’ dlinoiu v vek. Traditsii sokhraneniia dokumental’nogo istoricheskogo nasledii* [Archival service: A century-long path. Traditions of preservation of documentary historical heritage]: Proceedings of the interregional science-to-practice

conference dedicated to the 100th anniversary of the State Archival Service of Russia (Novosibirsk, May 23, 2018) / ed. by K. V. Zakharov. Novosibirsk, s. n. 300 p. Pp. 197–204. (In Russ.).

Munge, B. V., Kuular, M. Sh. and Lamazhaa, Ch. K. (2020) Istoriiia arkhivnogo dela Tuvy: sotsial'no-filosofskii analiz [The history of archival work in Tuva: A social and philosophical study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.1>

Riabchenko, A. G. and Zolotareva, I. D. (2019) Osobennosti partiinogo obrazovaniia v SSSR kontsa 1920-kh — 1930-kh gg. [Features of party education in the USSR in the late 1920s — 1930s]. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*, no. 4 (28), pp. 129–133. (In Russ.).

Sushkova, T. A. (2008) Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Khakasiia [Central State Archives of the Republic of Khakassia]. In: *Entsiklopediia Respubliki Khakasiia [Encyclopedia of the Republic of Khakassia]* : in 2 vols. / scientific and editorial board: V. A. Kuzmin (head) et al. Krasnoyarsk, Polikor. Vol. 2. 320 p. P. 261. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. and Karlov, S. V. (1998) *Repressii v Khakasii [Repression in Khakassia]*. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 112 p. (In Russ.).

Khasenova, Zh. O. and Zherebtsov, I. L. (2019) Akhmet Baitursynov: ot repressii k reabilitatsii [Akhmet Baitursynov: From repressions to rehabilitation]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsenta UrO RAN*, no. 2 (38), pp. 82–88. (In Russ.).

Chamzo, D. U. (2020) Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v Natsional'nom arkhive Respubliki Tyva [Documents of personal origin at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 75–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.5>

Submission date: 02.04.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.8

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

Статья

Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии

Мерген С. Уланов

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии. Зарождение тенгрианства обычно связывают с народом хунну, создавшим обширную кочевую державу в данном регионе. Дальнейшее развитие тенгрианства получило уже в эпоху великих тюркских каганатов, которые включали в себя предков нынешних тюркских и монгольских народов. С появлением новых кочевых империй связано окончательное формирование тенгрианства как религии имперского типа. О тесной связи тенгрианского культа Неба с властью и государством свидетельствуют древнетюркские рунические памятники.

В период создания Монгольской империи имперский культ Неба и тенгрианская идеология вновь оказались востребованы, так как они обосновывали легитимность новой власти «волей Неба» и объединяли разнородные племена и народы Великой Степи общим мировоззрением. Культ Неба при Чингисхане фактически превратился в официальную религию, которая при этом не отрицала другие конфессии. В последующий период тенгрианство как политизированная религиозная традиция постепенно приходит в упадок, уступая свои позиции буддизму махаяны, исламу, а также шаманизму.

Важным элементом тенгрианского учения был завет жить в согласии и гармонии с миром природы и ее законами. Тенгрианство, будучи переходной стадией от ранних религиозных форм к более развитым религиям, еще не выработало полноценную систему теологии и морали. В силу этого кочевник был ориентирован, прежде всего, на земную, а не на загробную жизнь. При помощи культурных кодов тенгрианство формировало и поддерживало специфические ментальные характеристики в кочевом обществе.

Автор отмечает связь тенгрианства с белым шаманством народов Сибири, указывая на то, что белые шаманы и тенгрианские жрецы выполняли, прежде всего, общественные ритуалы, поклонялись божествам Верхнего мира, носили одинаковую белую одежду и ездили на белых лошадях. С тенгрианством, вероятно, связан и культ Белого Старца, популярный среди монгольских народов и тувинцев.

Взаимодействия тенгрианства с буддизмом и шаманизмом рассматривается в рамках учения об аполлоническом и дионисийском началах, разработанного Ф. Ницше. В этой связи тенгрианство, также как и буддизм, можно определить как религию аполлонического типа, в то время как шаманизм — как религиозное дионисийство.

Ключевые слова: тенгрианство; шаманизм; буддизм; кочевники; монгольские народы; тюркские народы; монголы; аполлонизм; дионисийство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>

Для цитирования:

Уланов М. С. Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 103-115. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Елиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 541-11-38. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 541-11-38. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

Article

Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia

Mergen S. Ulanov

Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article deals with the issue of the role of Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia. The origin of Tengrianism is usually associated with the Hunnu (Xiongnu) people who created a large nomadic realm in this region. Tengrianism gained further development already in the age of the great Turkic khaganates where the ancestors of contemporary Turkic and Mongolian peoples lived. The final formation of Tengrianism as an imperial religion is associated with the emergence of new nomadic empires. Ancient Turkic runic monuments testify to the close connection of the Tengrian cult of Heaven with authority and the state.

During the formation of the Mongol Empire, the imperial cult of Heaven and the Tengrian ideology were again in demand, because they justified the legitimacy of the new government by the “will of Heaven” and united the diverse tribes and peoples of the Great Steppe with a common worldview. The cult of Heaven under Genghis Khan actually turned into an official religion which at the same time did not negate other confessions. Thereafter, Tengrianism as a politicized religious tradition gradually declined, giving way to Mahayana Buddhism, Islam, and shamanism.

An important element of the Tengrian teaching was the covenant to live in agreement and harmony with the natural world and its laws. Tengrianism, being a transitional stage from early religious forms to more advanced religions, had not yet developed a full-fledged system of theology and morality. Therefore, the nomads were focused primarily on the earthly life and not on the afterlife. With the help of cultural codes, Tengrianism was developing and maintaining specific mental characteristics in the nomadic society.

The author notes the connection between Tengrianism and the white shamanism of the peoples of Siberia, pointing out that white shamans and Tengri priests performed preeminently social rituals, worshipped gods of the Upper world, wore the same white clothes and rode white horses. The cult of the White Old Man — popular among the Mongolian peoples and Tuvans — is probably connected with Tengrianism.

The interaction of Tengrianism with Buddhism and shamanism is considered within the framework of the doctrine of the Apollonian and Dionysian principles that was developed by Friedrich Nietzsche. In this regard, Tengrianism, as well as Buddhism, can be defined as an Apollonian type of religion, while shamanism is a religious Dionysianism.

Keywords: Tengrianism; shamanism; Buddhism; nomads; Mongolian peoples; Turkic peoples; Mongols; Apollonianism; Dionysianism

The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (grant No. 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>).

For citation:

Ulanov M. S. Tengrianstvo v istorii i kul'ture nomadov Tsentral'noi Azii [Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 103-115. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Введение

Обращение к тенгрианской тематике связано с процессом возрождения традиционной культуры и обновлением духовной жизни тюрко-монгольских народов России — калмыков, тувинцев, бурят и т. д., которые исторически вели кочевой и полукочевой образ жизни. Очевидно, что подробный анализ происхождения, становления и развития тенгрианства в Центральной Азии, будет способствовать более глубокому пониманию специфики этнической философии тюркских и монгольских народов России. Актуальность исследования обусловлена и тем, что в последние десятилетия среди народов Центральной Азии и Южной Сибири заметно усилился интерес к наследию тенгрианской культуры. С 2007 г. проводятся научные конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии:

истоки и современность». Основным организатором большинства конференций выступает Международный Фонд Исследования Тенгри. На сегодняшний день проведено уже восемь конференций. Последняя VIII конференция проводилась в поселке Домбай в Карачаево-Черкесской республике в сентябре 2021 г.¹

Цель данной статьи — анализ роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии. Задачи настоящего исследования касаются изучения вопросов происхождения тенгрианства, становления и развития его в эпоху тюркских каганатов и Монгольской империи. Среди других вопросов, рассматриваемых в данной статье, можно выделить проблемы философии тенгрианства, связи тенгрианства с шаманской традицией, в частности, с белым шаманизмом и культом Белого Старца, вопрос о взаимодействии тенгрианства с буддизмом. Исследование данных вопросов имеет важное значение для осмысления культурного наследия современных тюрко-монгольских народов, так как тенгрианство, будучи в течение многих столетий основной духовной традицией кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, сильно повлияло на их культуру и менталитет.

Теоретико-методологической основой данного исследования стал системный подход, который достаточно часто применяется в подобного рода религиоведческих работах. Использование системного подхода позволило рассмотреть тенгрианство как сложное и многогранное явление, имеющее связь с другими религиозными традициями Центральной Азии. В силу сложности и многогранности данной проблемы был также использован междисциплинарный подход. Кроме того, автор попытался рассмотреть тенгрианство в рамках учения об аполлоническом и дионисийском началах, разработанного Ф. Ницше.

Среди работ отечественных ученых, посвященных феномену тенгрианства, можно назвать труды Н. В. Абаева, Б. А. Бичеева, А. Г. Кукеева, Ю. И. Дробышева, И. С. Урбанаевой и др. (Абаев, 2015, 2016; Бичеев, 2021; Бичеев, Кукеев, 2011; Дробышев, 2012; Урбанаева, 2020). Из трудов зарубежных исследователей необходимо выделить работы Н. Г. Аюпова, С. Ш. Аязбековой, Т. С. Жумаганбетова, А. А. Кодар, А. Н. Сыдыкова, Х. Цоохуу, Х. Гюнгер и др. (Аюпов, 2012; Аязбекова, 2020; Жумаганбетов, 2006ab; Кодар, 2009ab; Сыдыков, 2014; Цоохуу, 2014; Güngör, 2013).

В то же время проблема роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии нуждается в дальнейшей разработке, систематизации и философско-религиоведческом анализе имеющегося фактического и теоретического материала.

Источниковой базой данного исследования стали имеющиеся научные работы, касающиеся тенгрианской проблематики, а также тексты памятников древнетюркской письменности Центральной Азии, опубликованные в книге С. Е. Малова (Малов, 1959). При работе над вопросом о роли тенгрианства в период Монгольской империи было использован текст «Сокровенного сказания монголов» (Козин, 1941). При исследовании влияния тенгрианства на менталитет кочевых народов использовался труд П. Карпини о монголах², а также «Анналы Бёртонского монастыря»³.

Тенгрианство как древняя религия тюрко-монгольских народов

Зарождение тенгрианства обычно связывают с народом хунну, создавшим обширную кочевую державу в Центральной Азии в III в. до н. э. (Крадин, 2020). Именно с хунну исследователи связывают первую попытку систематизации разрозненных верований и обрядов в единый религиозный культ, связанный с почитанием Неба, которое хунну называли Тенгри. Собственно от слова «Тенгри» и произошло название данной религии. Известно, что хунну исповедовали культ Неба, считали себя «детьми Неба», а другие народы даже называли хунну «небесными гордецами».

В то же время культ божества Неба был распространен и у ираноязычных этносов, а также у жителей Тибета и Китая. Отдельные разрозненные сведения о почитании Неба можно обнаружить в китайских, иранских, арабских, тибетских, маньчжурских и древнетюркских источниках.

¹ Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник VIII Международной научно-практической конференции (22–23 сентября 2021 г., Домбай, Республика Карачаево-Черкесия, Россия). Домбай : Международный Фонд исследования Тенгри, 2021. 460 с.

² Плано Карпини Дживованни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.

³ Анналы Бертонского монастыря // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. : Тексты, пер., коммент. М. : Наука, 1979. С. 177–188.

Следует отметить, что в современной литературе есть два варианта написания данного понятия: «Тенгри» (тенгрианство) и «Тэнгри» (тэнгрианство). Подобная ситуация возникла из-за разницы в произношении данного понятия у разных народов (монголов, бурят, калмыков, тувинцев и т. д.). В нашей статье мы придерживаемся терминов «Тенгри» и «тенгрианство», поскольку оно представляет собой более устоявшуюся форму написания, наиболее часто используемую в академической среде. В частности, подобный вариант был взят для названия уже упоминавшейся научной конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность».

В тенгрианстве существовала идея Бога-творца, создавшего этот мир, что сближает его с монотеистическими религиями. Возможно, именно наличие идеи креационизма в тенгрианском учении способствовало успешной исламизации тюркских народов. «Голубое Небо» или «Вечное Небо» представляло как верховное божество, которое может даровать жизнь, удачу, победу или, наоборот, обречь на поражение. В представлениях кочевников именно Небо управляло миром и руководило делами людей и народов. Культ Неба-отца (монг. *Тенгри-эчиге*) был тесно связан с культом Земли-матери (монг. *Этуген-эке*).

Как и в Китае, каганы кочевых народов признавались сыновьями Неба и выступали в роли первосвященников. Таким образом, культ Неба был тесно связан с культом монарха, сакрализируя его власть.

Дальнейшее развитие тенгрианство получило уже в эпоху великих тюркских каганатов, население которых состояло из предков нынешних тюркских и монгольских народов (Гумилев, 2002; Кляшторный, Султанов, 2004). Именно с появлением новых кочевых империй связано окончательное формирование тенгрианства как религии имперского типа. Существует мнение, что религия тюрко-монгольских кочевников имела два уровня: простонародный и имперско-государственный. Первый религиозный уровень системы был связан с шаманизмом, который представлял собой одну из наиболее древних форм верований. Второй, имперско-государственный уровень был связан с возникновением кочевых каганатов и началом формирования монотеизма (Кодар, 2009а: 216).

О тесной связи тенгрианского культа Неба с властью и государством свидетельствуют нам древнетюркские рунические памятники, в которых часто можно обнаружить ссылки на «волю Неба»: «По милости Неба ... я сел (на царство) каганом» (Малов, 1959: 35); «Небо, руководя со своих (небесных) высот ... возвысило их (над народом)» (там же: 37); «Так как Небо даровало (им) силу...» (там же: 37); «По милости Неба он отнял...» (там же: 38); «(Вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу), тюркского мудрого (Бильгя) кагана ...» (там же: 20).

Связь тенгрианства с государственно-имперской идеей средневековых тюркских каганатов достаточно подробно рассмотрена в статьях Т. С. Жумаганбетова (Жумаганбетов 2006ab). Согласно Жумаганбетову, тенгрианство было одной из наиболее ранних религиозно-политических идеологий на территории Евразии. Преимуществами тенгрианства были его толерантность, гибкость и пластичность, что позволяло ему не отвергать другие культы и верования, а гармонично встраивать их в свою религиозную систему. Все это шло на пользу центральной власти в каганатах, позволяя не разделять многочисленные племена, а, наоборот, объединять их в рамках единой имперской идеологии. Все это напоминает религию древних римлян в эпоху империи, когда различные культы народов, покоренных римлянами, также гармонично встраивались в древнеримский пантеон богов.

Тенгрианство в Монгольской империи

В период создания Монгольской империи имперский культ Неба и тенгрианская идеология вновь оказались востребованы, так как обосновывали легитимность новой власти «волей Неба» и объединяли разнородные племена и народы Великой Степи общим мировоззрением. Неслучайно в «Сокровенном сказании монголов» отмечается, что «предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба» (Козин, 1941: 79). Считалось, что правитель восходит на престол только по велению «Вечного Голубого Неба»: «Небо с Землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство» (там же: 107), отмечается в «Сокровенном сказании». Поэтому истинный каган правил, не только исходя из собственных соображений, но и выполняя волю Неба. При этом Небо могло не только покровительствовать правителям и народам, но и наказывать их.

В то же время тенгрианский культ Неба у монголов в тот период не носил характер строгого монотеизма. Наравне с Небом часто упоминается и женское божество земли Этуген-эке, что, ве-

роятно, объясняется сохранением у монголов пережитков матриархата. Так, в благодарственной речи Темучжина Тоорил-хану и Чжамухе говорится: «Небо с землею нам мощь умножали, Тенгриий могучий призвал, а Земля — Мать-Этуген — на груди пронесла» (Козин, 1941: 104–105). Интересно, что, по мнению Т. Д. Скрынниковой, среди древнейшего автохтонного населения Центральной Азии первоначально господствовал только культ женского божества земли (Скрынникова, 2002: 114). По мнению Н. Л. Жуковской, образ матери-земли вначале представлял собой только наивно материалистическую идею и только позже обрел атрибуты женского божества (Буряты, 2004: 265). В мифологических представлениях монгольских народов Этуген предстаёт как всемогущее божество земли, связанное с плодородием. Древние мифы описывают Этуген-эке как всеильную богиню природы. Культ Этуген-эке занимал одно из центральных мест в шаманском пантеоне и сохранялся у западных бурят до начала XX века (Мифы народов мира ... , 1982: 674). При этом важнейшим атрибутом и признаком женского божества Этуген было плодородие, а местом обитания собственно земля как таковая (Михайлов, 1980: 225). Подобного рода религиозные представления о сакральной связи земли с божеством Этуген-эке способствовали формированию экологического сознания у монгольских народов. Так, например, в дореволюционный период у калмыков и бурят считалось плохим поступком копать землю острым предметом, рвать цветы и т. д.

Культ «Голубого Неба» (монг. *Кёк Тенгри*) при Чингисхане фактически превратился в официальную религию, которая при этом не отрицала другие конфессии, поэтому при дворе монгольских правителей можно было видеть представителей разных религий: буддизма, христианства, ислама, даосизма и т. д. Высшие должностные лица монгольского государства также могли свободно исповедовать любую конфессию, не опасаясь религиозного преследования (Лушников, 2014: 14).

После распада Монгольской империи тенгрианские церемонии, перешли с общегосударственного на родоплеменной уровень, что, вероятно, привело к постепенному вытеснению тенгрианства и ассимиляции его шаманизмом, который всегда был тесно связан с родоплеменными структурами.

Таким образом, тенгрианство как имперская религия играло важную роль в период Монгольской империи.

Философия тенгрианства и ментальность

Важным признаком тенгрианской культуры был ее синкретизм, недифференцированность ее культурных форм. В тенгрианской традиции такие формы культуры как миф, религия, право, мораль, философия и т. д. находились в неразрывном единстве. Неслучайно, некоторые исследователи отмечают, что тенгрианство «в привычном понимании не является религией, а религиозной идеей, которая никогда не стремилась к собственному институированию, что диктовалось особенностями тюркского мировоззрения» (Аюпов, 2012: 21).

Важным элементом тенгрианского учения был завет жить в согласии и гармонии с миром природы и ее законами. Человек здесь предстает как неотъемлемый элемент естества, который никак не должен противопоставлять себя природе (Цоохуу, 2014: 61–62). Все это, естественно, находится в противоречии с западной парадигмой о противоположности природы и культуры, которая утвердилась в западноевропейском сознании в Новое время. В тенгрианстве же, так же как и в шаманизме, природа обожествлялась и одухотворялась. Все природные явления (дождь, ветер, затмение и т. д.) и объекты (горы, леса, водоемы и т. д.) в тенгрианском мировосприятии были неразрывно связаны с миром местных божеств и духов, что, впрочем, не противоречило тенгрианскому монотеизму.

Интересно, что такие религиозные понятия, как грех, праведность, милосердие, святость и т. д. в тенгрианской системе практически отсутствовали. Тенгрианство, будучи переходной стадией от ранних религиозных форм к более развитым религиям, еще не выработало полноценную систему теологии и морали. В силу этого кочевник был ориентирован, прежде всего, на земную, а не на загробную жизнь. Он не боялся того, что будет с ним в следующей жизни, достаточно спокойно относился к смерти и сам мог легко лишить жизни другого человека. Кочевник опасался только непослушания воле Голубого Неба, которое, по его мнению, могло жестоко наказать за подобного рода проступок не только индивида, но и целые роды, и даже народы. Испытать вину перед Небом можно было только богатыми жертвоприношениями (Бичеев, Кукеев, 2011: 75–76).

В течение ряда веков тенгрианская традиция продолжала сохранять устойчивые позиции в кочевом обществе народов Центральной Азии и Южной Сибири. При помощи культурных кодов

(целостное восприятие небесного и земного бытия, ощущение единства с природой, культы богатырей и предков, уважение к женщине и т. д.) тенгрианство формировало и поддерживало специфические ментальные характеристики в кочевом обществе. В целом эти ментальные качества формировала сама жизнь кочевников того времени, которая опиралась на культурные константы традиционного средневекового общества. В соответствии с данными константами и требованиями тенгрианской традиции мужчину должны были отличать такие качества, как смелость, мужество, стойкость, чувство собственного достоинства.

При этом отношение к женщине в тенгрианской культуре было исключительно уважительным. Женщина же здесь представляла хранительницей домашнего очага и хозяйкой дома. В силу этого женщина занимала в социуме достаточно значимое и достойное место. Известно, что женщины в кочевом обществе тюркских и монгольских народов традиционно были активными акторами, игравшими важную роль в общественной жизни своего рода. Женщины не прятали свои лица, принимали активное участие в различного рода традиционных состязаниях и даже в ряде случаев участвовали в военных действиях. Плано Карпини, описывая нравы монголов, писал: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно»¹. Об этом же говорят нам и «Анналы Бертонского монастыря», где отмечается, что татаро-монгольские «женщины, наподобие мужчин, скачут верхом, сражаются и стреляют из луков» (Английские средневековые ... , 1979: 182).

Таким образом, тенгрианская мировоззренческая традиция, будучи специфическим типом культуры, связанным с кочевым образом жизни, оказало значительное влияние на ментальность тюрко-монгольских народов.

Наследие тенгрианства в культуре народов Сибири

Говоря о тенгрианских жертвоприношениях, необходимо отметить, что не сохранилось точных сведений о месте их проведения. Согласно Сэцэнменх, жертвоприношения могли проходить вблизи временных стоянок родоплеменных вождей и ханов. Жертвоприношения, вероятно, проходили на вершинах холмов или гор, имевших плоский характер. Отмечается, что жрецы тенгрианства носили белую одежду и обувь². В этом они походили на белых шаманов у ряда народов Сибири (якутов, бурят, алтайцев и др.). При этом лучше всего на сегодняшний день изучено белое шаманство у бурят.

По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей белого шаманизма Д. С. Дугарова, «белое шаманство в генетическом плане не имеет ничего общего с черным шаманством тюрко-монгольских народов, хотя в процессе многовекового совместного функционирования они в достаточной степени взаимно повлияли друг на друга и во многом смешались» (Дугаров, 1991: 3). Таким образом, Дугаров фактически не считает белое шаманство собственно шаманизмом. В то же время он полагает допустимым использовать понятие «белое шаманство» в качестве технического термина, так как оно получил широкое распространение в научной литературе (там же: 3).

Известно, что белое шаманство не было связано по происхождению с собственно классическим сибирским шаманством и отличалось от него целым набором особенностей. Проблема генезиса белого шаманизма до настоящего времени не решена полностью и существуют разные версии его происхождения. Так, например, дореволюционный исследователь В. Ф. Трощанский считал, что главной функцией белого шаманства было выполнение общественных ритуалов (Трощанский, 1902: 123). Т. М. Михайлов связывал разделение шаманства на белое и черное с процессом расслоения бурятского общества на классы. При этом Михайлов отмечал, что белые шаманы должны были обслуживать зарождающуюся аристократию (Михайлов, 1980: 266–267). Дугаров, опираясь на достижения компаративной лингвистики, выдвинул оригинальную гипотезу об индоиранских и общеиндоевропейских истоках данной религиозной традиции (Дугаров, 1991).

¹ Плано Карпини Джiovанни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. С. 36–37.

² Сэцэнменх. Тенгрианский ритуал монголов и древних ху (хунну) // Вера в Тенгри: избранное : сборник статей / отв. ред. Л. В. Федорова. Якутск : Дани-Алмас, 2018. 112 с. С. 123.

Выскажем предположение, что корни белого шаманства связаны именно с тенгрианством, поскольку и белые шаманы, и тенгрианские жрецы выполняли, прежде всего, общественные ритуалы, поклонялись божествам Верхнего мира, носили одинаковую белую одежду и ездили на белых лошадях. При этом и те, и другие, вероятно, вместо шаманского бубна использовали особый посох. Впрочем, тема генетической связи тенгрианства и белого шаманизма нуждается в дальнейшей разработке.

Тенгрианским наследием у народов можно назвать также и культ Белого Старца. Известно, что до наших дней в рамках тибето-монгольского буддизма сохранился культ Белого старца — старца в одежде белого цвета и с посохом в руках. Этот культ был распространен и в Туве. Так, в рукописном фонде Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр находится одиннадцать рукописей, связанных с данным культом (Бичеев, Алтан-Очир, 2021: 176). По мнению Б. А. Бичеева, культ Белого Старца возник в процессе распада и трансформации тенгрианских верований. В результате данного процесса, связанного с радикальными изменениями в сознании древнемонгольского общества, «функция единого высшего божества Тенгри-эчиге перешла к владыке верхнего мира Хормусте, а культ богини земли Этуген-эке был замещен культом Белого старца, владыки многочисленных хозяев земных и водных пространств» (Бичеев, 2021: 71). Соглашаясь с мнением Б. А. Бичеева о тенгрианских истоках данного культа, предположим, что в данном явлении нашли свое отражение оба тенгрианских культа (Тенгри-эчиге и Этуген-эке).

Таким образом, тенгрианство, исчезнув как отдельная религия, оставило определенное наследие в религиозной традиции народов Сибири, в частности, феномен белого шаманизма и культ Белого старца.

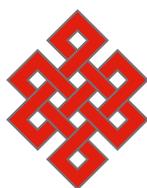
Упадок тенгрианства и распространение буддизма

В послемонгольский период (XV–XVI вв.) тенгрианство как политизированная религиозная традиция постепенно приходит в упадок, уступая свои позиции более развитым религиям — буддизму, махаяны и исламу. Считается, что наиболее сильный удар по позициям тенгрианства среди тюркских народов Центральной Азии нанес ислам. Однако это касается, прежде всего, узбеков. У казахов и, особенно у киргизов, пережитки тенгрианских верований и культов длительное время бытовали и после официального принятия ислама. Вероятно, быстрому распространению ислама среди тюркских народов способствовал тот факт, что тенгрианство как и ислам можно рассматривать как монотеистическую религию, хотя и с определенными оговорками. Исследователи отмечают, что представители белого шаманства, связанные с тенгрианскими культурами, «практически стали частью официального мусульманского духовенства» (Кудаяров, 2021: 64). Не последнюю роль в успехе ислама среди кочевников Евразии сыграл тот факт, что мусульманская религия распространялась первоначально представителями суфизма, который отличался склонностью к пантеизму (идея «Все есть Бог») и терпимостью к другим верованиям (там же: 62).

У монгольских же народов в условиях длительной политической раздробленности тенгрианство к концу XVI в. находилось в кризисном состоянии и не могло оказать серьезного сопротивления буддизму, опиравшемуся на правящие круги монгольского общества. В этот период монгольские правители стремились к объединению страны в условиях надвигающейся маньчжурской угрозы. Господствующий в монгольских степях шаманизм, будучи связанным с родоплеменными отношениями и культурами, не способствовал данной цели. В этих условиях был востребован интегративный потенциал буддизма, как универсалистской религии.

С распространением буддизма тенгрианство фактически исчезло у монголов как отдельная религия и окончательно растворилось в шаманизме и буддизме. Буддизм был известен в Центральной Азии еще в эпоху ранних тюркских каганатов и поддерживался рядом монгольских императоров, в частности, Хубилаем. В то же время он долгое время не мог получить широкое распространение среди народных масс. Широкое распространение буддизма в форме тибетской традиции Гелугпа началось только на рубеже XVI–XVII вв. (Скрынникова, 1988: 9).

Буддийские проповедники у монголов, так же как и исламские миссионеры среди тюрков, первоначально действовали достаточно осторожно и постепенно, не стремясь полностью разрушить тенгрианско-шаманские устои. На начальном этапе распространения буддийской традиции проводилась гибкая политика адаптации новой религии к автохтонным верованиям монгольских народов, которые не отрицались полностью как языческие, а органично вписывались в новую систему

мировоззрения и буддийскую культуру (Галданова, 1997: 93). Сходная ситуация наблюдалась и в Туве (Монгуш, 2001: 94; Хомушку, 1998: 172). В данном регионе буддизм «довольно быстро приспособился и к соседству с шаманизмом, и с существующей политической системой...» (Ламажаа, 2021: 185).

Будучи достаточно терпимой религией, буддизм пытался ассимилировать те традиции и мировоззренческие константы тенгрианской культуры, которые не противоречили основополагающим принципам буддизма, что вполне соответствовало духу буддийского прагматизма. В целом, тенгрианская парадигма о необходимости гармонии человека с окружающей средой, миром природы и с Космосом, вероятно, находила поддержку и у буддийских учителей, поскольку уважительное и бережное отношение к природе, животному миру всегда было важной частью буддийской культуры и мировоззрения. Буддийская концепция высших (боги, полубоги, люди) и низших (обитатели ада, духи и животные) миров оказалась близка тенгрианско-шаманской картине мира, которая провозглашала идею трех миров: верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подземного). Среди других причин быстрого распространения буддизма среди кочевников Центральной Азии можно отметить уважительное отношение к женщине в тенгрианско-шаманской и буддийской культурах (подр.: Уланов, Бадмаев, 2020; Ulanov, Badmaev, Radionov, 2020).

В период широкого распространения тибетского буддизма школы Гелуг в Монголии и Джунгарии тенгрианская традиция видимо уже пришла в упадок. По крайней мере, в источниках данного периода мы практически не встречаем упоминаний об этой религии, в то время как сведений о существовании шаманизма достаточно много. Так, в биографии ойратского просветителя Зая Пандиты говорится, что он повелел сжигать шаманские онгоны, а совершавших кровавые шаманские жертвоприношения штрафовать скотом. Такому же штрафу подвергались и те, кто приглашал к себе шаманов или шаманок (Норбо, 1999: 64). В соответствии с монголо-ойратскими законами 1640 г. и более поздними законодательными актами шаманизм также подвергся гонениям.

Таким образом, вероятно, упадок тенгрианства начался после начала раздробленности в Монголии, поскольку тенгрианский культ был тесно связан с ханской властью и освящал ее. Можно утверждать, что во временной промежуток между широким бытованием тенгрианства и распространением тибетского желтошапочного буддизма у кочевников Монголии, по-видимому, господствовал шаманизм. Хотя говорить об исчезновении тенгрианства, наверное, будет неправильным, оно, как уже отмечалось, находилось в кризисном и латентном состоянии. В силу этого ни в житиях буддийских проповедников того времени, ни в законах 1640 г. мы не найдем упоминаний о преследовании тенгрианских культов. В то же время шаманизм, будучи одной из ранних форм религии, в отличие от тибетского буддизма не имел развитой организационной структуры, и потому, естественно, имел значительно более скромный потенциал для влияния на общество и формирования религиозности.

В контексте учения об аполлоническом и дионисийском началах

Интерес представляет и проблема осмысления тенгрианства в рамках западного философского дискурса. В этой связи необходимо отметить статью А. А. Кодар «Тенгрианство в свете номадологии Делеза-Гваттари», где «на основе концепции известных европейских философов XX века Делеза и Гваттари о религии номадов автор реконструирует логику тенгрианства, как религии открытой к бытию-в-мире» (Кодар, 2009b). Конечно, здесь может возникнуть вопрос о границах применимости западных философских дискурсов и подходов в отношении сугубо восточных религиозных феноменов. Неслучайно, сегодня набирают популярность дискуссии об «азиатских ценностях» и теория «незападной современности» (Рзаева, 2012). В то же время, на наш взгляд, духовное наследие народов Востока можно и нужно рассматривать в рамках различных философских подходов и дискурсов, как западных, так и восточных, что согласуется с известным принципом дополнительности Н. Бора, который предполагает, что для более полного и целостного описания явлений необходимо применять различные, и даже полностью противоположные подходы.

Тенгрианство, буддизм и шаманизм, с нашей точки зрения, можно анализировать в рамках учения об аполлоническом и дионисийском начал, разработанного Ф. Ницше по отношению к искусству (Ницше, 2010). Данная бинарная модель имеет универсальный характер и вполне применима к религиозным феноменам, тем более что данные категории достаточно давно используются религиоведами. Естественно, что, применяя данную ницшеанскую дихотомию к религиозным традициям евразийских кочевников, нужно помнить об определенной условности вышеуказанных понятий,

тем более, что перенос этой бинарной схемы из сферы искусствovedения и философии культуры в сферу религиоведения и философии религии неизбежно ведет к корректировке и изменению смысла и значения первоначальных понятий.

Аполлонизм, в концепции Ницше, связан с преобладанием мужского, рационального начала, идеями покоя, порядка, пропорциональности, самоограничения. Дионисийство, наоборот, провозглашает иррационализм, волнение, первозданный хаос, буйство страстей, опьяняющий восторг, трепетание и даже экстаз. При этом всякая культура невозможна без органического взаимодействия этих двух начал, что вполне укладывается в рамки диалектики. Однако в рамках любой культурной системы оба начала никогда не находятся в полном равновесии и гармонии, обычно преобладает или одно, или иное начало. Ключевым аспектом, важным для нашей темы, является связь этих начал с дихотомией небесного и земного начал. Мыслители, занимавшиеся разработкой данных категорий, однозначно связывают аполлоническое начало с освещающей и живительной силой неба. В то время как дионисийство традиционно ассоциируется с землей. Действительно, если Аполлон предстает нам как солнечное и небесное божество, то Дионис как земное, ибо он был тесно связан с плодородием и виноделием. Поэтому аполлонизм и дионисийство фактически олицетворяют дихотомию небесного и земного начал.

В этой связи тенгрианство, так же, как и буддизм, можно определить как религию аполлонического типа, а шаманизм — как религиозное дионисийство. Действительно, и тенгрианство, и особенно буддизм ориентированы на универсализм и космополитизм, выступая как надэтнические религиозные традиции. В силу этого обе религии вполне соответствовали имперской идеологии и были востребованы крупными полиэтническими государственными образованиями, какими были кочевые каганаты и монгольская империя. Шаманизм же, будучи дионисийской по своей сути формой религии, связанной с «почвой», ориентирован, прежде всего, на сохранение родоплеменных отношений и локальных традиций. Кроме того, шаман, проводящий обряд камлания, и находящийся в состоянии транса и религиозного экстаза, соотносится с принципами иррационализма, интуитивизма и стихийности дионисийства.

Вероятно, с этой точки зрения и можно объяснить упадок тенгрианства в период широко распространения тибетской формы буддизма у кочевников Монголии и Джунгарии: фактически аполлоническая ниша оказалась занятой новой религией, более развитой и приспособленной к новым социально-экономическим социокультурным реалиям. Секрет же выживания шаманизма состоял в том, что он был религией дионисийского типа и не был в этом отношении серьезным конкурентом для буддизма. Таким образом, шаманизм в Монголии после широко распространения буддизма, смог сохраниться, уйдя на периферию религиозного ландшафта. Даже в Калмыкии, где длительное время действовало Великое Уложение 1640 г., и проводилась длительная борьба с шаманами, шаманизм полностью не исчез, а как бы сросся с буддизмом.

Заключение

Итак, тенгрианство является древней религией кочевников Центральной Азии. Тенгрианская культура представляет собой уникальный и одновременно универсальный феномен духовной культуры человечества. Зародившись на территории Центральной Азии в эпоху хуннов, тенгрианство прошло долгий путь становления и развития в эпоху средневековых тюркских каганатов и достигло вершины своего развития в период Монгольской империи. Будучи официальной религией средневековых тюркских каганатов, а также Монгольской империи, тенгрианство в течение целого ряда столетий посредством специфической системы культурных кодов формировало у кочевников тюрко-монгольского мира особые устойчивые этнопсихологические и этнокультурные константы. Несмотря на упадок тенгрианства в послеимперский период, оно оказало значительное влияние на культурное пространство тюрко-монгольских народов, повлияв на их ментальность посредством собственных культурных кодов. Тенгрианство фактически подготовило почву для распространения среди кочевников Центральной Азии таких мировых религий, как буддизм и ислам.

Современные попытки возродить тенгрианство как отдельную религию в некоторых регионах Сибири и Центральной Азии, на наш взгляд, бесперспективны, так как безвозвратно была прервана «живая» линия преемственности тенгрианского учения. Кроме того, сохранилось крайне мало сведений о философии и практики тенгрианства. Исследователь Ю. В. Хвастунова, рассматривая

проблемы современных попыток возрождения тенгрианства, выделяет такие признаки современного неотенгрианства, как «бессистемность, отсутствие канона, развитого культа, иерархии, устоявшегося обрядового календаря, ... отсутствие единого понимания тенгрианства» (Хвастунова, 2018: 38–39). В то же время тенгрианство востребовано сегодня прежде всего как этнофилософия, как открытое мировоззрение, отличающееся экологичностью, толерантностью, ответственностью, любовью к жизни.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что наследие тенгрианской культуры объединяет весьма разнообразный и поликонфессиональный мир тюркских и монгольских народов, которые продолжают сохранять элементы тенгрианского менталитета и мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В. (2015) Архаические формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 248 с.

Абаев, Н. В. (2016) Тэнгрианство и буддизм махаяны в истории и философии бурят-монгольского искусства единоборства «Шонын-баша» // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (28). С. 7–20.

Аюпов, Н. Г. (2012) Тенгрианство как открытое мировоззрение. Алматы : КазНПУ им. Абая ; Изд-во «КИЕ». 256 с.

Аязбекова, С. Ш. (2020) Тенгрианство и двоеверие тюрко-монгольских народов // *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2020.1.2.150-165>

Бичеев, Б. А. (2021) Происхождение культа Белого Старца // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : материалы VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л. В. Федорова. Элиста : Международный фонд исследования Тенгри (МФИТ). 460 с. С. 67–77.

Бичеев, Б. А., Алтан Очир (2021) Культ Белого старца (монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Бичеев, Б. А., Кукеев, А. Г. (2011) О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 4. № 2. С. 75–77.

Буряты (2004) / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 633 с.

Галданова, Г. Р. (1997) Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 149 с. С. 92–102.

Гумилев, Л. Н. (2002) Древние тюрки. СПб. : Кристалл ; М. : АСТ. 574 с.

Дробышев, Ю. И. (2012) Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. № 5. С. 71–90.

Дугаров, Д. С. (1991) Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят. М. : Наука. 300 с.

Жумаганбетов, Т. С. (2006a) Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 119–126.

Жумаганбетов, Т. С. (2006b) Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–162.

Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. (2004) Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб. : Петербургское Востоковедение. 362 с.

Кодар, А. А. (2009a) Тенгрианство в контексте монотеизма // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 216–225.

Кодар, А. А. (2009b) Тенгрианство в свете нomaдологии Делеза-Гваттари // Новые исследования Тувы. № 4. С. 82–90.

Козин, С. А. (1941) Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием “Mongol un niruča tobèj an. Юань чао би ши” : Монгольский обыденный сборник : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР. Т. 1. 619 с.

Крадин, Н. Н. (2020) Империя Хунну / 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 304 с.

Кудаяров, К. А. (2021) Роль суфизма в переходе киргизов от тенгрианства в ислам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. № 2. С. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.03>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Лушников, О. В. (2014) Конфессиональная политика Монгольской империи и Улуса Джучи в период расцвета // Золотоордынская цивилизация. № 7. С. 12–17.

Малов, С. Е. (1959) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 111 с.

Мифы народов мира: энциклопедия (1982) : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. 719 с.

Михайлов, Т. М. (1980) Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука. 320 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Ницше, Ф. (2010) Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Малое собрание сочинений. СПб. : Издательская группа «Азбука-классика». 1055 с. С. 7–134.

Норбо, Ш. (1999) Зая-пандита: материалы к биографии. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 335 с.

Рзаева, Р. О. (2012) Дихотомия «Запад — не-Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопросы философии. № 12. С. 86–94.

Сыдыков, А. Н. (2014) Тенгрианство — народная вера // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. № 1 (27). С. 49–52.

Скрынникова, Т. Д. (1988) Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 104 с.

Скрынникова, Т. Д. (2002) Солнце и Земля в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // Altaica VI / отв. ред. В. М. Алпатов. М. : Ин-т востоковедения РАН. 195 с. С. 114–139.

Трошанский, В. Ф. (1902) Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань : Типо-литография Казанского университета. 208 с.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2020) Женское духовенство в истории буддизма у монгольских народов России // Диалог со временем. № 72. С. 195–208. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.012>

Урбанаева, И. С. (2000) Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тенгрианство в свете духовных учений : в 2 ч. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. Ч. 1. 265 с.

Хвастунова, Ю. В. (2018) Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В. А. Сага в Республике Алтай) // Colloquium heptaplomeres. № 5. С. 33–43.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 177 с.

Цоохуу, Х. (2014) Монголы: кто мы? // Новые исследования Тувы. № 4. С. 59–79.

Güngör, H. (2013) Tengrism as a religious and political phenomenon in Turkish world: Tengriyanstvo // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. Vol. 1. No. 19. P. 196–204.

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Radionov, A. V. (2020) Woman's status in the Kalmyk and Buryat Buddhist tradition: History and the current state // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 13. No. 7. P. 1195–1206. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0636>

Дата поступления: 08.07.2022 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. (2015) *Archaicheskie formy religii i tengriyanstvo v etnokul'turogeneze narodov Vnutrennei Azii [Archaic forms of religion and Tengrianism in the ethnocultural genesis of the peoples of Inner Asia]*. Ulan-Ude, Buryat State University. 248 p. (In Russ.).

Abaev, N. V. (2016) Tengriyanstvo i buddizm makhaiany v istorii i filosofii buriat-mongol'skogo iskusstva edinoborstva «Shonyn-basha» [Tengrianism and Mahayana Buddhism in the history and philosophy of Buryat-Mongolian martial art «Shonyn-basha»]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (28), pp. 7–20. (In Russ.).

Aiupov, N. G. (2012) *Tengriyanstvo kak otkrytoe mirovozzrenie [Tengrianism as an open worldview]*. Almaty, Abai Kazakh National Pedagogical University; KIE Publ. 256 p. (In Russ.).

Aiazbekova, S. Sh. (2020) Tengrianstvo i dvoeverie tiurko-mongol'skikh narodov [Tengrism and dual faith of the Turkic-Mongolian peoples]. *Respublica Literaria*, vol. 1, no 2, pp. 150–165. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2020.1.2.150-165>

Bicheev, B. A. (2021) Proiskhozhdenie kul'ta Belogo Startsa [The origin of the cult of the White Elder]. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'* [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: Origins and modernity] : Proceedings of the 8th International science-to-practice conference / ed. by L. V. Fedorova. Elista, Tengri International Research Foundation. 460 p. Pp. 67–77. (In Russ.).

Bicheev, B. A. and Altan-Ochir (2021) Kul't Belogo startsa (mongol'skie teksty iz Tuvy) [The cult of the White Old Man: Mongolian texts from Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Bicheev, B. A. and Kukeev, A. G. (2011) O religioznykh predstavleniiakh drevnikh tiurkov i mongolov [About religious ideas of the ancient Turks and Mongols]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 4, no. 2, pp. 75–77. (In Russ.).

Buriaty [The Buryats] (2004) / ed. by L. L. Abaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 633 p. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1997) Traditsionnye verovaniia buriat v sisteme buddizma [Traditional beliefs of the Buryats in the system of Buddhism]. In: *Buriatskii buddizm: istoriia i ideologiya [Buryat Buddhism: History and ideology]* / ed. by L. E. Yangutov. Ulan-Ude, Publ. House of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 149 p. Pp. 92–102. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (2002) *Drevnie tiurki [Ancient Turks]*. St. Petersburg, Kristall ; Moscow, AST. 574 p. (In Russ.).

Drobyshev, Yu. I. (2012) Tengrianstvo i buddizm v srednevekovoi Mongolii [Tengrianism and Buddhism in medieval Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, no. 5, pp. 71–90. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1991) *Istoricheskie korni belogo shamanstva: na materiale obriadovogo fol'klora buriat [Historical roots of White shamanism: A case study of ritual folklore of the Buryats]*. Moscow, Nauka. 300 p. (In Russ.).

Zhumaganbetov, T. S. (2006a) Kul't Tengri kak osnova gosudarstvennoi ideologii drevnetiurkskogo kaganata [The cult of Tengri as a basis for the state ideology of the ancient Turkic Kaganate]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 2, pp. 119–126. (In Russ.).

Zhumaganbetov, T. S. (2006b) Genezis gosudarstvenno-religioznoi ideologii v drevnetiurkskikh kaganatakh [The origin and development of state-religious ideology in early Turkic khaganates]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 154–162. (In Russ.).

Kliashornyi, S. G. and Sultanov, T. I. (2004) *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 362 p. (In Russ.).

Kodar, A. A. (2009a) Tengrianstvo v kontekste monoteizma [Tengrianism in the context of monotheism]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 216–225. (In Russ.).

Kodar, A. A. (2009b) Tengrianstvo v svete nomadologii Deleza-Gvattari [Tengrism in the light of nomadology of Deleuze-Guattari]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 82–90. (In Russ.).

Kozin, S. A. (1941) *Sokrovennoe skazanie: mongol'skaia khronika 1240 g. pod nazvaniem "Mongol un niruca tobèj an. Iuan' chao bi shi" : Mongol'skii obydenyi izbornik [A secret story: The 1240 Mongolian chronicle entitled "Mongol un niruca tobèj an. Yuan chao bi shi" : A Mongolian day-to-day anthology]* : in 2 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 619 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2020) *Imperiia Khunnu [The Xiongnu Empire]* / 4th ed. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ. 304 p. (In Russ.).

Kudayarov, K. A. (2021) Rol' sufizma v perekhode kirgizov ot tengrianstva v islam [The role of Sufism in the transition of the Kyrgyz people from Tengrianism to Islam]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika*, no. 2, pp. 57–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.03>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lushnikov, O. V. (2014) Konfessional'naia politika Mongol'skoi imperii i Ulusa Dzhuchi v period rastsveta [Confessional policy of the Mongol Empire and Ulus of Jochi during their heyday]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, no. 7, pp. 12–17. (In Russ.).

Malov, S. E. (1959) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of the ancient Turkic script of Mongolia and Kyrgyzstan]*. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. 111 p. (In Russ.).

Mify narodov mira: entsiklopediia [Myths of the peoples of the world: An encyclopedia] (1982) : in 2 vols. / ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. Vol. 2. 719 p. (In Russ.).

Mikhailov, T. M. (1980) *Iz istorii buriatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.) [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century)]*. Novosibirsk, Nauka. 320 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Nietzsche, F. (2010) *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]*. In: Nietzsche, F. *Maloe sobranie sochinenii [Small collection of works]*. St. Petersburg, Publ. Group "Azбука-klassika". 1055 p. Pp. 7–134. (In Russ.).

Norbo, Sh. (1999) *Zaia-pandita: materialy k biografii [Zaya-pandita: Materials for a biography]*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 335 p. (In Russ.).

Rzaeva, R. O. (2012) *Dikhotomiia «Zapad — ne-Zapad» v diskurse nezapadnoi sovremennosti i postmoderna [The "West — not-West" dichotomy in the discourse of non-Western modernity and postmodernity]*. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 86–94. (In Russ.).

Sydykov, A. N. (2014) *Tengrianstvo — narodnaia vera [Tengrianism is the people's faith]*. *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета*, no. 1 (27), pp. 49–52. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (1988) *Lamaistskaia tserkov' i gosudarstvo. Vneshniaia Mongoliia. XVI — nachalo XX v. [The Lamaist Church and the state. Outer Mongolia. 16th — early 20th c.]*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 104 p. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (2002) *Solntse i Zemlia v panteone narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [The Sun and the Earth in the pantheon of the peoples of Central and East Asia]*. In: *Altaica VI* / ed. by V. M. Alpatov. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS. 195 p. Pp. 114–139. (In Russ.).

Troshchanskii, V. F. (1902) *Evoliutsiia chernoi very (shamanstva) u iakutov [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]*. Kazan, Typolithography at Kazan University. 208 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2020) *Zhenskoe dukhovenstvo v istorii buddizma u mongol'skikh narodov Rossii [Women in the history of Buddhism among the Mongolian peoples of Russia]*. *Dialog so vremenem*, no. 72, pp. 195–208. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.012>

Urbanaeva, I. S. (2000) *Shamanskaia filosofiia buriat-mongolov: tsentral'noaziatskoe tengrianstvo v svete dukhovnykh uchenii [Shamanic philosophy of the Buryat Mongols: Central Asian Tengrianism in the light of spiritual teachings]* : in 2 parts. Ulan-Ude, Publ. House of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. Part 1. 265 p. (In Russ.).

Khvastunova, Yu. V. (2018) *Sovremennoe tengrianstvo (na primere versii tengrianstva V. A. Sata v Respublike Altai) [Modern Tengriism (as in V. A. Sat's version of Tengriism in the Altai Republic)]*. *Colloquium heptaplomeres*, no. 5, pp. 33–43. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 177 p. (In Russ.).

Tsookhuu, Kh. (2014) *Mongoly: kto my? [Mongols: Who are we?]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 59–79. (In Russ.).

Güngör, H. (2013) *Tengrism as a religious and political phenomenon in Turkish world: Tengriyanstvo*. *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*, vol. 1, no. 19, pp. 196–204.

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. and Radionov, A. V. (2020) *Woman's status in the Kalmyk and Buryat Buddhist tradition: History and the current state*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, no. 7, pp. 1195–1206. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0636>

Submission date: 08.07.2022.

Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1857–1930): основные вехи исторической биографии

Николай М. Моллеров, Аяна А. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье впервые рассмотрена историческая биография, политическая и духовная деятельность одного из известных религиозных деятелей Тувы, настоятеля Верхне-Чаданского буддийского монастыря (хурээ) Ондара Лопсан-Чамзы (1857–1930). Исследование обусловлено необходимостью опровержения ошибочных, неверных представлений о нем. Уточняются факты биографии, связанные с его происхождением, духовным образованием и пребыванием в изгнании, местом и обстоятельствами гибели. Конкретизируются представления о его отношении к происходившим в России революционным изменениям. Особое внимание уделяется его мировоззренческой и политической позиции в переломные, судьбоносные моменты истории Тувы и России (1916–1921 гг.), рассматривается его активное участие и важная роль в учреждении в крае религиозного института Пандидо Камбы-ламы — прообраза современного института Камбы-ламы Тувы.

Реорганизация буддийской сангхи Тувы, предпринимаемая русской властью с целью устранения приниженного и зависимого положения тувинских служителей буддистского культа от религиозных институтов Монголии и Тибета, предполагала объединение всех тувинских монастырей под руководством авторитетного буддийского иерарха. Наиболее подходящей кандидатурой на эту должность, по мнению русских властей, являлся Лопсан-Чамзы, который воспринимал покровительство России над Тувой как благо для своего народа. Свое видение буддийской религиозной практики в Туве он описал в перечне нравочучений и просьб, приложенных к своему ходатайству о принятии Тувы под протекторат России в 1914 г.

Стойкая политическая ориентация Камбы-ламы на монархическую Россию в условиях социалистической модернизации в Туве обрекла его на трагический исход.

Ключевые слова: Ондар Лопсан-Чамзы; Урянхайский край; Тува; Россия; Китай; Монголия; буддистский монастырь; хурээ; протекторат; Пандидо Камбы-лама; Гражданская война; политические репрессии

Для цитирования:

Моллеров Н. М., Самдан А. А. Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1857–1930): основные вехи исторической биографии // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 116–134. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.9>

Моллеров Николай Михайлович — доктор исторических наук, научный руководитель Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: igi@tigpi.ru

Самдан Аяна Анай-ооловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: camayana@mail.ru

MOLLEROV, Nikolai Mikhailovich, Doctor of History, Deputy Director for Science, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tigpi.ru

ORCID ID: 0000-0002-7127-184X

SAMDAN, Ayana Anai-oolovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Group of History, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. Email: camayana@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7785-7497

The Kamby Lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): The main milestones of historical biography

Nikolai M. Mollerov, Ayana A. Samdan

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation*

The article is the first attempt to examine the historical biography, political and spiritual activities of one of the famous religious figures of Tuva, the abbot of the Upper Chadan Buddhist Monastery (khuree) Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930). The study responds to the need to refute inaccurate and incorrect beliefs about him. We clarify some facts of his biography that are related to his origin, spiritual education and staying in exile, the place and circumstances of his death. The ideas about his attitude towards the revolutionary changes that were taking place in Russia are concretized. A special attention is paid to his ideological and political position at crucial and landmark moments in the history of Tuva and Russia (1916–1921). The authors consider his active participation and important role in the establishment of the religious institute of the Pandido Kamby Lama in the region. It was the prototype of contemporary institute of the Kamby Lama of Tuva.

The reorganization of the Buddhist Sangha of Tuva was undertaken by the Russian authorities in order to eliminate the submissive and dependent position of Tuvan ministers of the Buddhist cult in relations with religious institutions in Mongolia and Tibet. It implied the unification of all Tuvan monasteries under the leadership of an authoritative Buddhist hierarch. The most suitable candidate for this position, according to the Russian authorities, was Lopsan-Chamzy who considered Russia's patronage over Tuva as a benefit for his people. He described his vision of Buddhist religious practice in Tuva in a list of moral teachings and requests attached to his petition for placing Tuva under the protectorate of Russia in 1914.

The Kamby Lama's persistent political orientation to the monarchical Russia in the conditions of socialist modernization in Tuva doomed him to a tragic end.

Keywords: *Ondar Lopsan-Chamzy; Uriankhai Krai; Tuva; Russia; China; Mongolia; Buddhist monastery; khuree; protectorate; Pandido Kamby Lama; Civil war; political repression*

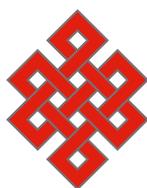

For citation:

Mollerov N. M. and Samdan A. A. Kamby-lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): osnovnye vekhi istoricheskoi biografii [The Kamby Lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): The main milestones of historical biography]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 116-134. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.9>

Введение

В историографии советского периода, как правило, было принято к изучению биографий противников советской власти подходить односторонне. Если о «классово чуждых» и сообщались какие-то сведения, то, за редким исключением и в негативном ключе. Когда они упоминались в историческом повествовании, то обязательно без имени отчества или инициалов — под одной фамилией или прозвищем: «маленький Колчак» (об А. А. Турчанинове), «атаман Серебряная шапка» (об И. К. Казанцеве), «колчаковский Камбы-лама» (об Ондаре Лопсан-Чамзы). И вообще, руководствуясь известным марксистским положением, что историю творят массы, советские исследователи мало уделяли внимания роли личности в истории. В результате исторические труды и учебники истории

сильно обезлюдели и оттого стали скучными, сложными для восприятия. По тому же пути шло в то время историческое тувиноведение (История Тувы, 1964).

В последнее время положение постепенно исправляется. Приходит осознание, что более продуктивен и историчен другой подход — объективное рассмотрение личностей обеих сторон. Ведь именно через изучение исторических биографий постигаются живые связи истории. Тем более, если сегодня мы называем Гражданскую войну братоубийственной, то надо, осторожно, не пробуждая ни белого, ни красного реванша, вернуть в историю незаслуженно забытые имена всей многонациональной России, начиная с самых известных и достойных людей, нередко с трагической судьбой.

К числу таких, достойных нашей памяти имен, бесспорно, принадлежит имя духовного учителя Тувы прошлого века — Камбы-ламы¹ Лопсан-Чамзы (1857–1930). В книгах и документальных свидетельствах современников он характеризуется как внутренне исключительно богатая духовная личность, чья деятельность посвящена служению своему народу, как стойкий последователь старой России. Но пока нет специального научного исследования, посвященного деяниям и взглядам этого незаурядного и достойного человека, данные ему лестные оценки могут восприниматься исключительно как результат его личного обаяния. Хотя следует признать и то, что сила обаяния и почти полное единодушие оценок тоже говорят о многом.

Следует также отметить, что хотя многие документы опубликованы, в связи с отсутствием акцентированного научного интереса к личности Лопсан-Чамзы, они использовались слабо. Настоящая статья, напротив, потребовала их активного вовлечения в научный оборот.

Следует отметить, что наиболее представлены в документальных архивных источниках сведения о визите Камбы-ламы в ставку А. В. Колчака и попытке введения в Туве института Пандидо Камбы-ламы. Степень информативности по другим вопросам невысока. В связи с этим и фрагментарностью данных, уже введенных в научный оборот учеными, понадобилась дополнительная поисковая работа в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ), научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ), включая переводческую работу документов на старомонгольской письменности, а также ознакомление с редкими изданиями авторов-белоэмигрантов. В результате удалось внести уточнения и дополнения биографического характера по вопросам о происхождении Лопсан-Чамзы, духовном образовании, полномочиях Пандидо Камбы-ламы и его приезде в Улясутай (Монголия) в 1921 г. и др.

Заметим, что в описаниях авторов, посетивших край в разное время и имевших личные встречи с Лопсан-Чамзы, содержатся лишь оценочные суждения, основанные на впечатлении от личного знакомства, а в трудах исследователей Тувы, изучавших различные аспекты ее истории, — только эпизодические краткие описания отдельных страниц или эпизодов его биографии. В настоящее время требуется объективное осмысление и систематизация, всех связанных с личностью Камбы-ламы Лопсан-Чамзы документов и суждений его современников. Если степень информативности отдельных исследований и источников по интересующему нас вопросу невысока, то собрание их воедино позволяет составить о Лопсан-Чамзы достаточно объективное отчетливое представление. Целью настоящей статьи является воссоздание по мере возможности его действительного образа в ареале подвижника и мученика.

Для достижения этой цели в рамках исторической биографии путем систематизации научной литературы и вовлечения в научный оборот новых источников предполагалось исследовать следующие аспекты личности и деятельности Камбы-ламы Лопсан-Чамзы:

- родовую принадлежность, социальное происхождение и духовное образование;
- авторитет и влияние как личности и духовного лица;
- позицию в острой, конфликтной ситуации на Хемчике в 1907–1909 гг.;
- влияние и роль в ходе освободительной борьбы в Туве против маньчжурского гнета и установления российского протектората;
- роль и активное участие в учреждении в Туве буддийского института Пандидо Камбы-ламы в годы протектората до и после революций 1917 г. в России;

¹ Камбы-лама — настоятель буддийского монастыря (хурээ).

- политическую позицию после Февральской революции 1917 г. и отказа хемчикских властей от российского протектората, в годы Гражданской войны и иностранной интервенции;
- итоги и значение визита в ставку А. В. Колчака;
- годы жизни в России и Монголии;
- возвращение в Туву и политические репрессии;
- мировоззрение и личностные характеристики с учетом пройденного жизненного пути.

Обзор литературы и источников

Н. И. Леонов, перешедший на сторону советской власти белый офицер, спустя пять лет после встречи с Лопсан-Чамзы в 1919 г., писал:

«Один из тувинских лам произвёл на меня огромное впечатление своей богатой душевной жизнью, своими интересами, насквозь проникнутыми глубокой любовью к родной стране. Прежде всего, меня поражало в нём его бескорыстие и отсутствие личной заинтересованности и свойственной нам суеты. Одна мысль о том, как бы помочь танну-тувинскому народу, наладить его жизнь, постоянно владела целостной душой старого ламы. В этом отношении он был изумительным однолюбом, служителем одной идеи»¹.

Из этого примера следует, что впечатление от встреч и бесед с Лопсан-Чамзы, как правило, было для многих незабываемым.

Персону Камбы-ламы Лопсан-Чамзы не обошли своим вниманием многие исследователи истории Тувы. М. В. Монгуш в монографическом исследовании истории буддизма в Туве упоминает его имя в связи с торжественным открытием Верхнечаданского хурээ. Основываясь на свидетельствах российских и зарубежных исследователей: Д. Каррутерса, В. Родевича (Каррутерс, 1914: 197; Родевич, 1912: 31), К. Минцловой², она даёт детальное описание храма как величественного сооружения. Под руководством Лопсан-Чамзы, отмечает автор, хурээ за короткое время стало одним из «престижных образовательных центров Тувы» (Монгуш, 2001: 66).

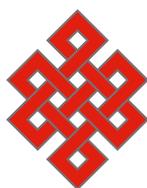
Кратко об авторитете Лопсан-Чамзы в буддийской сангхе, в связи с утверждением на должность Пандидо Камбы-ламы, и о его поездке в ставку Колчака (Омск) писали Н. П. Москаленко (Москаленко, 2004: 67–69) и В. Г. Дацышен³. В своей статье, посвященной выявлению основных характеристик тувинского паломничества Ч. К. Ламажаа и У. П. Бичелдей, основываясь на архивных данных и других источниках, отмечают, что Ондар Лопсан-Чамзы активно занимаясь отправкой в монгольские и тибетские монастыри тувинских послушников, а в 1906 г. отправил в Тибет группу паломников из числа чиновников «для подношения даров Далай-ламе XIII и получения от него благословения», что правой рукой Лопсан-Чамзы являлся Араптан-геше, а премьер-министр ТНР Куулар Дондук был его учеником (Ламажаа, Бичелдей, 2021: 13).

На попытке создания института Пандидо Камбы-ламы Тувы по примеру бурятский общины буддистов остановилась И. В. Отрощенко (Украина). В своей статье «Буддизм и политика в истории Тувы», построенной на основе научной литературы и документов Государственного архива РФ, она затронула проблему реорганизации буддийской сангхи Тувы «во время войны и революции», которую русская власть собиралась осуществить с целью «установления большей самостоятельности тувинской церкви по отношению к Монголии и Тибету» (Отрощенко, 2014: 29). «В центре данного исследования, пишет она, — история Пандидо Камбы-ламы Урянхайского края» (там же: 28). Камбы-ламу она характеризует как «убежденного сторонника сближения с Россией» (там же). Все же основное место в ее исследовании занимает не личность Камбы-ламы, а связанные с ним события. Заявленные в названии более общие вопросы — религия и политика — по понятным причинам являлись для нее более приоритетными. Ни в аннотации, ни в ключевых словах статьи имени Лопсан-Чамзы места не нашлось.

¹ Леонов Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. М.: Издательство общества политкаторжан, 1927. С. 36.

² Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Кызыл: Репринт. Издание, 1993. С. 99.

³ Дацышен В. Г. Буддийская Сангха в Туве в период протектората [Электронный ресурс] // Иркутский МИОН. 2005. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/4_4.html (дата обращения: 09.04.2022).

Только в одной книге Лопсан-Чамзы, хоть и во многом формально, оказывается в центре внимания автора, — в научно-популярной книге Хонук-оола Монгуша, названной «Пандито Чамзы-Камбы»¹. Это единственное издание, которое по названию претендует на полноту и глубину исследования о Камбы-ламе Лопсан-Чамзы, хотя на деле заявленных ожиданий не оправдывает. Книга не представляет собой законченного оригинального авторского исследования. Она составлена из разрозненных самостоятельных частей: кратких воспоминаний, перепечаток ранее публиковавшихся документов, биографий Монгуша Буян-Бадыргы и Монгуша Нимажапа (как родственников Лопсан-Чамзы), перепечаток из газет и книг разных исследователей. Всем этим материалам недостает анализа и обобщения. Несомненный интерес в ней представляют документы, высланные по запросу Х. Д. Монгуша из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и касающиеся приема в г. Омске Камбы-ламы Лопсан-Чамзы. Но они никак не комментируются.

В книге Х. Д. Монгуша «Пандидо Чамзы-Камбы» предпринята попытка возведения Лопсан-Чамзы в ранг светского чиновника, который желал стать правителем края.

«Учитывая огромный авторитет Пандидо (Ондар Лопсан-Чамзы. — Н. М., А. С.) в Урянхайском крае, — пишет Х. Д. Монгуш, — чиновники Правительства Верховного Правителя пришли к выводу о том, что он является единственным человеком, который может быть главой Урянхайского края. Поэтому ставкой Колчака рассматривалась возможность выделения войск под его начало»².

Известно, что Лопсан-Чамзы позиционировал себя как буддийский монах, в своих письмах и прошениях изъявлял желание заниматься практикой в монастыре, но поскольку требовалась его помощь в решении разных вопросов, он вносил свой посильный вклад. Кроме того, в публикации документов, осуществленной Л. А. Молчановым, имеется документ под названием «Инструкция Чулган-дарге (председателю сейма) в Урянхайском крае», согласно которому не Пандидо Камбы-лама, а «Чулган-дарга является лицом, объединяющим все хошуны края» (Молчанов, 1998: 103–104).

Можно сказать, что целенаправленной эвристической работы в архивах по сведениям о Камбы-ламе Лопсан-Чамзы никто не проводил, но многие источники, содержащие такие данные, опубликованы в документальных сборниках, посвященных периодам протектората и Гражданской войны в Туве. Ценные данные документального характера: о возмущении Камбы-ламы действиями тувинских сторонников Китая на Хемчике (1917 г.), о переписке Комиссара Урянхайского края А. А. Турчанинова с Омском по введению в Туве института Камбы-ламы (1918 г.), о положении в Туве летом 1919 г. и позиции Лопсан-Чамзы по докладу Н. И. Леонова, об омском визите Камбы-ламы — приведены в документальной публикации Л. А. Молчанова (Молчанов, 1998).

В «Собрании архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой (к 100-летию исторического события)» опубликованы документы за 1916–1919 гг., в том числе по вопросу о создании в Туве автономного духовенства и об утверждении в должности его главы Камбы-ламы Лопсан-Чамзы, указ Верховного правителя России об утверждении его в должности Пандидо Камбы-ламы, письмо и прошение Пандидо Камбы-ламы на имя А. В. Колчака, доклад секретаря комиссара края Н. В. Самойлова о поездке в г. Омск, об отпуске Лопсан-Чамзы денежных средств Управлением вероисповеданий Совета Министров Российского правительства³. Выявлением этих и других документов и подготовкой их к изданию занимались и лично работали в центральных и региональных архивах России авторы настоящей статьи.

Из рода ондаров

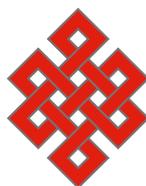
Ондар Лопсан-Чамзы родился по восточному лунному календарю в год Огненного Красного Змея (1857 г.) в местности Ишкин Даа хошуна Урянхайского края (Тувы).

Это было время, когда по договорам с цинским Китаем или нелегально на свой страх и риск на Хемчик стали проникать подданные царской императорской России — торговцы и промышленники. Его всегда интересовали русские, их рассказы о большой северной стране — России. Поговаривали,

¹ Монгуш Х. Д. Пандито Чамзы-Камбы. Б. м.: б. и., 2021. 146 с.

² Там же. С. 37.

³ Собрание архивных документов о протекторате России на Урянхайском краем — Тувой (к 100-летию исторического события). Абакан: Типография «Журналист», 2014. 479 с. С. 240–242; 390–394; 496–402.

что это в нем говорила кровь тувинского племени ондаров. Ведь его мать, родная сестра хемчикского нойона, была замужем за Ондаром. Из всех тувинских родов ондары больше всего роднились с русскими. В списке сумона Ондар на старомонгольском языке за 1907 г. значится «камбы Лувсан-Чамзы» (НА РТ, ф. 115, оп. 10 д. 223, л. 12 об.). Поэтому трудно согласиться с утверждением и ничем не подтвержденной аргументацией Х. Д. Монгуша о принадлежности Лопсан-Чамзы к роду монгушей¹.

У русских купцов братьев Бяковых были тувинские жены из этого рода. Свою родословную активно изучают ондары, чья ветвь идет от Василия Бякова, женившегося на Тегерин из рода ондаров. Среди них есть научные, политические и культурные деятели². Сведения об этом можно найти в документах Канцелярии Иркутского генерал-губернатора. Так, в донесении Усинского пограничного начальника в канцелярию осенью 1897 г. имеется упоминание о том, что у Леонтия Бякова и Бичекей был сын Егор (Государственный архив Иркутской области — ГА ИО, ф. 25, оп. 2, д. 46, л. 118). Из-за неясности с родовой принадлежностью Лопсан-Чамзы такие исследователи, как В. Г. Дацышен³, И. В. Отрощенко, не называют его ни Монгушем, ни Ондаром (Отрощенко, 2014: 24, 27–28, 3–32, 34–40). М. В. Монгуш считает, что он Ондар⁴.

Таким образом, возникший с детских лет интерес Лопсан-Чамзы к России и русским людям был обусловлен изменением окружающей его обстановки, связанным с проникновением на Хемчик русских людей. Сыграло свою роль и то, что его сородичи активно завязывали с ними не только торговые, но и родственные отношения.

Настоятель Верхне-Чаданского хурээ

Лопсан-Чамзы обучался в Урге и получил звание геше⁵ (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 11об–12). По возвращении в Туву он устроился в монастыре Хемчикского хошуна «Даши-Пунцаг», который был построен в 1868 г. (там же). Название было дано Богдо-гегеном, и ламы монастыря имели тесные связи с ним и, соответственно, почти все они получали образование в Урге. Следует сказать, что в двух хемчикских хошунах насчитывалось 10 монастырей, где были сосредоточены от 1500 до 1800 лам (там же).

После введения в эксплуатацию в 1907 г. Верхне-Чаданского хурээ (тибетское название — Даши-Чойнхорлинг) (фото 1), Лопсан-Чамзы был приглашен Хайдыпом, правителем Хемчикского хошуна, который состоял с ним в родственных отношениях (двоюродные братья), на должность Камбы-ламы, как считает М. В. Монгуш, единственного в долине Хемчика монастыря, построенного по всем канонам буддийской архитектуры (Монгуш, 2001: 65). Внушительных размеров глинобитное здание производило глубокое впечатление на верующих и посетителей. Даши-Чойнхорлинг курировал тибетский ринпоче Гундан-Чжамби (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 11об–12).

В его штате состояли 160 лам, из которых 40 имели монашеское звание *гэцул* (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 18об.) (фото 2). По приглашению Хайдыпа хурээ нередко посещали тибетские и монгольские ламы. И место для храма нойон выбрал очень удачно, расположив его в живописном, защищенном лиственным лесом от жары и ветров участке речной долины недалеко от своей ставки. Это свидетельствовало не только о религиозности нойона, но и о его намерении почаще общаться и советоваться с Камбы-ламой монастыря, своим братом.

Итак, возглавив Верхне-Чаданское хурээ, Лопсан-Чамзы своим самоотверженным и деятельным служением способствовал росту его влияния среди других монастырей и верующих Тувы. В процессе разносторонней религиозной деятельности рос и его личный авторитет.

¹ Монгуш Х. Д. Пандито Чамзы-Камбы. Б. м.: б. и., 2021. С. 33.

² Есекова О. Потомки купца Бякова прославляют Туву // Вести Кызыла. 2004. 3–9 сентября. С. 3–4.

³ Дацышен В. Г. Буддийская Сангха в Туве в период протектората [Электронный ресурс] // Иркутский МИОН. 2005. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/4_4.html (дата обращения: 09.04.2022).

⁴ Монгуш Х. Д. Пандито Чамзы-Камбы. Б. м.: б. и., 2021. С. 66–68.

⁵ Геше (тиб., *гэвиш* монг.) — ученое звание, присваиваемое после окончания курсов цанит, являющихся фундаментом буддийского учения и основанных на законе кармы.

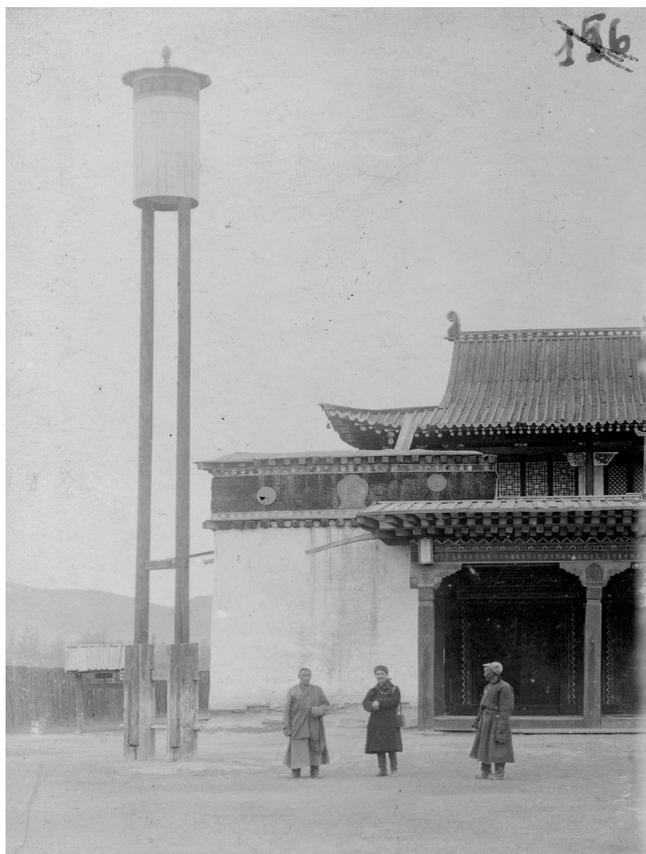

Фото 1. Верхнее хурээ в Чадане, 1928 г.
(НА РТ, альбом № 2 В. П. Ермолаева, фото 153).
Photo 1. Upper khuree in Chadan, 1928
(NA RT, V. P. Ermolaev's album No. 2, photo 153).

Фото 2. Ученики лам в храме, начало XX в.
(НА РТ, альбом № 2 В. П. Ермолаева, фото 162).
Photo 2. Lamas' disciples in a temple, the early 20th century (NA RT, V. P. Ermolaev's album No. 2, photo 162).

Роковая ошибка Хайдыпа

По долгу службы Лопсан-Чамзы нередко общался с русскими купцами и сопровождавшими их приказчиками, домашними, слугами. Брат его Хайдып в начале 1900-х гг. быстро продвинулся по ступеням чиновничьей карьеры, став сначала *угердаа* (нойоном, правителем) Даа (Хемчикского) хошуна, а затем, опираясь на денежную помощь русских купцов, с разрешения китайского наместника в монгольском Улясутае (цзянь-цзюня) подчинил себе и соседний Бээзи хошун. Таким образом, под его власть подпал весь густонаселенный и плодородный Хемчик. Но останавливаться на этом он был не намерен, замыслив стать всетувинским ханом.

Из письма Усинского пограничного начальника А. Х. Чакирова от 10 декабря 1908 г. самому богатому в крае купцу Г. П. Сафьянову известно: вскоре из Китая по телеграфу пришли вести, что в один день умерли император Гуансюй и вдовствующая императрица Цыси, и Хайдып попытался воспользоваться временным безвластием, отдаленностью Тувы и осуществить свой план (ГА ИО, ф. 27, оп.1, д. 14, св. 3. л. 1). По его практическим действиям видно, что он собирался: вытеснить из долины Хемчика большинство русских купцов, находившихся здесь по российско-китайскому договору, заключенному в Пекине в 1881 г., и отодвинуть вглубь российской территории границу по южному подножию Северных Саян. Этим он надеялся заслужить авторитет среди чиновничества и населения всех хошунов Тувы. Но даже сородичи-чиновники из Даа-хошуна с неохотой выполняли его распоряжения. А соседнейоны и чиновники, как правило, их игнорировали.

Ондар Лопсан-Чамзы понимал как мудрый человек, что действия Хайдыпа не продуманы, и, будучи направленными против законов и политики двух больших государств, в конечном счете, обречены

на провал. Он был знаком с доводами Усинского пограничного комиссара А. Х. Чакирова, который в своем письме Хайдыпу от 28 ноября 1908 г. писал о соблюдении дружественных отношений (ГА ИО, ф. 27, оп. 1, д. 14, св. 3. л. 2). Он также настаивал на неукоснительном соблюдении торговых договоров и невмешательстве в пограничный вопрос, который подлежал исключительному ведению правительств Китая и России. В донесении Иркутскому военному генерал-губернатору от 27 октября 1907 г. Чакиров писал: «Зная слабость нойона к тщеславию, с другой стороны, желая расположить его к русским и заставить его отказаться от мысли притеснять русских торговцев, фактории коих разбросаны по Хемчику, я решил устроить ему шикарную встречу...» (ГА ИО, ф. 27/с, оп.1, д. 3, св. 1, л. 1).

Лопсан-Чамзы без труда находил аргументы в пользу русских купцов, которые, как он прекрасно понимал, вовсе не были безгрешными. Но ведь торговцы все таковы. Взять тех же китайцев, которые пять лет назад появились на Хемчике с разрешения императора Поднебесной. Кроме того, преследование купцов всегда приводит к убыткам и ухудшению экономического положения. Лопсан-Чамзы с самого начала предостерегал брата от опрометчивых действий. Но к его советам честолюбивый нойон не прислушивался.

В январе 1909 г. события начинали принимать характер военного конфликта. Документ Военно-исторического архива свидетельствует: «...В 1909 г. во время внезапно вспыхнувших острых недоразумений между китайскими (в данном случае тувинцами. — Н. М., А. С.) и русскими подданными в Урянхайской земле, был экстренно командирован в Усинский край с отрядом (полковник Генерального штаба В. Л. Попов. — Н. М., А. С.) который твердыми, разумными и энергичными мерами в две недели уладил недоразумения таким образом, что после этого положение русских в крае совершенно изменилось» (Военно-исторический архив — ВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 349, л. 73). В своем письме с российско-китайской границы нойону Хайдыпу Попов написал: «Сообщаю для сведения, что я приказал отряду русских войск разыскать и снять все урянхайские караулы, поставленные Вами по горам русской территории...» (ГА ИО, ф. 27, оп.1, д. 14, св. 3. л. 26).

С приездом в марте 1909 г. на Хемчик китайских чиновников началось расследование (ГА ИО, ф. 27, оп.1, д. 14, св. 3. л. 8, 35). Когда дело дошло до выявления главного виновника и опроса свидетелей, Лопсан-Чамзы понял, что люди из окружения брата пытаются всю вину за обострение отношений с русскими властями переложить на него. Наученные ими лжесвидетели стали давать против него показания. Но, зная убеждения и рассудительность Лопсан-Чамзы, черной лжи и наветам члены следственной комиссии не поверили. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты расследования, изложенные в сообщении князя Цина русскому посланнику в Пекине от 29 мая 1909 г. и других документов (ГА ИО, ф. 27, оп. 1, д. 14, св. 3. л. 8, 43–45).

Не выдержав груза поражения, двоюродный брат Лопсан-Чамзы, нойон Хайдып весной 1909 г. ушел из жизни. Много было слухов о причинах его смерти. Будто бы он был отравлен русскими, будто из Китая прислали ему приказ умереть, будто он бежал в Монголию, а похоронили другого...

Из секретного рапорта А. Х. Чакирова Енисейскому губернатору в конце мая 1909 г. можно узнать, что Хайдым ушел из жизни в мае этого года и что сам Хайдып и китайский наместник в Улясутае (Монголия) «сознали вину» (ГА ИО, ф. 27, оп.1, д. 14, св. 3. л. 8, 38). В другом рапорте Чакирова Управляющему канцелярией Иркутского генерал-губернатора о Хайдыпе говорится: «умер ли он естественной смертью, отравился ли, или же бежал — суть вопросы, остающиеся пока открытыми» (ГА ИО, ф. 27, оп.1, д. 14, св. 3. л. 8, 40).

Это было первое нелегкое испытание, когда Камбы-лама, несмотря на кровную связь с Хайдыпом, ссылаясь на закон и обстоятельства, встал на сторону русских и оправдывал перед нойоном их действия. Но решительным образом повлиять на брата ему не удалось. Только благодаря своему авторитету в Туве ему удалось избежать несправедливого оговора и тяжелого наказания.

Судьбоносный выбор

Когда в Китае разразилась Синьхайская революция (1911–1913 гг.), и в Туве началась освободительная борьба против многовекового маньчжурского владычества, судьба вновь поставила Лопсан-Чамзы перед непростым выбором. На этот раз ему пришлось удержаться от неверных шагов сменившего Хайдыпа на посту Даа-нойона Монгуша Буян-Бадыргы, когда тот, собрав вооруженный отряд, выступил против освободительного движения аратов, изгонявших из края китайских торговцев. Тем

самым нойон навлек на себя проклятия и смертельные угрозы восставших. Но Лопсан-Чамзы удалось удержать его от дальнейших опрометчивых шагов (см.: Самдан, 2018: 43–51).

Выступавшие против власти цинского Китая нойоны и чиновники понимали, что им со стороны Китая грозит военная расправа. Защиту от нее кто-то видел в Монголии, другие обращали свои взоры на северного соседа — государство русского Ак-хана (Белого царя). В итоге, собравшись 15 февраля 1912 г. на съезде, они решили по примеру Монголии заявить о своей государственной самостоятельности и добиваться покровительства России (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований — НА ТИГПИ, д. 72, лл. 15–16). Хемчикскому Камбы-ламу радовало это решение. На основании собственных наблюдений он пришел к твердому выводу, что буддисты-тувинцы и православные русские не вступают в конфликты и ссоры по вопросам религии, если и случаются столкновения, то больше экономического характера (История Тувы, 2007: 30–33).

Между тем, самодержавная Россия не спешила взваливать на себя бремя покровительства, ее правительство просчитывало возможные последствия, изучало положение Китая и реакцию западных стран. На принятие решения ушло почти два года. Обеспокоенные молчанием русского царя тувинские чиновники многих хошунов признали в 1913 г. власть Монголии (История Тувы, 2001: 313–314). Однако нойонам хемчикских и центральных хошунов, несмотря на получение от монгольского богдыхана княжеских званий (*гун*), сильно не понравилось то, что монгольские феодалы и чиновники допускали притеснения, самовольно захватывали и уводили скот, безвинно избивали аратов, усиливали экономический гнет в их родовых владениях. По мнению Лопсан-Чамзы, «в подобных притеснениях высшего порядка монголы далеко превзошли маньчжуров» (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 10, лл. 5–8). И снова из хемчикских хошунов в адрес российских министров и царя стали поступать прошения о покровительстве.

И первым такое прошение отправил Камбы-лама Лопсан-Чамзы. В нем он не просто излагал свою просьбу, но и, обстоятельно все продумав, в отдельном приложении составил перечень своих духовных нравоучений и насущных просьб¹. В свои нравоучения он вложил опыт буддийского учения, долгих медитативных практик постижения истины и собственное видение будущего Тувы под покровительством православного русского Ак-хана (русского царя). Он полагал, что в российском протекторате тувинцы, как буддисты, должны предложенный им нравственный кодекс соблюдать, а русские уважать. В числе 17 изложенных им в приложении краеугольных правил содержались такие: «почитать ученых, отцов и матерей», «уважать... старших, родовитых и знаменитых», помогать «местному населению, подобно врачам», сочетать нравственность с просвещенностью и законопослушанием, вести дела прямо и честно, соблюдать умеренность «в пище, одежде и имуществе», совершенствоваться «в науках и грамоте», воздерживаться от лукавства, обмана, кражи и клеветы», не нарушать спокойствие других, «пользуясь их кротостью» и др. (Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 500, л. 57–58).

Далее в отдельном списке просьб он ходатайствовал перед российскими властями сохранить кочевой образ жизни, должности, знаки отличия и чины, а также национальные головные уборы, одежды и ношение кос, не допускать большого притока в Туву российских переселенцев. Даа-нойон Монгуш Буян-Бадыргы в своем прошении многое повторил. Приняв российский протекторат, он в дальнейшем не только соблюдал его неукоснительно, но и в меру сил содействовал русской власти в решении хозяйственно-политических вопросов. Так, узнав о начале Первой мировой войны, он собрал с жителей Хемчика денежные средства в помощь русской армии (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 296, л. 123).

Таким образом, исторические события — освободительное движение и принятие российского протектората, — показывают, что в этот период Лопсан-Чамзы не только являлся признанным авторитетом в буддийской сангхе Тувы, но и проявил себя как влиятельный политик, сыгравший решающую роль в принятии Тувой российского покровительства. Своеобразный нравственный кодекс Лопсан-Чамзы свидетельствует, что его писал человек высокой морали, приверженец веры и

¹ Собрание архивных документов о протекторате России на Урянхайском крае — Тувой (с 100-летию исторического события). Абакан: Типография «Журналист», 2014. С. 72–76.

научных знаний, заботливый наставник соотечественников-буддистов, стремящийся к достижению в Урянхае материального благополучия и политической стабильности. Он также наглядно и убедительно показывает, что его автор, в отличие от многих тувинских лам, только внимавших наставлениям тибетских и монгольских церковных иерархов, — это зрелый самостоятельный ум, способный соотносить веру с реальной жизнью своей родины, остановиться на том, что ей особенно необходимо.

Попытка учреждения института Пандидо Камбы-ламы

Постепенно распространяя протекторат на всю Туву, российские чиновники не могли не обратить внимание на то обстоятельство, что тувинцы, как буддисты, особенно ламы, систематически по самым разным религиозным причинам и поводам обращались в Монголию. Из Тувы в соседнюю страну тянулись паломники из монахов и светских лиц, желавших поклониться монгольским хубилганам, возложить к их стопам свои дары (Ламажаа, Бичелдей, 2021).

В самой Туве не было высоких буддийских иерархов, не говоря уж о перерожденцах (хутухтах). Как и при цинах, в край нередко приезжали монгольские хубилганы, содержание которых для тувинских монастырей и населения было разорительно. Достаточно сказать, что такие гости по обычному праву могли брать себе все и сколько пожелают. Из Тибета и Монголии шли обязательные и нелегкие для исполнения указания и требования. Все это постоянно наблюдал и хорошо знал хемчикский Камбы-лама Лопсан-Чамзы. И когда комиссар Урянхайского края В. Ю. Григорьев ознакомил его с проектом учреждения в Туве института Пандидо Камбы-ламы, он тут же дал свое согласие на участие в его реализации.

В письме от 26 ноября 1916 г., убеждая иркутского генерал-губернатора, В. Ю. Григорьев писал, что тувинские ламы получают образование в Урге, поэтому «ламское духовенство, имеющее на массы жителей огромное влияние, является чрезвычайно деятельным и распыленным проводником монголофильства» (ГА ИО, ф. 25, оп. 11, д. 135, л. 1–2). И чтобы вывести тувинских лам из-под чрезмерного и нередко негативного влияния буддийских иерархов Монголии, необходимо было, по мнению В. Ю. Григорьева, создать в Туве автономное буддийское общество путем объединения всех монастырей под управлением одного лица. Он также предлагал образовать институт штатных лам «с различением их по духовным степеням и с определением прав и обязанностей», как «это имеет место в Забайкалье или в Калмыцкой степи» (там же).

Российские власти и сторонники Лопсан-Чамзы убеждали тувинских лам, что при разрозненности тувинского духовенства, не имея религиозного центра, трудно завоевать авторитет в глазах населения, что многочисленным монастырям трудно «сноситься» с русской властью. Поэтому, объясняли они, необходимо объединение буддийского духовенства под властью одного лица, которое будет отстаивать их интересы, — Пандидо Камбы-ламы (там же).

Комиссар В. Ю. Григорьев выдвигал на эту ключевую должность Лопсан-Чамзы как наиболее подходящего кандидата и лицо, согласованное с хемчикскими и некоторыми другими правителями хошунов. Постоянную резиденцию Камбы-ламы, считал комиссар, необходимо расположить в центральной части Урянхайского края. В качестве наиболее приемлемых вариантов комиссар рассматривал возможность возведения буддийского хурээ в строящемся краевом центре Белоцарске, а также на Булуке или в Бай-Булуке (там же).

Во исполнение поручения иркутского генерал-губернатора, 1–2 марта 1917 г. комиссар В. Ю. Григорьев созвал съезд буддийского духовенства Тувы¹. Главной целью его было утверждение тувинским буддийским сообществом Лопсан-Чамзы в должности Пандидо Камбы-ламы.

¹ В историческом тувиноведении принято первым съездом считать буддийский собор 1928 г. См. например, у известного историка тувинского буддизма М. В. Монгуш: «Первый Всетувинский буддийский съезд стал, безусловно, знаменательным событием...» (Монгуш, 2001: 105). У И. В. Отрошенко перед названием съезда стоит римская цифра I (Отрошенко, 2014: 40). Приведенный нами факт свидетельствует, что называть буддийский собор, прошедший в 1928 г., первым буддийским собором (съездом) в Туве неправильно, так как были более ранние съезды.

Всего в нем приняли участие 28 лам разных должностей, представители 20 буддийских монастырей:

- из Дашипуцеглин дацана¹ — гелун² кепши Лувсан-Чамзы, гэлун Агван, гэвгуй³ Чамбал, нярав⁴ Чамьян, дуганчы⁵ Сотпа;
- из Дашичойнхурлен дацана — гэлун кепши Дагдан-Чамзы, хамбы гецул⁶ Мижит-Доржу, хамба гэцул Серен-Дондук;
- из Генденпил дацана — гэсгуй гэлун Норбу, банди⁷ Бесе;
- из Пунцукдарчжийлан дацана — демчи⁸ Лувсан, гэвгуй Доржу;
- из Дашибалбарлан дацана — ширету лама гэлун гэвши Тубтуняма, кунзат Курчжап;
- из Течинганданчоймпил дацана — демчи Сульдум, гэвгуй Шыырап;
- из Балдандашичойхурлен дацана — да-лама Серендук, гецул Туге, банди Баир;
- из Ганданчоймпил дацана — хамбы-ламы гелун Намнан, да-лама гелун Янчжап, гецул Назыты, гецул Шарайбу;
- из Санакдешин дацана — соржу⁹ гелун Зандан, гэсгуй гелун Балдан и кунзат Сагаан.

Не прибыли на совещание представители, по выражению В. Ю. Григорьева, «малых захудалых и отдаленных монастырей» (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 46 об). Ламы Кыргызского хурээ отказались приехать, сославшись на совершение религиозных обрядов, связанных с Шагаа (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 71).

По мнению В. Ю. Григорьева, съезд прошел удачно (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 46 об), поскольку вопрос об объединении буддийского духовенства был инициирован чиновниками хемчикских хошунов (даа-нойон Монгуш Буян-Бадырғы, бээзи-нойон Куулар Чымба), а также заведующими сумонов Иргит (Гамал-Батор, чайзан Норбу) и Чооду (чагырыкчы Тумен-Назыты, чайзан Дамдын). Его участники «признали возможным» применение в Туве «Временной инструкции об управлении делами ламаистского духовенства в Иркутской губернии» с некоторыми изменениями. Несогласие вызвали вопросы о введении строгого celibата (безбрачия) лам, сокращение численности и упразднение личной собственности лам, но их, по мнению комиссара, можно было вводить постепенно, «дабы осуществление реформы не было болезненным и не породило недовольства» (НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 36, л. 1).

Резиденцией Пандидо Камбы-ламы определили Шаган-Арыгское хурээ в центральной Туве с тем, чтобы население из отдаленных местностей края имело возможность без особенных препятствий посещать его (там же).

Участники совещания, обращаясь к комиссару, просили не затягивать с реорганизацией духовенства Тувы. Со своей стороны, В. Ю. Григорьев внес предложение Иркутскому генерал-губернатору, чтобы вопросы утверждения лам и ширетуев (камбы-лам) в их званиях, а также предложения по назначению того или иного кандидата на должность Пандидо Камбы-ламы делал комиссар (там же).

Учитывая все выше сказанное, можно заключить, что Камбы-лама Лопсан-Чамзы в период протектората, ознакомившись с проектом краевого комиссара, посчитал разумным приступить к реформированию буддийского духовенства в Туве. Для последовательного сторонника России было естественным, что русские власти стремились оградить принявшее российское покровительство тувинское население от чрезмерного влияния другого государства. Его собственный опыт общения с монгольскими иерархами также говорил о целесообразности такого шага. Появление в Туве самостоятельного духовного центра переводило тувинско-монгольские отношения в религиозной сфере на начала справедливости и равноправия.

¹ В Туве в большинстве случаев хурээ представляет собой комплекс из нескольких дацанов. Каждый из них имел свое название, например, в честь какого-нибудь буддийского божества.

² Гэлун (гэлэн) (монг. тув. – хелиң) — буддийский монах, принявший на себя 253 обета.

³ Гэвгуй — блюститель порядка во время богослужения в буддийских монастырях.

⁴ Нярав (монг.) — казначей.

⁵ Дуганчы (тув.) — буддийский монах, смотрящий за храмом.

⁶ Гэцул (тиб.) — монах, послушник, принявший на себя 36 обетов.

⁷ Банди (монг.) — послушник.

⁸ Демчи (монг.) — помощник казначея монастыря.

⁹ Соржу (тиб.) — лама, исполняющий религиозный обряд уничтожения нечистых сил.

Инцидент на Хемчике

Возможно, план создания автономного тувинского духовенства не остался бы на бумаге, но в феврале 1917 г. царь России Николай II отрекся от власти. Учитывая новые важные обстоятельства, даа-нойон Монгуш Буян-Бадыргы посчитал, что теперь свободен от данной по случаю объявления протектората клятвы, и стал налаживать связи с китайскими чиновниками и торговцами.

Из «Доклада делегата от VI краевого съезда А. И. Мальцева, командированного на Хемчик для переговоров с прибывшими туда китайскими чиновниками и выяснения положения дел» от 12 июля 1918 г. мы узнаем: «Летом 1917 г. Хемчикский Камбы-лама Дагданай с ведома гун-нойона ездил в Улясутай, где вступил в переговоры с китайскими властями о принятии Даа (Хемчикского) хошуна под китайское управление» (ГА РФ, ф. 176, оп. 13, д. 29, л. 2–5 об.).

Затем в Улангоме побывал сам даа-нойон Монгуш Буян-Бадыргы. К признанию власти Китая даа-нойона склонял, по утверждению Мальцева, и крупный чиновник (дзахирокчи) Даа-хошуна Монгуш Нимажап.

Через год — 23 июня 1918 г. — в ставку Буян-Бадыргы прибыли три китайских чиновника и представители трех крупных фирм, ранее торговавших на Хемчике. Чиновники намеревались получить от тувинских нойонов прошение о признании власти Китая над Тувой, торговцы же хотели договориться насчет возврата им прежних долгов и товаров, оставленных после их изгнания из Тувы в 1912 г. Они договорились вернуться к порядкам, существовавшим в крае до 1912 г. (там же).

Лопсан-Чамзы действия хемчикских нойонов и чиновников посчитал непродуманными. Я. И. Мальцев сообщает: «Среди чиновников и населения Даа-хошуна, живущих в верховьях реки Хемчика, находится много противников перехода к китайцам. Камбы-лама Чжамцо (Чамзы. — Н. М., А. С.), возмущенный единоличными действиями в этом деле молодого Камбы-Ламы Дагданая и гун-нойона, намерен в виде протеста подать русскому правительству коллективное заявление о том, что обращение правителя их хошуна к Китаю не выражает воли всего народа, а есть единоличное желание лишь нескольких лиц» (там же).

Прибывший на Хемчик Я. И. Мальцев, ссылаясь на решения русско-урянской съезда (1917 г.) и VI краевого съезда (1918 г.) об оставлении российского протектората в силе, проявив настойчивость, потребовал от китайцев, у которых даже не оказалось разрешения русского консула на въезд, покинуть Туву, с чем они вынуждены были согласиться. С другой стороны, сам Я. И. Мальцев убедился, что напряжение в крае нарастает, и видел выход в отправке в край казачьей сотни. «В противном случае, — писал он, — мы и здесь потеряем лицо» (там же).

Следует отметить, что Камбы-лама Лопсан-Чамзы, сожалея о падении российского самодержавия, в отличие от хемчикских нойонов и чиновников, не считал верным для Тувы решением отказ от российского покровительства. Убедившись, что Временное правительство в России намерено продолжать в отношении Тувы прежнюю политику, он отнесся к этой власти лояльно. В дальнейшем это отношение он распространил и на колчаковское правительство. В правильности занятой позиции его поддерживало еще и то обстоятельство, что белая власть в крае решила продолжить начатую до революции реформу тувинской буддийской сангхи.

Возвращение к вопросу о Пандидо Камбы-ламе

Второй раз вопрос о реорганизации тувинского духовенства инициировал сам Лопсан-Чамзы. Для этого он воспользовался обращением к нему за советом назначенного колчаковским правительством Комиссара Урянхайского края А. А. Турчанинова. В своем письме от 18 января 1919 г. Турчанинов (НА РТ, ф. 112, оп. 1 д. 246, л. 13) попросил разъяснить ему порядок наследования и замещения должностей, функциональные обязанности чиновников, процедуру судопроизводства, установление налогов на содержание управлений и монастырей, регулирование общественных отношений, как среди тувинцев, так и тувинцев с русским населением. Кроме того, комиссар хотел узнать его мнение по поводу предполагаемого введения более рационального административного устройства, судопроизводства и судопроизводства в хошунах.

Отвечая на поставленные вопросы, Лопсан-Чамзы дополнительно предложил:

«Следует выбрать и назначить одного ученого и мудрого ламу, — писал он, — наградив (здесь и далее следует понимать как «удостоив». — Н. М., А. С.) его от центрального правительства званием ПАНДИДО

ХАМБО» с шариком «АЛТАН-ОЧИРА» (золотой скипетр). Также как духовного повелителя Урянхайского края нужно наградить особой печатью. В его штате должны состоять тэргуун да-лама — 1, дэд-да-лама — 1, демчи — 2, а также из каждого хурээ должны быть командированы по одному дзайсан-ламе» (там же).

Тем самым он предлагал осуществить начатую до революции реформу в духовной сфере.

А. А. Турчанинов в своем донесении в МИД Омского правительства от 29 марта 1919 г. отмечал, что поскольку «местное духовенство находится в плотной зависимости от Далай-ламы и монгольских хутухт» и чтобы «парализовать монгольское влияние» необходимо установить тесную религиозную связь с бурятами (Отрощенко, 2014: 33; ГА РФ, ф.р.–200, оп. 1, ед. хр. 494, л. 158 об.). Также, как и В. Ю. Григорьев, он был убежден, что Лопсан-Чамзы сможет «объединить тувинское духовенство и через его посредничество, своим авторитетом, влиять на туземное население всех хошунов в пользу России» (Отрощенко, 2014: 34). Поэтому наряду с другими неотложными вопросами он настойчиво добивался утверждения в должности Пандидо Камбы-ламы Тувы Ондара Лопсан-Чамзы (фото 3) (ГА РФ, ф. 1701, оп. 1, д. 24, л. 73–75 об.).

Фото 3. Камбы лама в своей юрте, 1928 г. (НА РТ, альбом № 2 В. П. Ермолаева, фото 152).

Photo 3. Khamby lama in his yurt, 1928 (NA RT, V. P. Ermolaev's album No. 2, photo 152).

Обращаясь в Омское правительство, Турчанинов аргументировал свой выбор:

«Из своей переписки с ним, в течение последних четырех месяцев, и из донесений помощника Я. И. Мальцева, я вижу, что, только благодаря его умелому вмешательству, катастрофическое положение... безболезненно ликвидировано, все вопросы, касающиеся туземного самоуправления, так тщательно и долго скрываемые от русской власти, только с его помощью получили правильное и беспристрастное освещение, чем значительно облегчили восстановление русского влияния в Крае» (ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 499, л. 37).

3 июня 1919 г. в Белоцарске открылось совещание, посвященное проблеме духовного управления Урянхайского края. Участники совещания пришли к общему мнению, что, несмотря на религиозный запрет духовным лицам принимать участие в административном управлении, в сложившемся положении это необходимо сделать. Лопсан-Чамзы заверил, что среди тувинского духовенства найдутся люди, которые поведут народ за собой. При обсуждении было выдвинуто предложение, что Пандидо Камбы-лама мог бы решать и гражданские споры, возникающие между духовными и светскими лицами. А. А. Турчанинов предложил монастырям сдавать их земли в аренду и на эти средства содержать себя (Москаленко, 2004: 68; НА РТ, ф. 112, оп. 1, д. 295, д. 1).

Таким образом, можно отметить, что Лопсан-Чамзы в условиях революционных событий сохранил свою приверженность старой России. Он положительно воспринял в действиях новой буржуазно-демократической власти продолжение старой политики, возбудил перед комиссаром Урянхайского края вопрос о реорганизации тувинской буддистской общины (сангхи), надеясь на его разрешение.

Начало военной интервенции

Летом 1919 г. хемчикские сторонники Монголии и Китая стали искать покровительства монголов. Политические метания усугубляла нехватка в крае продовольственных товаров. Среди населения повсеместно нарастало недовольство. На этом неблагоприятном для русских краевых властей и их сторонников фоне произошло вторжение в Туву монгольского и китайского военных отрядов. Сторонники оккупантов в Туве возглавили восставших хемчикских тувинцев. Газета «Минусинский край» за 1919 г. периодически сообщала, что в Туве начались погромы российских (русских, татарских и хакасских) торговых факторий, поселений и заимок. Многие из них запылали (Моллеров, 2022: 234).

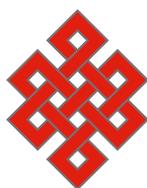
Из «Доклада чиновника особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел Н. И. Леонова в Министерство внутренних дел о положении в Урянхайском крае» от 30 июля 1919 г. известно, что опасения о неминуемом вторжении из-за рубежа и хемчикском восстании у Камбы-ламы Лопсан-Чамзы зародились еще за месяц до начала событий. Когда они оправдались, в числе руководителей массовых погромов и насилий Лопсан-Чамзы увидел все тех же лиц, ранее пытавшихся повернуть Туву в сторону Монголии и Китая. В подразделе доклада «Участие чиновничества в восстании» сообщалось, что у Комиссара Урянхайского края А. А. Турчанинова был список нарушителей положений протектората, насчитывавший до 50 чиновников. Лопсан-Чамзы пытался своими письменными обращениями прекратить чинимые над россиянами преступления, и, возможно, какие-то из них предотвратил или смягчил. Наконец, нахождение на Хемчике для него самого стало опасным, и он перебрался на время в г. Белоцарск (Молчанов, 1998: 95–96; ГА РФ, ф. 1701, оп. 1, д. 240, лл. 303–311).

О кратковременном пребывании его в административном центре Тувы известно немного. Скупые сведения можно извлечь из письма премьер-министра ТНР Куулара Дондука к представителю Коминтерна в Туве В. А. Богданову. В нем бывший зайсан и сторонник Китая признавался, что, находясь в ставке Лопсан-Чамзы в Белоцарске, активно добывал сведения о действиях белых русских и передавал их командованию интервентов. И никто в окружении Камбы-ламы об этом даже не подозревал (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 9, л. 1). Дондук не боялся в этом признаваться, потому что действовал против белых, а отчитывался перед их врагами — красными. Да и многие активные участники тех событий были к тому времени прощены и в разное время занимали высокие посты в государстве. Данный факт лишний раз подчеркивает, насколько была опасной и запутанной ситуация в Туве в середине 1919 г. И Камбы-лама находился в эпицентре происходивших событий.

Итак, можно отметить, что вступление в Туву оккупационных отрядов из Китая и Монголии и их объединение с хемчикскими повстанцами Лопсан-Чамзы не приветствовал. Он понимал, что военные действия интервентов ничего хорошего Туве не несут. Как показали дальнейшие события, так оно и было. Переезд Камбы-ламы с Хемчика в Белоцарск лишь ненадолго отсрочил грозившую ему опасность. Следует также отметить, что в документальных источниках и свидетельствах очевидцев никак не характеризуется его отношение к Советской власти и действиям красных в Туве. Но то, что он всегда открыто находился на стороне белой России и в стане белогвардейцев, однозначно характеризует его как убежденного противника большевиков. Религиозные воззрения Лопсан-Чимита на мироустройство не могли примириться с лозунгами его насильственного изменения.

Аудиенция у А. В. Колчака

Русские покровители и друзья, пытаясь сохранить ценного для Тувы и России человека, советовали Лопсан-Чамзы покинуть край и перебраться на время в расположение белой армии. Незадолго до объявления эвакуации российских правительственных учреждений из Белоцарска в Минусинск А. А. Турчанинов обратился к министру иностранных дел Омского правительства. По его словам, сложившаяся в крае ситуация — продвижение крестьянской армии Щеткина-Кравченко из Минусинского уезда и движение военных отрядов интервентов из Монголии, ставят в опасное положение жизнь «наиболее полезного интересам России деятеля в лице Хамбо Ламы Лубсана Чжамцо» (ГА РФ,

ф. 200, оп. 1, д. 496, л. 29). А. А. Турчанинов считал необходимым на время командировать Лопсан-Чамзы в Омск, чтобы он представился главному управляющему по делам вероисповеданий Омского правительства, получил полагающиеся ему знаки «высокого Духовного достоинства, какие ему надлежит иметь, для придания веса и значения среди туземного духовенства различных хошунов» (там же). Комиссар полагал, что знакомство членов правительства с владыкой, который выделяется среди местного населения своими знаниями, окажется полезным при выяснении особенностей быта этой народности. 4 июля 1919 г. Лопсан-Чамзы в сопровождении ламы, ученика, двух переводчиков и под охраной одного казака выехал через Саянский хребет в Минусинск и далее в Омск. Эту дальнюю и небезопасную поездку он предпринял в 62-летнем возрасте.

19 июля 1919 г. Камбы-лама прибыл в Омск, где провел 21 день. За это время он встретился с премьер-министром, министрами: военным, внутренних дел, иностранных дел, главным управляющим по делам вероисповеданий. Его представили Верховному правителю А. В. Колчаку. Встреча была недолгой, но запоминающейся. Лопсан-Чамзы оправдал все данные ему Турчаниновым лестные оценки и характеристики. У принимавших его членов Омского правительства он оставил благоприятное впечатление.

Вот что о нем, к примеру, писал в своем докладе о положении в Урянхайском крае чиновник особых поручений V класса при министерстве Внутренних дел Омского правительства Н. И. Леонов 30 июля 1919 г.:

«...Вопрос, возбужденный приездом Пандидо Камбы-ламы — это вопрос о назначении лица, которое смогло бы объединить Туземное управление краем, раздробленным на хошуны. Лопсан-Чамзы — старый русофил, для которого весь смысл существования, все возможности возвращения в край, связаны с вопросом о возвращении русской власти в край. Лопсан-Чамзы — вдумчивый, умный, решительный старик, брат знаменитого угерда Хайдыпа, пользуется в крае большим авторитетом и прекрасно знает край. Его русофильство вне подозрения. Пандидо Камбы-лама — ныне единственный человек, которому можно было бы поручить объединяющее управление в крае» (ГА РФ, ф. 1701, оп. 1, д. 246, л. 303–311).

Видимо, под объединяющим управлением Н. И. Леонов понимал сосредоточение светской и духовной власти в Туве в одних руках. Однако ни сам Лопсан-Чамзы, ни его высокие покровители так вопрос не ставили. В качестве главного должностного лица в крае предстояло назначить представителя России.

Отбыл Лопсан-Чамзы из Омска 10 августа 1919 г. с орденом Святой Анны 2-й степени и в звании Пандидо Камбы-ламы Тувы. Ему были подарены автомобиль и моторная лодка.

В Минусинске он встретился с уже знакомым В. Л. Поповым, теперь уже генерал-майором, назначенным главой Урянхайского края. Вместе они ожидали исхода Белоцарского боя казачьего есаула Г. К. Бологова с красными партизанами Шетинкина-Кравченко. Но их надежды не оправдались. Белоцарский бой был белыми проигран. Путь в Туву для Пандидо Камбы-ламы был надолго закрыт. Не было ему пока дороги и в Монголию (ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 496, л. 111).

Еще в конце сентября Лопсан-Чамзы оставался в Минусинске. Затем он год провел в одном из дацанов Бурятии, еще один год — в дархатском монастыре Монголии, где уже перестали интересоваться «урянхайцем Чжамцу». Данные о появлении Лопсан-Чамзы в г. Улясутае (Монголия) весной 1921 г. мы находим в книге белоэмигранта поручика К. Носкова. Ошибочно называя его «главой Сойотии», Носков писал:

«Хамбо-Лама, вынужден был бежать с родины и укрылся в одном Монгольском монастыре. Белое движение в Монголии, казалось, давало ему шансы вернуть утраченные былые влияние и власть. Он обещал Казанцеву широкую поддержку людьми и оружием. Обстановка, как будто, складывалась для нас, “белых”, благоприятно. Уверенность в успехе росла»¹.

Как оказалось, данные Камбы-ламой казачьему атаману Казанцеву сведения оказались сильно устаревшими. За время, которое Лопсан-Чамзы провел за пределами Тувы, в ней многое изменилось. Во-первых, там успешно действовал красный партизанский отряд во главе с С. К. Кочетовым. Во-вторых, почти все тувинские нойоны сменили политическую ориентацию и начали поддерживать

¹ Носков К. Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921 год. М.: Книга по требованию, 2012. С. 12.

красных. В связи с этим И. К. Казанцева ожидал в Туве совсем не дружественный прием. По данным монгольского академика Б. Шырендыба и академического издания «История Тувы» в конце мая 1921 г. один из его отрядов был разбит партизанами Кочетова под Тарлашкыном, а другой рассеян хемчикскими тувинцами (Моллеров, 2020: 246). Сам Казанцев едва успел скрыться в Монголии, где долго боялся показаться на глаза барону Унгерну.

А Лопсан-Чамзы и его небольшая свита вернулись в Туву в начале 1920-х гг. (Монгуш, 2001: 108; НА ТИГПИ, д. 11, л. 212). Спокойно на родине он пожил недолго.

Таким образом, скитания Камбы-ламы за пределами Тувы начались в связи с необходимостью завершения проекта по реорганизации тувинского духовенства. Успешное завершение намеченного, как считал Лопсан-Чамзы, зависело от его официального утверждения в должности Пандидо Камбы-ламы верховным правителем России А. В. Колчаком и восстановления белой власти в Туве. Первое условие было успешно выполнено, но в результате отступления и поражения белых, высокий иерарх остался без своих буддийских приверженцев. В своих скитаниях по России и Монголии и в период проживания в Туве в первой половине 1920-х гг. он, как и прежде, не разуверился в возможности восстановления старых порядков.

Хемчикский мятеж 1924 г.

Новый поворот в судьбе Лопсан-Чамзы произошел в результате Хемчикского вооруженного мятежа весной-летом 1924 г. (История Тувы, 2007:152–155). В ходе восстания до него дошли слухи, что некоторые большие чиновники ТНР ищут влиятельного человека, которому можно вменить в вину организацию и идеологическую поддержку восстания, и на эту роль, по их мнению, очень подходил влиятельный Камбы-лама. Так, секретарь райбюро РКП (б) в Туве Я. С. Чугунов, побывав на Хемчике, пришел к выводу, что инициатива присоединения Тувы к Монголии принадлежит Буяну-Бадырғы, Нимажапу, Камбы-ламе Лопсан-Чамзы, Нармандаху и еще некоторым представителям правящей элиты Тувы (Дацышен, 2010: 131). И хотя никто из участников восстания не был серьезно наказан (самые активные заплатили различные суммы штрафа), Лопсан-Чамзы все же решил снова эмигрировать и укрыться в Монголии. Позднее он узнал, что его действительно признали в ТНР идеологическим вдохновителем восстания.

Достоверных сведений о том, как жил и чем занимался Лопсан-Чамзы за границей в период 1924-1929 гг. пока в архивах не обнаружено.

Известно только, что в 1929 г. ему удалось добиться легального отбытия на родину. По этому вопросу была официальная переписка между правительствами МНР и ТНР. В Туве к тому времени начался левый поворот, и премьер-министр тувинского правительства, бывший ученик Камбы-ламы Куулар Дондук, в связи с его возвращением, заявил, что торжественную встречу устраивать не стоит. Но он же потом вел с уже больным Камбы-ламой переписку, продолжавшуюся до тех пор, пока сам не был арестован.

В письме постоянному представителю в Туве В. А. Богданову от 18 октября 1929 г. Дондук писал:

«Говорят, что я имел постоянную связь с Хемчикским Жамцо-Хамбо (Лопсан-Чамзы. — Н. М., А. С.) и обменивался с ним письмами. Если это имело место, то я этого не скрывал бы, ибо тут ничего обвиняющего нет. Когда Жамцо-Хомбо болел, он писал мне о приглашении медика-лекаря из Москвы или из Монгольского полпредства, и я взаимно отвечал, тут я ничего особенного не вижу» (НА РТ, ф. 93, оп.1, д. 9, л. 6).

О роли Лопсан-Чамзы в Хемчикском мятеже судить трудно. Но, зная его рассудительность и уважение к законам, можно предположить, что он вряд ли мог одобрить намерение восставших упразднить самостоятельное тувинское государство и присоединиться к Монголии. Возможно, он держал в этих событиях нейтралитет, что и позволило ему без препятствий с монгольской стороны, вернуться в Монголию. Последний период его пребывания в Туве закончился очень быстро по причине новых восстаний, вызванных перегибами левого курса Тувинской народно-революционной партии (ТНРП).

В 1930 г. Лопсан-Чамзы по обвинению в организации вооруженного восстания на Хемчике был арестован народоармейцами ТНР. Чтобы доставить больного и немощного арестанта до Кызыла, ему связали руки и привязали к одной из лошадей, что были на поводу у двух солдат. Но по пути на перевале Адар-Тош, ясно осознавая свою участь, Лопсан-Чамзы отказался двигаться дальше. Солдаты попытались заставить его, но все их усилия были тщетны. Тогда один из солдат произвел

смертельный выстрел (в другом варианте сведений его зарубили шашкой). Местные жители ночью забрали недвижимое тело Камбы-ламы и тайно похоронили.

Так погиб славный сын Тувы и верный друг старой России, так похожей и не похожей на нынешнюю. Об этом, в частности, нам рассказывал в беседе с ним автор упомянутой нами книги «Пандидо Чамзы-Камбы» Х. Д. Монгуш. Перегибы левого курса и первая «волна» политических репрессий в Туве обусловили трагическое окончание жизненного пути Лопсан-Чамзы, оставившего яркий след в памяти потомков.

*Фото 4. Верхне-Чаданское хурээ в наши дни. Фото Вячеслава Монгуша. 2018 г.
Photo 4. The Upper Chadan khuree in our days. Photo by Viacheslav Mongush, 2018.*

В наши дни разрушенное в начале 1930-х гг. Верхне-Чаданское хурээ восстановлено (фото 4). В стороне от этого места имеется субурган известному в Туве ламе Кенден-Суруну Хомушку. Кто-то предполагает, что он посвящен сразу двоим лицам, в том числе и Лопсан-Чамзы. Но этого не может быть: по буддийским канонам сразу двоим лицам субурган ставить не принято. Сюда все время приезжают поклоняться верующие. Даже местность, у которой есть свое старое название Холчугтуг, переименовали в Адар-Тош. Было бы справедливо, чтобы на настоящем историческом Адар-Тоше, который сейчас называют Камбылыг, стоял субурган Лопсан-Чамзы. Память о замечательном человеке и сильной, нестигаемой личности Лопсан-Чамзы должны хранить историческая наука и люди.

Заключение

Мы попытались не только извлечь, соединить в рамках историко-биографического очерка многочисленную информацию из архивов, но и представить обобщенные итоги духовной деятельности глубоко верующего человека, высокого иерарха буддийской церкви в Туве — Камбы-ламы Ондара Лопсан-Чамзы.

Мы считаем, что главной заботой его жизни являлось благо родной Тувы. А воплощение своих чаяний в жизнь он всегда связывал с Россией. Если учитывать то, что Лопсан-Чамзы тяготел к единомышленникам (А. Х. Чакиров, В. Л. Попов, А. А. Турчанинов, И. К. Казанцев), а это были в основном монархисты, обходя вниманием сторонников Учредительного собрания и прочих участников белого движения, признававших итоги Февральской революции и отречения царя (генерал А. С. Бакич и полковник А. А. Кайгородов) он до конца оставался сторонником самодержавной России. Произшедшие в ней революционные изменения он воспринимал как временные. И, не будучи, ясновидцем или предсказателем, оказался в своем видении по большому счету прав.

Известный российский философ Николай Бердяев писал: «Чистый отвлеченный консерватизм отказывается продолжать историю, он говорит, что все уже завершилось, что теперь все подлежит лишь охранению» (Бердяев, 2016: 47). Вот и Лопсан-Чамзы, как традиционалист и консерватор, считал, что созданное велением свыше не должно подвергаться сомнению и пересмотру. Поэтому ему было противоестественно время перемен — Революция и Гражданская войны. Немало его современников, как буддисты, так и православные, те же Куулар Дондук, Монгуш Буян-Бадырғы, Монгуш Нимажап, подполковник А. Х. Чакиров, генерал-майор В. Л. Попов и многие другие смогли принять новое время или как-то свыкнуться с ним, а он этого не смог. Он до последних мгновений своей жизни верил, что лихолетье временно, преходяще. Но времени, чтобы дождаться его прекращения, у него не оказалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (2016) *Смысл истории*. СПб. : Азбука. 254 с.
- Дацышен, В. Г. (2010) Государственное строительство в Туве и проблемы регионализма в первой половине 1920-х гг. // *Ученые записки ТИГПИ*. Вып. XXII. Кызыл : ОАО «Тываполигарф». 503 с. С. 114–145.
- История Тувы* (1964) / отв. ред. С. К. Тока. М.: Наука. Т. 2. 455 с.
- История Тувы* (2001) / отв. ред. С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.
- История Тувы* (2007) / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.
- Каррутерс, Д. (1914) *Неведомая Монголия. Урянхайский край*. Пг. : Переселен. упр. Т. 1: Урянхайский край. VIII, 341 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П. (2021) Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 6–17. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>
- Моллеров, Н. М. (2020) Революционные события и Гражданская война в «урянхайском измерении» // *Великая революция и Гражданская война в «восточном измерении»* / отв. ред. Д. Д. Васильев. М. : ИВ РАН. 338 с. С. 232–258.
- Моллеров, Н. М. (2022) *История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.)*. Кызыл : Тип. МБОУ КЦО «Аньяк». 374 с.
- Молчанов, Л. А. (1998) Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров // *Исторический архив*. № 3. С. 84–105.
- Монгуш, М. В. (2001) *История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.)*. Новосибирск : Наука. 200 с.
- Москаленко, Н. П. (2004) *Этнополитическая история Тувы в XX веке*. М. : Наука. 222 с.
- Отрошенко, И. В. (2014) Буддизм и политика в истории Тувы (О появлении института Камбы-ламы) // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 24–44.
- Родевич, В. (1912) Урянхайский край и его обитатели // *Известия РГО*. Т. 18. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича. С. 129–188.
- Самдан, А. А. (2018) *Антиманьчжурская национально-освободительная борьба тувинского народа (XVIII – начало XX в.)*. Абакан: ИПП «Журналист». 61 с.

Дата поступления: 11.04.2022 г.

REFERENCES

- Berdyayev, N. A. (2016) *Smysl istorii [The meaning of the history]*. St. Petersburg, Azbuka. 254 p. (In Russ.).
- Datsyshen, V. G. (2010) Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Tuve i problemy regionalizma v pervoi polovine 1920-kh gg. [State building in Tuva and the problems of regionalism in the first half of the 1920s]. In: *Uchenye zapiski TIGPI [Scientific Notes of the TSPI]*. Issue XXII. Kyzyl, ОАО "Tyvapoligarf". 503 p. Pp. 114–145. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (1964) : in 2 vols. / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Nauka. Vol. 2. 455 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2001) : in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 367 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Carruthers, A. D. (1914) *Nevedomaia Mongoliia [Unknown Mongolia]*. Vol. 1: Uriankhai Territory. Petrograd, Publishing House of the Migration Department of the Main Department of Land Management and Agriculture. VIII, 341 p. (In Russ.).

Lamazhaa Ch. K. and Bicheldey U. P. (2021) Osnovnye kharakteristiki tuvinskogo buddiiskogo palomnichestva rubezha XIX–XX vekov [The main characteristics of Tuvan Buddhist pilgrimage at the turn of the 19th–20th centuries]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>

Mollerov, N. M. (2020) Revoliutsionnye sobytiia i Grazhdanskaia voina v «uriankhaiskom izmerenii» [Revolutionary events and Civil war in the “Uriankhai dimension”]. In: *Velikaia revoliutsiia i Grazhdanskaia voina v «vostochnom izmerenii» [The Great revolution and the Civil war in the “Eastern dimension”]* / ed. by D. D. Vasiliev. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 338 p. Pp. 232–258. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2022) *Istoriia sovetskoi zarubezhnoi kolonii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921–1944 gg.) [History of the Soviet foreign colony in the Tuvan People’s Republic (1921–1944)]*. Kyzyl, Printing House of Kyzyl Education Center “Aniyak”. 374 p. (In Russ.).

Molchanov, L. A. (1998) Uriankhaiskii vopros mozhet byt’ razreshen lish’ putem mirnykh peregovorov [The Uriankhai issue can be resolved only through peaceful negotiations]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 3, pp. 84–105. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Moskalenko, N. P. (2004) *Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX veke [Ethnopolitical history of Tuva in the 20th century]*. Moscow, Nauka. 222 p. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2014) Buddizm i politika v istorii Tuvy (O poiavlenii instituta Kamby-lamy) [The Buddhism and policy in the history of Tuva (on the advent of the Institute of Kamby Lama)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 24–44. (In Russ.).

Rodevich, V. M. (1912) Uriankhaiskii kraj i ego obitateli [Uriankhai territory and its inhabitants]. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 18. St. Petersburg, M. M. Stasiulevich’s Printing House. 60 p. Pp. 129–188. (In Russ.).

Samdan, A. A. (2018) *Antiman’chzhurskaia natsional’no-osvoboditel’naia bor’ba tuvinskogo naroda (XVIII — nachalo XX v.) [Anti-Manchurian national liberation struggle of the Tuvan people (18th — early 20th c.)]*. Abakan, IPP “Zhurnalist”. 61 p. (In Russ.).

Submission date: 11.04.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.10

Статья

Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва

Анна Д.-Б. Самба

Институт социологии ФНИСЦ РАН; Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается история формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва, начиная со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня. В этом процессе выделены четыре этапа, каждый из которых рассмотрен с точки зрения особенностей социально-профессиональной структуры населения. Для анализа 1–3 этапов использовались результаты исследований, опубликованных в научных трудах разных лет. Для характеристики современной ситуации автор опирается на результаты социологических исследований в Республике Тыва. Они были проведены с её участием под руководством З. Т. Голенковой в составе исследовательского коллектива Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (в 2019 г. объем выборки составил 2860 чел., в 2021 г. — 1536 чел.).

На первом этапе развития общества, со второй половины XIX в. до конца 1920-х гг., в обществе выделялись три социальных слоя: высший социальный слой (князья и пр.), средний социальный слой (чиновники и самостоятельные араты); низший социальный слой (постоянно зависимые араты и бедные). С 1921-х гг. до 1940-е гг. появились зачатки социально-профессионального деления. С 1944-х гг. по 1990-х гг. структура общества уже усложняется, внутри социальных слоев появляются свои деления, выделяются группы. Также наблюдается уменьшение числа людей, занятых традиционными видами хозяйствования. С 1990-х гг. социально-профессиональная структура заметно усложнилась и дифференцировалась.

Ключевые слова: социальная структура; социально-профессиональная структура; социальный процесс; тувинское общество; род занятий; профессиональная группа; социальная стратификация; социальный слой; Тува; тувинцы

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

Для цитирования:

Самба А. Д.-Б. Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 135-149. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Самба Анна Демир-Баадыровна — младший научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Медико-социальных Проблем и Управления Республики Тыва. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского д. 24/35, к. 5; 667003, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2 а. Тел.: Тел.: +7 (499) 128-91-89, +7 (995) 550-56-56; +7 (39422)2-41-38, +7 (995)-550-56-56. E-mail: sundui2012@yandex.ru

SAMBA, Anna Demir-Baadyrovna, Junior Researcher, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal address: Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovskii St., 117218 Moscow, Russian Federation; 2a Kechil-ool St., 667003 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 128-91-89, +7 (995) 550-56-56; +7 (39422) 2-41-38, +7 (995) 550-56-56. E-mail: sundui2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6525-2442

Article

Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva

Anna D.-B. Samba

Institute of Sociology, FCTAS, RAS; Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines the history of the formation of the social and professional structure in the population of the Republic of Tuva, starting from the second half of the 19th century and until today. There are four stages in this process, each of which is considered in terms of the features of the social and professional structure of the population. Results of research published in academic papers of different years were used for the analysis of stages 1–3. In order to characterize the current situation, the author relies on the results of sociological studies in the Republic of Tuva. She took part in these studies as a member of the research team under the guidance of Z. T. Golenkova at the Institute of Sociology, FCTAS, RAS in 2019 and 2021 (in 2019, the sample size was 2,860 people; in 2021 — 1,536 people).

At the first stage of social development, from the second half of the 19th c. to the late 1920s, three social strata were distinguished in society: the upper social class (princes, etc.), the middle social class (officials and independent arats); the lower social class (constantly dependent arats and the poor). From 1921 to the 1940s, the beginnings of a social and professional division appeared. From 1944 to the 1990s, the structure of society was already becoming more complicated, divisions were appearing within social strata, and groups were being distinguished. There was also a decrease in the number of people engaged in traditional forms of economy. Since the 1990s, the social and professional structure has become noticeably more complicated and differentiated.

Keywords: social structure; social and professional structure; social process; Tuvan society; occupation; professional group; social stratification; social stratum; Tuva; Tuvans

The study was performed with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Education, Culture, Science and Sports of Mongolia within the framework of the research project No. 20-511-44011 Mong_a “Informal Employment in Russia and Mongolia in the Context of Globalization”.

For citation:

Samba A. D.-B. Retrospektivnyi analiz formirovaniia sotsial'no-professional'noi struktury naseleniia Respubliki Tyva [Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 135-149 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Введение

Социально-профессиональной структуре современного тувинского общества присущи дезинтеграционные процессы, которые обусловлены разными темпами социальных изменений в российском обществе в целом и их региональной спецификой — в частности. Изучение этих изменений, произошедших как в масштабах страны, так и в отдельных ее регионах, имеет принципиальное значение для понимания современных процессов в Туве. Однако картина произошедших изменений не может быть описана без учета исторического контекста.

Социальные изменения в Туве в период XX–XXI вв. протекали ускоренными темпами, когда традиционный образ жизни с кочевого сменился на оседлый, появились и активизировались процессы урбанизации, стремительно развивались новые отрасли экономики. Высокие темпы экономических изменений наложили отпечаток на формирование социально-профессиональной структуры общества, что, несомненно, представляет научный и практический интерес.

На наш взгляд, в тувинском обществе в период российской модернизации произошла адаптивная реорганизация (Шкаратан, 2012), т. е. общество стало приспосабливаться к новым условиям, не меняя свои социокультурные аспекты.

Социально-профессиональная структура трактуется З. Т. Голенковой как многомерное, иерархическое пространство, в котором профессиональные группы различаются между собой по характеру труда, по степени квалификации, образования, обладанию собственностью, властными полномочиями (Голенкова, 2008: 82). Также социально-профессиональная структура определяется как одна из подсистем социальной структуры¹. Поскольку формирование социально-профессиональной структуры отражает протекающие в обществе социальные процессы, важно учитывать историческую специфику развития Республики Тыва, преобладавших в ней социально-трудовых отношений, системы властных институтов и пр.

Целью статьи является ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Тувы. Для анализа автор придерживался исторического и стратификационного подходов. Это также потребовало и составления исторической периодизации, в качестве критерия которой выступили качественно разные исторические этапы развития общества Тувы. В каждом этапе рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование социально-профессиональной структуры в социальном процессе. В нашем случае род занятия и профессии в социально-профессиональной структуре Тувы является как взаимодополняемые аспекты в социально-трудовом пространстве Тувы.

Периодизация выстроена нами по четырем этапам: *первый этап* — со второй половины XIX в. до второго десятилетия XX в. (в условиях господства империи Цин и до образования Тувинской Народной Республики), *второй этап* — с 1921 г. по 1944 гг. (Тувинская Народная Республика, досоветский период), *третий этап* — с 1944 г. по 1990-х гг. (советский период), *четвертый этап* — с начала 1990-х гг. по настоящее время (Республики Тыва на современном этапе). Каждый из этапов нашел свое отражение в научной литературе. Авторы — историки, этнографы, социологи, демографы и пр. — исследовали отдельные аспекты и общие проблемы. Однако, несмотря на большое число трудов, проблема формирования особенностей социально-профессиональной структуры в динамике не исследовалась, что и определило новизну данной работы.

При этом источниковой базой для нашего обобщенного анализа выступили труды наших предшественников, которые содержат как результаты исследований, так и важные заключения. Для характеристики современной ситуации автор опирается на результаты социологических исследований в Республике Тыва, выполненных с его участием под руководством З. Т. Голенковой в составе исследовательского коллектива Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (в 2019 г. объем выборки составил 2860 чел., в 2021 г. — 1536 чел.).

Первый этап (вторая половина XIX в. — второе десятилетие XX в.)

В изучаемый период тувинское традиционное общество отличалось следующими чертами: иерархичность (каждый социальный слой занимал определенное положение, соответствующее его статусу), замкнутость и, как следствие, низкий уровень социальной мобильности. Эти характеристики были достаточно подробно изучены С. С. Ховалыг (Ховалыг, 2010, 2016, 2017).

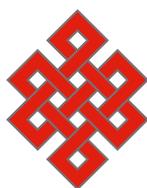
Например, основу введенного маньчжурами социального устройства тувинцев составила территориальная организация. Территория Тану-Тувы была разделена на военизированные административно-территориальные единицы (районы — хошууны², села — сумоны³ и десятники — арбаны⁴). Был введен институт «Бугдийн-дарга» — централизованное управление, объединившее несколько ту-

¹ Социологическая энциклопедия: в 2 т. / рук. Г. Ю. Семигин; глав. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 466.

² Хошуун (монг. *хошуун*; маньчж. *ци*) — крупная военно-административная единица, введенная в 1759 г. Маньчжурской администрацией для управления тувинским народом путем реорганизации княжеских (зайсанских) уделов. Один хошун состоял из 4–5 (иногда больше) сумонов. В современном тувинском языке слово *кожуун* по-прежнему используется для обозначения административно-территориального подразделения, соответствующего району.

³ Арбан (монг. *арбан*) — десяток, мелкая единица военно-административного деления.

⁴ От слов амбань (маньчж. *амбань*; монг. *сайд*) и нойон (монг. *ногойн*) — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности.

винских районов (хошунов) и находившееся в подчинении улясутайского цзянцзюня (Ховалыг, 2016). Каждый рядовой житель Тувы был закреплен за своим районом и не имел права его покидать (Ховалыг, 2017).

В условиях административного подчинения маньчжурской династии Цин формировалась новая социальная структура тувинского общества, был задан тренд на социальный статус и власть, аккумулированную у руководства в центральном управлении. Далее на основе критериев статуса и наличия/отсутствия власти формируется социальная структура, в которой выделились несколько социальных слоев: привилегированные социальные слои, середняки и бедные.

Высшую ступень в социальной иерархии традиционного тувинского общества с середины XVIII-го до начала XX вв. занимала маньчжурская знать во главе с императором (Ховалыг, 2016). Маньчжурский император являлся номинальным собственником всех земель Тувы, на его имя поступал ежегодно налог (*албан*), взимаемый с каждого района (*хошун*) и лично доставляемый амбын-нойоном¹ в центральное управление — Улясутай. За маньчжурской знатью и амбын-нойоном следовали монгольские князья и управители. Монгольским князьям принадлежали несколько тувинских хошунов, управлявшихся их представителями, именуемыми *дарга*². В эпоху маньчжурского господства княжеское сословие пополнилось новой социальной группой, включавшей табунов. К табунам (также называвшимся *эфу*) относились императорские зятья — монгольские князья, женившиеся на маньчжурских принцессах, освобожденные от всех налогов и воинской повинности и имевшие преимущественное право на занятие государственных должностей (Майский, 1921: 241). Они выполняли административные функции, собирали подати в пользу своих князей и контролировали деятельность управителей сел из числа тувинцев. Монгольские князья как социальная опора маньчжуров имели наибольшие права и привилегии. Постепенно для монгольских и тувинских князей чин и звание стали столь же важны, как и знатное происхождение.

Следующую ступень в социальной иерархии тувинского общества занимали тувинские князья. В. И. Дулов считал, что княжеское сословие в тувинском обществе было основано на институте зайсанства (родовой аристократии) (Дулов, 1956: 212). Например, как указывал В. В. Радлов, зайсаны являлись древними княжескими и дворянскими родами с правом реально существующего наследования, сформировавшемся еще в XVII веке (Радлов, 1989: 174). В социальный слой тувинской аристократии вошли не только бывшие зайсаны³, получившие новые титулы и должности — верховный правитель (*бугуде-дарга*, *амбын-нойон*, *угерда*⁴), но и тувинские духовенство. Высшим должностным лицом был камбы-лама, выполнявший функции настоятеля монастыря (Монгуш, 2001: 70). Прежние владельцы родов, поступившие на службу к маньчжурам, так же, как и монгольские князья, удостоивались новых титулов, званий и чинов и укрепляли свое социальное положение. Вместе с должностью и титулом тувинские князья становились обладателями всех прав и привилегий, которые были у южных соседей.

К среднему социальному слою традиционного тувинского общества относились чиновники и самостоятельные араты. Например, чиновники, занимавшие такие должности в администрации района (хошуна): управитель канцелярии *чагырыкчы*; начальник сумона *чангы*, глава арбана *арбан-дарга* (руководитель десятичника); чиновник по особым делам *чалан*, помощник *чангы-хунду*, главный сборщик налогов *бошка*, секретарь *бижээчи* (Ховалыг, 2016:15). В данный период все чиновники назначались лично правителем княжества *угерда*, кандидатуры выбирались с учетом родословной, личных качеств. Во вторую входили относительно самостоятельные араты-животноводы, имевшие свое хозяйство.

¹ От слов амбань (манчж. *амбань*; монг. *сайд*) и нойон (монг. *ногойн*) — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности.

² Староста, начальник. В Туве в период середины XVIII–XX вв. так называли не только начальников хошунов, но и мелких чиновников, управлявших арбанами (*арбан-дарга*). Сейчас используется для обозначения человека, занимающего руководящую должность.

³ Зайсан (кит. *Цзай-сян*) — первоначальное употребление этого титула наравне с титулами тайби, тайши восходит ко времени Юаньской династии в истории монголов (XIII–XIV вв.) Это правители аймаков; начиная со второй половины XV в. они представляли институт родовых начальников.

⁴ Угерда (а также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, у Г. Н. Потанина *ухырда*, см. Потанин, 1883: 664) — правитель, пользовавшийся правами дзасаков (монг. *Засаг*, букв. Правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории); однако должность считалась не наследственной, а выборной, с последующим утверждением цзянцзюнем. В Туве же сложился местнический порядок замещения должности правителя хошуна.

Они были основными плательщиками налога (албана и ундуруга). В их составе выделялись подгруппы согласно имущественному положению. Основопологающим фактором в определении социального статуса «аратов» являлось количество крупного и мелкого скота. То есть потеря значительного количества скота являлась причиной изменения занимаемого кочевником положения (Дулов, 1956: 212). Они несли все основные повинности и были привязаны к земле, на которой пасли свой скот, и не имели права покидать пределы своего хошуна (района) по своему желанию. Они были самой эксплуатируемой частью общества того времени.

К низшему социальному слою относились постоянно зависимые араты и бедные араты (Аранчын, 1982: 30–31). Постоянно зависимые араты, батраки (*эшитенчи, холечик, чалча*) — это группа людей, трудившихся на разных работах у зажиточных тувинцев независимо от того, имели они свои юрты или нет. И, бедные араты, это группа людей, по той или иной причине оставшиеся без работы. В первом десятилетии XX в. их число достигало приблизительно 3000 человек (там же: 30).

Итак, социальная структура традиционного тувинского общества с конца XIX в. формировалась по принципу территориальной организации, при этом сохраняя патриархальный уклад жизни. Каждый социальный слой имел свой статус, права и обязанности. Ученые подчеркивают значительную имущественную дифференциацию в конце XIX — первом десятилетии XX в., явившуюся следствием экстенсивного кочевого скотоводства, когда благополучие семьи всецело зависело от природных условий, и усугублявшуюся тяжелыми последствиями маньчжурского господства.

В тувинской экономике с помощью переселенцев развивались такие отрасли как торговля, золотодобывающая промышленность, промысловая деятельность, земледелие. В процессе совместной трудовой жизни русских и тувинцев развивались новые социальные взаимовыгодные отношения, способствовавшие росту культуры населения Тувы.

В этот период один *сумон* (село) состоял из числа представителей одной родовой принадлежности. Примерный средний состав в одном хозяйстве насчитывал от 4 до 5 человек. Данные родовые сообщества являлись основой большого тувинского традиционного общества. Их традиционный уклад, быт, культура в дальнейшем отмечаются как специфический социальный фактор, влиявший на дальнейшее социально-профессиональное развитие.

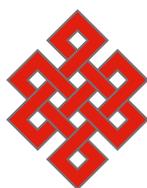
Н. А. Сердобов отмечает, что тувинское население во второй половине XIX — начале XX вв. было распределено по территориальному признаку родовой принадлежности (родственник *төрөл* по сумонам, по хошуунам) и сконцентрировано в сельской местности (Сердобов, 1971: 178).

Получение в 1914 г. Урянхайским краем протектората Российской империи стало одним из факторов, повлиявших на трансформацию тувинского традиционного общества. Тувинцы просили сохранить «установленные с давних времен порядки управления и обычаев»¹, а также право распространения «желтой религии» — буддизма — на своей территории².

Так, подчеркнем, что социальная структура тувинского общества содержала типичные для любого традиционного общества слои: высший (внешний и внутренний), средний и низший слои. Внешние политические и социальные факторы повлияли на формирование социального слоя чиновничества — социальной группы, занимавшей специфический социальный статус, который регламентировался одновременно уложением китайской палаты (внешних) сношений и внутренними местными обычаями и традициями. Некоторые социальные статусы передавались по наследству. Особенностью социального статуса в социальном слое тувинского чиновничества, которое сформировалось в сложных условиях подчиненного положения Цинской империи, является то, что оно состояло из представителей линий родовых правителей (зайсанов), сохранившихся до начала XX в. (Позднев, 1883: 321). Благодаря этому чиновник выполнял медиаторскую функцию, обеспечивая диалог между традиционным тувинским обществом и внутренней и внешней властью.

¹ Установление покровительства России над Тувой в 1914 году: сб. документов. К 80-летию объявления протектората / сост. В. А. Дубровский, ред. М. Б.-Х. Кенин-Лопсан. Кызыл: б. и., 1994. С. 16.

² Там же.

Второй этап (1921–1940-е гг.)

Данный анализируемый период короткий, но, мы считаем, важно отметить происшедшие исторические аспекты по формированию тувинского общества в условиях создания самостоятельной государственности.

Как отмечает Ч. К. Ламажаа, на этом этапе тувинское общество переживало реформирование, осуществлявшееся силами наиболее активной части общества (Ламажаа, 2013: 132). В период своего самостоятельного государственного существования Тува, переживая социальные изменения, сумела избежать болезненных процессов, обычно сопровождающих социальную трансформацию. В треугольнике «архаика, традиции и инновации» доминирующее положение стали занимать инновации, причем преимущественное развитие получали те из них, что не противоречили традициям.

Появились небольшие предприятия, государственная и кооперативная торговля, банк, госхозы и первые производственные объединения крестьян. Поначалу были сохранены мелкотоварный, патриархальный (экстенсивный), феодальный и капиталистический (крупные собственники скота и других средств производства) уклады (Ламажаа, 2011: 181). Беднейшие слои общества — батраки, рабочие приисков (определенные как сельский пролетариат), а также араты стали признаны теми, кто должен управлять обществом.

Но на VIII съезде Тувинской народно-революционной партии была провозглашена первая попытка изменения традиций кочевого хозяйства тувинцев. Начали создаваться ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. В 1931 г. проведена конфискация скота и имущества феодалов. По оценке советских ученых, уже в начале 1930-х гг. был «ликвидирован феодальный уклад; полностью был вытеснен торгово-ростовщический иностранный капитал» (Экономика Тувинской ... , 1973: 123).

Коллективизация проходила в условиях сохранения кочевого уклада жизни аратов. Но далее на уровне управленческих институтов было определено, что кочевой быт «не способствует повышению благосостояния трудящихся, а, следовательно, препятствует действию основного экономического закона социализма» (Копеев, 1984: 52). Социальное самочувствие населения тувинского традиционного общества в данный анализируемый период не исследовалось, однако можно предположить, что навязывание оседлого образа жизни, противореча традиционному образу жизни тувинцев, вызвало определенное отторжение. Так, например, широко распространенной практикой стало «отселение» мужчин от семьи на кочевья при видимой оседлости остальной части семьи, привязанной к определенному месту жительства. Согласно переписи 1931 г. подавляющее большинство населения Тувы (82,2%) все еще было занято кочевым хозяйством (Национальный архив Республики Тыва, ф. 101, оп. 1, д. 24, л. 1–3). Тем не менее, модернизационные процессы в социальной жизни населения Тувы продолжали происходить.

С 1930-х гг. в Туве стал разворачиваться процесс «силовой мобилизации», характеризующий первую волну трансформации тувинского общества. К руководству республикой в этот исторический момент пришли представители низших слоев. Так, в 1932 г. ЦК ТНРП возглавил представитель С. К. Тока. Он стал продвигаться по службе, получив образование в КУТВ, в дальнейшем С. К. Тока руководил республикой более 40 лет.

В самом тувинском обществе основной слой составляли араты. Большая часть населения Тувы (более 80%) была занята традиционным занятием, в 1944 г. около 20% аратских хозяйств избрали социалистический путь ведения хозяйства (Гребнев, Очур, 1971: 141). В анализируемый период ключевым социально-экономическим обоснованием изменения социальной сути аратско-крестьянства было преобразование единоличной частной собственности в колхозно-кооперативную (История Тувы, 2016: 387). Продолжались социальные процессы по формированию и становлению новых социальных слоев колхозного крестьянства, рабочих, служащих и др.

Выделение в особый статус русских переселенцев в статус Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), которые оставались гражданами российского государства (Моллеров, 1989: 43), привело к тому, что население ТНР стало делиться на граждан двух государств — ТНР и СССР: тувинские граждане и советские граждане (табл. 1).

Таблица 1. Распределение населения Тувинской Народной Республики в 1939–1941 гг. по гражданству, чел.¹
 Table 1. Distribution of the population of the Tuvan People's Republic in 1939–1941 by nationality, number of people

	1939	1940	1941
Все население, человек	86693	90152	95009
Тувинские граждане	72499	74478	78102
Советские граждане	13575	14970	16847
Другие	619	704	60

Еще одной новацией для общества стало формирование интеллигенции — специалистов так называемого умственного труда (Харунов, 2009:14). Для молодой республики требовались учителя, счетоводы, бухгалтера, переводчики, регистраторы, сотрудники государственных органов и пр. Сама интеллигенция начала делиться на группы: управленческая, военная, педагогическая, медицинская, производственно-техническая, сельскохозяйственная, художественная (там же: 92–119).

За анализируемый период истории в Туве общество стало меняться, наметились основы социально-профессиональной структуры, хотя все же пока превалировала традиционная форма трудовой деятельности тувинцев. Элементы социально-профессиональной структуры явились не столько продуктом внутреннего развития, сколько следствием управления под внешним влиянием.

Третий этап (1944-е — 1990-е гг.)

Важным подспорьем в анализе советского периода являются труды тувиноведов, которые в том числе рассматривали изменения тувинского общества, прежде всего — трансформацию по советскому образу: Р. М. Кабо (Кабо, 1934), В. И. Дулов (Дулов, 1956), В. М. Иезуитов (Иезуитов, 1956), Л. В. Гребнев (Гребнев, 1967), А. И. Николаева (Николаева, 1967), Н. А. Сердобов (Сердобов, 1971), Ю. Л. Аранчын (Аранчын, 1982) и др. Роль конкретных профессиональных групп в структуре населения Тувы раскрыта в работах В. И. Бойко (Бойко, 1981), Г. С. Сабирзянова (Сабирзянова, 1967), С. С. Сонома (Соном, 1967) и др. Труды советского времени несут на себе печать идеологических установок, тем не менее содержат ценную информацию, цифры, показатели. В последние годы советская история также стала анализироваться с иных позиций современными тувиноведами (Балакина, Анайбан, 1995; История Тувы, 2016; Харунова, 2011; и др.).

Важнейшим фактором дальнейших масштабных социальных изменений в Туве стало вхождение республики в 1944 г. в состав СССР. Это активизировало кооперирование аратских хозяйств и к 1954 г. 95,5% всех хозяйств вошли в состав коллективных (История Тувы, 1964: 271).

На 1 января 1945 г. социально-стратификационный состав общества имел следующее соотношение: колхозники — 20%; рабочие и служащие — 9%, прочие группы населения — 71% (История Тувы, 2016: 387).

В период с 1956 по 1959 гг. в составе сельского населения ненадолго вырос удельный вес прослойки колхозного крестьянства. А с 1961 г. в связи с преобразованием колхозов в совхозы он снова снизился за счет роста слоя сельских служащих и рабочих. К этому времени в селе сформировалась новая индустриальная прослойка — квалифицированные кадры механизаторов. Трактористы, комбайнеры, машинисты и шоферы в колхозах в тот период составляли около 10% общей численности трудоспособных колхозников, а в совхозах — более 20% среднесписочной численности рабочих². В рассматриваемый период данный факт определяем как особенность в изменении социально-профессиональной структуре региона.

Отмечаемое в анализируемый период увеличение доли титульного населения во всех отраслях народного хозяйства свидетельствует как об активном участии коренного населения в развитии традиционной отрасли — животноводства, так и о сдвиге социально-стратификационной структуры

¹ Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тывы: стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2014. С. 41.

² Также: Краткий статистический сборник. Кызыл, 1957. С. 9.

тувинского общества, росте рабочего слоя за счет тувинского сельского населения, особенно в период с 1967 по 1989 г. — с 44,5 до 84,5% (Балакина, Анайбан, 1995: 46). В данный период титульное население приняло активное участие в формировании рабочего класса Тувы появились рабочие-тувинцы, занятые в сельском хозяйстве (История Тувы, 2016: 388).

Доля специалистов с высшим и средним специальным образованием постоянно росла. Например, по городской местности этот показатель увеличился в период с 1979 по 1989 г. на 40,9 %, а по сельской за тот же период — на 42,6%. Этот факт иллюстрирует стирание различий по уровню образования городского и сельского населения в целом по Туве¹.

С 1944 — до конца 1980 г. существенные изменения произошли и в социально-профессиональной структуре населения. Структурно оно стало более сложным и дифференцированным, появились новые профессиональные группы (квалифицированные и высококвалифицированные слои). Динамика роста числа рабочих и служащих в Тувинской АССР была выше, чем в среднем по РСФСР. Все большее число титульного населения с каждым годом привлекалось к трудовой деятельности в экономике региона, В итоге к 1989 г. в общей численности населения Тувы доля титульного населения составила 66%².

В этот период так же, как и во всех регионах страны, наблюдался рост городского населения за счет оттока сельского. В Туве отмечен относительно низкий (по сравнению со средним для Сибири) удельный вес городского населения почти за весь анализируемый период. Социологическое исследование В. И. Бойко позволило выявить в каких отраслях народного хозяйства преимущественно «оседали» трудовые ресурсы, переместившиеся из села в город. К примеру, по характеру труда в профессиональной группе преимущественно умственного труда большее количество занятых выделено было в здравоохранении 27,2%, просвещении и культуре — 63,7%, управленцы — 31,2%. Противоположно наименьшая доля занятых — в ЖКХ — 1,3%; промышленности — 1,3%, строительстве — 0,7%. А в профессиональной группе занятых преимущественно физическим трудом наибольшее количество занятых было в транспорте и связи 60,5%, промышленности — 49,2%; остальные работники физического труда, где большее количество занятых в строительстве — 63,5%, ЖКХ — 45,5%, так же не указана отрасль занятости — 92,0% (Бойко, 1982: 124).

В. И. Бойко пишет, что в социальной группе «остальные работники физического труда» безусловно есть виды занятий, требующие высокой квалификации. Возникает также трудности определения охотника квалификации высокой, а также градаций в традиционных видах занятий. Разделение на две группы работников физического труда в анализируемый период дает возможность рассмотреть процессы перехода коренного населения к нетрадиционному труду, связанному, в частности, с обслуживанием машин и механизмов (Бойко, 1982: 122–123). Отметим, что индивиды из группы традиционного рода занятия активно перешли к профессиональной форме занятия, как занятые физическим трудом или как неквалифицированные рабочие в социально-профессиональной структуре советского периода. Данное явление отметим, как социальный факт сосуществования малой части рода занятия и увеличение профессиональных групп в индустриальном обществе Тувы.

Вливаясь в трудовые ресурсы города, бывший житель села, зачастую не имеющий массовой профессии, выбирает место работы, не требующее высокой квалификации. Например, работники, вливаясь в развивающиеся сферы бытового обслуживания, торговли, коммунального хозяйства, рассматривали это как этап своей трудовой карьеры.

Выросшие запросы к рабочему месту, условиям труда и его содержанию являются показателем социальной зрелости индивида. В анализируемый период в социально-профессиональной структуре Тувинской АО РСФСР, затем — АССР были сформированы следующие профессиональные группы:

- группа А (работники умственного труда высокой квалификации) — 27,6%;
- группа Б (прочие работники умственного труда) — 11%;
- группа В (работники физического труда, связанного с работой на механизациях) — 19,4%;
- группа Г (работники физического труда) — 40,7% (диаграмма 1).

¹ Численность населения Тувинской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Тувинское республиканское управление статистики. Кызыл, 1990. С. 72.

² Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тывы: Стат. Сборник / Тывастат. Кызыл, 2014. С. 41.

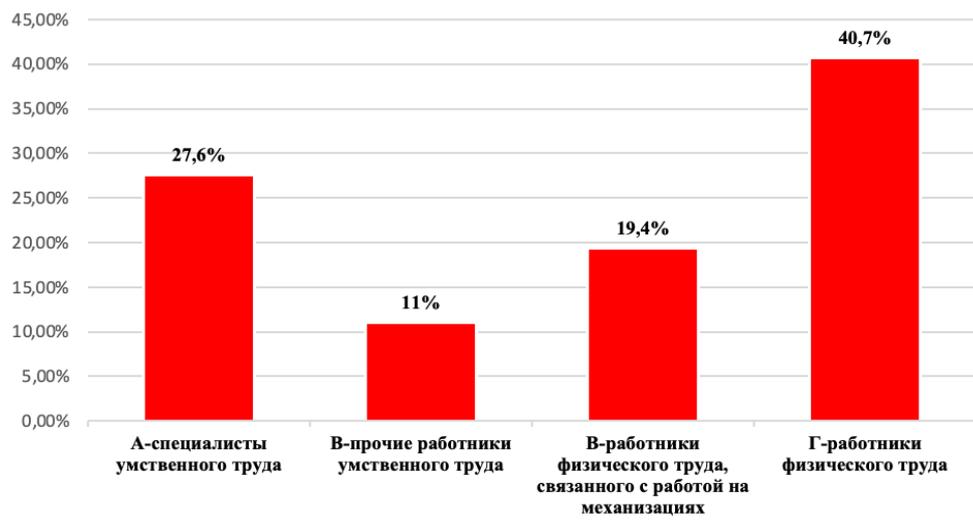

Диаграмма 1. Социально-профессиональная структура в Туве, в % (по характеру труда, профессиональному статусу респондентов)¹.
 Diagram 1. The social and professional structure in Tuva, in % (by occupation and professional status of the respondents)

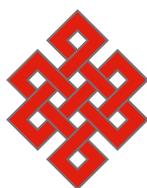
Тем времени, как пишут И. И. Осинский и его коллеги (Осинский, Тензин, Добрынина, 2014: 41), с 1970 по 1989 гг. количество профессиональных групп из числа работников умственного труда в Туве возросло: научные работники, преподаватели, воспитатели — с 5362 до 11521 человек; работники планирования и учета — с 4832 до 7099 человек; инженерно-технические работники — с 4381 до 6682 человек.

При этом В. И. Бойко отмечал и растущее сближение социальных групп в Советской Туве, основным фактором чего выступал, по их мнению, научно-технический прогресс, определяющий необходимость интеллектуализации труда в производственной сфере. При этом выросла абсолютная и относительная численность работников умственного труда непосредственных производителей, требовавшая от рабочих растущего объема общих и специальных знаний. В составе рабочего класса появились новые профессиональные группы работников, труд которых сочетает в себе квалифицированный умственный труд с не менее квалифицированным физическим трудом. С одной стороны, в данный период произошла технизация умственного труда значительных групп интеллигенции и служащих. С другой, внедрение новой сложной техники повысило долю квалификации физического труда и в деятельности служащих (Бойко, 1982: 120–122).

За анализируемый период тувинское общество пережило бурное социально-экономическое развитие. Активное развитие народного хозяйства Тувы, повышавшее благосостояние населения, привело к его естественному росту с 1956 по 1989 гг. в 1,8 раза. В сложной, дифференцированной социально-профессиональной структуре республики такие критерии, как социальный статус, характер труда, образование и социальные условия жизни становятся классифицирующими. Отказ от кочевого уклада приводит многих самостоятельных аратов в коллективное хозяйствование. Тувинское общество переживает второй трансформационный период. С одной стороны, специфическим остается региональный фактор — очень большой размер домашнего хозяйства² и значительное уменьшение объема традиционных видов хозяйствования. С другой — создана основа для рождения новых социальных отношений. По характеру труда, профессиональному статусу социально-профессиональная структура общества состояла из двух слоев работников умственного и физического труда, куда входили четыре основные социальные группы (колхозного крестьянства, рабочих, служащих и других).

¹ Составлена на основе работы В. И. Бойко (Бойко, 1982: 122–123).

² Демографическая ситуация в Республике Тыва (результаты комплексного исследования по данным Госкомстата России 1989–1996 гг.). М.: НИИ семьи, 1996. С. 23.

Четвертый этап (начало 1990-х гг. — настоящее время)

Анализу социальных процессов и явлений посвящены работы современных ученых-тувиноведов: З. В. Анайбан (Анайбан, 1999), Г. Ф. Балакиной (Балакина, Анайбан 1999), Г. С. Гончаровой (Гончарова, 2003), В. С. Донгак¹, Г. В. Колмакова (Колмаков, 2000), З. Ю. Доржу, Н. М. Очур (Доржу, Очур, 2008), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2013), А. И. Сергеевой (Сергеева, 2003), М. М.-Б. Харуновой (Харунова, 2010), Р. Ш. Харунова (Харунов, 2009), И. И. Осинского (Осинский, Тензин, Добрынина, 2014), Ч. М.-Х. Тензин (Тензин, 2015) и мн. др. В них рассматриваются широкий спектр вопросов: социальная структура населения, профессиональные ориентации, ценностные ориентации, установки, поведение, социально-психологическое самочувствие населения, социально-экономическое положение в социальной структуре и пр.

В тувинском обществе, как и всем российском обществе, постепенно произошел и продолжает происходить переход от советской системы к новой рыночной экономике, что нашло отражение в социальной структуре. В республике, как и в целом по стране, становление рыночных отношений сопровождалось ростом безработицы. Особенно в сельской местности, где ограничен выбор рабочих мест. В 1990 г. в республике насчитывались не менее 10 тыс. человек трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве². На 1992 г. их количество составляло не многим более 8 тыс., причем 64% от этого числа были женщины³.

З. Т. Голенкова пишет, что трансформация российского общества не просто изменила его социальную структуру, но со всей остротой поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, системы ценностей (Голенкова, 2001: 90-103). Трансформация социального пространства региона, применение инновационного подхода к традиционным ценностям общества, мобилизация сознания, поведения не могут не затрагивать поведенческие установки населения. Одновременно с этим определенный ренессанс переживают архаические составляющие культуры тувинского общества (Анайбан, 1999; Хомушку, 1998; Абаев, 2015; Кужугет, 2006; Ламажаа, 2013). Ч. К. Ламажаа пишет, что архаизация общества представляет собой своего рода направленный процесс обращенности общества к прошлому культурному опыту, попытки вернуть старые архаические программы (ее элементы) в условиях кризиса реформирования, предполагающего введение новых программ (Ламажаа, 2013). Эта направленность обусловлена адаптивным свойством социума, действием одного из социальных механизмов, обеспечивающих его выживание и адаптацию к социально-трансформационным изменениям.

Постепенно наблюдается, что в социально-профессиональной структуре населения Тувы рамках трансформационных процессов изменилась численность занятого населения по отраслям экономики. К примеру, в 1990 г. наибольшая доля населения работала в отраслях сельского и лесного хозяйства (28,7 тыс. человек); образовании, культуре и искусстве (24,1 тыс. человек); в строительстве (18,6 тыс. человек); в промышленности (16,5 тыс. человек). Наименьшая доля занятых в отрасли финансы и страхование (1 тыс. чел.); в науке (2 тыс. чел.); органах управления (5,1 тыс. чел.). К 2020 г. количество занятого населения — 101 тыс. чел., в том числе самые крупные социальные слои считаются занятые в следующих отраслях экономики: образование — 25,6 тыс. чел.; органы управления — 15,2 тыс. чел.; здравоохранение — 12,2 тыс. чел.; торговля — 10,9 тыс. чел.; промышленность — 10 тыс. чел. Тем временем, наименьшая доля занятых в сельском хозяйстве — 6,7 тыс. ч. (2020 г.) против 28,7 тыс. чел. (1990 г.); строительстве — 4,6 тыс. ч.; науке — 1,7 тыс. ч.; ЖКХ — 2,9 тыс. ч.⁴ Статистикой в отраслях экономики Тувы с 2017 г. наблюдается новая группа занятых — «Деятельность домашних хозяйств как работодателей: недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления» — 0,63 тыс. чел.⁵

¹ Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2003. 25 с.

² Демографическая ситуация в Республике Тыва (результаты комплексного исследования по данным Госкомстата России 1989–1996 гг.). М.: НИИ семьи, 1996. С. 23.

³ Информация отдела труда и занятости на 1 января 1995 г. Управления статистики Республики Тыва.

⁴ Статистический ежегодник Республики Тыва (2021) С. 60 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Крассстат. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814> (дата обращения: 22.02.2022).

⁵ Там же.

По результатам социологических исследований, которые проведены ИС ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (N=2860, 2019; N=1536, 2021), и в которых мы принимали непосредственное участие, подчеркнем, что в постсоветское время в республике наблюдается разнообразие профессионального состава занятого населения. Выявлены три больших социальных слоя, в том числе — работающие в учреждениях государственной или муниципальной службы (42,6%); работающие в коммерческих предприятиях по различным сферам деятельности (33,9%); работающие в учреждениях, связанных с воспитанием/обучением детей (23,5%). Среди профессиональных групп отмечаются четыре большие группы: неквалифицированные/квалифицированные рабочие (31,5%); специалисты в области педагогики (15,4%); государственные и муниципальные служащие (13,3%); другие профессиональные группы (39,8%). В последнюю группу входят зарегистрированные безработные (11%), незарегистрированные безработные (28,8%), которые имеют свои личные традиционные формы занятия (Голенкова, Голиусова, Самба, 2021: 167–183), однако у них отсутствует определенный юридический статус в государственной структуре. Этот факт отмечается нами как особенность социально-профессиональной стратификации населения Тувы.

Можем также отметить, что в Туве наблюдается дуальная (симбиозная) система социальных ценностей (Голенкова, Самба, 2021: 5–17). К примеру, когда самостоятельные араты, как «агенты» социокультурного кода тувинского традиционного общества, после распада 1990-х годов продолжают свою жизнедеятельность в форме фермерства, организации собственных животноводческих хозяйств.

Заключение

Историческая ретроспектива позволяет увидеть существенные изменения социально-профессиональной структуры общества Тувы в течение почти полутора века.

На первом этапе развития общества, со второй половины XIX в. до конца 1920-х гг., сложно говорить в целом о социально-профессиональной структуре тувинского общества. Однако, в обществе выделялись три социальных слоя: высший социальный слой (княжеское сословие, крупное чиновничество, духовенство и черные богачи «кара-баев»); средний социальный слой (чиновники и самостоятельные араты); низший социальный слой (постоянно зависимые араты и бедные). С 1921-х гг. до 1940-е гг. появились зачатки социально-профессионального деления. С 1944-х гг. по 1990-х гг. структура общества уже усложняется, внутри социальных слоев появляются свои деления, выделяются группы. Также наблюдается уменьшение числа людей, занятых традиционными видами хозяйствования. С 1990-х гг. социально-профессиональная структура заметно усложнилась и дифференцировалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В. (2015) Архаические формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 248 с.

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 1990-е годы. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.

Аранчын, Ю. А. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ие. 339 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 137 с.

Бойко, В. И. (1982) Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР (материалы социологического исследования). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 224 с.

Голенкова, З. Т. (2008) Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. № 7(291). С. 75–84.

Голенкова, З. Т., Самба, А. Д.-Б. (2020) Традиции и инновации в социальном пространстве региона // Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН. 128 с. С. 17–23.

Гончарова, Г. С. (2003) Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях народов Тувы и Хакасии // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного университета. Вып. 5. 266 с. С. 58–69.

- Гребнев, Л. В. (1967) Формирование рабочего класса в Советской Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 278 с. С. 69–86.
- Гребнев, Л. В., Очур, В. Ч. (1971) Рабочий класс Тувы. Кызыл : Тувкнигоиздат. 234 с.
- Доржу, З. Ю., Очур, Н. М. (2008) Общее образование в Республике Тыва в условиях трансформации общества: к историографии вопроса // Научные труды ТывГУ. Вып. 6. Т. 1. С. 26–30.
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — нач. XX вв.). М. : Изд-во АН СССР. 608 с.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.
- История Тувы (1964) / отв. ред. Л. П. Потапов. М. : Наука. Т. 2. 455 с.
- История Тувы (2016): в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. 3. 451 с.
- Кабо, Р. М. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. Л. : Гос. соц.- экон. изд-во. 202 с.
- Колмаков, Г. В. (2000) Уровень и качество жизни населения Республики Тыва (1991–2001 гг.) // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Вып. 3. С. 136–139.
- Копеев, В. А. (1984) О некоторых особенностях процесса кооперирования аратских хозяйств в Туве // Проблемы истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл : б. и. 283 с. С. 42–53.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : Изд-во КемГУКИ. 319 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.
- Майский, И. М. (1921) Современная Монголия. Иркутск : Гос. изд-во. 332 с.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Исторический очерк. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Николаева А. И. (1967) Трудовые ресурсы Тувинской АССР и их использование // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 12. Кызыл : Тувинский научно-исследов. ин-т языка и литературы и истории. 280 с. С. 208–220.
- Осинский, И. И., Тензин, Ч. М.-Х., Добрынина, М. И. (2014) Динамика отраслевой и профессиональной структуры тувинской интеллигенции // Вестник Бурятского госуниверситета. №14 (2). С. 37–42.
- Позднеев, А. М. (1883) Монгольская летопись «Эрденийн Эрхихе». [Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.]. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук. 321 с.
- Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. : Тип. В. Киршбаума. 372 с.
- Радлов, В. В. (1889) Из Сибири: страницы дневника : пер. с нем. М. : Наука. 749 с.
- Сабирзянов, Г. С. (1967) Партийное руководство народным образованием в Советской Туве (1944–1967). Кызыл : Тувкнигоиздат. 71 с.
- Сергеева, А. И. (2003) Социальная дифференциация тувинского общества в конце XIX — начале XX века // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. Вып. 4. 250 с. С. 151–154.
- Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 484 с.
- Сонам, С. С. (1967) Формирование кадров в тувинской интеллигенции // Слава Октябрю / отв. ред. О. А. Толгароол, Н. А. Сердобов. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 207 с. С. 70–78.
- Тензин, Ч. М.-Х. (2015) Тувинская национальная интеллигенция в условиях трансформации российского общества // Новые исследования Тувы. № 2. С. 69–81.
- Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Журналист. 144 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск : Наука. 139 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2010) Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период // Новые исследования Тувы. № 2. С. 62–70.
- Ховалыг, С. С. (2010) История чиновничества Танну-Тувы (середины XVIII — конца XIX вв.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 97–109.
- Ховалыг, С. С. (2016) Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9. № 1(23). С. 19–27.

Ховалыг, С. С. (2017) Социальная организация традиционного тувинского общества середины XVIII — начала XX вв.: особенности формирования и трансформации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 10. № 1(29). С. 10–20.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : ИЭА РАН. 177 с.

Шкаратан, О. И. (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Высшая Школа Экономики (ВШЭ). 526 с.

Экономика Тувинской АССР (1973) / отв. ред. С. В. Клопов. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 378 с.

Дата поступления: 08.07.2022 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. (2015) *Archaicheskie formy religii i tengrianstvo v etnokul'turogeneze narodov Vnutrennei Azii [Archaic forms of religion and Tengrianism in the ethnocultural genesis of the peoples of Inner Asia]*. Ulan-Ude, Buryat State University. 248 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniu) [Inter-ethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 336 p. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Boiko, V. I. (1982) *Sotsiologicheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniia Tuvinskoii ASSR (materialy sotsiologicheskogo issledovaniia) [Sociological characteristics of the urban population of the Tuvan ASSR (materials of a sociological study)]*. Novosibirsk, Nauka. 242 p. (In Russ.).

Golenkova, Z. T. and Ighitkhanian, E. D. (2008) Sotsial'naia struktura obshchestva: v poiske adekvatnykh otvetov [Social structure of the society: Looking for adequate answers]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7 (291), pp. 75–85. (In Russ.).

Golenkova, Z. T. and Samba, A. D.-B. (2020) Traditsii i innovatsii v sotsial'nom prostranstve regiona [Traditions and innovations in the social space of the region]. In: *Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva]* / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. Pp. 11–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Goncharova, G. S. (2003) Tsennosti semeino-brachnykh otnoshenii v sovremennykh usloviakh narodov Tuvy i Khakasii [Values of family and marriage relations in modern conditions of the peoples of Tuva and Khakassia]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk State University. Issue 5. 266 p. Pp. 58–69. (In Russ.).

Grebnev, L.V. (1967) Formirovanie rabocheho klassa v Tuve [The rise of the working class in Tuva]. *Uchenye zapiski TNIIaLI*, vol. XII. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 278 p. Pp. 69–86. (In Russ.).

Grebnev, L. V. and Ochur, V. Ch. (1971) *Rabochii klass Tuvy [Working class of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 235 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Ochur, N. M. (2008) Obshchee obrazovanie v Respublike Tyva v usloviakh transformatsii obshchestva: k istoriografii voprosa [General education in the Republic of Tuva in the conditions of transformation of society: The historiography of the issue]. *Nauchnye trudy TyvGU*, issue 6, vol. 1, pp. 26–30. (In Russ.).

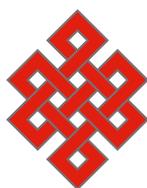
Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva. 19th — early 20th c.]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Iezuitov, V.M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi [From feudal Tuva to socialist Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 208 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (1964) : in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. 2 / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2016) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Kabo, R. (1934) *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy [Essays on the history and economy of Tuva]*. Moscow; Leningrad, State Socio-economic Publishing House. 203 p. (In Russ.).

Kolmakov, G. V. (2000) Uroven' i kachestvo zhizni naseleniia Respubliki Tyva (1991–2001 gg.) [The level and quality of life of the population of the Republic of Tuva (1991–2001)]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. Issue 3. Pp. 136–139. (In Russ.).

Kopeel, V. A. (1984) O nekotorykh osobennostiakh protsessa kooperirovaniia aratskikh khoziaistv v Tuve [On some features of the process of cooperation of arat farms in Tuva]. In: *Problemy istorii Tuvy [Problems of Tuvan history]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 283 p. Pp. 42–53. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 319 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Librokom. 272 p. (In Russ.).

Maiskii, I. M. (1921) *Sovremennaia Mongoliia [Contemporary Mongolia]*. Irkutsk, State Publishing House. 332 p. (In Russ.).

Mollerov, H. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1922–1932) [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic (1922–1932)]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 143 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th c.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Nikolaeva, A. I. (1967) Trudovye resursy Tuvinskoii ASSR i ikh ispol'zovanie v narodnom khoziaistve [Labor resources of the Tuvan ASSR and their use in the national economy]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*. Issue XII. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 280 p. Pp. 208–220. (In Russ.).

Osinsky, I. I., Tenzin, Ch. M.-Kh. and Dobrynina, M. I. (2014) Dinamika otraslevoi i professional'noi struktury tuvinskoii intelligentsii [Dynamics of sectoral and occupational structure of the Tuvan intelligentsia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14 (2), pp. 37–42. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1883) *Mongol'skaia letopis' «Erdeniin Erikhe» (Podlinnyi tekst s perevodom i poiasneniiami, zakliuchaiushchimi v sebe materialy dlia istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.) [The Mongolian chronicle “Erdeniyin Erikhe” (Original text with translation and explanations containing materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736)]*. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 321 p. (In Russ.).

Potantin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1876–1877 g. po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo G. N. Potaninym [Sketches of Northwestern Mongolia: Summarizing the results of the 1876–1877 trip commissioned by the Imperial Russian Geographical Society and undertaken by its employed associate G. N. Potanin]*. St. Petersburg, V. Bezobrazov & C°. Issue 3. X, 372 p. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika [From Siberia: Diary pages]* / transl. from Germ. Moscow, Nauka. 749 p. (In Russ.).

Sabirzianov, G. S. (1967) *Partiinoe rukovodstvo narodnym obrazovaniem v Sovetskoii Tuve (1944–1967) [Party leadership of public education in Soviet Tuva (1944–1967)]*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 71 p. (In Russ.).

Sergeeva, A. I. (2001) Sotsial'naia differentsiatsiia tuvinskogo obshchestva v kontse XIX — nachale XX veka [Social differentiation of Tuvan society in the late 19th — early 20th century]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Novosibirsk State University. Issue 4. 250 p. Pp. 151–154. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoii natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 482 p. (In Russ.).

Sonam, S. S. (1967) Formirovanie kadrov v tuvinskoii intelligentsii [Formation of personnel among the Tuvan intelligentsia]. In: *Slava Oktiabriu [Glory to October]* / ed. by O. A. Tolgar-ool and N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 207 p. Pp. 70–78. (In Russ.).

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2015) Tuvinskaia natsional'naia intelligentsiia v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [Tuvan national intelligentsia amidst the transformation of Russian society]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 69–81. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1921–1944) [The rise of the intelligentsia in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*. Abakan, OOO “Zhurnalist”. 144 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M. (2011) *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka [Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century]*. Novosibirsk, Nauka. 138 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2010) Problemy vozrozhdeniia natsional'noi kul'tury v Tuve v postsovetskii period [Problems of the revival of national culture in Tuva in the post-Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 62–70. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2010) Istoriiia chinovnichestva Tannu-Tuvy (seredina XVIII -- konets XIX v.) [History of officials in Tannu-Tuva (the mid-18th – late 19th c.)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 155–173. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2016) Chinovnichestvo Tuvy v kontse XVIII–XX vv.: problemy formirovaniia i funktsionirovaniia apparata [The officialdom of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: Problems of formation and functioning of the apparatus]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 9, no. 1 (23), pp. 19–27. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2017) Sotsial'naia organizatsiia traditsionnogo tuvinskogo obshchestva serediny XVIII – nachala XX v.: osobennosti formirovaniia i transformatsii [Social organization of the traditional Tuvan community in the mid-18th – early 20th c.: Peculiarities of formation and transformation]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 10, no. 1 (29), pp. 10–20. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 177 p. (In Russ.).

Shkaratan, O. I. (2012) *Sotsiologiia neravenstva. Teoriia i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and reality]*. Moscow, HSE University Publishing House. 526, [2] p. (In Russ.).

Ekonomika Tuvinskoi ASSR [The economy of the Tuvan ASSR] (1973) / ed. by S. V. Klopov. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 378 p. (In Russ.).

Submission date: 08.07.2022.

Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтай в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.)

Юрий М. Аксютин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

Цель исследования заключается в анализе особенностей и динамики изменений, определении характера основных компонентов (типов) социального капитала в республиках Тыва, Хакасия и Алтай (в оценках и представлениях жителей регионов). В представленном исследовании осуществлена концептуализация структуры социального капитала, которая включает три элемента: «капитал доверия», «капитал ценностей и норм» и «капитал социальных сетей». Рассматриваемые элементы структуры социального капитала выделены аналитически и взаимосвязаны. Эмпирической базой исследования были результаты массовых опросов в данных республиках в 2013 и 2018 гг.

Проведенное исследование оценок социального капитала позволяет говорить, что в республиках Южной Сибири он находится в процессе трансформации. Этим объясняется противоречивая картина функционирования элементов и закрытого (бондингового), и открытого (бриджингового) социального капитала. Рассмотренные нами факторы и индикаторы демонстрировали, например, свойственный открытому типу социального капитала средний уровень самокатегоризации и идентификации жителей региона с национальной российской общностью, низкий уровень ответственности за положение дел в стране, а также отсутствие доверия к органам исполнительной власти. Этот тезис подтверждают результаты опросов, свидетельствующие, что жители республик Южной Сибири не готовы действовать в рамках общественных и политических организаций, но склонны к взаимовыручке, ограниченному альтруизму. Выявлен характерный для открытого типа социального капитала высокий уровень комплементарности социокультурных, этнически и конфессионально гетерогенных групп региона, вплоть до совпадения норм морали и ценностей, нулевой терпимости к дискриминации, что свидетельствует о формировании групп «большого радиуса доверия» и положительной динамики капитала ценностей и норм. В целом динамика развития социального капитала в регионе может быть оценена оптимистично, поскольку зримо формируется традиция политического участия. Закрытый социальный капитал может нарушить такую связь, поддерживая неэффективное государство и лишая современные гражданские институты общественной поддержки.

Ключевые слова: социальный капитал; капитал доверия; идентичность; социальная сеть; Республика Тыва; Республика Хакасия; Республика Алтай

Для цитирования:

Аксютин Ю. М. Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтай в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 150-169. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Аксютин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (906) 190-23-72. Эл. адрес: aksutum@mail.ru

AKSIUTIN, Yuriy Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (906) 190-23-72. E-mail: aksutum@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5996-3686

Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The aim of the study is to analyze the features and dynamics of changes and to determine the nature of the main components (types) of social capital in the republics of Tuva, Khakassia and Altai (as estimated and represented by residents of the regions). In the research, the structure of social capital has been conceptualized. It includes three elements: the “capital of trust”, the “capital of values and norms” and the “capital of social networks”. The considered elements of the social capital structure are analytically distinguished and interrelated. The empirical basis of the study was the results of mass surveys conducted in the republics of Tuva, Khakassia and Altai in 2013 and 2018.

The conducted research on estimates of social capital in the republics of Southern Siberia has shown that it is in the process of transformation. This explains the controversial picture of the functioning of the elements of both bonding and bridging social capital. The considered factors and indicators demonstrated, for instance, the average level of self-categorization and identification with the national Russian community among the residents of the region, a low level of responsibility for the state of domestic affairs, as well as a lack of confidence in the executive authorities. This is characteristic of the bridging type of social capital. This thesis is confirmed by the results of the surveys which indicate that residents of the southern Siberian republics are not ready to act within the framework of public and political organizations, but are inclined to mutual assistance and limited altruism. A high level of complementarity of sociocultural, ethnically and confessionally heterogeneous groups of the region was revealed. It is also characteristic of the bridging type of social capital and includes the coincidence of moral norms and values, zero tolerance for discrimination. This indicates the formation of groups of a “large radius of confidence” and the positive dynamics of the capital of values and norms. In general, the dynamics of the social capital development in the region can be optimistically estimated, since the tradition of political participation is distinctly being formed. The bonding social capital can disrupt this connection by supporting an inefficient state and depriving modern institutions of public support.

Keywords: social capital; capital of trust; identity; social network, Republic of Tuva; Republic of Khakassia; Altai Republic

For citation:

Aksiutin Yu. M. Sotsial'nyi kapital respublik Tyva, Khakassii i Altaia v otsenkakh i predstavleniiakh zhitelei regionov (po dannym massovykh oprosov 2013 i 2018 gg.) [Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 150-169. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Введение

Впервые появившись в начале 1960-х гг. как термин для обозначения экономического потенциала социальных связей, в 1980-е гг. «социальный капитал» обрел концептуальное оформление, а в конце 1990-х гг. стал популярным в области социологии, политологии и философии. Теперь концепция социального капитала фигурирует в составе знаковых экономических теорий и исследований, используется политиками и проникает в социальный дискурс. Число публикаций, посвященных операционализации концепта и совершенствованию методик измерения социального капитала, исследованию рисков его функционирования в постсоветской России, растет экспоненциально, однако работы, фокусирующиеся на анализе особенностей развития социального капитала в Южно-Сибирском регионе, встречаются достаточно редко. В таком контексте изучение особенностей функционирования социального капитала в республиках Южной Сибири в оценках и представлениях самих жителей региона, составляющее предмет представленного исследования, обладает практической и академической актуальностью.

Цель статьи заключается в анализе особенностей и динамики изменений восприятия и оценок основных компонентов социального капитала (капитала доверия, сетей, ценностей и норм) жителями республик Тыва, Хакасия и Алтай с опорой на данные проведенных в регионе массовых опросов 2013 и 2018 гг.

Эмпирической базой исследования стали результаты проведенных нами массовых опросов в республиках Тыва, Хакасия и Алтай по стандартизированной программе и анкете: 1) социологическое исследование (2013 г.) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 2) социологическое исследование (2018 г.) в рамках проекта «Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме», поддержанного грантом Президента РФ (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.) (Аксютин, Тышта, 2013; Аксютин, 2016, 2019; Aksutin, Kochina, 2020). В обоих исследованиях применялась многоступенчатая выборка. Доля каждой республики в общем объеме выборки определяется пропорционально долям этих республик в генеральной совокупности. Выборка внутри республик квотная, определялась с учетом половозрастных распределений и с процентным ограничением респондентов, имеющих высшее образование. Исследование ресурса компонентов социального капитала в оценках и представлениях жителей республик Южной Сибири не предполагает высокой точности данных, поэтому доверительный интервал допустимой ошибки был в рамках 10%.

При расчёте объема выборки использовались данные Тывастата, Хакасстата, Алтайкрайстата и Красноярскстата о численности жителей республик (генеральная совокупность 324 423 чел. в Тыве, 537 513 чел. — в Хакасии и 210 344 чел. — в Республике Алтай). Выборочная совокупность: Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. (доверительная вероятность — 95% и интервал $\pm 5\%$)

Теоретико-методологическая база исследования

Концепция социального капитала формировалась на протяжении последней четверти двадцатого века. Так, П. Бурдьё применил понятие «социальный капитал» для обозначения особого типа социальных связей, которые функционируют в качестве связующего звена между физическим и человеческим капиталом, характеризуются высоким уровнем приязни и доверия, играют роль механизма снижения транзакционных издержек в условиях сильной бюрократии и формализма (Bourdieu, 1986). Р. Патнэм, ориентируясь на концепцию П. Бурдьё, развивает ее в структурном (выделяет структурные компоненты: социальные нормы, связи, доверие) и методологическом плане (индикаторная модель интенсивности и плотности контактов, социальных сетей, оценок качества управления и доверия властным структурам, функционирования унифицированных норм морали) (Putnam, 2000).

Современные исследователи в вопросе расширения сферы применения понятия и концепции идут еще дальше, определяя социальный капитал как ресурсный потенциал, функционирующий на микро- и макроуровне: местных сообществ, стран и регионов (Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011; Рогов, 2019), различных этноконфессиональных общностей (Williams, Krasniqi, 2018), домохозяйств и семейных фирм, территориальных агломераций (Nugrahani, Suharni, Saptatiningsih, 2019; Sanchez-Ruiz et al., 2019). Социальный капитал рассматривается в качестве ценного коллективного и производственного ресурса, фактора функционирования и развития современного социума (Радаев, 2002: 27). В таком контексте диагностика потенциала социального капитала приобретает особое значение для региональных сообществ, переживающих кризис, в частности Южно-Сибирских республик Тыва, Хакасия и Алтай, демонстрирующих низкие показатели роста в сфере экономики и производства.

Методика измерения социального капитала развивалась вместе с теорией. Если в концепциях П. Бурдьё, Ф. Фукуямы и Дж. Коулмана социальный капитал позиционировался как личностный ресурс (друзья, знакомые, родственники, члены клуба) человека (Bourdieu, 1986; Фукуяма, 2002; Coleman, 1988), то позднее, когда Р. Патнэм, Р. Леонарди, Р. Нанетти продемонстрировали возможности «открытого социального капитала»¹ в плане оптимизации производственной и социальной сферы (Putnam,

¹ Само понятие «открытый социальный капитал» не является устоявшимся. В западной литературе его принято обозначать *bridging* (открытый, внешний, межгрупповой, вертикальный, инклюзивный), противопоставляя другой форме капитала — *bonding* (закрытый, внутренний, горизонтальный, эксклюзивный). Обобщенно

Leonardi, Nanetti, 1994), встал вопрос выработки методик измерения и оценки его объемов и ресурса. Учитывая, что это явление многоаспектное и многомерное, исследователи (напр., Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011) часто используют индексы, индикаторные модели, отличающиеся разнообразием системы показателей. Отметим, что единой методики анализа и оценки функционирования структурных компонентов и типов социального капитала до настоящего момента не выработано, а набор инструментов определяется особенностями исследуемого объекта: группы, сообщества, региона, страны.

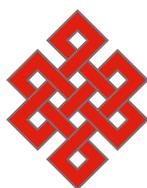
Очевидно, что решение вопроса подбора методов измерения, анализа и оценки компонентов социального капитала во многом зависит от выбранной исследователем общей теоретической модели социального капитала. По причине сложности самого феномена, компоненты которого функционируют в неявной форме, понимание структуры, обозначение (название) компонентов и типов социального капитала может значительно отличаться у разных авторов. В то же время большинство современных исследований социального капитала в регионах России (Гужавина и др., 2018; Коробейников, 2017; Полищук, 2011) используют весьма близкие по характеру и обозначению выделяемых компонентов структурные модели (структурные индексные блоки: доверие, базовые ценности/ценностные ориентации/нормы морали, социальные сети) и методы (анкетирование, экспертное интервьюирование).

В представленном исследовании структура социального капитала определена нами как состоящая из трех элементов: «капитал доверия», «капитал ценностей и норм» и «капитал социальных сетей» жителей республик Южной Сибири. Предлагаемая структура социального капитала не претендует на универсальность, но коррелирует с генетическим содержанием феномена социального капитала, целями и эмпирической базой нашего исследования. В плане обоснования такого подхода отметим прежде всего, что почти во всех определениях социального капитала, и это обусловлено его генетической природой, присутствуют следующие ключевые смысловые компоненты: во-первых, социальный капитал с необходимостью порождает блага для представителей определенного сообщества (семья, местное сообщество, агломерация, этнос, нация и т. д.), которое обозначается как сеть, с подчеркнутой значимостью контакта и транзакций. Во-вторых, обозначенные блага достигаются посредством функционирования связей, основанных на доверии, содержательно предполагающем единство норм морали и ценностей. Концептуальное определение социального капитала в категориях: доверие, нормы и сети встречается в исследованиях Р. Патнэма, Р. Леонарди, Р. Нанетти, С. Дурлауф, М. Фафшамп и др. (Putnam, Leonardi, Nanetti, 1994: 167; Durlauf, Fafchamps, 2005). Российские исследователи развивают сложившиеся за рубежом взгляды на социальный капитал, зачастую используя те же категории (доверие, сеть, ценности, нормы и др.) при концептуализации его структуры (Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011).

В данном исследовании, включающем значительный по объему эмпирический материал, расчет значений индикаторной модели максимально упрощался с целью не размыть общую картину и сделать результаты пригодными для сопоставления. Поэтому все составляющие концепции структуры социального капитала рассматривались как имеющие одинаковое значение. Для оценки характера и «веса» выделенных элементов используется индексный метод, который, как это продемонстрировано в исследовании Т. А. Гужавиной и ее коллег, позволяет оценивать условный запас и уровень накопления социального капитала выделенных групп в региональном сообществе (Гужавина и др., 2018: 112).

Интегральный индекс социального капитала может быть представлен как сложная средняя отдельных индексов по каждому выделенному компоненту: индекс накопления капитала доверия, капитала ценностей и норм, капитала социальных сетей. Сводный индекс каждого элемента рассчитывается как среднее оценок респондентов. Функционально индекс позволил агрегировать ответы респондентов на вопросы анкеты и на основе общего признака осуществить их группирование (первая группа — ответы,

бриджинговый капитал определяется как «характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, которые способствуют совместной деятельности для достижения общих благ» (Putnam, 1995: 664). Бондинговый капитал, напротив, характеризуется направленностью вовнутрь, образуется внутренними связями, которые устанавливаются между членами общности и ограничиваются ее пределами. В российской социологии еще не сложилось общепринятого перевода и интерпретации этих понятий.

в которых присутствует сам субъект и преобладает ориентация на неформальные связи, закрытость и ограниченность контактов, низкий уровень доверия и толерантности, группы ответов (вторая группа) со сдержанной и средней ориентацией на неформальные связи, сдержанный, но положительный уровень доверия и толерантности и группа ответов (третья) с высоким уровнем открытости, доверия, толерантности), определить долю представителей группы в проценте от числа ответивших, где устанавливалось индексное значение. Группы разграничиваются по содержанию ответа и процентной представленности, где единица равнялась 33,3% (трети от числа опрошенных).

Динамика капитала доверия в оценках жителей республик Южной Сибири

Категория «доверие» присутствует в качестве элемента структуры, а то и связующего звена, основания, в большинстве классических и современных концепций социального капитала (Coleman, 1988; Гужавина, Воробьева, 2018; Фукуяма, 2004, Полищук, 2011). В самом широком смысле доверие — это совокупность отношений, ожиданий, обязательств, порождающих действия. Обладая мощным общественным, экономическим и политическим эффектом (Шабунова, Косыгина, Белехова, 2021: 190), доверие рассматривается социологами, психологами, политологами и философами в качестве атрибута социальных взаимодействий, фактора, определяющего характер горизонтальных и вертикальных общественных связей (Coleman, 1988), существенно влияющего на социально-политическую активность (Гужавина и др., 2018: 45) и благосостояние граждан, их приверженность демократическим институтам и ценностям (Инглхарт, Вельцель, 2011).

Будучи сложным явлением, феномен доверия в концепциях социального капитала имеет неоднозначную интерпретацию. Например, в концепциях Дж. Коулмана (Coleman, 1988), Ф. Фукуямы (Фукуяма, 2004), рассматривающих социальный капитал довольно ограниченно, как эффект от личных, часто эмоционально окрашенных контактов, знакомств, акцент делается на межличностном доверии (микроуровень), выступающем основанием тех самых неформальных связей, которые открывают доступ к благам участникам группы, клуба. В концепции Р. Патнэма (Putnam, 1995), значительно расширяющей понимание социального капитала, вплоть до границ «воображаемого сообщества» (нации), связанного идентичностью, гражданственностью (макроуровень), а не только личным знакомством, в качестве объектов доверия выступают действующие в обществе неперсонифицированные отношения, социально-политические институты и производные от них нормы, законы, правила. Развивая такой подход, многие ученые предлагают неперсонифицированное доверие, как наиболее выразительный показатель функционирования социального капитала локально-территориальных общностей, дополнительно разделять на институциональное и обобщенное доверие («людям вообще», не связанное с конкретной ситуацией, объектом доверия) (Козырева, Смирнов, 2010; Рыжова, 2016: 76–77).

Проводимые нами в регионе опросы фиксировали почти неизменно высокий уровень межличностного доверия респондентов вне зависимости от места проживания, этнической принадлежности. Уровень доверия ближнему окружению, семье, друзьям всегда выше, чем — дальнему. Более 89% всех опрошенных себя, семью и родственников обозначили как высшую ценность, испытывают за них безусловную ответственность и безоговорочно им доверяют. Отмеченная ситуация не является отличительной чертой межличностных отношений жителей региона, фиксируется исследователями в других субъектах РФ: Пензенской и Ульяновской областях (97%) (Кошарная, 2015), Алтайском крае, Амурской, Астраханской, Волгоградской областях, Республике Тыва и Хабаровском крае (92,5%) (Спирина, Максимова, 2019).

В представленном исследовании основной акцент был сделан на неперсонифицированном доверии. В меньшей степени мы концентрировались на обобщенном доверии, дающем представление о ситуации и атмосфере в целом, и в большей степени на институциональном доверии поскольку, доверие как социальный капитал формируется только в обществе на основе социальных связей, взаимодействий индивидов и групп (Шорина, 2013), соответственно, приоритет отдается осмыслению роли не столько глубинного слоя феномена доверия (диспозиции, аттитюды, установки, эмоции), сколько структуре социально-политического и экономического действия.

В исследуемый нами период уровень неперсонифицированного доверия измерялся различными международными и российскими исследовательскими организациями, социологическими службами.

Согласно данным исследовательского проекта «Обзор мировых ценностей» (*World Values Survey*) (60 стран мира, порядка 1500 респондентов в каждой стране)¹, уровень неперсонифицированного, обобщенного доверия в России (доля опрошенных, полагающих, что «большинству людей можно доверять») в 2010–2014 гг. находился в рамках среднемировых значений (28%) (Херпфер, Кизилова, 2016: 26). В 2018 г. обобщенное доверие было на уровне 24%. Это несколько выше среднего в мире (порядка 26,7%) (Алмакаева, Волченко, 2018: 282). Более специализированные российские исследования несколько уточняют картину, но практически не меняют. Например, опрос 2013 г. «Доверие в обществе», осуществленный Фондом общественного мнения (1500 респондентов в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ)², выявил, что, по мнению большинства опрошенных россиян, в отношениях с людьми следует быть осторожными (77%). Вариант: «Большинству можно доверять» выбрали только 19% респондентов, то есть не более пятой части опрошенных. По результатам опроса 2019 г. (53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов), ситуация несколько улучшилась: уровень обобщенного доверия был в пределах 32% против 64% отметивших, что следует быть осторожными в отношениях с людьми³. В ходе проведенного в 2013 году опроса «Левада-Центра»⁴, порядка 28% опрошенных ответили, что людям можно доверять и 61% заявили, что в отношениях с людьми стоит быть осторожным, а опрос 2018 г., продемонстрировал, что не более 20% респондентов полагают, что людям можно доверять (80% выбрали осторожность)⁵.

Уровень обобщенного (в некоторых исследованиях — генерализованного) доверия, как формы проявления социального капитала, отмечают К. Херпфер, К. А. Кизилова, не может анализироваться в вакууме и нуждается в институциональной среде функционирования (Херпфер, Кизилова, 2016: 27). И наоборот, от уровня институционального доверия зависит общее доверие, которое служит предпосылкой для повышения эффективности государственных учреждений. Институциональное доверие, отмечают исследователи (Спирина, Максимова, 2019), отражает степень уверенности граждан в базовых институтах и нормах, а игнорируемые властями сообщества и группы чаще избирают путь самоизоляции.

Согласно данным уже упомянутого проекта «Обзор мировых ценностей» (*World Values Survey*) в 2010–2014 гг. по уровню институционального доверия Россия демонстрировала значения ниже средних (19 место среди 26 стран). А. А. Шабунова, Т. А. Гужавина, Т. П. Кожина, основываясь на данных программы *Trust Barometer* американского PR-агентства *Edelman PR Worldwide* также отмечают, что Россия в 2013–2014 гг. находилась на последних позициях в мировом рейтинге институционального доверия с показателем 36–37% опрошенных, которые доверяют государственным и общественным институтам (Шабунова, Гужавина, Кожина, 2015). В 2018 г. PR-агентство *Edelman* и вовсе публикует доклад «Битва за доверие» в котором отмечается значительное падение уровня доверия как в России, так и в других странах (США, Япония и др.)⁶. Тем не менее, отмечает Д. А. Авдеева, сводный уровень доверия к организациям в России ниже, чем во всех остальных странах, участвовавших в опросе (Авдеева, 2019: 83). Анализируя данные периодических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН (2014–2021 гг.) Ю. В. Латов также склонен сделать вывод о превалировании в России недоверия к подавляющему большинству (к 9 из 15) современных институтов, связанных с управлением обществом (Латов, 2021). По его мнению, это косвенная, но весьма критическая оценка гражданами существующей в России социально-политической системы, которая 30 лет назад формально приняла западные институты, но до сих пор им мало доверяет.

¹ Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. *World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version*. Madrid: JD Systems Institute [Электронный ресурс] // *World Values Survey. WVS Wave 6 (2010–2014)*. URL: <https://worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения 25.04.2022).

² Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11253> (дата обращения: 25.04.2022).

³ Межличностное доверие. Надо ли доверять людям? Можно ли вернуть утерянное доверие? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ *Общественное мнение — 2013*. М.: Левада Центр, 2014. С. 22.

⁵ *Общественное мнение — 2018*. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2019. С. 23.

⁶ 2018 *Edelman Trust Barometer. Global Report* [Электронный ресурс] // *Edelman Trust Barometer*. URL: https://edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

В нашем опросе 2013 г. респондентам также предлагалось ответить на вопрос, насколько они доверяют определенным государственным институтам, местной администрации. Анализ ответов респондентов на вопрос об уровне абсолютного доверия Президенту России в период 2013–2018 гг. выявил тенденцию его снижения. Так, в 2013 г. в Хакасии доверяли Президенту 20,8% опрошенных, скорее доверяли еще 38,3% и не доверяли 34,5% респондентов (таблица 1). В Республике Алтай Президент РФ пользовался доверием только 10% опрошенных, но склонных ему доверять было 38,3%, а не доверяли 37,4% респондентов. В Туве ситуация была кардинально иной — доверяли Президенту 44,8%, скорее доверяли 38,3% против 8% отказавших в доверии.

Таким образом, на начало исследований индекс группы отказавших в доверии главе государства в Хакасии и Алтае был больше единицы, но самой массовой была вторая группа во всех трех республиках.

В опросе 2018 г. безоговорочно доверяли Президенту только 13% опрошенных в Хакасии, 28,6% — в Туве и 4,2% — в Республике Алтай. Не доверяли: 30,9% — в Хакасии, 16,2% — в Туве, 63,1% — на Алтае.

Таким образом, у опрошенных в Туве и Хакасии уровень доверия Президенту заметно снизился и описывался в категориях «скорее доверяю». Тем не менее, самой многочисленной оставалась вторая группа со средним уровнем накопления капитала доверия. Иной была ситуация в Республике Алтай, индекс группы с наименьшим уровнем накопления капитала доверия приближался к двум единицам.

Таблица 1. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к Президенту РФ?», в %
Table 1. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the President of the Russian Federation?", in %

Каков уровень Вашего доверия к Президенту РФ?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	20,8	12,9	44,8	28,6	10	4,2
скорее доверяю	38,3	40,4	38,3	42,1	38,4	21,6
скорее не доверяю	18,3	19,2	6,2	7,9	22,1	38,9
совершенно не доверяю	16,2	11,7	1,7	8,3	15,3	24,2
затрудняюсь ответить	6,5	15,8	9	13,1	14,2	11,1

Если доверие Президенту России в Хакасии и Туве отметили чуть более 50% респондентов, а на Алтае ему доверяли только порядка четверти опрошенных, то каков же был уровень доверия главам южно-сибирских республик?¹

По данным опроса 2013 г., главу республики в Хакасии поддерживали порядка 46,7% против 43,6% отказавших ему в доверии. Разбив данные на группы, мы получим картину численного преобладания группы со средним уровнем накопления капитала доверия институту главы республики (таблица 2), соответственно, характеризующуюся средней степенью открытости к готовности к взаимодействию. В Туве полностью доверяли главе 28,3% против 25,9% отказавших в доверии, но в целом мы видим ту же картину со средним значением уровня доверия главе. В Республике Алтай ситуация была схожей и отличалась лишь тем, что полностью доверяли главе менее 5% опрошенных при очень высоком уровне (40%) отказавших в доверии.

В 2018 г. безоговорочно поддерживали глав республик только 2,7% опрошенных в Хакасии, 12,1% — в Республике Алтай и 8,3% — в Туве. Сдержанную позицию со скорее положительной оценкой демонстрировали 18,3% в Хакасии, 31,4% — в Туве, 28% — на Алтае. Иными словами, очевидно падение уровня доверия жителей главам республик, которым не доверяют 59,8% опрошенных в Хакасии, 43,5% — в Туве и 46,3% — на Алтае (индекс более единицы).

¹ В должности Главы республики Хакасия в период с 2009 г. по 3 октября 2018 г. работал В. М. Зимин. С 3 октября по 15 ноября 2018 г. вместо снявшего свою кандидатуру с выборов главы республики временно исполняющим его обязанности назначен М. В. Развожаев. По итогам выборов главой республики с 15 ноября 2018 г. стал В. О. Коновалов. Главой Республики Тыва в период с 2007 по 2021 гг. был Ш. В. Кара-оол (утвержден в должности 6 апреля 2006 г. Великим Хуралом Тувы). Главой Республики Алтай в период с 2006 по 2019 гг. был А. В. Бердников.

Таблица 2. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к главе республики?», в %
Table 2. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the Head of the Republic?", in %

Каков уровень Вашего доверия к главе республики?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	12,9	2,7	28,3	8,3	4,2	12,1
скорее доверяю	33,8	18,3	36,2	31,4	34,7	27,9
скорее не доверяю	21,5	32,5	17,6	29,7	21,1	31,6
совершенно не доверяю	22,1	27,3	8,3	13,8	18,9	14,7
затрудняюсь ответить	9,6	19,2	9,7	16,9	21,1	13,7

Ситуация с уровнем доверия как главе государства, так и главам республик в целом не внушает оптимизма. Но связана ли обозначенная ситуация с тем, что это посты высоко персонифицированные? Поэтому во всех неприятностях люди хотят винить конкретного человека, персонификатора, а не обезличенный исполнительный орган, где ответственного назначить довольно затруднительно?

Мы попытались прояснить ситуацию, задавая вопросы респондентам об уровне их доверия федеральному и республиканскому правительствам. Удалось установить, что правительства южно-сибирских республик доверием населения располагают в несколько большей степени, нежели их главы. Полностью доверяли правительству своей республики 10,4% опрошенных в Хакасии и 26,2% — в Туве. В Республике Алтай вновь представители власти абсолютным доверием не пользовались (таблица 3). Вторая группа, со средним уровнем накопления социального капитала во всех трех республиках преобладала, была представлена примерно в равной степени, а средний индекс этой группы был более единицы (Хакасия — 35%, Тыва — 41%, Алтай — 35%). В то же время первая группа, с наименьшим уровнем накопления социального капитала и характеризующаяся высокой степенью закрытости, в Хакасии включала 43,4% опрошенных, в Республике Алтай — 38,5%, и чуть меньше в Туве — 21,4%. Не менее 10% респондентов, а в Республике Алтай 23% не смогли определиться с позицией.

В 2018 г. полностью доверяли правительству республики только 3,5% опрошенных в Хакасии, 8,3% — в Туве и 10,5% — в Республике Алтай. Индекс второй группы был более единицы только в Туве, а в Хакасии и на Алтае к ней были отнесены 21,9% и 28,4% опрошенных соответственно. Первая группа, напротив, численно преобладала. Особенно заметна она была в Хакасии, где отказал в доверии правительству республики каждый второй, в Алтае таковых среди опрошенных было 39%, в Туве — 42,7%.

Добавим, что если в 2013 г. уровень доверия правительству республик Южной Сибири и России был сопоставим, то в 2018 г. доверяли Правительству РФ почти 15% респондентов в Туве, а в Хакасии и на Алтае только по 5% опрошенных. Скорее доверяли (средний уровень накопления капитала доверия) 46,3% опрошенных в Туве, 30,5% — в Республике Алтай и только 26% — в Хакасии. Самой массовой была первая группа отказавших в доверии правительству республики.

Таблица 3. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к правительству республики?», в %
Table 3. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the Government of the Republic?", in %

Каков уровень Вашего доверия к правительству республики?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	10,4	4,8	26,2	15,2	3,2	5,3
скорее доверяю	35,4	26,0	41,4	48,3	34,7	30,5
скорее не доверяю	24,2	33,7	13,8	16,9	21,1	28,4
совершенно не доверяю	19,2	17,3	7,6	4,1	17,4	15,8
затрудняюсь ответить	10,8	18,3	11,0	15,5	23,7	20,0

Уровень доверия руководству административной единицы (города, села), в которой проживают респонденты, также продемонстрировал среднее значение. Во всех трех республиках группа респондентов, доверявших администрации, была примерно равной, но численно уменьшилась относительно результатов опроса 2013 г. В то же время группа с низким уровнем доверия местной администрации в Туве, Хакасии и Алтае была больше 33,3% (т. е. больше единицы), а в Республике Алтай их доля была равна совокупно численности двух других групп (таблица 4).

Таблица 4. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к администрации города / села?», в %
Table 4. Dynamics of changes in respondent's responses to the question "What is the level of your trust in the town / community administration?", in %

Каков уровень Вашего доверия к администрации города/села?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	10,4	8,5	22,8	8,3	6,3	10
скорее доверяю	35,8	36,2	39,3	39,7	38,9	30
скорее не доверяю	23,7	24,8	20	25,5	17,9	29,5
совершенно не доверяю	19,8	9,4	6,9	8,6	18,9	10,5
затрудняюсь ответить	10,4	21,2	11	17,9	17,9	20

Конечно, следует учитывать, что показатели доверия властно-политическим институтам могут быстро меняться и зависят от социально-экономической и политической ситуации. Но как раз это и важно при анализе условий формирования и реализации социального капитала.

В целом, проведенные в регионе исследования выявили тенденцию численного преобладания групп респондентов, демонстрировавших отсутствие доверия к властям и принимаемым ими социально-политическим решениям, как не учитывающим их интересы и запросы. Например, анализ ответов респондентов на вопрос о том, насколько мнение простых людей влияет на принятие властью социально-политических решений? (таблица 5), выявил такую ситуацию: в 2013 г. отвечали, что мнение простых людей (третья группа) учитывается властями, в Хакасии — 13%, в Туве — 24,5%, в Республике Алтай — 4,7%. Наиболее численно представленной в Туве была вторая группа респондентов, отметивших, что мнение простого человека учитывается лишь частично, а в Хакасии и в Алтае — первая, то есть те, кто отметил низкий уровень реакции властей на мнение и запросы простых людей. В 2018 г., после периода обострения внешнеполитической обстановки (санкционные войны), внутривластных неурядиц (скандальные выборные компании), экономического кризиса 2014 г., вторая группа сократилась более чем на половину (Хакасия — 12,7%, Тува — 22,1% Алтай — 16,8%), а доля оказавших полное доверие (третья группа) властям, администрациям и вовсе сопоставима была со статистической погрешностью при высоком проценте неопределенности.

Соответственно, большинство респондентов, демонстрируя отсутствие доверия к властям и принимаемым ими социально-политическим решениям фактически заявляют о намерении решать свои проблемы самостоятельно, опираться на собственные силы, что чревато усилением закрытости социального капитала (Pitlik, Rode, 2017: 597–598).

К выводу о девальвации межличностного и неперсонифицированного доверия в России в целом, и республиках Южной Сибири в частности, исследователи приходят независимо друг от друга, основываясь на анализе самых разнообразных процессов и явлений. Например, о формировании атмосферы недоверия, как между жителями региона, так и по отношению к институтам государства, гражданского общества заявляют в своих исследованиях К. Зорбас, С. В. Рыжова и др. (Zorbass, 2021: 100–108; Рыжова, 2016). Причину снижения уровня межличностного и неперсонифицированного доверия исследователи усматривают в процессах трансформации социально-политических, экономических основ государства в 1990-х гг., когда бывшие советские граждане фактически потеряли идеологические и психологические основания взаимодействия в виде советского интернационализма, институтов товарищества, коллективистской солидарности. Жители регионов постсоветской России стали обращаться к проверенным временем механизмам обретения групповой солидарности.

Таблица 5. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что мнение простых людей оказывает влияние на принятие властью социально-политических решений?», в %
 Table 5. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Can you say that opinions of ordinary people have an impact on making sociopolitical decisions by the authorities?", in %

Можете ли Вы сказать, что мнение простых людей оказывает влияние на принятие властью социально-политических решений?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
влияет	12,9	2,5	24,5	8,3	4,7	2,6
частично влияет	37,7	12,7	43,4	22,1	40	16,8
не влияет	44	70	20,7	44,5	49,5	63,2
затрудняюсь ответить	5,4	14,8	11,4	25,2	5,8	17,4

Архаизация и возрождение традиции, ревитализация социокультурных практик в целях адаптации, а порой и выживания в сложной ситуации 1990-х и 2000-х гг., имела своим следствием усиление закрытости местных сообществ, рост значимости теневых структур и институтов, от криминальных, до сверхъестественных (Zorbas, 2021; Ламажаа, 2013; Ламажаа, Бахтикиреева, 2022), что с одной стороны, позволило задействовать внутренние ресурсы, но с другой стороны, породило множество довольно мрачных практик, питаемых атмосферой недоверия, конкуренции, индивидуализма. В ситуации неуверенности в завтрашнем дне, из страха быть обманутым более предприимчивым соседом, даже родственником, трудно говорить о доверии к дискредитировавшим себя общественным организациям, властным структурам, формальным профсоюзам, людям вне семьи (Ламажаа, 2013; Ламажаа, Бахтикиреева, 2022: 270).

Согласно данным опросов, проводимых ведущими социологическими службами, авторитетными исследовательскими центрами, авторскими коллективами, недоверием охвачены около 2/3 опрошенных россиян, а уровень доверия в России весьма невелик. Эта же картина наблюдается в исследуемом регионе. В целом региональный социум демонстрирует средний уровень накопления капитала доверия, что может свидетельствовать о равном ресурсе закрытого и открытого капитала.

Динамика капитала «ценностей и норм» в региональном пространстве Южной Сибири

Открытый социальный капитал предполагает высокую степень комплементарности межэтнического взаимодействия, функционирование норм универсальной морали, отсутствие конфликта экзистенциально значимых ценностей. В противоположность «открытому», отмечает Л. И. Полищук, «закрытый» социальный капитал опирается на ограниченную мораль (Полищук, 2011: 86), предполагающую установки на самоизоляция местных сообществ, что сопровождается повышенной чувствительностью и негативизмом по отношению к «другому/чужому».

Анализируемый блок ценностных установок является самым сложным компонентом социального капитала по той причине, что операционализировать приходится субъективные чувства и ориентации респондентов. Относительно неплохо разработанными и обладающими значительным эвристическим потенциалом, в плане анализа такого рода феноменов, являются методы социологического исследования установок на солидарность, комплементарность и отношения жителей региона к фактам проявления неприязни к представителям иных национальностей и конфессий. В 2013 г. «нулевую толерантность» к проявлению неприязни по признаку («никогда не допустимо») отметили почти треть опрошенных в Туве, более половины респондентов в Хакасии и Алтае (таблица 6).

Таблица 6. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос: «*Может ли быть оправдано публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей?*», в %
 Table 6. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Can public manifestation of hostility to representatives of other nationalities be justified?", in %

Может ли быть оправдано публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
к этому нужно относиться снисходительно	8,3	7,5	10,7	10,7	8,9	7,4
иногда допустимо	29,8	24,2	30,0	25,5	21,6	26,8
никогда не допустимо	51,0	50,8	31,0	30,3	54,2	47,9
затрудняюсь ответить	11,0	17,5	28,3	33,4	15,3	17,9

Иными словами, группа, рассматриваемая нами как демонстрирующая самый высокий уровень формирования открытого капитала ценностей и норм, представляет собой значимую величину с индексом выше единицы во всех трех республиках. Отметим, что в Туве эта группа была практически равна второй группе со средним уровнем формирования капитала ценностей и норм скорее открытого типа («иногда допустимо»), а в Республике Алтай — чуть более 21%. Первая группа («к этому нужно относиться снисходительно»), с минимальным уровнем открытого капитала ценностей и норм, демонстрировала низкий индексный показатель и процентный уровень (в границах 8–11%) во всех республиках, но значительной была группа неопределившихся.

По данным опроса 2018 г. ситуация межэтнокультурной комплементарности в региональном социуме несколько изменилась. Проявление неприязни по-прежнему считали абсолютно недопустимым порядка трети опрошенных в Туве и половины в Хакасии. В Республике Алтай представленность первой группы снизилась до 48%. Ответ «иногда это допустимо» (вторая группа) выбрали четверть опрошенных в Хакасии, почти столько же в Туве и в Алтае. Первая группа с минимальным уровнем накопления «капитала ценностей и норм» также уменьшилась. Напротив, число неопределившихся увеличилось, что с учетом общего контекста дает возможность предположить наличие ситуации обеспокоенности, встревоженности опрошенных, неспособных дать четкую оценку процессам межэтнического взаимодействия. При ответе на уточняющий вопрос, к каким конкретно национальностям (этносам) респонденты испытывают неприязнь, как на начало исследований (2013 г.), так и в последующем порядка 80–85% опрошенных в республиках Южной Сибири отмечали, что таковых нет совсем. Соответственно, расчетный индекс ответов тех респондентов, которые все же называли национальности, к представителям которых испытывают неприязнь (фигурировали цыгане, кавказские, среднеазиатские этносы и нации), был очень небольшим — в рамках статистической погрешности.

Наличие оснований для толерантного диалога и комплементарного, бесконфликтного взаимодействия демонстрировали более 2/3 опрошенных, что подтверждали результаты анализа ответов респондентов о наличии конфессий, к представителям которых они испытывали неприязнь. В исторически поликонфессиональном регионе, где непосредственно, лицом к лицу взаимодействовали буддисты, христиане, шаманисты и др., подавляющее большинство опрошенных отмечали отсутствие чувства неприязни по отношению к представителям иных религий и конфессий. Такой ответ в 2013 г. дали 90,8% респондентов в Хакасии, 92,4% — в Туве и 86% — в Алтае.

Последующий опрос 2018 г. фиксировал незначительное изменение ситуации, когда отсутствие неприязни к представителям иных конфессий отметили порядка 83% опрошенных во всех трех республиках. В частности, респонденты отмечали наличие неприязни к свидетелям Иеговы, иным сектам без конкретного их обозначения и исповедующим ислам. Однако эта группа ответов находилась в пределах 3–5%. К таким же выводам (о высокой степени комплементарности межконфессиональных отношений в регионе) пришли П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева, У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш —

авторы исследования религиозной ситуации в Республике Тыва 2019 г. (выборка — 334 чел.). Они выявили ситуацию отсутствия у 77% респондентов в Республике Тыва противоречий и конфликтов с представителями других вероисповеданий. Однако 16% опрошенных в ходе проведенного массового в Тыве отметили, что межрелигиозные конфликты все же имели место в их жизни. Самыми «конфликтными» респонденты называли последователей ислама (49%), православия (32%) и буддизма (15%) (Дашковский и др., 2021: 27).

Фиксируемое в ходе опросов, пусть и незначительное, но имеющее место снижение числа отмечающих отсутствие конфликта между представителями различных религий и конфессий объясняется множеством факторов, среди которых сами респонденты называли миграцию из других регионов страны и из-за рубежа (27%), политические (17%) и экономические (12%) процессы. В целом, обозначенные факторы некоторого усиления напряженности межэтнической и межконфессиональной напряженности, на наш взгляд, тесно взаимосвязаны. Миграционный нажим вызывает реакцию неприязни не только по той причине, что значительная часть мигрантов — носители не традиционных для региона религиозных традиций, взглядов и ценностей, но потенциальная экономическая угроза. Мигранты занимают важные для местного населения экономические ниши (торговля, сезонные промыслы), усложняют социальную и политическую ситуацию в республиках региона.

Завершить характеристику рассматриваемого элемента социального капитала предлагаем анализом структуры ценностей жителей региона на основе ответов респондентов на открытый вопрос: «Какие ценности имеют для Вас большее значение?» Анализ структуры системы ценностей, с одной стороны, способен пролить свет на вопрос о степени готовности опрошенных к объединению в группах с разным уровнем социального капитала (содержание категории «ценность» респондентам не разъяснялось). С другой стороны, дает представление о процессах формирования и функционирования норм универсальной морали, предполагающей отсутствие конфликта экзистенциальных ценностей.

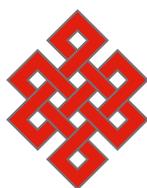
В целом проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что системы ценностей жителей республик Южной Сибири, в том числе при принятии в расчет этнической принадлежности респондентов, очень схожи и весьма устойчивы (таблица 7). Например, в ходе опроса 2013 г. на первых пяти позициях в структуре ценностей респондентов из Тувы были семья, здоровье, работа, свобода, любовь. Опрошенные в Хакасии отмечали непреходящую значимость все тех же: семьи, здоровья, материального благополучия, работы и любви. В Республике Алтай на первых позициях вновь мы видели ценности: семьи, здоровья, работы, любви, материального благополучия.

В 2018 г., несмотря на общее сходство, наблюдались некоторые подвижки в иерархии пяти наиболее актуальных ценностей. Респонденты из Тувы отметили значимость здоровья, семьи, любви и образования (в равной степени), карьеры. Опрошенные на Алтае также отметили приоритет здоровья, семьи, любви, материального благополучия, карьеры. Здоровье как ценность оказалась чуть более приоритетной, нежели, например, семья и для опрошенных из Хакасии. За ними следовали ценности материального благополучия, любви, законности.

Таблица 7. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Какие ценности имеют для Вас большее значение?», в %

Table 7. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Which values are more important to you?", in %

Какие ценности имеют для Вас большее значение?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
семья	91,9	60,8	85,2	49	94,7	58,4
здоровье	81,3	62,7	63,1	67,2	80,0	67,9
материальное благополучие	39,2	42,5	14,8	16,6	28,9	32,1
работа	31,0	14,8	35,5	12,1	37,4	16,8
свобода	21,5	13,8	23,4	14,5	27,4	13,7
образование	15,6	21,3	21,4	36,2	12,1	18,9
любовь	27,7	32,7	21,7	36,2	29,5	39,5
карьеря	15,4	15,8	21,0	23,8	11,1	20%
законность	4,8	22,3	15,5	19,3	10,5	14,2
личное достоинство	21,2	19,4	12,8	14,1	25,3	15,3
честность	20,4	12,7	17,9	10,7	21,1	12,6

Иными словами, в регионе сформирована основа для толерантных, даже комплементарных отношений, что обусловлено отсутствием конфликта систем ценностей крупнейших этносов. Интерес представляют и характеристики трансформации системы ценностей жителей региона: наблюдаются подвижки в иерархии системы ценностей, вызванные перемещением модернизационных ценностей образования, законности, карьеры, честности, ответственности и других на вершину устоявшейся иерархии. Следовательно, система ценностей и социальный капитал республик Южной Сибири находится в процессе трансформации, что требует отдельного, самостоятельного исследования.

Капитал «социальных сетей» в оценках жителей республик Южной Сибири

Социальные сети, по утверждению исследователей социального капитала (Bayer, Penny, Ellison, 2020: 471), это ресурсы системы социальных коммуникаций, позволяющие достигать поставленных индивидуальных и коллективных целей. Сточки зрения участия в коллективных акциях и объединениях социальной направленности жители Хакасии и Алтая менее активны, чем жители Тувы.

Почти треть опрошенных в 2013 г. в Хакасии и Алтае и четверть респондентов в Туве отметили, что не состоят в общественно-политических объединениях, не принимали и не планируют в будущем принять участие в каких-либо акциях (таблица 8). В 2018 г. такую позицию демонстрировали уже в среднем на 7–10% меньше опрошенных.

В целом в 2013 г. доля тех, кто выбрал пассивные формы общественно-политического участия (сбор гуманитарной помощи, пожертвований, участие в выборах в органы общественного самоуправления и администрацию города/района) была менее единицы (порядка 17%). Третья группа (участие в деятельности общественных и политических объединений, коллективных обращениях, митингах, демонстрациях, противодействии полиции, забастовке), проявляющая высокую активность в Хакасии, в Туве и Алтае, находилась в рамках 10–15% от числа опрошенных.

В конце десятилетия вторая группа увеличилась в Хакасии почти вдвое, что проявилось в актах «протестного голосования» на выборах главы республики 2018 г. В Туве и в Республике Алтай численность этой группы осталась почти неизменной (порядка 20% от числа опрошенных). Численная представленность третьей группы в республиках Южной Сибири увеличилась незначительно. Очевидно, что капитал социальных сетей еще только становится значимой величиной в регионе.

Таблица 8. Динамика изменения ответов респондентов на вопросы о степени активности общественно-политического участия, в %

Table 8. Dynamics of changes in respondents' responses to questions about the degree of activity of sociopolitical participation, in %

В каких акциях Вы готовы принять участие?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
Отсутствие (низкий уровень) общественно-политического участия	33,7	26	24,8	15,5	31,1	25,8
Пассивное (средний уровень) общественно-политическое участие	12,4	20,2	19,7	22,7	19,2	18,6
Высокая степень активности общественно-политического участия	11,2	13,3	9,3	15,3	14,4	13,5

В плане анализа характера социальных сетей показательны результаты исследования динамики самоидентификации респондентов с социально-территориальными общностями за обозначенный период. В целях определения типа функционирующего социального капитала в республиках Южной Сибири анализировались ответы респондентов на вопрос «Кем они ощущают себя в большей степени» (таблица 9). В 2013 г. российская национальная (государственная) идентичность была доминирующей у респондентов из Алтая и Хакасии, а в Туве, напротив, была равна и даже немного уступала республиканской. В группу с самым высоким уровнем открытого капитала доверия в горизонтальном измерении следует, на наш взгляд, включать также респондентов с выраженной космополитической установкой, которых в 2018 г. в Туве было 16,2%, в Хакасии — 10,8%, а в Алтае — 6,3%.

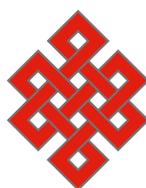

Таблица 9. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя в большей степени?», в %

Table 9. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Who do you feel more like?", in %

Кем Вы ощущаете себя в большей степени?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
жителем своего города/села	15,4	15,6	17,9	6,9	13,7	18,9
жителем своей республики	20,4	16,9	27,2	23,1	16,8	22,6
жителем Сибири	18,7	18,5	3,1	4,8	6,8	11,1
жителем России	32,3	33,3	26,6	39,7	41,1	31,1
человеком мира	4,8	10,8	9,7	16,2	6,8	6,3
затрудняюсь ответить	1,0	2,7	1,4	4,1	1,1	2,6

Идентифицировали себя с весьма широкой социальной общностью — российской гражданской нацией — порядка трети опрошенных во всех республиках, что, на наш взгляд, свидетельствует о достаточно высокой степени национальной идентичности. Тем не менее, российская идентичность, а следовательно, и значимость участия в национальной российской общности в Южной Сибири, отмечает Л. М. Дробижева, ниже, чем в европейской части страны, где идентифицируют себя с россиянами до 75–85% опрошенных (Дробижева, 2018: 107). Вторая группа, отметившая значимость региональной и республиканской общности, оказалась сопоставима с третьей. Актуальность связи с жителями своей республики и Сибирского региона отметили 39,1% в Хакасии, 30,3% — в Тыве и 23,6% респондентов из Алтая. Приоритет территориально-поселенческой идентичности, актуальность местного сообщества по сравнению с региональным или национальным (первая группа), отметили в Тыве 17,9% респондентов, в Хакасии — 15,4%, и 13,7% — в Республике Алтай. Иными словами, представленность группы с преобладанием закрытого типа социального капитала в Хакасии была более единицы, в Республике Тыва почти равна единице, в Алтае — менее единицы.

Результаты опроса 2018 г. фиксировали изменение ситуации в сторону увеличения группы с максимальным уровнем открытого капитала социальных сетей в Хакасии и Тыве. В Республике Алтай, напротив, эта группа потеряла 10%. Актуализацию российской идентичности, повышение значимости членства в российской нации также выявили проводимые параллельно исследования в соседних сибирских регионах. В частности, проведенные В. Г. Немировским в 2010–2011 гг. исследования социальной структуры и социального капитала Красноярского края фиксировали ситуацию приоритетной самоидентификации населения с более широкими, нежели регион, село/город, этнос, территориальными общностями — россиянами. Характеризуя обозначенную ситуацию, В. Г. Немировский справедливо отмечает, что, с одной стороны, возникли более благоприятные условия для реализации социального капитала жителей края вне пределов региона, с другой — можно предположить, что произошло определенное сокращение возможностей для его реализации на месте (Немировский, Немировская, 2011: 128). Приоритетность республиканской и региональной социальных общностей (вторая группа) отметили треть опрошенных в Хакасии и в Республике Алтай. Другими словами, показатели, интерпретируемые нами как средний уровень накопления капитала социальных сетей, которые следует трактовать в категориях открытости средней интенсивности, остались неизменными, как и индекс представленности первой группы с минимальным уровнем открытости капитала сетей, характеризующего процессы локализации регионального социума в Хакасии и в Республике Алтай. Напротив, в Тыве этот показатель снизился.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что социальный капитал общностей, входящих в региональное сообщество, весьма схож, но о полном совпадении процессов функционирования социального капитала и его однотипности говорить не приходится.

Заключение

Социальный капитал в значительной степени обуславливает ресурсно-производительную сферу функционирования современного социума, оказывает воздействие на уровень благосостояния и качество жизни, эффективность деятельности органов управления, институтов гражданского общества. Проведенное исследование позволяет говорить, что социальный капитал республик Южной Сибири представляет собой сложное, многомерное, развивающееся явление. Этим объясняется противоречивая картина функционирования, с одной стороны, ситуации высоко комплементарных отношений между представителями разных этносов и конфессий, свойственного открытому типу социального капитала, высокого уровня самоидентификации жителей Тувы, Хакасии и Республики Алтай с национальной российской общностью, а с другой стороны — недоверия институтам государства, гражданского общества и местной администрации.

Недоверие жителей всех трех республик к власти за обозначенный период 2013–2018 гг. только усиливалось, способствуя автономизации и изоляции республик. Конечно, в период нестабильности и кризисов закрытый социальный капитал играет важную роль консолидации и оптимизации ресурсов, но велика и опасность, что укоренившиеся механизмы внутренней и неформальной коммуникации станут трудно преодолимым бременем, препятствием для развития республиканского социума. Этот тезис подтверждают измерения уровня неперсонифицированного доверия, продемонстрировавшие средние значения, и свидетельствующие, что жители республик Южной Сибири не готовы действовать в рамках общественных и политических организаций, склонны к ограниченному альтруизму. Предпринять конкретные действия (коллективные обращения, митинги, демонстрации, избрание в органы общественного самоуправления) готовы не более 15% опрошенных в регионе. С другой стороны, выявлен характерный для открытого типа социального капитала высокий уровень комплементарности социокультурных, этнически и конфессионально гетерогенных групп региона, вплоть до фактического совпадения норм морали и ценностей, почти нулевой терпимости к дискриминации.

Можно сказать, что исход противостояния двух обозначенных типов социального капитала в республиках Южной Сибири остается неопределенным. Роль открытого и закрытого социального капитала заметна и измеряема. Современный, открытый социальный капитал, очевидно, дает осязаемую отдачу — более открытый социум при прочих равных условиях будет благополучнее «закрытого», а изменение восприятия людей меняет их возможности влиять на социально-политические и экономические процессы. Следует принимать в расчет тот факт, что открытый капитал в новинку для российских регионов.

В нашем исследовании полученные в республиках данные подвергались сопоставительному анализу, что позволяет сделать вывод о наличии общих черт и схожести целых компонентов социальных капиталов республик, но не позволяет говорить о их полном совпадении. Безусловно, есть ресурс «регионального социального капитала», но однозначно говорить о наличии такового пока преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеева, Д. А. (2019) Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 79–93. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>

Аксютин, Ю. М., Тышта, Е. В. (2013) Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 1–2 (27). С. 16–20.

Аксютин, Ю. М. (2016) Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 162–174.

Аксютин, Ю. М. (2019) Оценки характера межэтнического взаимодействия жителей Южно-сибирских республик Тува и Хакасия в 2016–2018 гг. (на основе данных социологических исследований) // *Современные исследования социальных проблем*. Т. 11. № 4–3. С. 54–61.

Алмакаева, А. М., Волченко, О. В. (2018) Динамика социального капитала в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 4. С. 273–292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Дробижева, Л. М. (2018) Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. № 5. С. 100–115. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

Гужавина, Т. А., Афанасьев, Д. В., Воробьева, И. Н., Мехова, А. А., Морев, М. В., Дементьева, И. Н. (2018) Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец : Череповецкий государственный университет. 220 с.

Гужавина, Т. А., Воробьева, И. Н. (2018) Межличностное доверие в структуре социального капитала (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 2 (42). С. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.5>

Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство. 464 с.

Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2010) Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф. 256 с. С. 160–199.

Коробейников, А. М. (2017) Особенности социального капитала в регионах России // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: материалы международной научной конференции в рамках VIII ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / гл. ред. А. И. Зырянов, М. Д. Шарыгин. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет. 664 с. С. 236–241.

Кошарная, Г. Б. (2015) Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // Власть. № 9. С. 125–129.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Латов, Ю. В. (2021) Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 161–175. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

Немировский, В. Г., Немировская, А. В. (2011) Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 159 с.

Полищук, Л. И. (2011) Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния // Городское управление. № 6 (179). С. 83–90.

Радаев, В. В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Рогач, О. В. (2019) Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. № 9. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30550>

Рыжова, С. В. (2016) Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. Т. 22. № 1. С. 72–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

Спирина, А. С., Максимова, С. Г. (2019) Характеристика межличностного и институционального доверия / недоверия в приграничных регионах России (по результатам социологического исследования) // Социодинамика. № 6. С. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.30022>

Фукуяма, Ф. (2002) Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хангтингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 129–148.

Фукуяма, Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак». 730, [6] с.

Херпфер, К., Кизилова, К. А. (2016) Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии // Социология. № 1. С. 17–38.

Шабунова, А. А., Косыгина, К. Е., Белехова, Г. В. (2021) Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 186–211. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>

Шабунова, А. А., Гужавина, Т. А., Кожина, Т. П. (2015) Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 7–19.

Шорина, И. Н. (2013) Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 8 (124). С. 271–274.

Aksutin, Yu. M., Kochina, E. A. (2020) "A new type of believer": Transformations of religiosity in the regions of post-Soviet Russia (on the example of Khakassia) // Culture, personality, society in the conditions of digitalization: Methodology and experience of empirical research: XXIII International conference named after professor L. N. Kogan / Editorial board: E. Grunt, M. Guzikova, A. Merenkov and etc. Yekaterinburg : Institute of Modern Management Technologies. 677 p. Pp. 20-28. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8330>

Bayer, J. B., Penny, T., Ellison, N. B. (2020) Social media elements, ecologies, and effects // Annual Review of Psychology. Vol. 71. P. 471–497. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050944>

Bourdieu, P. (1986) The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / ed. by J. G. Richardson. N. Y. : Greenwood Press. xxiv, 377 p. P. 241–258.

Coleman, J. S. (1988) Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. Vol. 94. P. S95–S120.

Durlauf, S. N., Fafchamps, M. (2005) Social capital // Handbook of economic growth / ed. by P. Aghion and S. Durlauf. Elsevier. Vol. 1, chapter 26 (1B). P. 1639–1699.

Nugrahani, T., Suharni, S., Saptatiningsih, R. (2019) Potential of social capital and community participation in village development // Journal of Economics and Policy. Vol. 12. No. 1. P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15294/jejak.v12i1.15775>

Pitlik, H., Rode, M. (2017) Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes // Journal of Institutional Economics. Vol. 13. No. 3. P. 575–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137416000564>

Putnam, R., Leonardi, R., Nanetti, R. (1994) Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ. : Princeton University Press. xv, 258 p.

Putnam, R. (1995) Tuning in, tuning out: The Strange disappearance of social capital in America // Political Science and Politics. Vol. 28. No. 4. P. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096500058856>

Putnam, R. (2000) Bowling alone: The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Schuster. 541 p.

Sanchez-Ruiz, P., Daspit, J. J., Holt, D. T., Rutherford, M. W. (2019) Family social capital in the family firm: A taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement // Family Business Review. Vol. 32. No. 2. P. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894486519836833>

Williams, N., Krasniqi, B. A. (2018) Coming out of conflict: How migrant entrepreneurs utilise human and social capital // Journal of International Entrepreneurship. Vol. 16. No. 2. P. 301–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10843-017-0221-4>

Zorbas, K. (2021) Shamanic dialogues with the invisible dark in Tuva, Siberia. The cursed lives. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 01.03.2022 г.

REFERENCES

Avdeeva, D. A. (2019) Doverie v Rossii i ego sviaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitiia [Trust in Russia and its connection with the level of economic development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 79–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>

Aksiutin, Yu. M. and Tyshta, E. V. (2013) Transformatsii nadetnicheskoi identichnosti v usloviakh stanovleniia Rossijskogo federalizma: regional'nyi aspekt [Transformations of supra-ethnic identity under conditions of Russian federalism formation: Regional aspect]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1–2 (27), pp. 16–20. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2016) Vliianie transformatsii struktury identichnostei zhitelei regionov postsovetskoi Rossii na kharakter mezhetnicheskikh otnoshenii (na primere Tuvy, Khakasii, Altaia) [Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: The cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 162–174. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2019) Otsenki kharaktera mezhetnicheskogo vzaimodeistviia zhitelei Iuzhno-sibirskikh respublik Tuva i Khakasiia v 2016–2018 gg. (na osnove dannykh sotsiologicheskikh issledovani) [The evaluation of the interethnic cooperation between republics of Tuva and Khakassia residents' character in 2016–2018 (according to sociological researches data)]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, vol. 11, no. 4–3, pp. 54–61. (In Russ.).

Almakaeva, A. M. and Volchenko, O. V. (2018) Dinamika sotsial'nogo kapitala v Rossii [Dynamics of social capital in Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4, pp. 273–292. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>

Dashkovskiy, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious situation in the Republic of Tuva (Based on the results of a sociological study)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Drobizheva, L. M. (2018) Rossiiskaia identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniia [Russian identity: Discussions in the political space and dynamics of mass consciousness]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 100–115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

Guzhavina, T. A., Afanasiev, D. V., Vorob'eva, I. N., Mekhova, A. A., Morev, M. V. and Dementieva, I. N. (2018) *Regional'nyi sotsial'nyi kapital v usloviakh krizisa [Regional social capital in a crisis]*. Cherepovets, Cherepovets State University. 220 p. (In Russ.).

Guzhavina, T. A. and Vorob'eva, I. N. (2018) Mezhlichnostnoe doverie v strukture sotsial'nogo kapitala (na materialakh Vologodskoi oblasti) [Interpersonal trust in the structure of social Capital (on material from the Vologda Oblast)]. *Territorial Development Issues*, no. 2 (42), pp. 1–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.5>

Inglehart, R. and Welzel, Ch. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia [Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence]* / transl. from Engl. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2010) Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Trust and its role in the consolidation of Russian society]. In: *Sotsial'nye faktory konsolidatsii Rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie [Social factors of consolidation of Russian society: A sociological dimension]* / ed. by M. K. Gorshkova. Moscow, Novyi khronograf. 256 p. Pp. 160–199. (In Russ.).

Korobeinikov, A. M. (2017) Osobennosti sotsial'nogo kapitala v regionakh Rossii [Features of social capital in the regions of Russia]. In: *Rossii i ee regiony v polimasshtabnykh integratsionno-dezintegratsionnykh protsessakh [Russia and its regions in full-scale integration and disintegration processes]* : Proceedings of the International scientific conference within the framework of the 8th Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers and Social Scientists / ed. by A. I. Zyrianov and M. D. Sharygin. Perm, Perm State National Research University. 664 p. Pp. 236–241. (In Russ.).

Kosharnaia, G. B. (2015) Institutsional'noe i mezlichnostnoe doverie v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Institutional and interpersonal trust in the process of consolidation of the Russian society]. *Vlast'*, no. 9, pp. 125–129. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) «Proklyatye zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskom obshchestve [“Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 266–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Latov, Yu. V. (2021) Institutsional'noe doverie kak sotsial'nyi kapital v sovremennoi Rossii (po rezul'tatam monitoringa) [Institutional trust as a social capital in modern Russia (based on the results of monitoring)]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 161–175. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

Nemirovskii, V. G. and Nemirovskaia, A. V. (2011) *Sotsial'naiia struktura i sotsial'nyi kapital naseleniia Krasnoyarskogo kraia [Social structure and social capital of the population of Krasnoyarsk Krai]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. 159 p. (In Russ.).

Polishchuk, L. I. (2011) Sotsial'nyi kapital v Rossii: izmerenie, analiz, otsenka vliianiia [Social capital in Russia: Measurement, analysis, impact assessment]. *Gorodskoe upravlenie*, no. 6 (179), pp. 83–90. (In Russ.).

Radaev, V. V. (2002) Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiya*, vol. 3, no. 4, pp. 20–32. (In Russ.).

Rogach, O. V. (2019) Sotsial'nyi kapital: novye vozmozhnosti razvitiia mestnykh soobshchestv [Social capital: New opportunities for the development of local communities]. *Sociodynamics*, no. 9, pp. 25–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30550>

Ryzhova, S. V. (2016) Doverie i etnicheskaia tolerantnost' v usloviakh sotsial'nykh peremen [Trust and ethnic tolerance under conditions of social change]. *Sociological Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 72–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

Spirina, A. S. and Maksimova, S. G. (2019) Kharakteristika mezhlichnostnogo i institutsional'nogo doveriia / nedoveriia v prigranichnykh regionakh Rossii (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [The characteristics of interpersonal and institutional trust / mistrust in the Russian border regions (based on the results of sociological research)]. *Sociodynamics*, no. 6, pp. 49–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.30022>

Fukuyama, F. (2002) Sotsial'nyi kapital [Social capital]. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu [Culture matters: How values shape human progress]* / L. Harrison and S. Huntington (eds.), transl. from Engl. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia. 320 p. Pp. 129–148. (In Russ.).

Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put'k protsvetaniiu [The social virtues and the creation of prosperity]* / transl. from Engl. Moscow, AST Publ. ; Ermak. 730, [6] p. (In Russ.).

Kherpfer, K. and Kizilova, K. A. (2016) Sotsial'nyi kapital kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia stran postsovetsoi Evrazii [Social capital as a factor of socio-economic and political development of Eurasia post-Soviet countries]. *Sociology*, no. 1, pp. 17–38. (In Russ.).

Shabunova, A. A., Kosygina, K. E. and Belekova, G. V. (2021) Doverie i sotsial'noe neravenstvo: rossiiskii keis [Trust and social inequality: The case of Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4, pp. 186–211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>

Shabunova, A. A., Guzhavina, T. A. and Kozhina, T. P. (2015) Doverie i obshchestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problems of territory's development*, no. 2 (76), pp. 7–19. (In Russ.).

Shorina, I. N. (2013) Instituttsional'noe doverie v sovremennom rossiiskom obshchestve (regional'nyi aspekt) [Institutional trust in modern Russian society (regional aspect)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, no. 8 (124), pp. 271–274. (In Russ.).

Aksutin, Yu. M. and Kochina, E. A. (2020) “A new type of believer”: Transformations of religiosity in the regions of post-Soviet Russia (on the example of Khakassia). In: *Culture, personality, society in the conditions of digitalization: Methodology and experience of empirical research: XXIII International conference named after professor L. N. Kogan* / Editorial board: E. Grunt, M. Guzikova, A. Merenkov et al. Yekaterinburg, Institute of Modern Management Technologies. 677 p. Pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8330>

Bayer, J. B., Penny, T. and Ellison, N. B. (2020) Social media elements, ecologies, and effects. *Annual Review of Psychology*, vol. 71, pp. 471–497. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050944>

Bourdieu, P. (1986) The forms of capital. In: *Handbook of theory and research for the sociology of education* / ed. by J. G. Richardson. New York, Greenwood Press. xxiv, 377 p. Pp. 241–258.

Coleman, J. S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95–S120.

Durlauf, S. N. and Fafchamps, M. (2005) Social capital. In: *Handbook of economic growth* / ed. by P. Aghion and S. Durlauf. Elsevier. Vol. 1, chapter 26 (1V). Pp. 1639–1699.

Nugrahani, T., Suharni, S. and Saptatiningsih, R. (2019) Potential of social capital and community participation in village development. *Journal of Economics and Policy*, vol. 12, no. 1, pp. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15294/jejak.v12i1.15775>

Pitlik, H. and Rode, M. (2017) Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes. *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 3, pp. 575–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137416000564>

Putnam, R., Leonardi, R. and Nanetti, R. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press. xv, 258 p.

Putnam, R. (1995) Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *Political Science and Politics*, vol. 28, no. 4, pp. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096500058856>

Putnam, R. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York, Simon and Schuster. 541 p.

Sanchez-Ruiz, P., Daspit, J. J., Holt, D. T. and Rutherford, M. W. (2019) Family social capital in the family firm: A taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement. *Family Business Review*, vol. 32, no. 2, pp. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894486519836833>

Williams, N. and Krasniqi, B. A. (2018) Coming out of conflict: How migrant entrepreneurs utilise human and social capital. *Journal of International Entrepreneurship*, vol. 16, no. 2, pp. 301–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10843-017-0221-4>

Zorbass, K. (2021) *Shamanic dialogues with the invisible dark in Tuva, Siberia. The cursed lives*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 01.03.2022.

Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве)

Рим М. Валиахметов

Башкирский государственный университет, Российская Федерация,

Айрат Я. Зарипов

*Башкирский государственный университет; Уфимский государственный авиационный
технический университет, Российская Федерация,*

Марсель С. Туракаев

Башкирский государственный университет; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию проблем и особенностей в развитии человеческого потенциала национальных республик Российской Федерации на примере Дагестана и Тувы. Наблюдения и выводы основаны на анализе статистических данных и экспертных оценок представителей обеих республик, полученных в 2020–2021 гг. Установлено, что в своем развитии республики имеют схожие черты, прежде всего, в экономической, социальной и демографической сферах (низкий уровень экономического развития, значительное число незанятого населения, высокая рождаемость) и свои особенности, связанные с этнической спецификой развития (язык, культура, религия, традиционные виды хозяйственной деятельности и т.д.)

В республиках Дагестан и Тыва развитию человеческого потенциала уделяется определенное внимание, но оно недостаточно. Это связано, прежде всего, с общей экономической ситуацией в стране и спецификой развития самих территорий. Ни в Дагестане, ни в Туве нет крупных, современных производств, что негативно влияет не только на экономическое развитие данных территорий, но и на социальную сферу. В республиках наблюдается переизбыток рабочей силы, которая остается невостребованной в экономиках регионов; эти факторы, сопровождаемые высоким уровнем рождаемости, обуславливают миграцию населения в другие регионы. Развитие частного предпринимательства тормозится несовершенством законодательства, проявлениями коррупции и теневой экономики, патерналистскими настроениями населения, неверием в социальную справедливость и др.

Негативно влияют на развитие и воспроизводство человеческого потенциала республики имеющиеся проблемы в сферах образования и воспитания подрастающего поколения (недостаточное количество дошкольных и образовательных учреждений, переполненность детских групп и учебных классов, недостаток учителей и воспитателей); в системе здравоохранения (нехватка медицинского персонала, поликлиник, больниц, аппаратуры); повседневного досуга (недостаток театров и кинотеатров, домов культуры, библиотек и спортивных сооружений); недостаток постоянного и надежного доступа к интернету в различных районах республик.

Преодоление имеющихся проблем в развитии и реализации человеческого потенциала эксперты связывают с проведением реформ в сфере управления, более последовательной борьбой с проявлениями местничества и коррупции.

Ключевые слова: человеческий потенциал; Дагестан; Тува; социальное развитие; экспертное мнение

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Зарипов А. Я., Туракаев М. С. Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 170–185. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии; заведующий научной лабораторией социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Тел.: +7 (963) 898-61-48. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Зарипов Айрат Янсурович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета; профессор кафедры философии и истории Уфимского государственного авиационного технического университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; 450008, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 12, корпус 3. Тел.: +7 (908) 350-22-86. Эл. адрес: a-y-zaripov@yandex.ru

Туракаев Марсель Салаватович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д.3/4; 450005, Россия, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1. Тел.: +7 (965) 656-28-82. Эл. адрес: mturakaev@gmail.com

Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)

Rim M. Valiakhmetov

Bashkir State University, Russian Federation,

Ayrat Ya. Zaripov

Bashkir State University; Ufa State Aviation Technical University, Russian Federation,

Marcel S. Turakayev

Bashkir State University; Institute of Sociology, FCTAS, RAS, Russian Federation

The article deals with studying issues and features concerning the development of human potential in the national republics of the Russian Federation through the examples of Dagestan and Tuva. The presented observations and conclusions are based on the analysis of statistical data and expert assessments of representatives of both republics received in 2020–2021. It has been found out that the republics have similar features in their development, primarily in the economic, social and demographic spheres (a low level of economic development, a significant number of unemployed population, a high birth rate), and their own characteristics related to the ethnic specifics of their development (language, culture, religion, traditional economic activities, etc.).

In the republics of Dagestan and Tuva, a certain attention is paid to the development of human potential, but it is insufficient. This is primarily due to the general economic situation in the country and the ins and outs of the development of the territories. Neither Dagestan nor Tuva has large modern production facilities. This fact negatively affects not only the economic development of these territories, but also their social sphere. There is an overabundance of labor force in the republics and it remains unclaimed in the economies of the regions. These factors are accompanied by a high birth rate and cause migration of the population to other regions. The development of private entrepreneurship is hindered by the imperfection of legislation, corruption and the shadow economy, paternalistic sentiments of the population, disbelief in social justice, etc.

The current problems negatively affect the development and reproduction of the human potential of the republics in the following fields: education and personal development of the younger generations (insufficient number of preschool and educational institutions, overcrowding in children's groups and classrooms, lack of teachers and educators); health care system (lack of medical personnel, polyclinics, hospitals, equipment); day-to-day leisure (lack of theaters and cinemas, cultural centers, libraries and sports facilities). There are also a lack of permanent and reliable Internet access in various regions of the republics.

Experts associate the overcoming of existing problems in the development and realization of human potential with the implementation of reforms in the field of management and with a more consistent fight against localism and corruption.

Keywords: human potential; Dagestan; Tuva; social development; expert opinion

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation of the All-Russian Identity" (2020–2022).

For citation:

Valiakhmetov R. M., Zaripov A. Ya. and Turakayev M. S. Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala v respublikakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam oprosa ekspertov v Dagestane i Tuve) [Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 170-185. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociology, Dean, Faculty of Philosophy and Sociology, Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 898-61-48. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-8875-5197

ZARIPOV, Ayrat Yansurovich, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Bashkir State University; Professor, Department of Philosophy and History, Ufa State Aviation Technical University. Postal address: 3/4 Karla Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation; Bldg. 3, 12 Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (908) 350-22-86. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4649-3942

TURAKAYEV, Marcel Salavatovich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University; Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation; 20/1 50-letiya Oktyabrya St., 450005 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (965) 656-28-82. E-mail: mturakaev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2449-6605

Введение

В стратегических документах Российской Федерации, принятых в последние годы¹, значительное внимание уделено сбережению народа и развитию человеческого потенциала, под которым в самом широком смысле понимается создание условий и возможностей для полноценной творчески активной и продолжительной здоровой жизни с достаточным уровнем дохода и благосостояния. В Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021 год) подчеркивается, что дальнейшее развитие человеческого потенциала связано со снижением уровня социального неравенства и бедности, ростом доходов и благосостояния населения, повышением уровня рождаемости, снижением смертности и увеличением ожидаемой продолжительности жизни². На повышение уровня и качества жизни населения направлены в конечном счете и национальные приоритеты России. Реализация предлагаемых в них мер предполагает учет и использование не только материальных и экономических, но и нематериальных ресурсов, главным из которых является совокупный человеческий потенциал регионов России.

Целью данной работы является сравнительный анализ проблем в развитии человеческого потенциала двух республик Российской Федерации — Дагестана и Тувы. Поскольку общие подходы к изучению человеческого потенциала республик и некоторые результаты исследования по Республике Тыва уже публиковались авторами (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022), в данной статье большее внимание уделено решению следующих конкретных задач: сравнение общего и особенного в развитии человеческого потенциала Дагестана и Тувы; оценка степени влияния этнических факторов на развитие человеческого потенциала данных республик; определение объективных и субъективных причин низких темпов их социально-экономического развития. Реализации цели и задач статьи существенным образом помогает социологический анализ мнений экспертного сообщества обеих республик, которые рассматриваются нами как одни из важнейших источников данного исследования.

Объектом исследования являются разные по этническому составу республики России — Дагестан и Тува, тем не менее обе считающиеся национальными. Каждый регион имеет свои отличительные особенности, связанные с географическим положением, климатом, историей, взаимоотношением с соседями. Республику Дагестан можно отнести к развивающимся субъектам России, а Республика Тыва в социально-экономическом плане пока не демонстрирует положительную динамику. Изучение проблем и особенностей в развитии человеческого потенциала республик позволяет выявить реперные точки, которые сдерживают или, наоборот, стимулируют их экономическое и социальное развитие (Валиахметов, 2020; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022).

Рассматривая основные показатели индекса развития человеческого потенциала, необходимо подчеркнуть, что они тоже разнятся по регионам. В общем рейтинге Индекса человеческого развития по регионам РФ в 2019 г. Дагестан занимает 70 место, а Тува — последнее место среди регионов РФ³. Индекс долголетия намного выше в Дагестане (0,902), чем в Туве (0,71); индекс дохода чуть выше в Туве (0,729), чем в Дагестане (0,719); индекс образования выше в Туве (0,942), а в Дагестане он составляет 0,873 пункта.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 19.11.2021); Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] // Гарант.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> (дата обращения: 19.11.2021); Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Гарант.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения 19.11.2021); Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.11.2021).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.11.2021).

³ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка (2021) [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 09.01.2022).

Выбор этих республик для сравнительного анализа обусловлен необходимостью выявления объективных и субъективных причин их отставания в развитии человеческого потенциала, а также наличием актуальных данных количественных (статистических) наблюдений и качественных исследований (глубинных интервью), проведенных в них в 2020 г. Предметом исследования стали особенности и проблемы воспроизводства человеческого потенциала в республиках Тува и Дагестан, выявляемые в том числе в экспертных оценках их представителей.

Экспертные интервью в обеих республиках проводились в декабре 2020 — январе 2021 гг. В статье использовались данные двух исследований. Основное качественное исследование — экспертное интервью с представителями научно-образовательного, управленческого и институтов гражданского общества, заинтересованных в развитии своих республик¹. Основные сферы, на которых специализируются эксперты: экономика, образование, здравоохранение и собственно этнические вопросы развития республики. В обеих республиках экспертами выступили по 16 человек. Средний возраст экспертов в Республике Дагестан составляет 57 лет; ученую степень имеют 9 человек: 5 докторов наук и 4 кандидата наук. В Республике Тыва средний возраст экспертов составляет 52 года, из них 2 эксперта доктора наук и 4 эксперта — кандидаты наук.

В гайде глубинного интервью содержались 6 блоков вопросов, которые дают возможность получения развернутых мнений экспертов о состоянии экономики, социальной сферы, межэтнического взаимодействия, сложностях и трудностях переживаемого регионами периода развития. Экспертные интервью проводились по отдельным блокам. В первом блоке гайда исследования, мы акцентировали внимание на наиболее чувствительных, реперных моментах, которые, с точки зрения экспертов, оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие территорий. В остальных блоках гайда исследования мы спрашивали экспертов об экономическом и социальном развитии этносов, их здоровье и образовательном капитале, а также попросили предложить свои рекомендации по совершенствованию экономического и социального развития этносов республики.

Мы просили экспертов охарактеризовать особенности регионов, чтобы понять помогают или мешают эти особенности в развитии регионов. Некоторые особенности региона могут влиять и негативно, порождая трудности, которые мешают дальнейшему продвижению регионального сообщества, способствуя дестабилизации ситуации, создавая социальную напряженность. Эксперты высказали свои пожелания и предложения по преодолению таких негативных моментов развития в своих регионах. Это вошло во второй блок исследований.

В качестве дополнительной информации по проблемам человеческого развития в статье используются некоторые результаты репрезентативного социологического опроса в Дагестане и Тыве на тему «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» в декабре 2020 г. и сентябре 2021 г. в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.). Результаты данного исследования публиковались в статьях Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, М. С. Туракаева, А. Д. Б. Самба, А. Ю. Гайфуллина, А. Я. Зарипова, А. Г. Гусейнова, Г. С. Малучиева (Валиахметов, Баймурзина, Туракаев, Самба, 2021; Туракаев, 2022; Гайфуллин, 2022; Зарипов, Гусейнов, Малучиев, 2022). Объем выборки в Республике Тыва составил 1 176 чел.; в Республике Дагестан — 911 чел. Для обеспечения большей надежности полученных данных мы отбирали случайные выборки по каждому региону и анализировали стабильность распределения ответов. Это позволило глубже понять, какое именно имеется отличие между ответами населения двух республик.

В анализе мы учитывали наши публикации и публикации других коллег. Этнические особенности развития Республики Тыва и этнические факторы развития человеческого потенциала региона рассматриваются в работах З. Т. Голенковой, Ю. В. Голиусовой, Г. Ф. Балакиной, З. В. Анайбан, А. Ч. Кылгыдай, И. С. Тарбастаевой, С. И. Абылкаликова, Г.Р. Баймурзиной, Г. Ф. Ахметовой, Г. Р. Гариповой, Е. А. Богдан и других авторов (Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, Кылгыдай, 2015; Голенкова, Голиусова, Самба, 2021; Тарбастаева, 2018; Балакина, 2022; Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Ахметова, 2022; Гарипова, Богдан, 2022). Этнические особенности социально-экономического и демогра-

¹ Результаты качественного исследования в Республике Тыва публиковались ранее (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022).

фического развития Республики Дагестан анализируются в работах Э. М. Эльдарова, М. М. Шахбановой, А. Г. Гусейнова, И. М. Мусаева, Г. С. Малучиева, К. И. Казенина, В. А. Козлова и других авторов (Гусейнов, 2015; Мусаев, Малучиев, 2016; Северный Кавказ: ... , 2012; Шахбанова, 2013; Эльдаров, 2008; Казенин, Козлов, 2021).

Мы полагаем, что анализ проведенных нами экспертных интервью поможет выявить причины и факторы имеющейся дифференциации между республиками по ключевым индикаторам человеческого развития, оценить условия и возможности для развития человеческого потенциала населения исследуемых республик.

Особенности развития республик

На Северном Кавказе Дагестан не только самая большая по территории и населению республика, но и самая мультиэтническая и мультилингвальная. В ней официально зарегистрировано двадцать восемь языков и более ста диалектов и говоров. Не все языки имеют письменность, также существуют количественные отличия по носителям и сферам применения. Официальным статусом государственного языка обладает русский как язык межнационального общения и еще 13 языков наиболее крупных этнических общностей. Русский язык применяется во всех сферах жизнедеятельности, а остальные языки как средство коммуникации по ситуации. Население республики — билингвы, поскольку знания только языка своей общности недостаточно для общественной коммуникации. Билингвизм не порождает крупных противоречий в обществе и не вызывает осложнений в сфере межэтнических взаимоотношений. Но языковая проблема в республике существует, и она потенциально конфликтогенна (Гусейнов, 2015). Немаловажное значение имеет и уровень преподавания языков в школах, уровень подготовки самого педагогического состава (Мусаев, Малучиев, 2016).

Все эксперты отметили, что в социально-экономическом положении этносов в своей республике в целом больших различий нет. Стоит отметить, что эксперты давали оценку социально-экономическому положению этносов только в своей республике. Однако, по их мнению, есть существенные отличия в возможностях развития самих территорий (горной, предгорной и равнинной зон), которые сказываются на состоянии автодорог, газификации, другой социальной инфраструктуры и влияют на социально-экономическое развитие этих локальных территорий. Такое положение негативно сказывается на социальном самочувствии населения и повышает отток молодежи из этих районов. Абсолютное большинство выпускников школ из горных районов, получив образование в вузе или в колледже, не думают возвращаться в родное село. Столкнувшись с другой действительностью, где можно без значительных физических и ментальных затрат зарабатывать себе на жизнь, сельское хозяйство и фермерство уже не выглядят настолько престижными, привлекательными и прибыльными. В силу этих обстоятельств развитие горных районов республики значительно отстает от развития других территорий. У представителей народов, проживающих высоко в горах (аварцы, лезгины, рутульцы, цахурцы), уровень жизни по сравнению с другими ниже, условия жизни суровее, жизнь труднее.

По сравнению с Дагестаном, Тува — мононациональна (Тарбастаева, 2018), т. к. более 80% ее населения представлено титульным этносом. В ней ассимиляционные процессы были менее масштабными, чем в других регионах страны: Калмыкии, Бурятии, Республике Алтай и др. Тувинский этнос сумел сохранить свою уникальность, культуру, язык несмотря на то, что социокультурная жизнь Тувы испытывала влияние разных цивилизаций (Ламажаа, 2021). С другой стороны, это имеет отрицательный эффект. Наши эксперты подчеркнули, что консервация патриархальности породила у них иждивенческое настроение, стал высок уровень патернализма, наблюдается завышенный уровень ожидания помощи от государства (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14).

Будучи моноэтнической территорией, Республика Тыва не испытывает столь больших трудностей в межэтнических отношениях, какие есть в других регионах. В прошлом, в отношениях тувинцев и русских наблюдались осложнения, но на сегодняшний день отношения стабилизировались. Инертность сознания коренного населения сказалась на восприятии изменившихся условий ведения хозяйства. Как отметили практически все эксперты, Тува — животноводческий регион, в котором поддерживается кочевое скотоводство (по количеству скота на душу населения Тува является лидером среди регионов Сибирского федерального округа). Не имея достаточных средств для инвестиций в экономику, регион делает ставку на традиционные виды хозяйственной деятельности. Пытаясь обеспечить занятость населения, в регионе разрабатываются программы поддержки

фермеров, крестьянских хозяйств («Корова-кормилица», «Социальный картофель»). Сами тувинцы, понимая сложность своего социального положения, пытаются изменить ситуацию, осваивая новые профессии, — все больше молодежи стремится к получению высшего образования, осваиваются рабочие специальности (например, в горнодобывающей сфере). Другими словами, видно стремление региона переориентироваться из аграрного в аграрно-индустриальный (Голенкова, Голиусова, Самба, 2021: 167).

Население Тувы в социально-экономической и трудовой деятельности опирается на социальные связи. Тувинцы традиционно склонны друг другу помогать. Им свойственны коллективизм, толерантность и терпение. Вместе с тем, как отмечает один из экспертов, тувинцам характерно социальное иждивенчество. Они ожидают, что государство всячески будет помогать им. Эта особенность тувинцев способствует «консервации» бедности. Кроме того, тувинцы не склонны к монотонному труду, и в тех сферах деятельности, в которых требуется дисциплина, они не преуспевают. Поэтому часть экспертов считает, что основой экономики, по-прежнему, в регионе должно быть сельское хозяйство. В сфере поддержания здоровья эксперты отмечают, что коренное население Тувы не заботится о своем здоровье (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14–16).

В Дагестане основная особенность развития человеческого потенциала заключается в территориальном неравенстве между населением горной, предгорной и равнинной территориями, которое определяет социально-экономическое развитие республики. Эксперты обеих республик отмечают стабильность во взаимоотношениях между разными этническими сообществами в своих республиках. Вместе с тем, они подчеркивают, что имевшие место межэтнические конфликты обусловлены не только особенностями территориального расселения этнических сообществ республики, но и проблемами в функционировании систем управления и развитии институтов образования, здравоохранения, культуры и др. Главной особенностью этнического развития человеческого потенциала Тувы, по мнению экспертов, является склонность коренного тувинского населения к сохранению и развитию традиционных видов хозяйственной деятельности. Поэтому социально-экономическая политика и стратегия развития региона должны учитывать эти и другие этнические особенности экономической жизни Тувы. Этот вывод особенно важен в условиях значительного преобладания тувинцев в этнической структуре населения республики.

Преимущества республик

Дагестан по показателям валового регионального продукта в 2010–2018 гг. показывал устойчивый прирост — с 94 883,6 руб. на душу населения в 2010 г. до 203 272,3 рублей в 2018 г. Росли и показатели инвестиций в основной капитал республики — от 120 653,4 млн руб. в 2010 г. до 224 772,8 млн руб. в 2019 г. Увеличилась численность населения с 2 868,8 тыс. чел. в 2010 г. до 3 110,8 тыс. человек в 2020 г.¹

Валовый региональный продукт Республики Тыва с 58 001,19 млн руб. в 2016 г. вырос до 79 211,5 млн руб. в 2019 г. Инвестиции в основные фонды тоже выросли с 10 640,1 млн руб. в 2016 г. до 17 901,05 млн руб. — в 2020 г.² Численность постоянного населения в республике ежегодно увеличивается на 2–3 тыс. чел. (по итогам 2020 г. численность населения составила 330 368 человек)³.

Некоторыми экспертами из Дагестана подчеркиваются территориально-географические преимущества республики: множество границ со странами, с которыми можно и необходимо налаживать международную торговлю. Однако расширение международной торговли возможно при обеспечении норм качества обслуживания и безопасности, что в последние годы соблюдалось не регулярно. Республика обладает огромным потенциалом рекреационных территорий прибрежного Каспия и туристического кластера в горной зоне. Развитие туризма сопровождается сочетанием традиций гостеприимства и предприимчивости населения.

Большинство экспертов из Тувы отметило, что изолированность региона помимо недостатков имеет и свои плюсы, прежде всего в экологическом плане. В регионе, где относительно невысокая

¹ Дагестан в цифрах–2020 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. С. 5–34. URL: https://istmat.info/files/uploads/62858/dagestan_v_cifrah_2020.pdf (дата обращения 02.11.2021).

² Республика Тыва в цифрах в 2020 году [Электронный ресурс] // Красноярскстат. 2020. С. 11–13. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814?print=1> (дата обращения: 06.11.2021).

³ Там же. С. 11.

плотность населения, отсутствуют крупные промышленные предприятия, экологических проблем практически нет.

Дагестан в целом имеет значительный демографический потенциал с хорошими показателями рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и долголетия, в республике культивируются спорт и здоровый образ жизни.

Республика Тыва относится к регионам с благоприятной демографической ситуацией, отмечается естественный прирост населения, прежде всего за счет высоких показателей рождаемости. По показателю рождаемости на 1 000 человек населения Республика Тыва продолжает занимать первое место среди регионов России по итогам 2020 года¹.

Одним из основных преимуществ обеих республик является высокая рождаемость, которая способствует увеличению численности постоянного населения Дагестана и Тувы. Примечательно, что эксперты не акцентируют большого внимания на этом явном, по российским меркам, преимуществе. Подчеркивая эти достижения и преимущества республик, эксперты указывают и на обратные проблемные стороны этих процессов, связанных с развитием сети лечебных, оздоровительных и образовательных, особенно дошкольных, учреждений и других объектов социальной сферы.

Дагестан и Тыва обладают также уникальными территориально-географическими преимуществами, которые, по мнению экспертов, можно и нужно использовать для развития экономики регионов, преумножения их экологического и туристического потенциалов.

Социально-экономические проблемы республик

Мнение участников экспертного опроса о современном экономическом состоянии Дагестана единодушно: кризис экономики очевиден, промышленное производство за последние четверть века практически сошло на нет, развитое в прошлые годы производство консервов (рыбных и плодоовощных) крайне незначительно и не обеспечивает даже потребностей жителей самого Дагестана. Большинство заводов закрыты, оставшиеся держатся на плаву благодаря периодическим оборонным заказам, частично работают коньячные и винные заводы.

Более половины экспертов из Дагестана (в основном общественники и экономисты) считают, что от 60 до 90% производства в республике находится в так называемом «теневом секторе», когда они фактически обеспечивают население работой, но не выплачивают налогов, по крайней мере, за большую часть работников. Это в наибольшей мере характерно для предприятий частного сектора экономики в сферах добычи и производства стройматериалов, обувной промышленности, торговли и т. д. Существование теневого бизнеса информанты связывают с наличием коррумпированных силовиков, чиновников муниципального и республиканского уровня, и подчеркивают, что проблема не имеет решения без твердой политической воли и рациональной замены теневых возможностей на легальные.

Основной проблемой экономики Дагестана является безработица. В период эпидемии, фактически, произошел крах существовавшего малого бизнеса в республике, что привело к массовому обнищанию населения. Число официально зарегистрированных безработных за год выросло в 5 раз, и достигла 120 тыс. чел. (2020 г.), а по системе МОТ — 230 тыс. человек. Фактическая занятость значительной части населения республики в теневой экономике привела к тому, что государственные меры поддержки, оказываемые в период пандемии, так и не дошли до части нуждающихся.

Безработица имеет свои социальные корни. В Дагестане наблюдается большая рождаемость. Дагестан занимает 4-е место среди субъектов РФ². Для региона, который не может обеспечить социальную и экономическую поддержку населения, это оборачивается отрицательными последствиями — неустроенность быта, сложности с устройством в детские учреждения, недостаточная медицинская помощь, переполненность школ и др. Эксперты напоминают, что городские классы переполнены (42-45 учащихся в каждом классе), четверть школ работают в две-три смены.

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Оперативная информация. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.11.2021).

² Там же.

Внутренняя миграция в Дагестане — из сельских районов в города тоже влияет на рост безработицы. Большинство мужчин, переехавших из села в город, устраивается в низовые структуры МВД, МЧС; работают на транспорте, в торговле. Сельские женщины торгуют на рынках. Массовый отток населения с горных и предгорных сел в города Дагестана создает чрезмерную нагрузку на все структуры городской жизни: в сфере занятости многократно растет число претендентов на любую работу, перегружены учреждения образования, здравоохранения и другие социальные учреждения.

Также эксперты из Дагестана отмечают и значительный миграционный отток населения из республики в другие регионы и страны. Связано это в первую очередь с безработицей и невозможностью реализации своего образовательного и трудового потенциала.

Также есть еще одна причина безработицы. Прекращение работы заводов и колхозов, трудности при распределении земель сельскохозяйственного назначения при полном обнищании населения привели к росту криминализации населения, а также к различным способам приспособленчества, в том числе и приобретения незаконных пенсий лжеинвалидами с целью получения хоть какого-либо источника дохода от государства (особенно популярно в горной и предгорной зоне).

В течение последних 10 лет в Республике Дагестан непрерывно уменьшаются возможности для предпринимателей в получении долгосрочных кредитов, местные банки и действующие на территории филиалы многих банков России — закрыты. Сбербанк, ВТБ и Россельхозбанк проводят политику кредитования «коротких» денег, что никак не способствует возрождению сельского хозяйства и промышленности.

С начала пандемии коронавируса обнаружили проблемы и в системе здравоохранения Дагестана (нехватка мест и средств в больницах и т. д.), и в системе образования (отсутствие компьютеров и интернета во многих районах республики). Как сказал один из наших экспертов,

«Надо понимать, что всё-таки значительная часть населения республики проживает на равнинной территории города... Поэтому 2 и 3 смены — это проблема городских школ... Горная проблема связана с обеспечением педагогическими кадрами, с оборудованием, с технологиями дистанционного обучения, с использованием современных информационных технологий» (эксперт, м., 58 лет, профессор в университете).

Что касается развития человеческого потенциала этносов, то эксперты из Дагестана в той или иной степени указывают на проблемы в сфере земельных отношений. Доминирующие по численности этносы, представителей которых было больше всего у власти за последние десятилетия, распределяли земли по этническому принципу. Происходила этнодискриминация в отношении этнических меньшинств.

Проблемы Республики Тыва, как отмечают тувинские эксперты, прежде всего, связаны с географическим положением региона, изолированностью от остальной территории страны, а также неразвитостью или частичным отсутствием дорожно-транспортной системы, которая смогла бы более интенсивно вовлечь регион в общероссийский рынок. В республике нет железной дороги, что сразу подчеркнули почти все эксперты. А это в свою очередь оказывает чувствительное влияние на развитие всего народнохозяйственного комплекса (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 12).

Немаловажным является и тот факт, что происходит усиление сырьевой специализации экономики республики при снижении доли выпускаемой продукции, которая имеет высокую добавленную стоимость и лишается тем самым возможности конкурировать с продукцией других регионов страны. Цены на привозные товары увеличиваются из-за слабого развития транспортной инфраструктуры.

Поскольку территория республики изолирована, здесь нет крупных предприятий, больших фабрик и заводов. Создание новых рабочих мест для населения достаточно проблематично. Поэтому главными социальными проблемами региона являются бедность и безработица. Безработица в регионе связана с ограниченностью рынка труда.

Отсутствие крупного производства в регионе, инвестиций в основные фонды, даже создание новых или реконструкция уже имеющихся предприятий не способствуют сокращению безработицы. Рынок труда ограничен, рабочая сила избыточна.

Поскольку мобильность коренного населения небольшая, а воспроизводство большое, наблюдается дисбаланс между количеством рабочих мест и претендентами на них. Это еще одно условие порождения инертности мышления и консервации патриархальности населения региона. Развитие

местной инициативы, открытие новых предприятий, создание условий для самозанятости, малого и среднего бизнеса могли бы стать триггерами решения этих проблем. Однако само государство тормозит данный процесс, создавая сложности существованию микропредприятиям, и способствует порождению социального иждивенчества.

Сложности, имеющиеся в социально-экономическом развитии территории, вынуждают людей мигрировать в другие регионы. И при том мигрируют люди, имеющие высокую квалификацию, образование, т. к. они не видят возможности для дальнейшего профессионального роста, приложения своих навыков и знаний, получения достойной зарплаты, создания комфортных условий для отдыха и реабилитации здоровья. При низких экономических показателях невозможно улучшить условия жизни, повысить благосостояние людей, т. е. инвестировать в человеческое развитие. Из-за этого внутри самой республики происходит отток населения с периферии в центр, который нагружает социальную инфраструктуру и усиливает напряженность на рынке труда.

Как уже отмечалось выше, в Туве высокая рождаемость. Это увеличивает нагрузку на социальные учреждения республики: детские сады, школы, профессиональные учебные заведения.

Один из экспертов пояснил эту зависимость следующим образом:

«Детские садики сейчас перегружены очень сильно, многих детей родители вообще не могут устроить, в самый ранний период, когда необходимо максимальное развитие, они не получают необходимых знаний. И это очень сильно отразится на их будущем развитии. В перегруженных садиках воспитатели могут обеспечить, в лучшем случае, только уход и присмотр за детьми, а развития образования нет. И получается, что ребенок на самом важном этапе упускает это звено, затем идет в школу. Школы тоже перегружены, дети учатся в две-три смены, качественное дополнительное образование тоже не получают. И это, конечно, сильно отражается на том, что люди уезжают в другие развитые регионы, некоторые даже за границу» (эксперт, ж., 42 года, руководитель в системе государственного управления).

Людям придется прибегать к коммерческим предложениям, например, отдавать детей в платные детские сады.

Помимо отмеченных проблем в сфере образования, эксперты из Тувы говорят о больших проблемах в системе здравоохранения республики. Пандемия коронавируса обострила проблему нехватки врачей в регионе, которых и раньше не хватало. В республике остро стоит вопрос преступности и алкоголизации населения.

Теневой сектор экономики Тувы достаточно обширный. В большей степени он наблюдается в сельском хозяйстве, достигая здесь 3 миллиардов рублей оборота ежегодно. Кроме этого, неформальная экономика распространена в транспорте, строительстве и других отраслях экономики.

В этнически однородном обществе Тувы возникают проблемы с социальным продвижением по служебной и карьерной лестнице. Как отмечают некоторые эксперты, система социальных лифтов дает сбой. Главную роль играют не знания, умения, инициатива, талант, креативность, а принадлежность к этносу, к территориальному сообществу. При приеме на работу этничность, знакомства, родственные связи играют более важную роль, чем личные качества соискателя (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14).

В Республике Тыва два государственных языка — русский и тувинский. Однако носителей языка коренного этноса гораздо больше. Это, конечно же, позитивный фактор для сохранения и развития самого языка, но порождает трудности как для самих носителей, так и для остальной части населения. Основная масса тувинцев проживает в сельской местности и занята в сельскохозяйственной отрасли. Общение, воспитание, обучение в семьях, коллективах происходит на родном языке. Изучению русского языка как языка межнационального общения уделяется недостаточно внимания из-за нехватки профессиональных кадров учителей, воспитателей. Те специалисты, которые получают образование в вузах, ссузах на русском языке, по возвращению в сельскую местность, забывают речевые навыки на русском языке из-за не востребоваемости и отсутствия языковой практики. Урбанизированная часть тувинцев, одинаково хорошо владеющая обоими языками, проявляет больше активности, мобильности. Получив хорошее образование в городских школах, они поступают в престижные вузы страны и не стремятся возвращаться назад в республику.

В обеих рассматриваемых республиках эксперты указывают на социально-экономическую нестабильность, распространение теневой экономики, бедность и безработицу, которая связана с тем,

что численность рабочей силы республики превышает объем предложений на рынке труда данных регионов. В свою очередь это приводит к миграционному оттоку местного населения из периферии в центр республик, а также в другие регионы страны. Миграционный отток населения Дагестана и Тувы происходит не только из-за безработицы и экономической нестабильности республик, но и по причине стремления людей получать образование и строить свою профессиональную карьеру. Миграция местного населения в центральные районы и города данных республик приводит к увеличению нагрузки на социальную сферу: возникают проблемы с устройством детей в детские учреждения и школы, усиливается нехватка медицинской помощи и т. д. Это также создает дополнительную напряженность на рынке труда региона.

Высокая рождаемость и существующие десятками лет социально-экономические проблемы данных регионов приводят к внутрорегиональной миграции местного населения, которая в свою очередь усиливает напряженность на рынке труда и в социальной сфере. Проблемы отдаленных районов республик перекадываются на региональные центры. В Дагестане это в первую очередь горная и предгорная зоны республики, а в Туве это удаленная от урбанизированного центра сельская местность.

Проблемы в сферах образования и здравоохранения также имеют территориальную дифференциацию. В социально-экономических центрах республик наблюдается высокая нагрузка на эти системы из-за миграции местного населения. На периферии наблюдается нехватка трудовых ресурсов и технологическое отставание. Из-за этого в Дагестане происходит консервация и сохранение религиозных традиций в обучении, которые тормозят развитие современного образования в республике. В Туве заметна низкая востребованность русского языка в сельской местности, что также ограничивает развитие современной системы образования в республике.

В ряду социальных проблем данных республик эксперты выделяют социальное приспособленчество и иждивенчество. Этому способствуют проблемы в экономике регионов и государственная политика, которая, по мнению экспертов, недостаточно учитывает как социально-экономическую, так и этническую специфику республик.

Проявления коррупции как одной из острых социально-экономических проблем регионов имеет свою этническую специфику в каждой из республик. Так, в Дагестане наибольшее представительство в органах власти имеют самые крупные этносы республики. Это способствует дискриминации этнических меньшинств региона в актуальных вопросах земельных отношений. В Туве социально-профессиональная и социально-трудовая мобильность населения в значительной мере зависит от принадлежности к этносу и (или) к территориальному сообществу.

Недостаточное использование территориальных преимуществ и недоучет этнической специфики развития человеческого потенциала в Дагестане и Туве тормозят социально-экономическое развитие данных республик.

Рекомендации экспертов

Эксперты из Дагестана подчеркивают, что для развития промышленности региона необходимы развитие инфраструктуры, экотехнологий, подготовка квалифицированных кадров не только среди рабочих, но и среди топ-менеджеров. Первоочередной задачей власти является создание выгодных и привлекательных условий для занятия бизнесом (как пример, консервированием или переработкой сельхозпродукции). Эксперты отмечают необходимость развития туризма и рекреационной сферы республики.

Например, один эксперт высказался о важности и этнической специфики развития бизнеса:

«Есть такое направление в экономике, которое называется этноэкономикой. Она изучает взаимосвязь характера экономической деятельности с той местностью, где эта деятельность осуществляется (речь идет о традиционной деятельности населения. — *Авт.*). Например, у нас есть левашинская картошка, мекегинский камень и т. д. Это значит, что кто-то поддержал в свое время представителей этносов на развитие этих отраслей. Это также умение и активность самих представителей этого народа: когда они видят, что у кого-то дело успешно получается, они начинают тоже это делать. Вот у наших дагестанцев есть такая черта, но не у всех...

В плане этнической специфики я бы предложил находить именно вот такие очаги экономической деятельности и способствовать тому, чтобы люди были задействованы в этом. Находить и выдвигать

интересные проекты, помогать этим этно-экономическим проектам. Это можно сделать и усилиями политическими...» (эксперт, м., 44 года, руководитель в научной организации).

Необходимо эффективнее использовать Махачкалинский Международный Морской Порт, потенциал которого в настоящее время, по мнению экспертов, не раскрывается полностью. Также, практически все эксперты указали на то, что в советские годы по железной дороге, проходящей через Дагестан, значительно активнее осуществлялось прямое сообщение с Ираном, обеспечивавшим выход на Персидский залив. В настоящее время и эта возможность не используется в полной мере.

Искоренение коррупции рассматривается экспертами Дагестана как системная проблема региона. Коррупция пронизывает все сферы жизни населения. Для республики характерна клановость, которую нужно заменять конкурентностью.

«Проблема касается всех этносов. Если какой-то этнос будет из бюджета тянуть короткое одеяло на себя, то обязательно появляются забастовки и митинги со стороны других этносов. Главное – интернациональный подход правительства. Если у вас есть представитель в каком-то ведомстве, кумык или же лакец, агулец, рутулец, если он хороший специалист, но если он не из титульной нации, то его все равно не поставят» (эксперт, м., 59 лет, руководитель в научной организации).

Коррупция некоторыми экспертами из Дагестана связывается с земельными проблемами. Один из экспертов считает, что необходимо урегулировать земельный вопрос в регионе:

«... Для этого надо земли, которые равнинные, которые находятся в республиканской собственности для животноводства и государственных унитарных предприятий сельхозназначения передать в муниципальные районы, на территории которых они находятся... Надо инфраструктуру развивать, надо передавать этим районам. Передать землю, находящуюся в республиканской собственности, это в основном земли отгонного животноводства в муниципальную собственность... Направлять деньги в большей степени туда, где наименьшая обеспеченность» (эксперт, м., 66 лет, руководитель НКО).

Если землями будут пользоваться те народы, которые проживают на этих территориях, то это будет способствовать снижению конфликтности в отношениях между народами. С другой стороны, поддерживать нужно те районы, которые больше в этом нуждаются безотносительно этнической принадлежности местных жителей.

Основной проблемой образования является сравнительно низкая оплата труда педагогов в ряду регионов России, а также «уравниловка» в оплате труда. Для решения этой проблемы эксперт из Дагестана предлагает контролировать качество образования со стороны родителей:

«Участие родителей — это очень важный инструмент развития образования. Решить эту проблему возможно с помощью организации систематической работы Министерства образования республики с управляющими советами образовательных организаций. Ещё один момент — неэффективность системы оплаты труда педагогов, данная проблема напрямую связана с отсутствием системы оценки качества работы учителей. Если бы мы измеряли качество, то мы могли бы сказать, что у нас есть группа преподавателей, которые демонстрируют высокий уровень качества образования, и они должны за эту работу получать соответствующее вознаграждение. У нас не участвуют главные заказчики в оценке качества образования, поэтому происходит уравниловка в оплате труда педагогам. Не говоря уже о том, что по уровню оплаты труда Северокавказский федеральный округ занимает одно из последних мест в России...» (эксперт, м., 58 лет, профессор в университете).

Большинство экспертов из Тувы сходятся во мнении о том, что Республика Тыва обладает своими социокультурными и социально-экономическими особенностями. Это в первую очередь традиции и обычаи тувинского народа. Социальное-экономическое развитие и развитие человеческого потенциала должно происходить с учетом региональных и этнических особенностей тувинцев. Важно сохранить уникальность и самобытность социально-экономической системы республики и человеческого капитала местного населения:

«...Инфраструктуру надо наладить и сообщение с другими регионами развивать. Надо перерабатывающую основу ставить, не просто для себя производить, чтобы была возможность даже вывозить на общий рынок за пределы республики. И рабочие места надо давать людям, чтобы они могли зарабатывать. Чтобы природу Тувы и ее самобытность сохранить, скотоводство надо оставить, туризм развивать... Опыт прошлого надо брать, у нас были такие отрасли рентабельные, как кустарное производство. Много чего производили, причем все развивались очень быстро и в ширь» (эксперт, м., 66 лет, руководитель в университете).

Один из экспертов предложил создать этнокластеры, в которых применялись бы «природно-сберегательные технологии», «суперэкологические» виды сельхозпродукции. В таких кластерах люди могли бы организовывать свое хозяйство, получать образовательные и медицинские услуги и т. д. В них «можно внедрять инновации, основанные на традиционном хозяйствовании тувинцев и других народов. Этнокластер рассматривает не только их культуру, традиции и хозяйство, но и темы зеленой экономики, природосберегающих технологий... и плюс инновации» (эксперт, м., 43 года, руководитель в университете).

В Республике Тыва принята индивидуальная программа социально-экономического развития региона¹, которая, как отмечает эксперт, предполагает развитие горнодобывающей промышленности и строительство железной дороги.

При этом в Тыве сложно внедрять высокотехнологичные производства, т. к. тувинцы не склонны к монотонному труду, о чем уже было упомянуто. Меры поддержки экономики необходимо адаптировать к этнохозяйственным традициям и навыкам тувинцев:

«Даже при планировании производства в экономической системе определенного региона, надо исходить из особенностей хозяйственно-культурного типа, который был распространен в этом регионе. Надо учитывать устоявшиеся привычки и установки людей, если они привыкли работать монотонно, изо дня в день повторяя определенные операции, умеют быть пунктуальными и так далее, соответственно, им нужны такого характера производства. Соответственно, надо адаптировать производство под хозяйственные привычки тувинцев, помочь распространиться тем из них, которые, связаны с традиционными видами их деятельности...» (эксперт, ж., 49 лет, руководитель в научной сфере).

Эксперты считают, что необходимо развивать социальную и транспортную инфраструктуры Республики Тыва (прежде всего строительство железной дороги), которая позволила бы преодолеть социальную и экономическую изоляцию региона, а также повысить трудовую и образовательную мобильность населения.

В системе образования Тувы нужно создавать новые образовательные учреждения и увеличивать места в детских садах и школах республики, повышать уровень образования в регионе, в частности, создавать и улучшать условия изучения русского языка тувинцами. Следует развивать национальные школы и другие образовательные организации в отдаленных населенных пунктах республики, внедрять цифровые технологии в образование, развивать образовательную и академическую мобильность населения, а также ориентировать профессиональное образование на требования рынка труда и региональную экономику, готовить специалистов, которые необходимы республике.

Эксперты из Тувы практически единодушно отмечают необходимость в дальнейшем развивать «губернаторские проекты», которые также учитывают специфику Тувы и местных народов и культур.

В целом, в своих рекомендациях развития региона эксперты из Дагестана делают акцент на социально-экономических проблемах республики, вскользь затрагивая проблемы этнического характера, которые в наибольшей мере связаны с особенностями ведения предпринимательской деятельности в разных этнических и территориальных сообществах. Они также акцентируют внимание на необходимости искоренения коррупции и клановости в государственных органах управления республики, а также в сфере земельных отношений.

Эксперты из Тувы, наоборот, в своих рекомендациях по социально-экономическому развитию республики делают акцент на этнических особенностях развития человеческого потенциала региона. Они указывают на важность сохранения и развития уникальности и самобытности культуры и социально-экономической системы республики, а также человеческого капитала местного населения (например, с помощью создания этнокластеров и развития губернаторских проектов).

¹ Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 N 972-р (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=549754-0&req=doc&rnd=9TXJ4g&base=EXP&n=788154#0a4Ty6TIZueWUfQU> (дата обращения: 11.01.2022).

Оценки населения республик своего материального положения

В целях получения дополнительной информации по теме исследования мы приводим мнения населения данных регионов.

В целом жителей Дагестана, которые считают, что живут лучше, чем жители других регионов России, больше, чем жителей Тувы, которые ответили также (табл. 1). В свою очередь доля респондентов, которые ответили, что живут хуже жителей других субъектов России, больше среди опрошенных жителей Тувы, чем среди респондентов из Дагестана (39 против 20% соответственно).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов Дагестана и Тувы на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?», % от всех ответивших в республике.

Table 1. Distribution of answers to the question “Do you think people in the republic live better or worse than in other regions of Russia?” among residents of Dagestan and Tuva, % of all replies

Ответы на вопрос	Дагестан	Тува
Живут лучше, чем в других регионах	11,7	6,5
Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	20,2	25,1
По сравнению с одними регионами лучше, а с другими — хуже	27,7	16,0
Живут хуже, чем в других регионах России	19,8	39,0
Затрудняюсь ответить	20,6	13,4
Всего по столбцу	100,0	100,0

Если рассмотреть субъективные оценки своего материального положения жителей двух республик, то мы видим, что доля респондентов, которые ответили, что денег им не хватает на питание или хватает на питание, но не хватает на одежду и обувь, больше среди ответивших из Тувы (табл. 2). В этих двух самых бедных категориях сравнительно больше процент ответивших жителей Тувы.

Таблица 2. Распределение ответов жителей Дагестана и Тувы на вопрос «Как бы Вы могли описать материальное положение Вашей семьи?», % от всех ответивших в республике.

Table 2. Distribution of answers to the question “How could you describe the financial situation of your family?” among residents of Dagestan and Tuva, % of all replies

Ответы на вопрос	Дагестан	Тува
Денег не хватает даже на питание	7,2	8,4
Денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения	14,4	36,5
Денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить новый холодильник или стиральную машину	31,1	37,8
Денег достаточно для покупки, например холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль	28,5	10,0
Денег достаточно почти на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как квартира	12,0	6,1
Мы не испытываем финансовых затруднений. При необходимости можем купить квартиру	6,8	1,2
Всего по столбцу	100,0	100,0

Респонденты из Тувы ощущают себя беднее, чем респонденты из Дагестана. Большинство опрошенных жителей Дагестана считают, что жители их республики живут лучше по сравнению с одними регионами, а с другими — хуже. Большинство опрошенных жителей Тувы ответили, что население их республики в целом живет хуже, чем жители других субъектов Российской Федерации.

Заключение

В результате исследования выявлено, что в развитии человеческого потенциала Дагестана и Тувы имеются как схожие черты, так и региональные, этнические особенности. Эксперты во многом сходятся в оценках социально-экономического положения и развития человеческого потенциала своих республик. Экспертное сообщество Тувы полагает, что в развитии республики следует учитывать этнические особенности хозяйственной деятельности, культуры и традиций коренного народа. А эксперты из Дагестана в большей мере делают акцент на территориальных и природных преимуществах республики.

Представители обеих республик подчеркивают, в первую очередь, различия в развитии человеческого потенциала между жителями городов и сельских поселений. Безработица, бедность и стремление повысить уровень образования приводят к внутренней миграции в данных регионах, которая создает дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру. Эксперты из Дагестана отметили большое влияние коррупции, которая препятствует развитию экономики региона. Эксперты из Тувы выделяют особенности поведения тувинцев в социально-экономической и трудовой сферах, которые не способствуют социально-экономическому развитию и достаточному раскрытию человеческого потенциала республики.

Этническая принадлежность не оказывает значительного влияния на развитие человеческого потенциала обеих республик. Однако этническая специфика развития человеческого потенциала проявляется и в Дагестане, и в Туве. При этом она наблюдается не только в социокультурной, но и в хозяйственной, экономической сферах деятельности. В многонациональном Дагестане более заметна этническая специализация предпринимательской деятельности, а в Туве — сохранение и развитие традиционных видов экономической деятельности, прежде всего сельскохозяйственных занятий и промыслов. В обеих республиках эксперты акцентируют внимание на необходимости реформ в системе государственного управления, особенно в сферах имущественных и земельных отношений, образования и здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Валиахметов, Р. М. (2020) Этнические факторы неравенства в контексте концепции человеческого развития // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 196 с. С. 35–38.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Гарипова, Г. Р., Богдан, Е. А. (2022) Проблемы развития геокультурного брендинга в Туве и Башкортостане // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–127. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.8>

Голенкова, З. Т., Голиусова, Ю. В., Самба, А. Д.-Б. (2021) Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 3. С. 167–183. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>

Гусейнов, А. Г. (2015) Конфликтогенный потенциал в полиэтничном макрорегионе: институциональный подход // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. М. : Новый хронограф. 624 с. С. 329–346.

Зарипов, А. Я., Гусейнов, А. Г., Малучиев, Г. С. (2022) Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 85–101. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д. Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Мусаев, И. М., Малучиев, Г. С. (2016) Профессиональный статус учителя в Дагестане: противоречия практики // Конфликтология. № 4. С. 290–303.

Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития (2012) / под. ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова и И. С. Савина. М. : Институт Востоковедения РАН. 172 с.

Тарбастаева, И. С. (2018) Тува превращается в моноэтничный регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5. С. 65–80.

Туракаев, М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: [10.25178/nit.2022.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5)

Шахбанова, М. М. (2013) Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН ; АЛЕФ. 390 с.

Эльдаров, Э. М. (2008) Дагестан: факторы развития сельской системы расселения в постсоветский период // Кавказ и глобализация. Т. 2. № 1. С. 105–115.

Kazenin, K., Kozlov, V. (2021) Ethnicity and fertility of descendants of rural-to-urban migrants: the case of Daghestan (North Caucasus) // Journal of International Migration and Integration. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>

Дата поступления: 12.06.2022 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Balakina, G. F. (2022) Riski razvitiia chelovecheskogo potentsiala etnicheskikh obshchnostei Respubliki Tyva (1999–2021 gg.) [Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]. Novosibirsk, Nauka. 137, [2] p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylygdai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethno-regional models of adaptation to the labor market in Tuva]. Kyzyl, Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M. (2020) Etnicheskie faktory neravenstva v kontekste kontseptsii chelovecheskogo razvitiia [Ethnic factors of inequality in the context of the concept of human development]. In: *Pozitivnyi opyt regulirovaniia etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii* [Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation] / ed. by G. F. Gabdrakhmanova, G. I. Makarova and L. V. Sagitova. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. 196 p. Pp. 35–38. (In Russ.).

Valiakmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethno-demographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Garipova, G. R. and Bodgan, E. A. (2022) Problemy razvitiia geokul'turnogo brendinga v Tuve i Bashkortostane [Developing geocultural branding in Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.8>

Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V. and Samba, A. D.-B. (2021) Transformatsiia regional'nogo sotsial'no-professional'nogo prostranstva (na primere Respubliki Tyva) [Transformation of the Regional Social and Professional Space (on the Example of the Republic of Tyva)]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 9, no. 3, pp. 167–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>

Guseinov, A. G. (2015) Konfliktogennyi potentsial v polietnicheskom makroregione: institutsional'nyi podkhod [Conflict potential in a multiethnic macroregion: The institutional approach]. In: *Regional'naia sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: Problems of consolidation of the social space of Russia]* / ed. by V. V. Markin. Moscow, Novyi khronograf. 624 p. Pp. 329–346. (In Russ.).

Zaripov, A. Ya., Huseynov, A. H. and Maluchiev, G. S. (2022) Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia regiona cherez prizmu etnicheskoi identichnosti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan v 2020 g.) [Socio-economic situation in the region through the prism of ethnic identity: Materials of sociological research in the Republic of Dagestan in 2020]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 85–101. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Musaev, I. M. and Maluchiev, G. S. (2016) Professional'nyi status uchitelia v Dagestane: protivorechiia praktiki [Teacher's occupational status in Dagestan: Contradictions of practice]. *Konfliktologiya*, no. 4, pp. 290–303. (In Russ.).

Severnyi Kavkaz: vzgliad iznutri. Vyzovy i problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiia [The North Caucasus: Views from within. Challenges and problems of socio-political development] (2012) / ed. by A. G. Matveeva, A. Yu. Skakov and I. S. Savin. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 172 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2018) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Tuva's transformation into a monoethnic region: Risks and possibilities]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Turakayev, M. S. (2022) Etnoiazykovaia situatsiia kak faktor sotsial'nogo samochuvstviia regiona v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primere Tuvy, Bashkortostana i Kalmykii) [Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: The cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Shakhbanova, M. M. (2013) *Etnicheskaiia identichnost' i strategii mezhetnicheskogo povedeniia malochislennykh narodov Respubliki Dagestan [Ethnic identity and strategies of interethnic behavior of the small peoples of the Republic of Dagestan]*. Makhachkala, Institute of History, Archeology and Ethnography, DSC, RAS ; ALEF. 390 p. (In Russ.).

Eldarov, E. M. (2008) Dagestan: faktory razvitiia sel'skoi sistemy rasseleniia v postsovetskii period [Dagestan: Factors of development of the rural settlement system in the post-Soviet period]. *Kavkaz i globalizatsiia*, vol. 2, no. 1, pp. 105–115. (In Russ.).

Kazenin, K. and Kozlov, V. (2021) Ethnicity and fertility of descendants of rural-to-urban migrants: the case of Daghestan (North Caucasus). *Journal of International Migration and Integration*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>

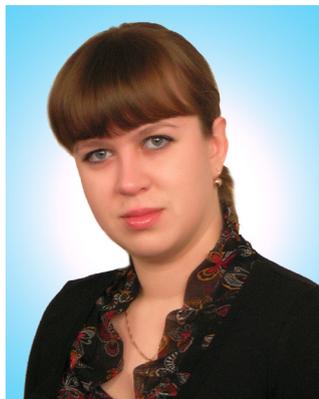
Submission date: 12.06.2022.

Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.)

Гузель Р. Баймурзина, Елена В. Кабашова

Башкирский государственный университет; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемы в области занятости и доходов населения в Республике Тыва и Республике Башкортостан, в том числе в связи с положением основных этносов. Анализ проводится в контексте концепции человеческого развития и возможностного подхода. Выявляется общее и особенное в сферах занятости, доходов и социального самочувствия населения республик Тыва и Башкортостан, в том числе в разрезе этнических групп, за 2010–2020 гг. Последовательно анализируются комбинации объективных данных и субъективных оценок населения, характеризующих сферы занятости и доходов. Эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики (Росстата), результаты специальных социологических исследований, проведенных в Тыве и Башкортостане в 2021 г.

Этнический фактор в республиках проявляется в уровне и видах экономической активности населения. Титульные этносы более представлены в бюджетных отраслях экономики, особую «этническую нишу» составляют сферы искусства и культуры. Этнические различия в республиках являются в большей степени объективным следствием социокультурных и расселенческих факторов, нежели дискриминационных. В Тыве этнические особенности занятости проявляются ярче, чем в Башкортостане, вероятно, вследствие большей представленности титульного этноса и меньшего объема межкультурных взаимодействий в структуре населения региона.

В обеих республиках отмечаются растущая нестабильность рынка труда, относительно высокий уровень неформальной занятости, сокращение реальных доходов населения, доходов от предпринимательской деятельности. Качество жизни населения Тывы существенно ниже, чем населения Башкортостана и России в целом, вследствие слаборазвитой структуры экономики и низкой экономической активности населения. Башкортостан также характеризуется процессами, сдерживающими человеческое развитие.

Ключевые слова: уровень жизни; качество жизни; доход; занятость; социальное самочувствие; человеческий потенциал; Республика Тыва; Республика Башкортостан; тувинцы; башкиры

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

Для цитирования:

Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 186–207. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Баймурзина Гузель Римовна — кандидат экономических наук, главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета; заведующая лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5. E-mail: guzrim@mail.ru

Кабашова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, ведущий специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5. E-mail: e_kabashova@bk.ru

Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)

Guzel R. Baimurzina, Elena V. Kabashova

Bashkir State University; The Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russian Federation

The article examines employment and income issues of the populations in the Republic of Tuva and the Republic of Bashkortostan, including those relating to the position of the main ethnic groups. The analysis is performed in the context of the concept of human development and the possibility approach. Authors provide insight into the general and special features of employment, income and social well-being of the populations in the republics of Tuva and Bashkortostan for 2010–2020, including those in the context of ethnic groups. Combinations of objective data and subjective estimates of the population that characterize the spheres of employment and income are consistently analyzed. The empirical base of the research is consisted of official statistics (Rosstat) and the results of special sociological studies conducted in Tuva and Bashkortostan in 2021.

The ethnic factor in the republics consists in the level and types of economic activity of the population. The titular ethnic groups are more represented in the budget-funded sectors of the economy, the spheres of art and culture constitute a special “ethnic niche”. Ethnic differences in the republics are an objective consequence of sociocultural and resettlement factors rather than of discriminatory ones. The ethnic features of employment reveal themselves better in Tuva than in Bashkortostan, probably due to the greater representation of the titular ethnic group and a smaller quantity of intercultural interactions in the structure of the region’s population.

In both republics, there is an increasing instability of the labor market, a relatively high level of informal employment, a reduction in real incomes of the people and incomes from entrepreneurial activity. The life quality of the population in Tuva is significantly lower than that of the people in Bashkortostan and Russia as a whole due to the underdeveloped structure of the economy and low economic activity of the population. Bashkortostan is also characterized by processes that hinder human development.

Keywords: standard of living; life quality; income; employment; social well-being; human potential; Republic of Tuva; Republic of Bashkortostan; Tuvans; Bashkirs

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” (2020–2022).

For citation:

Baimurzina G. R. and Kabashova E. V. Zaniatost' i dokhody naseleniia respublik Tyva i Bashkortostan (2010–2020 gg.) [Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 186–207 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

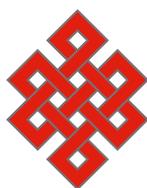

BAIMURZINA, Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University; Head, Laboratory for regional studies of quality of life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation; Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation. E-mail: guzrim@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1844-2689

KABASHOVA, Elena Vladimirovna, Candidate of Economics, Leading Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University; Senior Researcher, Laboratory for regional studies of quality of life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation; Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation. E-mail: e_kabashova@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-0948-3518

Введение

В данном исследовании авторы проводят сравнительный анализ проблем в области занятости и доходов населения и отдельных этнических групп в Республике Тыва и Республике Башкортостан в контексте концепции человеческого развития.

Актуальность исследования обусловлена тем, что обе республики испытывают трудности в развитии человеческого потенциала (*Human Development*)¹. По индексу человеческого развития Республика Тыва традиционно (с 1998 по 2020 гг.) занимает последнее место в рейтинге субъектов РФ (79-е, 80-е или 85-е место в зависимости от числа субъектов в рейтинге). Республика Башкортостан, которая в начале 2000-х гг. занимала лидирующие позиции по индикаторам человеческого развития, в 2010–2020 гг. приблизилась к середине рейтинга, спустившись с 18 по 41 место. Нарастающее отставание республик от лидеров обусловлено замедлением социально-экономической динамики Тувы и Башкортостана требует комплексного изучения проблем и факторов, сдерживающих человеческое развитие в регионах.

Занятость и доходы населения имеют принципиально важное значение в концепции человеческого развития, которые обеспечивают его материальную основу. Как отмечает М. Б. Денисенко, «неравенство по уровню доходов и материальному благосостоянию внутри стран является первостепенным фактором в существовании глубоких диспропорций в человеческом развитии»². Учитывая специфику рассматриваемых регионов, важно заметить, что по данным экспертов-этносоциологов, межэтническое неравенство (если оно имеется), в первую очередь, отражается в сферах занятости и доходов (Kalter, 2008; Haller, Eder, Stolz, 2016).

В связи с этим авторами статьи поставлена цель — провести сравнительный анализ занятости, доходов и социального самочувствия населения и отдельных этнических групп в республиках Тыва и Башкортостан за 2010–2020 гг. Для достижения поставленной цели: 1) изучены объективные показатели социально-экономического развития республик, структуры занятости и безработицы, доходов населения и их распределения; 2) проанализированы социологические данные, характеризующие особенности восприятия возможностей занятости, оценки материального положения населения и отдельных этнических групп в регионах.

Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва за 2010–2021 гг.; база данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), результаты Обследований рабочей силы (ОРС) за 2017–2020 гг.; итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) за 2016, 2018, 2020 гг., а также результаты социологических исследований «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Башкортостан», «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Тыва» 2021 г.

Социологические исследования проведены в мае — июне 2021 г. в Туве, в сентябре 2021 г. в Башкортостане. Объем выборки в Республике Тыва составил 1176 человек, в Республике Башкортостан — 1184 чел. Метод сбора данных — анкетирование с помощью бумажных анкет и при помощи веб-ссылки на электронную анкету. Выборка стратифицирована по типу населенного пункта с квотированием по полу, возрасту, образованию и национальности респондентов.

Степень научной разработанности

Концепция человеческого развития впервые опубликована в глобальном Докладе о развитии человека Программы развития ООН в 1990 г.³ Ее основатели (Sen, 1989; Griffin, Knight, 1990; Stiglitz,

¹ Оригинальный термин *Human Development* в 1995 г. был переведен на русский язык как «развитие человеческого потенциала», а позднее в научной литературе и докладах ПРООН в РФ стали применяться и другие синонимы: «человеческое развитие» и «развитие человека». Концепция развития человеческого потенциала и концепция человеческого развития в данной статье применяются как синонимы.

² Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса / под ред. В. П. Колесова. М.: Права человека, 2008. С. 148.

³ Human Development Report. Concept and Measurement of Human Development [Электронный ресурс] // Human Development Report 1990. 1990, 1 January. URL: <https://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990> (дата обращения: 20.03.2022).

Sen, Fitoussi, 2010) акцентируют внимание на том, что такие макроэкономические показатели, как валовой внутренний продукт (ВВП), среднедушевые доходы населения не всегда отражают реальный уровень и качество жизни населения. Важным является то, как эти доходы распределяются и инвестируются в социальное развитие, расширяют возможности *каждого* (независимо от пола, национальности, места проживания и т. д.) человека жить долгой, здоровой и творческой жизнью, а также решать другие задачи, которые имеют для него значение¹.

Концептуальная идея человеческого развития получила мощную поддержку и в российской научной среде. Среди наиболее известных специалистов, внесших существенный вклад в развитие этого направления исследований, необходимо отметить Н. В. Зубаревич (Зубаревич, 2014), Н. М. Римашевскую (Римашевская, 2004), Т. И. Заславскую (Заславская, 2005), А. Г. Вишневого (Вишневский, 2019), Ю. В. Латова, Н. Е. Тихонову (Латов, Тихонова, 2021), Т. О. Разумову (Разумова, 2019), В. В. Локосова (Локосов, 2017), О. И. Иванова (Иванов, 2018), Б. Г. Юдина (Юдин, 2018) и др. Активно ведутся исследования человеческого потенциала в региональных коллективах Вологодского научного центра РАН, Института социологии ФНИСЦ РАН, Новосибирского государственного университета, Башкирского государственного университета и др.

Развитие человеческого потенциала, проблемы уровня и качества жизни населения Башкортостана всесторонне анализируются под руководством Р. М. Валиахметова (Валиахметов, 2015; Валиахметов и др., 2018; Проблемы развития ... , 2017), публикуются в региональных докладах о развитии человеческого потенциала². Комплексное социологическое исследование, посвященное проблемам развития человеческого потенциала в Республике Тыва, проводилось коллективом Центра изучения социальной структуры и социального расслоения под руководством З. Т. Голенковой³.

Исследователей качества и уровня жизни населения и Башкортостана, и Тывы волнует проблема низких доходов, сильной дифференциации населения по доходам и бедности населения. В Башкортостане данная проблематика освещена в работах С. Х. Кадырова, Е. В. Кабашовой, Р. М. Шайдуллиной и др. (Кадыров, 2020; Кабашова, Рафикова, 2008; Шайдуллина, Степанова, 2020). В Тыве выявлению причин бедности посвящены труды О. Д. Натсак (демографический фактор: высокие показатели рождаемости и детности), Ш. Ч. Соян, А. В. Чолдаголовой (экономические факторы: безработица, низкая заработная плата, отсутствие собственного производства и т. д.) (Натсак, 2022а; Соян, Чолдагорова, 2021).

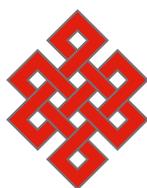
Исследованиям уровня жизни населения регионов России в целом, в частности вопросам формирования, распределения доходов посвящены труды В. Н. Бобкова, А. А. Гулюгиной, И. Б. Колмакова, Е. В. Одинцовой, Е. А. Черных (Бобков и др., 2021), В. М. Жеребина, А. Н. Романова (Жеребин, Романов, 2002), А. Е. Суринова, А. Б. Луппова (Суринов, Луппов, 2021) и др.

Ознакомление с работами зарубежных этносоциологов показало, что в контексте нашего исследования наиболее разработанными являются проблемы существования различий в экономическом положении коренных жителей и мигрантов (Bol et al., 2014; Kalter, 2008; Granato, Kalter, 2001), а также разных форм дискриминации этнических групп (Akoz et al., 2021; Yuki, 2012; Semyonov, Rajjman, Yomtov, 2002). Причины дифференциации в социально-экономическом положении этнических групп авторы рассматривают самые разные, что, на наш взгляд, является подтверждением тезиса о необходимости учитывать специфику каждого конкретного случая. Авторы Т. Бол, Б. Лэнси, М. Левелс обобщили возможные объяснения межнациональных различий и призвали учитывать такие институциональные условия как система образования, гибкость рынка труда и миграционная политика.

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций в Российской Федерации, 2011. URL: <http://unrussia.ru/sites/default/files/nhdr2011rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

² Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Восточная печать, 2008. 352 с.; Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Восточная печать, 2013. 283 с.; Труд, занятость и человеческое развитие : доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк. Уфа : Восточная печать, 2015. 360 с.

³ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) (2019). Особенности социальной стратификации в Республике Тыва / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова. № 3. 71 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2019.3>

Значимый вклад в объяснение межэтнических различий имеют работы, в которых анализируются так называемые «этнические ниши» в экономике и особенности экономического поведения, связанные с этнической идентичностью или образом жизни (Uzunöz, Yurdakul, 2018).

Пионерами в отечественной этносоциологии признаны Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, О. И. Шкаратан, В. А. Тишков и др. Одной из фундаментальных работ, на наш взгляд, является коллективная монография «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» под ред. Л. М. Дробижевой, в которой отражены и проблемы анализируемых нами республик — Башкортостана (глубоко) и Тувы (частично) (Социальное неравенство этнических групп ... , 2002). Согласно Л. М. Дробижевой, характерной чертой отечественной этносоциологии является «особое внимание к изучению социальной структуры этнических общностей» с акцентом на «сравнительном анализе народов с точки зрения их развития», что обусловлено полиэтничностью и культурным разнообразием СССР и России (Социальное неравенство этнических групп ... , 2002: 6).

Среди немногочисленных исследований, посвященных анализу социально-экономического положения населения во взаимосвязи с этническими процессами можно отнести работы В. Н. Овчинникова, Ю. С. Колесникова (Овчинников, Колесников, 2006), А. С. Рымаревой (Рымарева, 2007), О. В. Печуры (Печура, 2010), Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева (Попков, Тюгашев, 2018), С. Л. Еременко (Еременко, 2014) и др. Этносоциальные особенности занятости населения, а также влияние этничности на трудовые отношения в Башкортостане раскрываются в научных работах Р. И. Ирнazarова, Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, М. С. Туракаева и др. (Ирнazarов, 2016; Валиахметов и др., 2021). В Туве в контексте изучения социальной структуры и проблем занятости во взаимосвязи с этническими вопросами значимыми являются эмпирические исследования З. В. Анайбан (Анайбан, 2018, 2020а), Г. Ф. Балакиной, А. Ч. Кылыгдай, Т. М. Ойдуп (Балакина, Кылыгдай, 2015; Кылыгдай, 2018; Кылыгдай, Ойдуп, 2015), Ш. Ч. Соян (Соян, 2020) и др. Современных исследований этнических аспектов социального развития регионов в настоящее время очень мало. В этом смысле, особенно ценен специальный выпуск журнала «Новые исследования Тувы» (№ 2 2022 г.), в котором опубликован ряд сравнительных исследований, посвященный широкому спектру социальных проблем российских регионов с этнической спецификой (Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Ахметова, 2022; Туракаев, 2022; Гайфуллин, 2022) и актуализирован вопрос изучения человеческого потенциала в Туве (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Балакина, 2022). Вместе с тем сохраняется дефицит сравнительных межрегиональных исследований в сфере занятости и доходов в разрезе этнических групп.

В связи с этим, опираясь на положение о том, что человеческое развитие должно конкретизироваться с учетом специфических местных условий¹, авторы считают, что анализ занятости и доходов населения Тувы и Башкортостана, их сравнение между собой и с общероссийскими показателями и тенденциями позволят понять причины имеющихся проблем, продвинуться в поиске решений по ускорению/стабилизации социально-экономического роста и расширить взгляды на подходы к совершенствованию социальных разделов стратегий и концепций развития регионов.

Методология

Наличие работы и материальное благополучие — это основа человеческого развития, обеспечивающая чувство стабильности и защищенности, возможность планировать и инвестировать в будущее. Занятость и доходы являются первыми из 11 ключевых измерений человеческого благополучия, применяемых в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)². При этом, в контексте концепции человеческого развития важно анализировать показатели, которые максимально приближены к человеку, а не абстрактные и усредненные макроэкономические показатели.

Комбинация статистических и социологических показателей позволяет, на наш взгляд: реализовать более полный и глубокий анализ проблем, выявить их региональную и этническую специфику,

¹ Доклад о развитии человека 2010 года. Реальное богатство народов: пути к развитию человека [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций, 2010. URL: <https://un.org/ru/development/hdr/2010/> (дата обращения: 29.06.2022).

² Measuring well-being and progress [Электронный ресурс] // Organisation for Economic Co-operation and Development. 2020. URL: <https://oecd.org/sdd/OECD-Better-Life-Initiative.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

интерпретировать причины и факторы; провести сравнительные исследования качества жизни и в других регионах России.

Для выявления проблем *занятости* в каждом из регионов проанализированы уровень экономической активности населения, структуры занятых (по видам экономической деятельности; по статусу в занятости; по типу трудового договора) и безработных, далее эти объективные показатели обогащены субъективными оценками возможностей на региональных рынках труда, информацией о причинах незанятости лиц трудоспособного возраста.

Объективные статистические данные о среднедушевых доходах (номинальных, реальных, располагаемых, медианных), их структуре и распределении, уровнях бедности и социально-экономической дифференциации населения дополнены субъективными оценками населения о фактическом материальном положении и его динамике, об ожиданиях и уверенности в стабильности источников доходов.

Субъективные (социологические) индикаторы, по возможности, анализировались в разрезе наиболее многочисленных этнических групп: тувинцы и русские в Туве; башкиры, татары и русские — в Башкортостане.

Занятость населения Тувы и Башкортостана

Структура, объем и состояние экономики во многом определяют ключевые характеристики занятости населения. Так, например, исследователи отмечают, что низкие уровни доходов и безработица в Республике Тыва связаны с высокой долей бюджетного сектора, узкой экономической специализацией региона, инфраструктурными, природными и другими ограничениями (Севек и др., 2017; Самба, 2020: 47).

По оценке исследователей ядром среднего класса Республики Тыва являются работники госсектора (государственное управление, здравоохранение, образование), в котором занято от 42% до 48% работающего населения¹ (Севек и др., 2017). Подтверждение высокой доли занятых в этом секторе мы находим и по данным Росстата, согласно которым за 2020 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления в расчете на 1000 человек занятых в экономике в Туве составляла максимальное значение среди всех регионов России — 88,6 человек (в целом по стране — 33,5 человек, в Башкортостане — 30,4 человек)².

Распределение занятых по видам экономической деятельности в Туве показывает, что более 30% рабочих мест приходится на менее производительные (а значит менее оплачиваемые), но трудоемкие отрасли сельского (лесного) хозяйства, обрабатывающих производств, торговли и ремонта автотранспортных средств, транспортировки и хранения, гостиничного бизнеса и общепита, водоснабжения и водоотведения³. Наиболее производительные отрасли, на долю которых приходится 36,4% ВРП, обеспечивают всего 10,3% рабочих мест. К этим видам относятся добыча полезных ископаемых (3,8% рабочих мест), строительство (4,1%), деятельность по операциям с недвижимым имуществом (1,2%), деятельность в области информации и связи (1,2%).

К сожалению, из-за небольшого объема выборки и заметного смещения в сторону занятых в науке и образовании, данные социологического исследования «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Тыва» (2021) не позволяют точно показать распределение работающего населения Тувы по видам экономической деятельности в разрезе этнических групп и ответить на вопрос, в какой этнической группе больше доля занятых на высокопроизводительных рабочих местах. Тем не менее заметим, что тувинцы представлены практически во всех видах экономической деятельности (вероятно из-за большей представленности в выборке), в то время как

¹ Орехова И. М. Занятое и незанятое население Республики Тывы: потенциал и эффективность использования // ИНАБ. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. 2019. С. 37. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.3>

² Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на 1000 человек занятых в экономике [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191> (дата обращения: 27.07.2022).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник / Росстат. М., 2021. С. 126-129.

среди респондентов русской национальности не оказалось лиц, занятых в пищевой промышленности, тяжелой промышленности, ЖКХ, здравоохранении, ИКТ, МВД и судебной системе. Доля занятых тувинцев в общей численности опрошенных этой национальности заметно выше в органах государственного и муниципального управления (6,7%) и в сфере культуры и искусства (6,1%), в то время как доля среди русских, работающих в этих сферах не превышает 1,6%. По сравнению с тувинцами, в структуре своей этнической группы выше доля русских в сфере услуг и бытового обслуживания (8% против 3,4%), легкой (непищевой) промышленности (3,2% против 0,4%), энергетике (3,2% против 0,3%), образовании и науке (57,2% против 60,6%).

В Республике Башкортостан структура экономики представлена более широким разнообразием видов деятельности, в том числе с высокой производительностью труда. Согласно данным Росстата, на долю более высокооплачиваемых отраслей экономики (которые формируют 46% ВРП) приходится 22,2% рабочих мест: обрабатывающие производства (15,4% рабочих мест), деятельность по операциям с недвижимым имуществом (2,8%), добыча полезных ископаемых (2,3%), деятельность в области информации и связи (1,7%). Более трудоемкие, но менее производительные отрасли, в которых занято около половины работающего населения Башкортостана — это торговля и ремонт автотранспортных средств (18,7%), строительство (9,7%), сельское (лесное) хозяйство (7,1%), гостиничный бизнес и общественное питание (2,8%), водоснабжение и водоотведение (1%), а также образование (7,4%) и деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (6,7%)¹.

Согласно данным социологического исследования «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Башкортостан» (2021)» в распределении этнических групп в структуре занятости также имеются некоторые различия. В структуре работающих башкир выше доля занятых в образовании и науке, культуре и искусстве, МВД, органах безопасности и судебной системе по сравнению со всеми другими этническими группами. Доля татар по сравнению с башкирами и русскими выше среди занятых в сферах услуг, финансов, страхования, ЖКХ; русские чаще, чем татары и башкиры встречаются в машиностроении и ИКТ.

Наши приблизительные расчеты средневзвешенных заработных плат с учетом распределения по видам экономической деятельности² показали, что различий между тувинцами и русскими в Туве, а также башкирами, русскими и татарами в Башкортостане по этому показателю практически нет.

Согласно данным Росстата, уровень занятости населения³ Тувы один из самых низких в стране (ниже только в республиках Дагестан, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкессия) и составляет около 49,2%, что означает, что каждый второй житель Тувы трудоспособного возраста не имеет оплачиваемую работу, как по письменному, так и устному трудовому договору. Социологические исследования, проведенные в анализируемых республиках, показали примерно такие же распределения: доля трудоспособных неработающих лиц в Туве в 2020 г. составляла 47,7%, а доля имеющих постоянную работу — 45,3%. Среди тувинцев имеющих постоянную работу было меньше (42,1%), чем среди русских (60,5%).

Неработающими могут быть как безработные, так и другие лица, не занятые трудовой деятельностью за оплату или прибыль. По определению Международной организации труда, безработными являются лица, находящиеся в поиске работы и готовые приступить к ней в ближайшее время. Специфика Тувы в том, что в регионе много и тех, и других. Таким образом, значительная доля неработающих в Туве объясняется: 1) относительно высокой долей самодостаточных, нерегистрируемых как субъекты экономической деятельности домашних хозяйств и общин (преимущественно тувинских), где распространены традиционные формы занятости и профессии⁴; 2) высоким уровнем безработицы

¹ Там же.

² Средняя заработная плата по виду деятельности соотносилась с долей занятых в структуре этнической группы. В расчетах использованы последние опубликованные данные по заработной плате в регионах — за 2019 г. Данные по распределению занятых по видам экономической деятельности внутри этнической группы были получены из социологических исследований в республиках. Данные о среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций по видам экономической деятельности в республиках. См.: Статистический ежегодник Республики Тыва, 2020 : стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. С. 93–94; Труд и занятость в Республике Башкортостан: Статистический сборник / Башкортостанстат. Уфа, 2020. С. 98–99.

³ Доля занятого населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения трудоспособного возраста.

⁴ Голенкова З. Т., Самба А. Д.-Б. Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // ИНАБ. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. 2019. С. 9. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.1>

(в том числе застойной)¹, хотя в 2018–2019 гг. наблюдались хорошие темпы ее сокращения; 3) значительной иждивенческой нагрузкой детьми на женщин (Анайбан, 2020b: 286, 291).

В Башкортостане имели постоянную работу 61% респондентов, 25% — не работали. Доля незанятых в экономике лиц трудоспособного возраста в обеих республиках выше, чем в целом по России. Причинами невысокого уровня занятости в Башкортостане могут также быть существенные доли сельского населения, семей с детьми, а также сложности с занятостью в сельской местности и в малых городах (Малые города России ... , 2021) и др. Среди башкир и татар доля имеющих постоянную работу (58–60%) чуть меньше, чем среди русских (62,5%), что может быть связано с отмеченными причинами — большей их представительностью в сельских поселениях и большим средним числом детей в семьях.

Социологические данные свидетельствуют о том, что в Туве сложнее найти работу. Около 31% трудоспособных, но неработающих респондентов в Туве указали, что не могут найти работу по одной из причин: нет работы по специальности (7%), с хорошей заработной платой (13,3%) или с удобным графиком (10,3%). В Башкортостане таковых меньше — 24,9%, при этом каждый пятый (21,7%) трудоспособный, но неработающий респондент заявил, что не работает, «так как обеспечен всем необходимым». В Туве по причине обеспеченности не работает только 5,7% этой группы населения.

Особенностью Тувы являются заметно более высокие показатели мужской безработицы, уровни которой вдвое выше женской. Спецификой рынка труда Башкортостана является высокая распространенность вахтовой занятости за пределами республики, которая частично решает проблему безработицы в регионе. Исследователи Тувы, напротив, отмечают, что республика «имеет один из самых низких показателей миграционной подвижности населения трудоспособного населения», хотя и, также как Башкортостан, является в целом донором трудовых ресурсов, а не реципиентом (Бадмаева, Натсак, 2021: 191). Если в Туве доля выезжающих на работу в другие субъекты РФ в процентах к численности занятого населения в 2019 г. составляла 1%, то в Башкортостане — 8,3% (там же: 192).

Уровень общей безработицы до пандемии имел благоприятную сокращающуюся тенденцию как в целом по стране, так и в Туве, и в Башкортостане. Вместе с тем, несмотря на преобладающий бюджетный сектор (который позволил сохранить рабочие места в России и Башкортостане), рынок труда Тувы отреагировал значительным ростом безработицы в период пандемии (диаграмма 1).

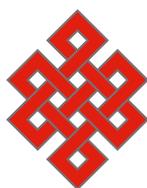

Диаграмма 1. Уровень безработицы мужчин и женщин в России, Республике Башкортостан и Республике Тыва в 2017–2020 гг., в %²

Diagram 1. The unemployment rate of men and women in Russia, the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tuva in 2017–2020, in %

¹ Уровень хронической безработицы (доля ищущих работу 12 месяцев и более) в 2020 г. в Туве составлял 47,1%, в Башкортостане — 19,9% от числа безработных. Источники: 1) Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2020 г. : доклад № 1.37.2РТ. Красноярскстат: Кызыл, 2021. С. 74; 2) Республика Башкортостан в цифрах : стат. сб. Башкортостанстат: Уфа, 2021. С. 40.

² Построено авторами по данным: Труд и занятость в России. 2020: Информация в разрезе субъектов Российской Федерации. Приложение к сборнику / Росстат. М., 2020.

При сравнении рынков труда двух регионов наблюдаются существенные различия в составе занятых и безработных по уровню образования, которые в целом также являются отражением структуры экономики и рабочих мест. Так, по данным Росстата, в структуре рабочей силы Тувы довольно высоки доли лиц с высшим образованием (34,2% в 2021 г.) и, одновременно лиц, не имеющих профессионального образования (23,7%). В Башкортостане доля лиц без профессионального образования в структуре рабочей силы существенно ниже (15,2%), при этом значима доля лиц со средним профессиональным образованием (54,5%, что на 12,4% меньше чем в Туве).

Соответственно, при более высокой доле лиц без профессионального образования в Туве, высшее образование становится фактором, повышающим положение индивида на рынке труда. В Башкортостане наблюдается избыток лиц с профессиональным образованием (как с высшим, так и средним), что отражается и в более высоком их представительстве в структуре безработных.

В 2021 г. по данным Обследования рабочей силы (ОРС) (Росстат) в структуре безработных Тувы высшее образование имели всего 16,6%, среднее профессиональное — 41,9%, 41,5% — не имеющие профессионального образования. В Башкортостане доля безработных, имеющих высшее и среднее профессиональное образование существенно выше, чем в Туве — 20,3% и 57,2%, а доля не имеющих профессионального образования ниже — 22,5%.

Что касается занятости в неформальном секторе экономики, то в обеих рассматриваемых республиках ее уровень выше среднероссийского. Так, в 2020 г. по результатам ОРС (Росстат) в Башкортостане занятые в неформальном секторе составляют 24,2% от общей численности занятого населения, в Туве данный показатель несколько ниже и составляет 23,1% при среднероссийском уровне — 20,0%. Однако, данные социологических опросов населения республик показывают, что в Башкортостане респонденты чаще указывали, что работают на основе устных договоренностей без оформления в трудовой книжке — 12,6% опрошенных (башкиры — 13,3%, русские — 13,2%, татары — 10%). В Туве работали на основе устных договоренностей без оформления трудовой книжки 5,6%, в том числе среди тувинцев — 6,2%, среди русских — 1,5%. Безусловно, данные существенно различаются из-за методик подсчета. Вместе с тем оба источника свидетельствуют о том, что уровень неформальной занятости выше в Республик Башкортостан. Это, на наш взгляд, может быть обусловлено как большей развитостью сектора услуг в Башкортостане, создающей возможности для неформальной занятости и подработок, так и недоучетом неформального сектора экономики в Туве.

Таким образом, данные нашего социологического исследования и анализ статистических данных свидетельствуют о том, что наибольшее число рабочих мест создается и поддерживается в Туве бюджетным сектором, который в целом создает спрос на рабочую силу с высшим уровнем образования. При этом, практически половина трудоспособного населения Тувы не имеет оплачиваемую работу, что может быть обусловлено высоким уровнем безработицы, демографической структурой населения, а также занятостью в личных подсобных хозяйствах. Последнее объясняет относительно высокую долю рабочей силы, не имеющей профессионального образования. В Башкортостане в связи с более высоким спросом на рабочие специальности, подавляющая часть рабочей силы имеет среднее профессиональное образование, отмечается избыток лиц с высшим образованием.

Наиболее производительные отрасли экономики Тувы обеспечивают всего лишь десятую часть рабочих мест, в Башкортостане — более 20%. Вместе с тем доля низкооплачиваемых рабочих мест в Башкортостане выше, чем в Туве, что на наш взгляд, обусловлено высокими долями госсектора в Туве и частного в Башкортостане.

К сожалению, данные социологического исследования, из-за большого смещения выборки в сторону занятых в сфере образования и науки и относительно небольшого числа остаточных наблюдений не позволяют сформулировать убедительные выводы об этнических особенностях занятости в Республике Тыва и сравнить их с данными по Республике Башкортостан. Можно отметить только, что титульные этносы чаще других представлены в сферах культуры и искусства. Данные опроса в Туве показали также, что спектр видов занятости у тувинцев шире, чем у русских, но возможно, что такой результат получен из-за небольшого числа русских в самой выборке. Важным, на наш взгляд, является то, что несмотря на наличие этнических особенностей в распределении занятых по видам экономической деятельности в республиках, средневзвешенные заработные платы этнических групп в Туве и Башкортостане практически не различаются.

Доходы и материальное положение населения Тувы и Башкортостана

Согласно данным Росстата, Республика Тыва имеет одни из самых низких показателей среднедушевых денежных доходов (в месяц) среди субъектов РФ (83-е место из 85) — 17,6 тыс. рублей в месяц в 2020 г. В Республике Башкортостан его значение в 2020 г. — 30,1 тыс. рублей (33-е место), что ниже среднероссийского уровня 35,7 тыс. рублей в месяц.

В то же время, по размеру среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций Тува входит в тридцатку регионов, занимая 26 место среди субъектов РФ, опережая Башкортостан на 14 позиций: заработная плата в Туве по данным за 2020 г. выше, чем в Башкортостане на 5,4 тыс. рублей (табл. 1). При этом, в 2021 г. медианная заработная плата работников организаций в Туве составила 31,8 тыс. рублей, а в Башкортостане — 35,2 тыс. рублей. Относительно высокий уровень заработной платы в Туве формируется за счет северных районных коэффициентов и процентных надбавок. Однако, более половины занятого в экономике населения Тувы, получает зарплату, ниже чем в Башкортостане.

Таблица 1. Динамика отдельных индикаторов материального благополучия населения в Туве, Башкортостане и России в целом, 2010–2020 гг.¹

Table 1. Dynamics of particular indicators of the material well-being of the population in Tuva, Bashkortostan and Russia as a whole, 2010–2020

Тува			Башкортостан			Российская Федерация		
годы			годы			годы		
2010	2015	2020	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Медианный среднедушевой денежный доход населения, тыс. руб. в месяц								
-	12,3	15,2	-	20,4	23,2	-	22,6	27
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб.								
17,5	28,3	44,1	16,4	25,9	38,7	20,9	34	51,3
Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, руб.								
7833	11987	14694	7102	11835	15284	8321	13028	16687
Соотношение доходов со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг, раз								
1,30	1,30	1,20	2,46	2,31	1,97	2,27	2,33	2,14

За период с 2010 по 2020 гг. в Башкортостане реальная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась на 33,3%, в Туве — на 41,5%; реальные располагаемые денежные доходы населения Башкортостана за рассматриваемый период, напротив, сократились на 9,0%, в Туве — на 10,3%.

При примерно одинаковой стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в республиках, покупательская способность среднего душевого дохода в 2020 г. в Туве составляет всего 1,2 набора, а Башкортостане — почти два набора (таблица 1). Заметим, что в последнее десятилетие в рассматриваемых регионах, как и в России в целом, стоимость товаров и услуг росла опережающими темпами, несмотря на рост номинальных доходов и заработных плат (более чем в 1,7 раз).

¹ Составлено авторами по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.02.2022); Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система. 2021, 9 февраля. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31052> (дата обращения: 15.02.2022).

В структуре денежных доходов населения, как Тувы, так и Башкортостана, наибольший удельный вес занимает оплата труда наемных работников. Но в целом структура денежных доходов рассматриваемых регионов существенно различается. По данным ведомственной статистики Росстата, в структуре доходов населения Тувы наибольшую долю занимает оплата труда наемных работников — 53,1% (2020 г.), другим значимым источником являются различные социальные выплаты — 40,8% (2020 г.). Доходы от предпринимательства составляют около 5,2% (2020 г.), другие виды доходов незначительны. В Башкортостане оплата труда наемных работников в общей структуре доходов населения в 2020 г. составила 47,5%, примерно одинаковый удельный вес имеют прочие денежные поступления и социальные выплаты, доходы от собственности и предпринимательства составили 6,5% (таблица 2).

Таблица 2. Структура денежных доходов населения Тувы и Башкортостана, 2010–2020 гг., в %
Table 2. Structure of monetary incomes of the population in Tuva and Bashkortostan, 2010–2020, in %

Источник дохода	Тува			Башкортостан		
	годы			годы		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Оплата труда наемных работников	45,6	50,8	53,1	29,7	40,9	47,5
Доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности	11,5	8,5	5,2	12,7	4,9	3,6
Социальные выплаты	27,5	31,8	40,8	15,0	16,4	22,7
Доходы от собственности	0,8	0,9	0,7	2,2	2,3	2,9
Прочие денежные поступления	14,6	7,9	0,2	40,4	35,5	23,3

В обеих республиках за 2010–2020 гг. выросли доли оплаты труда и социальных выплат: в Туве доля оплаты труда выросла на 7,5%, социальных выплат — на 13,3%; в Башкортостане — на 17,8% и 7,7% соответственно. Доходы от собственности сохранились практически на прежнем уровне, но доходы от предпринимательства существенно сократились: в Туве — в 2,2 раза в Башкортостане — в 3,5 раза. Высокий уровень бедности и распространенность многодетных семей в Туве обуславливают значительные объемы социальных расходов.

Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) (Росстат) за 2020 г., собранные путем обследования самого населения, в целом подтверждают, что основными источниками доходов являются заработная плата и социальные трансферты населению в виде пенсий и различных пособий. При этом, в Туве доля пособий на детей выше, чем в Башкортостане, а пенсий — ниже, что обусловлено более молодой структурой населения (таблица 3).

Таблица 3. Источники средств к существованию, 2020 г., доля домохозяйств, отметивших данный источник дохода, %
Table 3. Sources of livelihood, 2020, percentage of households that have noted this source of income, %

Название источника дохода	Тува	Башкортостан
Заработная плата от работы по найму	61,6	59,2
Пенсии всех видов	46,8	55,6
Пособие на детей и другие пособия	34,7	21,9
Деньги и подарки от родственников и других частных лиц	16,7	19,3
Доходы от личного подсобного хозяйства	9,7	5,1
Доходы от предпринимательской деятельности	5,6	3,5
Пособие по безработице	5,1	2,7
Стипендии	1,4	2,8
Денежные субсидии, компенсации, льготы	0,9	22,0
Налоговые вычеты	-	17,3
В домохозяйстве только один источник средств к существованию	32,4	28,2

Прим.: респонденты могли указывать несколько источников дохода, поэтому сумма по столбцам не равна 100%.

¹ Составлено авторами по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

² Составлено авторами по итогам Комплексного наблюдения условий жизни населения, 2020.

Значительный вес пособий в структуре доходов жителей Тувы связан также с низким уровнем жизни и высоким уровнем бедности населения. Из *таблицы 4* также видно, что в Туве довольно высока значимость личных подсобных хозяйств как источников дохода населения. При этом население Тувы практически не указало денежные субсидии, компенсации, льготы и налоговые вычеты в качестве источников дохода, в Башкортостане они являются частью доходов каждого 5–6 домохозяйства¹. Это может свидетельствовать о большей информированности и финансовой грамотности населения, а также развитости программ социальной поддержки уязвимых слоев населения в Башкортостане. Не углубляясь в вопрос о финансовой грамотности населения отметим, что исследователи отмечают эту проблему как актуальную для республики Тыва² (Натсак, 2022b: 188). Для справедливости необходимо отметить, что и в РБ она является актуальной (Булатова, 2020).

В соответствии с концепцией абсолютной бедности, применяемой в российской статистике, к бедным относятся лица, имеющие доходы ниже уровня прожиточного минимума (ПМ). Величина ПМ на душу населения в 2020 г. в Республике Тыва составила 8846 руб., что всего на 201 рубль больше, чем в Республике Башкортостан (в 2022 г. ПМ в Туве установлен на уровне 12070 руб., в Башкортостане — 11009 руб.). Вместе с тем уровень бедности в Туве выше, чем в Башкортостане более чем в три раза, учитывая соотношение этой величины со среднедушевыми доходами населения (*таблица 4*).

Таблица 4. Показатели бедности в Туве и Башкортостане, 2010–2020 гг.³

Table 4. Poverty indicators in Tuva and Bashkortostan, 2010–2020

Тува			Башкортостан			Российская Федерация		
годы			годы			годы		
2010	2015	2020	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Уровень бедности, %								
29,6	36,9	34,1	12,1	13,0	11,7	12,5	13,4	12,1
Величина прожиточного минимума на душу населения, рублей								
4565	6970	8846	3939	6513	8645	4780	7161	9311
Соотношение доходов с величиной прожиточного минимума, раз								
2,23	2,24	1,99	4,44	4,19	3,48	3,95	4,23	3,83

Из *таблицы 4* видно, что бедность в Туве, в отличие от Башкортостана и России в целом, выросла в 2020 г. по сравнению с 2010 г. и составила более трети населения. При этом среднедушевые доходы населения Тувы обеспечивают неполные две величины ПМ, в Башкортостане — около 3,5. Наиболее высокие показатели бедности в Туве отмечались в 2016 г. (37,8%), в Башкортостане — в 2015 г. (13%). В последующие годы в рассматриваемых регионах отмечается небольшое ежегодное снижение.

Субъективное восприятие бедности населения, исходя из критерия депривации, выше уровня официальной бедности. Так, если за критерий бедности брать первые две группы респондентов («денег не хватает даже на питание», «денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения»), то уровень бедности в Туве по данным опроса составляет 47,8% (в 1,3 раза больше официального уровня), в том числе у тувинцев 51,5%, русских — 26,5%. В Башкортостане уровень субъективной бедности составляет 16,0% (в 1,4 раза больше официального уровня), особых различий в уровне бедности в этническом разрезе не выявлено: у башкир и русских — 15,8%, татар — 16,4%, других национальностей — 16,0% (*таблица 5*).

¹ По методике опроса респонденты выбирают ответы из конкретного перечня источников дохода.

² Голиусова Ю. В., Кефели В. Б. Финансовое поведение населения Республики Тыва // ИНАБ. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. 2019. С. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.5>

³ Составлено авторами по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

Таблица 5. Субъективные оценки материального положения населения в Туве и Башкортостане, 2021 г., в % от числа опрошенных
Table 5. Subjective evaluations of the financial situation of the population in Tuva and Bashkortostan, 2021, in % of the number of respondents

Оценка материального положения	Тува				Башкортостан				
	тувинцы	русские	другие	всего	башкиры	русские	татары	другие	всего
Денег не хватает даже на питание	8,8	1,4	5,9	7,8	2,4	1,9	2,7	0,0	2,2
Денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения	42,7	25,1	32,3	40,0	13,4	13,9	13,7	15,2	13,8
Денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить, например, новый холодильник или стиральную машину	33,6	46,7	47,2	36,1	35,2	38,1	36,3	32,6	36,6
Денег достаточно для покупки, например, холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль	8,4	18,1	3,7	8,9	30,7	26,9	30,5	39,1	29,5
Денег достаточно почти на все, за исключением покупки квартиры или дома	4,8	8,0	9,3	5,5	9,6	10,7	9,8	10,9	10,1
Мы не испытываем финансовых затруднений. При необходимости можем купить квартиру или дом	0,7	0,7	-	0,6	4,5	4,0	4,3	0,0	4,1
Затрудняюсь ответить	1,0	-	1,6	1,1	4,2	4,5	2,7	2,2	3,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Распределение ответов на вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год» показало, что в Башкортостане значительно улучшилось материальное положение у 9,4% опрошенных (в том числе у 8,4% башкир, 10,5% русских, 7,9% татар), а в Туве — у 6,2% опрошенных (у 6,4% тувинцев, 4,7% русских). В то же время материальное положение ухудшилось («немного» и «значительно») за последний год у 23,5% респондентов из Башкортостана (у 20,0% башкир, 22,5% русских, 28,4% татар) и у 19,7% респондентов из Тувы (у 19,0% тувинцев, 23,3% русских). Несмотря на кажущуюся скромную динамику улучшения или ухудшения материального положения населения в Туве, в обеих республиках доля тех, чье материальное положение за год, предшествующий опросу ухудшилось, превышает тех, у кого улучшилось (в 2,6 раз — в Башкортостане, в 3,2 раза — в Туве). В этническом разрезе титульные этносы республик меньше ощутили ухудшение в своем материальном положении (возможно, из-за того, что они в основном проживают в сельской местности и работают в организациях госсектора).

Распределение населения по уровню материального положения, по итогам социологического опроса в республиках, в целом подтверждается данными Росстата за 2020 г. Так, население Тувы в основном сосредоточено в группах с низким уровнем дохода: максимальная доля населения 18,6% приходится на доходную группу от 10 до 14 тыс. рублей и 18,0% — на группу от 14 до 19 тыс. рублей. В то время как в Башкортостане максимальная доля населения (23,7%) приходится на доход в интервале от 27 до 45 тыс. рублей (диаграмма 2).

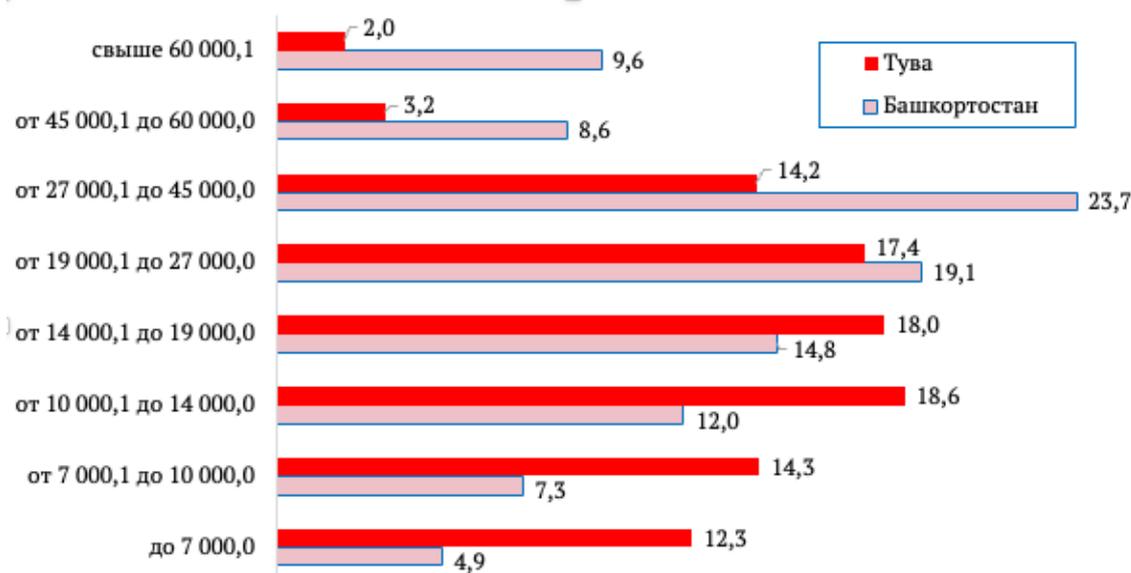

Диаграмма 2. Распределение численности населения Башкортостана и Тувы по величине среднедушевых денежных доходов в 2020 г., руб. в месяц, в %¹
 Diagram 2. Distribution of the population of Bashkortostan and Tuva by the amount of per capita monetary income in 2020, rubles per month, in %

Относительно высокая концентрация населения в нижних доходных группах обуславливает невысокий уровень социального расслоения в Республике Тыва. Так, коэффициент фондов, характеризующий соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами в Тыве составил 11,1 раз. В Башкортостане значение коэффициента в 2020 г. составляло 13,6 раз, в России — 14,8 раз.

На наш взгляд, недостаточно развитые экономические отношения (низкий уровень развития предпринимательства, участия в разделении труда) в Тыве обуславливают несколько меньшую от них зависимость и обеспокоенность населения стабильностью своего материального положения, чем в Башкортостане. Считают, что могут потерять источник своего дохода (работу или собственное дело) 27,0% опрошенного населения Тывы (27,9% тувинцев, 26,8% русских), в Башкортостане — 36,0% (32,2% башкир, 33,3% русских, 43,1% татар). В этническом разрезе различия по данному показателю в Тыве незаметны, в Башкортостане большую нестабильность испытывают татары, что может быть связано с их большей предпринимательской активностью и кризисом 2020 г.

В плане ожиданий изменения материального положения в течение ближайшего года, население Башкортостана настроено более пессимистично. Доля респондентов, уверенных в снижении своих доходов в ближайшем будущем в Башкортостане (14,4%, среди башкир 11,6%, русских 13,1%, татар 20,4%) значительно больше, чем в Тыве (6,4%, среди тувинцев 6,2%, русских 7,9%).

Анализ доходов и материального положения населения республик показал, что уровень доходов в Тыве значительно ниже, чем в Башкортостане. Доходы от трудовой деятельности и социальные трансферты составляют 99,1% всех доходов населения Тывы и 73,8% доходов населения Башкортостана.

Несмотря на то, что среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций в Тыве существенно выше и росла более высокими темпами, чем в Башкортостане, высокую заработную плату получает ограниченное число лиц, что отражается на ее низком медианном показателе.

За 2010–2020 гг. существенно выросла доля социальных выплат в структуре доходов населения республик, но при этом сократились доходы от предпринимательства. В Башкортостане значительная

¹ Источник: построено авторами по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. С. 234–235. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.02.2022)

часть предпринимательских доходов могла трансформироваться в «прочие денежные поступления» (т. е. «ушли в тень»), в Туве, как показывают данные Росстата, такого не произошло. Вместе с тем, в Туве значительную роль в поддержании уровня жизни играют личные подсобные хозяйства (для каждого 10 домохозяйства).

Несмотря на более высокие темпы роста заработных плат и социальных пособий, уровень бедности в Туве остается высоким. Покупательная способность среднедушевых доходов в Туве примерно на 80% ниже, чем в Башкортостане. Субъективное восприятие бедности в обеих республиках выше, чем официальная в 1,3–1,4 раза. В этническом разрезе уровень бедности тувинцев в два раза выше, чем у русских, проживающих в Туве. Башкортостане, межэтнические различия по уровню жизни практически не заметны. Низкий уровень жизни и участия в рабочей силе отражаются и на том, что жители Тувы меньше отмечают и ожидают изменений в своем материальном положении. Жители Башкортостана больше зависят от наличия работы и их ответы более пессимистичны в отношении будущего.

Заключение

В человеческом развитии ключевое значение имеет процесс расширения возможностей каждого члена общества, независимо от пола, этнической и религиозной принадлежности и других независимых от него признаков. В контексте данного исследования анализировалось положение граждан России, проживающих в Республике Тыва и Республике Башкортостан, различающихся по социально-экономическому потенциалу, моделям социокультурного развития и находящимся в разных геоклиматических условиях.

Общим для рассматриваемых республик является тот факт, что в их внутреннем социальном и экономическом пространстве, в отличие от большинства других субъектов РФ, определенную значимость имеет этнический фактор. Как показывает анализ, этнические различия в республиках в целом не носят явный дискриминационный характер, а являются в большей степени объективным следствием социокультурных и расселенческих факторов. В нашем исследовании этнический фактор проявляет себя в уровне экономической активности трудоспособного населения, которая связана с социально-демографическими установками и особенностями расселения этнических групп. Вместе с тем, в Республике Тыва, этнические особенности занятости проявляются ярче, и должны быть изучены более глубоко и целенаправленно. Выборка, репрезентирующая население в целом, с недостаточным количеством наблюдений для анализа занятости по основным видам деятельности, недостаточное число лиц русской национальности, не позволила это сделать в данной работе. Вместе с тем, отметим, что в обеих республиках отчетливо проявляется «этническая ниша» в сфере культуры и искусства. Титульные этносы также более представлены в бюджетных секторах экономики (в Туве — в сфере государственного управления и образования, в Башкортостане — образование, культура, здравоохранение).

В обеих республиках отмечается растущая нестабильность на рынке труда, относительно высокий уровень неформальной занятости, сокращение реальных доходов населения, которые обуславливают высокие показатели неуверенности в будущем. Сокращение доли доходов от предпринимательской деятельности и рост доли социальных трансфертов в структуре доходов населения, на наш взгляд, также является признаком снижения экономической самостоятельности региона. Как в Туве, так и в Башкортостане менее всего оценивается удовлетворенность возможностями на рынке труда, тогда как проблемы материального положения воспринимаются чуть менее остро.

Вместе с тем, отмечаются достаточно большие различия регионов в контексте уровня жизни населения и возможностей на рынке труда.

На рынке труда в Республике Тыва недостаточно возможностей для занятости населения. Слаборазвитая структура экономики, предпринимательства и сферы услуг, обуславливают гипертрофированный госсектор, в котором занята почти половина работающего населения. В то же время высока доля неработающего населения, не только по причине дефицита рабочих мест, но и в связи с их несоответствием полученному образованию, невысокой заработной платой, низкой трудовой мобильностью населения, сохранением традиционного образа жизни и форм занятости. Последнее, на наш взгляд, связано также с малым числом городов, неразвитостью городского образа жизни, большим расстоянием крупных городских поселений друг от друга и редкой сетью транспортной инфраструктуры между городом и селом.

Реализация «майских указов» Президента РФ¹ по повышению зарплат бюджетников, увеличению пенсий и пособий по уходу за детьми существенно сокращают разрыв в уровне жизни между жителями Тувы и Башкортостана. Однако, медианный уровень доходов населения Тувы остается низким, среднедушевой доход обеспечивает в два раза меньший уровень потребления основных товаров и услуг, а уровень бедности в последние годы снова увеличился. Все это сокращает возможности, консервирует процесс человеческого развития. Для обеспечения позитивных сдвигов, необходимы действенные меры по развитию самостоятельности региона, повышению числа высокопроизводительных рабочих мест и экономической активности населения.

Положение жителей Башкортостана, безусловно, лучше, что обусловлено более развитой структурой экономики и разнообразием рабочих мест, более высокой вовлеченностью населения в трудовую деятельность. Вместе с тем, это обуславливает большую зависимость от общеэкономической конъюнктуры и ситуации на рынке труда, которая в последние годы характеризуется большей неопределенностью и меньшим уровнем социальной защищенности, сокращением рабочих мест в организациях. Это отражается в более пессимистичных ожиданиях как в материальном плане, так и в страхе потерять работу. Относительно невысокий официальный уровень безработицы по методологии МОТ объясняется занятостью в неформальном секторе экономики и большими масштабами выезда на работу за пределы региона. Индикаторы материального благополучия населения за последнее десятилетие отражают стагнацию и даже некоторое ухудшение, в особенности по показателям доходов. Отмечается существенное сокращение реальных доходов населения на фоне роста стоимости жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Анайбан, З. В. (2020a) Динамика изменения материального положения жителей современной Тувы // Национальная ассоциация ученых. № 54–2 (54). С. 11–15. DOI: <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.2.54.198>

Анайбан, З. В. (2020b) Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве // Вестник Института востоковедения РАН. № 2. С. 284–293. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. № 35 (434). С. 22–32.

Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Колмаков, И. Б., Одинцова, Е. В., Черных, Е. А. (2021) Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2020 год. М. : Фабрика офсетной печати. 116 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021>

Булатова, А. И. (2020) Роль и значение финансовой грамотности населения для эффективного развития экономики России на примере Республики Башкортостан // Научный результат. Экономические исследования. Т. 6. № 4. С. 98–109. DOI: <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-11>

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». URL: <https://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения: 29.07.2022); Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70170932/> (дата обращения: 29.07.2022).

- Валиахметов, Р. М. (2015) Проблемы развития человеческого потенциала Республики Башкортостан // Социологические исследования. № 8 (376). С. 50–55.
- Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Утяшева, И. Б. (2018) Возможности и перспективы социологического измерения человеческого потенциала (на примере Республики Башкортостан) // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф. 472 с. С. 216–237. DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.10>
- Вишневикий, А. Г. (2019) Демография в национальных проектах: как определить приоритеты? // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 217. № 3. С. 100–119.
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Еременко, С. Л. (2014) Влияние этнической идентичности на экономическое поведение россиян // Общество и право. № 1 (47). С. 291–295.
- Жеребин, В. М., Романов, А. Н. (2002) Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 592 с.
- Заславская, Т. И. (2005) Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–16.
- Зубаревич, Н. В. (2014) Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. № 4 (478). С. 6–27.
- Иванов, О. И. (2018) Стратегия трансформации социального пространства развития человеческого капитала // Экономика и бизнес: теория и практика. № 12–1. С. 146–150. DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10237>
- Ирназаров, Р. И. (2016) Этничность в трудовой занятости населения Республики Башкортостан // Из прошлого в будущее: социальное развитие Республики Башкортостан и России : сборник науч. статей / отв. ред. Ф. Б. Бурханова. Уфа : РИЦ БашГУ. 188 с. С. 26–37.
- Кабашова, Е. В., Рафикова, Н. Т. (2008) Статистическое исследование доходов населения и их дифференциация в Республике Башкортостан. Уфа : Здоровоохранение Башкортостана. 127 с.
- Кадыров, С. Х. (2020) Проблемы измерения и оценки денежных доходов и бедности населения // Уфимский гуманитарный научный форум «Гуманитарная миссия обществознания на пороге нового индустриального общества» : сборник статей междунар. науч. форума / под ред. А. Н. Дегтярева, А. Р. Кузнецовой. Уфа : Слово. 726 с. С. 652–659. DOI: https://doi.org/10.47309/2713-2358_2020_5_652
- Кылгыдай, А. Ч. (2018) Методика к исследованию рынка труда региона: новые подходы // Социальная политика и социология. Т. 17. № 4 (129). С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40>
- Кылгыдай, А. Ч., Ойдулуп, Т. М. (2015) Особенности трудового поведения населения Республики Тыва // Региональная экономика: теория и практика. № 43 (418). С. 43–53.
- Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>
- Латов, Ю. В., Тихонова, Н. Е. (2021) Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. Т. 19. № 2. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27>
- Локозов, В. В. (2017) Социодемографическое развитие России: динамика и риски для рынка труда // Экономика и управление. № 11 (145). С. 31–36.
- Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы (2021) / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина и др. ; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин. М. : ФНИСЦ РАН. 598 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>
- Натсак, О. Д. (2022a) Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.10>
- Натсак, О. Д. (2022b) Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований) // Власть. Т. 30. № 1. С. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>
- Овчинников, В. Н., Колесников, Ю. С. (2006) Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 118–123.
- Печура, О. В. (2010) Этноэкономика региона: теоретико-методологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. № 3 (184). Экономика. Вып. 24. С. 56–60.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2018) Этнокультура и экономика: синергия возможностей // Эко. Т. 48. № 5 (527). С. 8–27. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-8-27>
- Проблемы развития человеческого потенциала (2017) / под общ. ред. Г. М. Россинской. М. : Экономика. 327 с.

Разумова, Т. О. (2019) Эволюция концепции «Достойный труд» // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сборник статей Международного форума / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир печати. 491 с. С. 164–169.

Римашевская, Н. М. (2004) Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // Российский экономический журнал. № 9–10. С. 22–40.

Рымарева, А. С. (2007) Влияние национальных и религиозных особенностей среды хозяйствования на формирование модели экономического поведения // Проблемы современной экономики. № 2 (22). С. 416–420.

Самба, А. Д.-Б. (2020) Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1 (151). С. 47–50. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Себек, В. К., Сотников, А. И., Манчык-Сат, Ч. С., Чульдун, А. Э., Серээжикпей, А. А. (2017) Мониторинг и прогноз основных показателей уровня жизни населения Республики Тыва // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 7. № 7А. С. 100–119.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность (2002) / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Academia. 480 с.

Соян, Ш. Ч. (2020) Условия трудоустройства в Республике Тыва в оценках населения // Социологические исследования. № 6. С. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009651-9>

Соян, Ш. Ч., Чолдаглова, А. В. (2021) Анализ бедности в Республике Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1–2 (71). С. 132–136. DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1084>

Суринов, А. Е., Луппов, А. Б. (2021) Влияние региональных различий стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // Экономика региона. Т. 17. № 3. С. 814–827. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>

Туракаев, М. С. (2022) Этноразноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Шайдуллина, Р. М., Степанова, Р. Р. (2020) Основные тенденции социально-экономического неравенства и уровня бедности населения на примере Республики Башкортостан // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 2. С. 92–100. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1004>

Юдин, Б. Г. (2018) О человеке, его природе и его будущем // Человек.Ru. № 13. С. 235–250. DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2018-13-235-250>

Akoz, K., Peren Arin, K., Zenker, Ch. (2021) On the labor market effects of salience of ethnic/racial disputes // Journal of Public Economic Theory. Vol. 24. Issue. 2. P. 348–361. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpet.12557>

Bol, Th., Lancee, B., Levels, M. (2014) Ethnic inequality in the labour market: The transferability of skills and degrees // XVIII ISA World Congress of Sociology : Book of abstracts. Yokohama. 1182 p. P. 104.

Granato, N., Kalter, F. (2001) Die Persistenz ethnischer Ungleichheit auf dem deutschen Arbeitsmarkt: Diskriminierung oder Unterinvestition in Humankapital? [The persistence of ethnic inequality in the German labor market: Discrimination or under-investment in human capital?] // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Vol. 53. No. 3. P. 497–520. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-001-0076-4>

Griffin, K., Knight, J. (1990) Human development and the international development strategy for the 1990s. L. : Macmillan. viii, 258 p.

Haller, M., Eder, A., Stolz, E. (2016) Ethnic stratification and patterns of income inequality around the world: A cross-national comparison of 123 countries, based on a new index of historic ethnic exploitation // Social Indicators Research. Vol. 128. No. 3. P. 1047–1084. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1069-4>

Kalter, F. (2008) Ethnische Ungleichheit auf dem Arbeitsmarkt // Abraham, M., Hinz, T. (eds) Arbeitsmarktsoziologie: Probleme, Theorien, empirische Befunde. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 374 p. P. 303–332. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-91192-2_10

Semyonov, M., Raijman, R., Yom-Tov, A. (2002) Labor market competition, perceived threat, and endorsement of economic discrimination against foreign workers in Israel // Social Problems. Vol. 49. Issue 3. P. 416–431. DOI: <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.3.416>

Sen, A. (1989) Development as capability expansion // Journal of Development Planning. No. 19. P. 41–58.

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2010) Mismeasuring our lives. Why GDP doesn't add up. N. Y. : The New Press. xxxii, 136 p.

Uzunöz, M., Yurdakul, A. (2018) The relation between ethnic identity of the Roma and labor market in Turkey // X International Balkan and Near Eastern Social Sciences Congress Series : Proceedings. Ohrid, Macedonia, October 27–28, 2018 / ed. by D. Nikoloski, D. K. Dimitrov, R. Yilmaz. Ohrid : The University "St. Kliment Ohridski". xxii, 638 p. P. 603.

Yuki, K. (2012) Stereotypes, segregation, and ethnic inequality. MPRA paper No. 39704 / University Library of Munich, Germany [Электронный ресурс] // Munich Personal RePEc Archive. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/39704/1/MPRA_paper_39704.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

Дата поступления: 27.05.2022 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Anaiban, Z. V. (2018) Trudovaia zaniatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoi Tuvy [Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Anaiban, Z. V. (2020a) Dinamika izmeneniia material'nogo polozheniia zhitelei sovremennoi Tuvy [Dynamics of changes in the financial situation of residents of contemporary Tuva]. *Natsional'naia assotsiatsiia uchenykh*, no. 54–2 (54), pp. 11–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.2.54.198>
- Anaiban, Z. V. (2020b) Dinamika razvitiia etnodemograficheskikh protsessov v postsovetskoii Tuvy [The dynamics of ethno-demographic processes development in post-Soviet Tuva]. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*, no. 2, pp. 284–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>
- Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Balakina, G. F. (2022) Riski razvitiia chelovecheskogo potentsiala etnicheskikh obshchestv Respubliki Tyva (1999–2021 gg.) [Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>
- Balakina, G. F. and Kylygdai, A. Ch. (2015) Issledovanie osobennostei rynka truda slabourbanizirovannogo regiona [Investigating the labor market specifics in the region with low rate of urbanization]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, no. 35 (434), pp. 22–32. (In Russ.).
- Bobkov, V. N., Guliugina, A. A., Kolmakov, I. B., Odintsova, E. V. and Chernykh, E. A. (2021) *Monitoring dokhodov i urovnia zhizni naseleniia Rossii — 2020 god* [Monitoring of incomes and living standards of the Russian population — 2020]. Moscow, Fabrika ofsetnoi pechati. 116 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021>
- Bulatova, A. I. (2020) Rol' i znachenie finansovoi gramotnosti naseleniia dlia effektivnogo razvitiia ekonomiki Rossii na primere Respubliki Bashkortostan [The role and significance of financial literacy of the population for effective development of the Russian economy on the example of the Republic of Bashkortostan]. *Research result. Economic Research*, vol. 6, no. 4, pp. 98–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-11>
- Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Valiakhmetov, R. M. (2015) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala Respubliki Bashkortostan [Human development issues in the Republic of Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8 (376), pp. 50–55. (In Russ.).
- Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R. and Utiasheva, I. B. (2018) Vozmozhnosti i perspektivy sotsiologicheskogo izmereniia chelovecheskogo potentsiala (na primere Respubliki Bashkortostan) [Opportunities and prospects of sociological measurement of human potential (by the example of the Republic of Bashkortostan)]. In: *Rossiia reformiruiushchasiia [Russia reforming]*: Yearbook. Issue 16 / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf. 472 p. Pp. 216–237. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.10>
- Vishnevskii, A. G. (2019) Demografiia v natsional'nykh proektakh: kak opredelit' priority? [Demography in national projects: How to determine priorities?]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 217, no. 3, pp. 100–119. (In Russ.).
- Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Eremenko, S. L. (2014) Vliianie etnicheskoi identichnosti na ekonomicheskoe povedenie rossiian [Influence of ethnic identity on economic behavior of the Russians]. *Obshchestvo i pravo*, no. 1 (47), pp. 291–295. (In Russ.).

Zherebin, V. M. and Romanov, A. N. (2002) *Uroven' zhizni naseleniia: osnovnye kategorii, kharakteristiki i metody otsenki* [The standard of living of the population: The main categories, characteristics and methods of assessment]. Moscow, UNITY-DANA. 592 p. (In Russ.).

Zaslavskaiia, T. I. (2005) Chelovecheskii potentsial v sovremennom transformatsionnom protsesse [Human potential in the modern transformation process]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 5–16. (In Russ.).

Zubarevich, N. V. (2014) Regional'noe razvitie i regional'naia politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]. *EKO*, no. 4 (478), pp. 6–27. (In Russ.).

Ivanov, O. I. (2018) Strategiiia transformatsii sotsial'nogo prostranstva razvitiia chelovecheskogo kapitala [Strategy of transformation of social space of human capital development]. *Journal of Economy and Business*, no. 12–1, pp. 146–150. DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10237>

Irnozarov, R. I. (2016) Etnichnost' v trudovoi zaniatosti naseleniia Respubliki Bashkortostan [Ethnicity in the employment of the population of the Republic of Bashkortostan]. In: *Iz proshlogo v budushchee: sotsial'noe razvitie Respubliki Bashkortostan i Rossii* [From the past to the future: Social development of the Republic of Bashkortostan and Russia] : A collection of research articles / ed. by F. B. Burkhanova. Ufa, Editorial and Publishing Center at Bashkir State University. 188 p. Pp. 26–37. (In Russ.).

Kabashova, E. V. and Rafikova, N. T. (2008) *Statisticheskoe issledovanie dokhodov naseleniia i ikh differentsiatsii v Respublike Bashkortostan* [Statistical study of incomes of the population and their differentiation in the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Zdravookhranenie Bashkortostana. 127 p. (In Russ.).

Kadyrov, S. Kh. (2020) Problemy izmereniia i otsenki denezhnykh dokhodov i bednosti naseleniia [Problems of income and poverty measuring and appraisal]. In: *Ufimskii gumanitarnyi nauchnyi forum "Gumanitarnaia missiia obshchestvoznaniia na poroge novogo industrial'nogo obshchestva"* [Ufa humanities academic forum "The Humanitarian Mission of Social Studies on the Threshold of a New Industrial Society"] : A collection of articles of the international academic forum / ed. by A. N. Degtiarev and A. R. Kuznetsova. Ufa, Slovo. 726 p. Pp. 652–659. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47309/2713-2358_2020_5_652

Kylgydai, A. Ch. (2018) Metodika k issledovaniiu rynka truda regiona: novye podkhody [Methodology for the study of the labor market in the region: New approaches]. *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 17, no. 4 (129), pp. 31–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40>

Kylgydai, A. Ch. and Oidup, T. M. (2015) Osobennosti trudovogo povedeniia naseleniia Respubliki Tyva [Features of labor behavior of the population of the Republic of Tuva]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 43 (418), pp. 43–53. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Latov, Yu. V. and Tikhonova, N. E. (2021) Novoe obshchestvo — novyi resurs — novyi klass? (K 60-letiiu teorii chelovecheskogo kapitala) [A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory)]. *Terra Economicus*, vol. 19, no. 2, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27>

Lokosov, V. V. (2017) Sotsiodemograficheskoe razvitie Rossii: dinamika i riski dlia rynka truda [Socio-demographic development in Russia: Dynamics and risks for the labor market]. *Economics and management*, no. 11 (145), pp. 31–36. (In Russ.).

Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy [Small towns of Russia: New challenges, social problems and prospects] (2021) / M. F. Chernysh, V. V. Markin, G. R. Baimurzina et al. ; ed. by M. F. Chernysh and V. V. Markin. Moscow, FCTAS RAS. 598 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>

Natsak, O. D. (2022a) Material'naia samootsenka zhitelei respubliki Tyva v kontekste issledovaniia bednosti (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia) [The material self-assessment of the Tuvan families in the context of the poverty studies (based on the materials of sociological research)]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 18, no. 1, pp. 120–135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10>

Natsak, O. D. (2022b) Finansovo-ekonomicheskie strategii tuvinskikh semei (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia) [Financial and economic strategies of Tuvan families (on the materials of sociological research)]. *Vlast'*, vol. 30, no. 1, pp. 180–190. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>

Ovchinnikov, V. N. and Kolesnikov, Yu. S. (2006) Etnoekonomika kak faktor razvitiia [Ethnoeconomics as a factor of development]. *Problemy prognozirovaniia*, no. 1, pp. 118–123. (In Russ.).

Pechura, O. V. (2010) Etnoekonomika regiona: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Ethnoeconomics of the region: Theoretical and methodological aspect]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (184). Economics, issue 24, pp. 56–60. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2018) Etnokul'tura i ekonomika: sinergiia vozmozhnostei [The ethnic culture and economy: Synergy opportunities]. *Eko*, vol. 48, no. 5 (527), pp. 8–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-8-27>

Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala [Problems of human potential development] (2017) / ed. by G. M. Rosinskaya. Moscow, Ekonomika. 327 p. (In Russ.).

Razumova, T. O. (2019) Evoliutsiia kontseptsii «Dostoinyi trud» [Evolution of “Decent work” concept]. In: *Budushchee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie [The future of the labor sphere: Global challenges and regional development]* : A collection of articles of the International forum / ed. by G. R. Baimurzina and R. M. Valiakhmetov. Ufa, Mir pechati. 491 p. Pp. 164–169. (In Russ.).

Rimashevskaya, N. M. (2004) Chelovecheskii potentsial Rossii i problemy «sberezheniia naseleniia» [Russia's human potential and problems of “saving the population”]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 9–10, pp. 22–40. (In Russ.).

Rymareva, A. S. (2007) Vliianie natsional'nykh i religioznykh osobennostei sredy khoziaistvovaniia na formirovanie modeli ekonomicheskogo povedeniia [The influence of national and religious features of the economic environment on the formation of a model of economic behavior]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, no. 2(22), pp. 416–420. (In Russ.).

Samba, A. D.-B. (2020) Osnovnye izmeneniia v sotsial'no-trudovom prostranstve Respubliki Tyva [Major changes in the socio-labor space of the Republic of Tyva]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 1 (151), pp. 47–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Sevek, V. K., Sotnikov, A. I., Manchyk-Sat, Ch. S., Chul'dum, A. E. and Sereezhikpei, A. A. (2017) Monitoring i prognoz osnovnykh pokazatelei urovnia zhizni naseleniia Respubliki Tyva [Monitoring and forecast of the basic indicators of living standards of the population of the Republic of Tyva]. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra*, vol. 7, no. 7A, pp. 100–119. (In Russ.).

Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniia i real'nost' [Social inequality of ethnic groups: Perceptions and reality] (2002) / ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Academia. 480 p. (In Russ.).

Soyan, Sh. Ch. (2020) Usloviia trudoustroistva v Respublike Tyva v otsenkakh naseleniia [Employment conditions in the Republic of Tuva in popular assessments] *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 140–144. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009651-9>

Soyan, Sh. Ch. and Choldagolova, A. V. (2021) Analiz bednosti v Respublike Tyva [Analysis of poverty in the Republic of Tyva]. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, no. 1–2 (71), pp. 132–136. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1084>

Surinov, A. E. and Luppov, A. B. (2021) Vliianie regional'nykh razlichii stoimosti zhizni na natsional'nye otsenki neravenstva po dokhodam [Influence of regional differences in the cost of living on national income inequality]. *Ekonomika regiona*, vol. 17, no. 3, pp. 814–827. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>

Turakayev, M. S. (2022) Etnoiazykovaia situatsiia kak faktor sotsial'nogo samochuvstviia regiona v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primere Tuvy, Bashkortostana i Kalmykii) [Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: The cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Shaidullina, R. M., Stepanova, R. R. (2020) Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo neravenstva i urovnia bednosti naseleniia na primere Respubliki Bashkortostan [Main tendencies of socio-economic inequality and population poverty level on the example of the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 92–100. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1004>

Yudin, B. G. (2018) O cheloveke, ego prirode i ego budushchem [About the person, his nature and his future]. *Chelovek. Ru*, no. 13, pp. 235–250. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2018-13-235-250>

Akoz, K., Peren Arin, K. and Zenker, Sh. (2021) On the labor market effects of salience of ethnic/racial disputes. *Journal of Public Economic Theory*, vol. 24, issue 2, pp. 348–361. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpet.12557>

Bol, Th., Lancee, B. and Levels, M. (2014) Ethnic inequality in the labour market: The transferability of skills and degrees. In: *XVIII ISA World Congress of Sociology : Book of abstracts*. Yokohama. 1182 p. P. 104.

Granato, N. and Kalter, F. (2001) Die Persistenz ethnischer Ungleichheit auf dem deutschen Arbeitsmarkt: Diskriminierung oder Unterinvestition in Humankapital? [The persistence of ethnic inequality in the German labor market: Discrimination or under-investment in human capital?] *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, vol. 53, issue 3, pp. 497–520. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-001-0076-4>

Griffin, K. and Knight, J. (1990) *Human development and the international development strategy for the 1990s*. London, Macmillan. viii, 258 p.

Haller, M., Eder, A. and Stolz, E. (2016) Ethnic stratification and patterns of income inequality around the world: A cross-national comparison of 123 countries, based on a new index of historic ethnic exploitation. *Social Indicators Research*, vol. 128, no. 3, pp. 1047–1084. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1069-4>

Kalter, F. (2008) Ethnische Ungleichheit auf dem Arbeitsmarkt. In: Abraham, M., Hinz, T. (eds) *Arbeitsmarktsoziologie: Probleme, Theorien, empirische Befunde*. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 374 p. Pp. 303–332. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-91192-2_10

Semyonov, M., Raijman, R. and Yom-Tov, A. (2002) Labor market competition, perceived threat, and endorsement of economic discrimination against foreign workers in Israel. *Social Problems*, vol. 49, issue 3, pp. 416–431. DOI: <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.3.416>

Sen, A. (1989) Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*, no. 19, pp. 41–58.

Stiglitz, J., Sen, A. and Fitoussi, J.-P. (2010) *Mismeasuring our lives. Why GDP doesn't add up*. New York, The New Press. xxxii, 136 p.

Uzunöz, M. and Yurdakul, A. (2018) The relation between ethnic identity of the Roma and labor market in Turkey. In: *X International Balkan and Near Eastern Social Sciences Congress Series : Proceedings / Ohrid, Macedonia, October 27–28, 2018 / ed. by D. Nikoloski, D. K. Dimitrov and R. Yilmaz*. Ohrid, The University “St. Kliment Ohridski”. xxii, 638 p. P. 603.

Yuki, K. (2012) Stereotypes, segregation, and ethnic inequality. MPRA paper No. 39704 / University Library of Munich, Germany. *Munich Personal RePEc Archive* [online] Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/39704/1/MPRA_paper_39704.pdf (access date: 20.05.2022).

Submission date: 27.05.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.14

Статья

Уверенность в будущем у башкир и тувинцев как показатель человеческого развития: связь с семейным статусом

Флюра Б. Бурханова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются результаты опроса башкир и тувинцев 2021 г., проживающих в республиках Башкортостан и Тува, выясняющего степень их уверенности в будущем. Выяснились вопросы: как влияет на уверенность в будущем семейный статус (состояние в браке, число членов семьи, наличие и число несовершеннолетних детей); как уверенность в будущем связана с субъективными показателями человеческого развития, отражающими три области жизни (доходы, здоровье, образование).

Результаты исследования показали, что большинство тувинцев и башкир уверены в своем будущем. У представителей обоих этносов уверенность больше проявляется у молодых, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, а также проживающих в селах, имеющих постоянную работу. Неуверенность больше присуща пожилым, а также тем, кто имеет низкий уровень образования. Она также связана с городским образом жизни, со статусами занятости «не работаю» и «имею временную работу». Установлено, что нахождение в официальном браке, наличие несовершеннолетних детей снижают уверенность. Напротив, отсутствие собственной семьи (не состоят в браке) и несовершеннолетних детей, жизнь в одиночку или вдвоем придают больше уверенности.

Данные показывают, что тувинцы в целом оценивают хуже области своей жизни — доходы, здоровье, образование и работу. Они ощущают себя более бедными, намного чаще неудовлетворены материальным положением и своими жилищными условиями, чем башкиры. Они хуже оценивают свое здоровье и возможности для его поддержания. У тувинцев также ниже оценки возможностей для учебы, повышения квалификации.

Уверенность в будущем у тувинцев, и у башкир прямо и положительно связана со всеми субъективными показателями развития человеческого потенциала. Сильнее всего на уверенность у башкир влияют оценки здоровья и доходов, а у тувинцев — удовлетворенность возможностями для здоровья и материальным положением (чем лучше оценки, тем выше доля уверенных).

Ключевые слова: уверенность в будущем; человеческое развитие; семья; семейный статус; башкиры; тувинцы; этнос; уровень жизни; Республика Тыва; Республика Башкортостан

Статья выполнена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г., Пр71, п. 6). Название проекта «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации».

Для цитирования:

Бурханова Ф. Б. Уверенность в будущем у башкир и тувинцев как показатель человеческого развития: связь с семейным статусом // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 208-225. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>

Бурханова Флюра Булатовна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (917) 344-90-63. Эл. адрес: burhanova.flura@mail.ru

BURKHANOVA, Flura Bulatovna, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Studies of the Quality of Life, Center for the Study of Regions of Russia, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University. Postal address: 24/35, bldg.5 Krzhizhanovskogo st., Moscow, 117218, Russia; 32 Validi st., Ufa, 450076, Russia. Tel.: +7 (917) 344-90-63. E-mail: burhanova.flura@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7342-3974

Confidence in the future among the Bashkirs and Tuvans as an indicator of human development: Correlation with family status

Flura B. Burkhanova

Institute of Sociology, FCTAS, RAS; Bashkir State University, Russian Federation

The article examines the results of a survey of the Bashkirs and Tuvans who live in the republics of Bashkortostan and Tuva. It was conducted in 2021 in order to find out the degree of their confidence in the future. The following questions were clarified: How does family status (marital status, number of family members, parental status and number of minor children) affect confidence in the future? How is confidence in the future related to subjective indicators of human development that reflect three sectors of life (income, health, education).

The results of the study showed that the majority of the Tuvans and Bashkirs are confident in their future. In both ethnic groups, confidence is stronger in young people with higher and incomplete higher education and in those who live in rural areas and have regular jobs. Uncertainty is more common among the elder people, as well as among those who have a low level of education. It is also associated with urban lifestyle and the employment statuses "unemployed" and "I have a temporary job". It has been found out that official marital and parental statuses reduce confidence. On the contrary, people who are unmarried and have no children, i.e. they live alone or as a childless couple, are more confident.

The data show that the Tuvans generally consider areas of their lives (income, health, education and work) worse. They feel themselves poorer, much more often dissatisfied with their financial situation and living conditions than the Bashkirs do. They assess their health and possibilities for its support as worse. The Tuvans also have lower estimates of their opportunities for study and professional development.

Confidence in the future among both the Tuvans and Bashkirs is directly and positively related to all subjective indicators of human potential development. Estimates of health status and income affect confidence the most among the Bashkirs, while among the Tuvans so does satisfaction with health opportunities and financial situation (the better the estimates, the higher the proportion of confident people).

Keywords: confidence in the future; human development; family; family status; Bashkirs; Tuvans; ethnos; standard of living; Republic of Tuva; Republic of Bashkortostan

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation of the All-Russian Identity" (the instruction of the President of the Russian Federation of January 16, 2020, Pr71, p. 6). The title of the project is "Ethnic Features of Human Potential Development in the Economies of the Republics of the Russian Federation".

For citation:

Burkhanova F. B. Uverenost' v budushchem u bashkir i tuvintsev kak pokazatel' chelovecheskogo razvitiia: sviaz' s semeinym statusom [Confidence in the future among the Bashkirs and Tuvans as an indicator of human development: Correlation with family status]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 208-225 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>

Введение

Согласно современной концепции развития человеческого потенциала целью общественного развития является человек, а базовыми показателями этого развития выступают показатели здоровья, образования и уровня доходов людей. Предложенный в рамках концепции индекс человеческого развития (ИЧР) или индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), характеризует способность населения вести долгую и здоровую жизнь, получать знания и достигать достойного уровня жизни¹.

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка, декабрь 2021 года. [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 16.04.2022).

Концепция стала теоретико-методологической основой для многих исследований, проводящихся в разных странах, в том числе в России. С 1990 г. выходят ежегодные мировые доклады о развитии человеческого потенциала, с 1995 г. — российские доклады. А с 2009 г. изданы три доклада, посвященные Башкортостану (Республика Башкортостан..., 2009; Семья и человеческое развитие ... , 2013; Труд, занятость..., 2015), среди которых доклад о роли семьи в развитии человека.

Подчеркнем, что в указанных докладах анализ представлен в страновом и региональном разрезе, он не фокусируется на отдельных этносах или этнических группах. Индекс рассчитывается для стран и субъектов РФ, но не для этносов. Между тем, сравнение уровня экономического и социального развития этносов представляется актуальным не только как научная, но и прикладная задача. Такое сравнение призвано выявлять проблемные зоны в их развитии и выработать пути их решения.

Один из главных социальных институтов, который участвует в формировании, сохранении и развитии человеческого потенциала индивида, общества, страны и ее регионов — это семья. В современном семейно-брачном поведении и ценностях происходят трансформационные изменения: откладывание вступления в официальный брак на более поздние сроки, рост незарегистрированных партнерств, увеличение числа домохозяйств, состоящих из одного человека, увеличение разводов, сокращение числа детей в семье и др. У разных этносов данные процессы имеют свои особенности, но при этом семья и семейный образ жизни остаются основными жизненными ценностями. Один из важных исследовательских вопросов состоит в том, как у разных этносов семья выполняет функцию развития человеческого потенциала.

Концепция человеческого потенциала за годы своего существования постоянно развивается. Предлагаются новые индексы, а используемые для расчета индексов статистические данные дополняются субъективными оценками людьми своей жизни¹. Дальнейшее совершенствование концепции, учитывающее значимость не только объективного, но субъективного благополучия жизни людей, может быть связано с внедрением в нее новых субъективных показателей.

Таким важным показателем жизни человека является уверенность в своем будущем. В ней отражается восприятие и оценка как имеющихся условий для жизни и развития, так и возможностей, которыми располагает человек. Уверенность/неуверенность в будущем аккумулирует восприятие людьми разнообразных аспектов и областей своей жизни, включая работу, доходы, здоровье, образование и другие. Поэтому в контексте концепции человеческого развития субъективная оценка степени уверенности в будущем может рассматриваться как интегральная характеристика этого развития. Именно такая трактовка уверенности в будущем представлена в данной статье.

Цель нашего анализа состоит в том, чтобы ответить на два вопроса: 1) влияют ли и как влияют факторы семейного статуса (состояние в браке, число членов семьи, наличие и число несовершеннолетних детей) на уверенность в будущем у двух этносов — тувинцев и башкир; 2) как уверенность в будущем связана с субъективными показателями человеческого развития, отражающими три области жизни этносов (доходы, здоровье, образование).

Методология, эмпирическая база и методы. Статья основана на данных социологического исследования, проведенного в 2021 г. в республиках Башкортостан и Тува по проекту «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации». Метод сбора данных — анкетирование с бумажной и электронной анкетой, заполняемой по вебссылке.

В Башкортостане опрошено 1184 человека, из них указали свою национальность 1138 человек: башкиры — 335 человек (29,4%), русские — 475 (41,7%), татары — 328 человек (28,8%). В Республике Тыва опрошено 1176 человек, из них указали свою национальность 961 человек: тувинцы — 775 человек (80,6%), русские — 101 (10,5%), другие — 85 (8,8%). Ниже представленный анализ предпринят для двух этнических групп — башкир, проживающих в Башкортостане, и тувинцев, проживающих в Туве². Распределение опрошенных по полу, возрасту, образованию, месту жительства, числу членов семьи, наличию и числу несовершеннолетних детей, смотрите в *табл. 1* и *2*. Обратим внимание на некоторые

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка, декабрь 2021 года. [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 16.04.2022).

² Особенность данных по подвыборке тувинцев состоит в большом количестве затруднившихся ответить на многие вопросы, в некоторых случаях они составляют до 20%, что затрудняет сравнительный анализ.

смещения тувинской выборки относительно всего населения — по полу (к женщинам), образованию (к группе с незаконченным высшим и высшим образованием) и месту жительства (к городским жителям).

В опросе уверенность в будущем измерялась с помощью вопроса «Насколько Вы уверены в своем будущем?». Семейный статус опрошенных отражен показателями: состояние в браке (не состоят в браке; состоят в официально зарегистрированном или в незарегистрированном браке; вдовы и разведенные); число членов семьи; наличие/отсутствие несовершеннолетних детей; число несовершеннолетних детей. Субъективные показатели человеческого развития использованы следующие: самоотнесение к доходной группе, удовлетворенность материальным положением и жилищными условиями; оценка здоровья и удовлетворенность возможностями для заботы о своем здоровье; удовлетворенность возможностями для учебы и повышения квалификации, удовлетворенность перспективами карьерного и должностного роста¹. Эти показатели условно укладываются в три основные сферы оценки человеческого развития (уровень жизни, здоровье и образование).

Обзор литературы

В советский период развитие этносов рассматривалось с позиций преодоления ими неравенства и достижения фактического равенства во всех областях жизни. Позже, в 1990-е годы некоторыми исследователями вопросы равенства/неравенства этносов стали рассматриваться в рамках теории этнической стратификации. Такие работы были выполнены на материалах Башкортостана, в которых было показано, что по многим показателям развития этносы дифференцированы (Галлямов, Зайнетдинова, 2004; Гилязитдинов, Галеев, Латыпова, 1994).

Современные российские этносоциологические исследования более всего уделяют внимание вопросам этнической и религиозной идентичностей, языковым процессам, межнациональным отношениям, миграции, этнокультурной политике и роли этнического фактора в политических процессах (см., например: Этносоциология вчера ... , 2016; Этническое и религиозное многообразие..., 2018; Этнические и языковые проблемы ... , 2018; Этнокультурное многообразие ... , 2021; и др.).

Публикации, посвященные тувинцам и башкирам, тоже больше всего сосредоточены на этнокультурных и отчасти этнополитических составляющих развития этносов². Крайне редки работы, в которых рассматриваются другие аспекты их жизнедеятельности (например, особенности трудовой занятости (Ирназаров, 2016; Валиахметов и др., 2021) и профессиональные и образовательные ориентации (Дабиев, 2018).

Имеют давние традиции и проводятся в разных дисциплинарных направлениях исследования семьи и семейной жизни башкир и тувинцев (Ондар Л., Ондар А.-А., 2016). Но и здесь можно констатировать, что наиболее развиты исследования этноисторические, чем этносоциологические и этнодемографические. Все же некоторые аспекты современной трансформация семьи у этносов отражены в них. В тувиноведении анализируются структура семьи и семейно-брачные ценности (Гончарова, Савельев, 2004: 173–224), современные межнациональные семьи (Доржу, 2019), свадебные обряды (Ламажаа, Майны, 2020; и др.³), культура родительства и отношение к детям (Ламажаа, 2015, 2021a), сохранение родственных отношений (Ламажаа, 2021b). В семьеведении современной семьи башкир делается анализ трансформационных изменений, раскрываются некоторые стороны межнациональной семьи (Бурханова, Садретдинова, Мухамадиева, 2020), репродуктивные установки на число детей, внебрачную рождаемость (Бурханова, Мухамадиева, 2020).

¹ Формулировки вопросов и ответов см. в таблицах.

² Запрос в системе РИНЦ (на 04.04.2022 г.) по ключевому слову «башкиры» в названиях, ключевых словах и в аннотациях статей из журналов, монографий, сборников статей, конференций, показал, что из более 700 публикаций за период с 2012 по начало 2022 г. нет ни одной, в которой рассматриваются вопросы из интересующих нас областей современной жизни этноса (доходы и уровень жизни; здоровье и продолжительность жизни, образование и работа). Запрос по ключевому слову «тувинцы» (1258 публикаций) дал почти аналогичные результаты.

³ Юша Ж. М. «Эта невеста прекрасна ли, здорова ли...» Свадебные обряды современных тувинцев Китая [Электронный ресурс] // Наука из первых рук. 2020. № 3 (88). Электронный журнал. URL: <https://scfh.ru/papers/svadebnye-traditsii-sovremennykh-tuvintsev-kitaya/> (дата обращения 26.05.2022).

Еще одна группа публикаций должна быть учтена при рассмотрении темы статьи. В зарубежном общественном знании сложилось, а в отечественном активно развивается направление, в котором изучается субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, ощущение людьми счастья (Алмакаева, Гашенина, 2020: 6–7). Уверенность в будущем, оптимизм, хотя и не так часто, но рассматриваются в рамках данного направления как один из показателей или составляющая социального благополучия (Михайлова, 2010; Самохвалова, Заливанский, 2017; и др.). Приходится констатировать, что и в этих исследованиях уверенность в будущем не анализируется в разрезе этнических групп.

Обобщая обзор публикаций, отметим, дифференциация уровня и качества жизни, образования, состояния здоровья и продолжительности жизни у разных российских этносов, крайне редко становятся предметом специальных исследований. Этот же вывод относится и к изучению влияния семьи на развитие человеческого потенциала у этносов. Уверенность в будущем, социальный оптимизм относительно будущего тоже пока не изучались в разрезе этнических групп.

Исследовательский проект, на данных которого написана статья, стремится преодолеть существующий барьер для изучения развития этносов в контексте концепции — отсутствие статистики в разрезе национальностей. Новизна работы состоит в том, что уровень человеческого развития оценивается у этносов; в оценке развития используются социологическая, субъективная по своему характеру информация, полученная от респондентов (о доходах, образовании и здоровье); вводится новый, субъективный показатель оценки развития — уверенность/неуверенность в будущем.

Общее и особенное в семьях тувинцев и башкир

Башкиры и тувинцы как группы для сравнения имеют много общего. Оба этноса обладают особым статусом в своих республиках, поскольку являются коренными, республикообразующими этносами, дающими название республикам.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН–2010), тувинцы составляли 82% населения Республики Тыва, русские — 16,3%, представители других национальностей — 1,7%¹. Национальный состав Республики Башкортостан складывался следующим образом: башкиры — 29,5%, русские — 36,1%, татары — 25,4%, другие национальности — 9%².

Близость башкир и тувинцев проявляется в том, что они менее урбанизированы по сравнению с другими этносами, населяющими две республики. По данным ВПН–2010, из числа башкир проживали в городах 40,7%, в селах — 59,3%, соотношение городских и сельских жителей во всем населении республики составляло: 60,4% и 39,6%³. Из числа тувинцев проживали в городах 46,8% и 53,2% — в селах, соотношение горожан и сельчан во всем населении на момент переписи составляло 54,2% и 45,8%⁴.

Башкиры и тувинцы во многом сохранили свою этническую культуру, язык, традиционные религии. По сравнению с другими этносами, населяющими обе республики, для них более значима этническая идентичность. В нашем исследовании, отвечая на вопрос «Насколько для Вас важна ваша национальная принадлежность?», указали на ее важность среди башкир — 55,5%, татар — 33,8%, русских, проживающих в РБ — 27,2%, среди тувинцев — 66,3%, русских, проживающих в РТ — 34,7%.

Частью этнической культуры остается религия, значимость которой в жизни двух этносов продолжает быть существенной (Дашковский, Шершнева, Бичелдей, Монгуш, 2021; Социологический ответ..., 2012: 77, 79; Шайхисламов, Бурева, 2019: 156–157). Согласно данным нашего исследования,

¹ Национальный состав населения Республики Тыва [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакассия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/Статья.htm> (дата обращения 16.04.2022).

² Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник : в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. 1. С. 28.

³ Там же. С.16.

⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Тыва по данным Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакассия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения 16.04.2022).

отнесли себя к верующим среди проживающих в РБ башкир — 56,7%, татар — 43,9%, русских — 44,4%. Соблюдают религиозные обряды: 45,3% башкир, 38,4% татар и 30,9% русских. Посещают службы, соответственно — 34,8%, 28,1% и 30,2%. Среди тувинцев верующими считают себя 77,2%, не верующими — 22,8%. У русских этой же республики распределения по данным группам: 62,5% и 27,5%. Соблюдают религиозные обряды 58,0%, посещают службы 48,0% тувинцев, среди русских таковых всего 37% и 28,7%. При этом подавляющее большинство башкир и тувинцев относят себя к традиционным для этих народов религиям — исламу и буддизму.

Общие черты у тувинцев и башкир имеет семейный уклад, тяготеющий к традиционным ценностям и практикам. Можно утверждать, что семейно-брачные отношения в башкирских (Бурханова, 2015) и тувинских семьях (Гончарова, Савельев, 2004; Субботин, 2016) меньше подверглись модернизации, чем у многих других российских этносов, хотя, безусловно, и здесь интенсивно идут изменения.

Отчасти за счет этнической составляющей у населения обеих республик до недавнего времени сохранялся более высокий по сравнению с общероссийским уровень брачности. В доковидном 2019 г.¹ показатель был близок к общероссийскому: в Туве — 6,7 браков на 1 тысячу человек населения, в Башкортостане — 6,2, в РФ — 6,5². Особенностью семейно-брачной жизни населения Тувы является крайне низкий уровень разводов (2019 г. — 2,3 на 1 тыс. чел), а в Башкортостане он длительное время сохраняется на уровне ниже общероссийского (2019 г.: РБ — 3,8, РФ — 4,2)³.

У обоих этносов распространены незарегистрированные браки. У тувинцев в таких браках состоят 30,4% мужчин и 30,8% женщин от числа состоящих в браке (среди всего населения — 29,7% и 29,8%)⁴, у башкир — 12,4% и 12,7%⁵ (среди всего населения — 12,6% и 12,5%)⁶. Башкиры чаще, чем представители других этносов республики, практикуют совместное проживание до официальной регистрации брака (Бурханова, 2015: 69).

Различия в семейной жизни тувинцев и башкир имеются в том, насколько распространены межэтнические браки. Для Башкортостана за счет исторически сложившегося многонационального состава населения характерен высокий уровень межэтнической брачности, а для Тувы, напротив, низкий уровень, в связи со сложившейся социокультурной дистанцией между основными этносами — тувинцами и русскими. В Башкортостане национально-смешанные домохозяйства составляют 27,4%, домохозяйства башкир в числе национально-однородных составляют 20,8%⁷. В Туве доля межнациональных семей — 4,4%, около 41% от всех этнически смешанных браков составляют русско-тувинские⁸. Опросы показывают, что при общем положительном отношении к межнациональным бракам, около половины тувинцев отрицательно относятся к гипотетически возможному такому браку дочери или сына. Такое отношение является фактором снижения доли межэтнических браков наряду с оттоком русских из республики в постсоветский период (Доржу, 2019: 151).

¹ Приводим данные по 2019 году, поскольку на более поздние показатели браков и разводов повлияла ситуация с пандемией коронавирусной инфекции.

² Республика Тыва в цифрах 2020: Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2021. С. 23; Республика Башкортостан в цифрах: Стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2021. С. 35.

³ Там же.

⁴ Подсчитано автором по: Всероссийская перепись населения 2010 года Т. 4. Национальный состав населения. Табл. 4.12. Население наиболее многочисленных национальностей по полу и состоянию в браке по Республике Тыва. С. 86–87 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Подсчитано автором по: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. 2. С. 24.

⁶ Брачное состояние населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г). Стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2012. С. 11–13.

⁷ Число и состав домохозяйств Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сборник / Уфа: Башкортостанстат, 2013. С. 29.

⁸ Галина Гончарова о семейных ценностях народов Тувы и всей Сибири [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2020, 8 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/9393-goncharova.html> (дата обращения 23.05.2022).

Для башкир (Бурханова, Мухамадиева, 2020: 6–7) и тувинцев характерны высокие репродуктивные установки на число детей и более высокие показатели рождаемости, чем у других этносов двух республик. По итогам ВВП–2010, на 1 женщину башкирской национальности в возрасте от 15 лет и старше приходилось 1,888 рожденных детей (у русских республики — 1,487 детей, у татар — 1,645)¹. У женщин тувинцев данный показатель равен 2,028 детей (у русских — 1,668)². Как следствие — в семьях башкир и тувинцев среднее число детей больше и распространены многодетные семьи. Сохраняющиеся традиции многодетности позволяют называть тувинскую культуру «культурой многодетности» (Ламажаа, 2015: 81).

Более высокий уровень рождаемости у башкир подтверждается и текущей статистикой — суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) в муниципальных образованиях с преобладающим башкирским населением. Например, в 2017–2019 гг. в ряде таких муниципальных образований СКР составил выше 3 детей, тогда как для всего населения он равнялся 1,7–1,5 (Республика Башкортостан ... , 2020: 26, 35). В Республике Тува уровень рождаемости во многом складывается за счет тувинцев, которые, как отмечалось выше, составляют большинство населения. В 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости равнялся 2,97 детей на одну женщину репродуктивного возраста и был одним из самых высоких среди других субъектов страны. Для сравнения: СКР для всего населения РФ в 2020 г. — 1,5³.

При вступлении в брак у башкир широко практикуются религиозный брачный обряд, который воспринимается как национальный обычай, традиция (Семья и человеческое развитие ... 2013: 36). У тувинцев сохраняются некоторые национальные свадебные обряды, во время свадьбы практикуется посещение буддистского храма (Ламажаа, 2021а: 415–416).

Для тувинцев важными являются родственные связи, гостеприимность и почитание старших, в семейной жизни, в воспитании детей значима роль рода (Социально-стратификационные процессы ... , 2020: 18–20), возникают новые формы поддержки родственных отношений (Ламажаа, 2021b: 15–17). Башкиры тоже характеризуются семейственностью, поддерживают родственные связи и оказывают взаимопомощь родственникам и односельчанам.

Имея много общего в семье и культуре, башкиры и тувинцы проживают в республиках, которые различаются своими социально-экономическими условиями, уровнем экономического и социального развития. Различия находят отражение в показателях индекса развития человека. В 2019 г. ИЧР Республики Башкортостан составлял 0,848, и она занимала 41-е место в общем рейтинге российских регионов, а ИРЧ Республики Тыва — 0,787 и она находилась в указанном рейтинге на последнем месте⁴. При этом такой индекс Республики Тыва обуславливается не только низким уровнем доходов населения, но и наиболее низкой ожидаемой продолжительностью жизни (примерно на 8% ниже среднероссийского уровня).

Указанные выше общие и особенные черты двух этносов, их семейной жизни, обуславливают интерес к сравнительному анализу субъективных оценок ими своей жизни в контексте концепции человеческого развития. Общее состоит в том, что они являются титульными этносами, менее урбанизированы по сравнению с другими этносами республик, обладают схожим отношением к своей этничности и традиционным религиям, семейно-брачные отношения сохраняют некоторые традиционные черты.

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. 2. С. 27.

² Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Тыва по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 5, табл.10.6. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения 16.04.2022).

³ Суммарный коэффициент рождаемости в России по годам и субъектам [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения 16.04.2022).

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. С. 5–6. [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 16.04.2022).

Уверенность в будущем в социально-демографических группах и с разным семейным статусом

Распределения ответов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?» у башкир и тувинцев близки (табл. 1). Большинство тех и других уверены в своем будущем: выбрали ответы «уверен вполне» и «скорее уверен, чем не уверен» 62,4% башкир и 57,2% тувинцев; «скорее не уверен» и «совершенно не уверен» – 28,4% башкир и 22,6% тувинцев.

В подвыборке тувинцев (табл. 1) уверенность в будущем с возрастом снижается, а неуверенность возрастает. Самая уверенная группа – молодые люди 18–22 лет (уверенные составляют 73,4%), а самая неуверенная – это те, кому более 50 лет (уверенные – 48,1%). Уверенные в своем будущем чаще встречаются среди жителей сельской местности (уверены 81,3%, не уверены – 11,6%), чем городов (67,0% и 19,4%). Повышению уверенности способствует рост уровня образования: в группе со средним образованием и ниже зафиксирована самая высокая доля неуверенных (29%, уверенные – 50,6%), а в группе с высшим образованием – доля уверенных (59,5%, не уверенные – 19,0%). Влияние оказывает и статус занятости. Те, кто имеет постоянную работу, наиболее уверенные (69,1%), далее следуют неработающие (47,7%) и имеющие временную занятость (37,9%).

Таблица 1. Ответы на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?» в социально-демографических группах, в %.

Table 1. Answers to the question “How confident are you in your future today?” in sociodemographic groups, in %.

Группы	Башкиры				Тувинцы			
	Всего в группах	Варианты ответов			Всего в группах	Варианты ответов		
		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить**		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить**
Вся выборка	100	62,4	28,4	9,3	100	57,2	22,6	20,2
Пол								
мужчины	47,8	69,4	23,1	7,5	39,7	56,0	21,2	22,8
женщины	52,2	56,0	33,1	10,9	60,3	56,9	22,3	20,8
Возраст								
18–22 лет	18,6	70,0	23,3	6,7	22,2	73,4	14,2	12,4
23–35 лет	29,5	56,8	31,6	11,6	34,4	49,4	24,3	26,2
36–50 лет	22,0	69,0	21,1	9,9	29,8	57,0	22,8	20,2
51 и старше	29,8	56,6	36,4	7,0	13,6	48,1	28,8	23,1
Образование*								
1 гр.	12,2	46,3	53,7	0,0	21,1	50,6	29,0	20,4
2 гр.	40,0	64,2	23,9	11,9	29,9	56,1	22,3	21,6
3 гр.	45,0	62,9	27,2	9,9	49,0	59,5	19,0	21,4
Занятость								
постоянная работа	60,0	65,2	23,9	10,9	44,6	69,1	17,1	13,8
временная работа	16,1	64,8	31,5	3,7	7,5	37,9	25,9	36,2
не работают	23,9	53,8	37,5	8,7	47,9	47,7	25,9	26,4
Место жительства								
город	62,4	56,0	33,0	11,0	78,6	67,0	19,4	13,6
село	37,6	73,0	20,6	6,4	21,4	81,3	11,6	7,1

Прим.: * образование: 1 гр. – среднее общее и ниже; 2 гр. – начальное и среднее профессиональное; 3 гр. – незаконченное высшее и высшее; ** сумма ответов «вполне и скорее уверен», «полностью и скорее не уверен», «затрудняюсь ответить» составляет 100% в каждой группе.

Характеристики семейного положения влияют в двух направлениях — повышая и понижая уверенность (табл. 2). Не состоящие в браке демонстрируют большую уверенность (60,5%), по сравнению с находящимися в официальном (53,1%) и незарегистрированном браке (56,6%), вдовыми и разведенными (54,4%). Проживание в одиночку способствует большей уверенности, а повышение числа несовершеннолетних детей снижает уверенность.

Таблица 2. Ответы на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?» в группах с разным семейным статусом, в %.

Table 2. Answers to the question “How confident are you in your future today?” in groups with different family status, in %.

Группы	Башкиры				Тувинцы			
	Всего в группах	Варианты ответов			Всего в группах	Варианты ответов		
		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить*		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить*
Вся выборка	100	62,4	28,4	9,3	100	57,2	22,6	20,2
Состояние в браке								
не состоят	32,5	70,4	24,1	5,6	34,2	60,5	22,1	17,4
в официальном браке	57,2	57,8	32,2	10,0	37,2	53,1	23,6	23,3
в незарегистрированном	6,4	76,2	19,0	4,8	16,5	56,6	18,0	25,4
вдовы и разведенные	6,9	52,2	30,4	17,4	12,2	54,4	22,2	23,3
Число членов семьи								
1 чел.	10,4	72,7	15,2	12,1	3,8	64,3	21,4	14,3
2 чел.	23,0	65,8	27,4	6,8	13,3	61,0	26,0	13,0
3 чел.	18,9	56,7	41,7	1,7	22,3	54,2	22,6	23,2
4 чел. и более	47,8	58,5	28,0	12,6	60,5	56,0	20,9	23,1
Дети до 18 лет								
есть	33,1	50,5	35,1	14,4	69,3	55,9	26,3	17,8
нет	66,9	68,3	25,0	6,7	30,7	53,5	19,7	26,8
Число детей до 18 лет								
один	39,6	36,4	54,5	9,1	36,7	58,5	23,1	18,5
два	40,5	57,8	22,2	20,0	35,3	56,8	27,2	16,0
три и более	19,8	63,6	22,7	13,6	28,0	51,5	29,3	19,2

Прим.: * сумма ответов «вполне и скорее уверен», «полностью и скорее не уверен», «затрудняюсь ответить» составляет 100% в каждой группе.

В подвыборке башкир (табл. 4) связи между уверенностью в будущем и социально-демографическими характеристиками аналогичны тем, которые обнаружены у тувинцев. За исключением того, что мужчины более уверены в будущем, чем женщины. Интересно, что и среди башкир сельские жители отличаются более оптимистическим взглядом на будущее. Среди них уверены в будущем 73,0% и не уверены 20,6%, а среди городских жителей уверены 56,0% не уверены 33,0%. Возраст оказывает прямое, но не сильное влияние. Респонденты до 35 лет включительно чаще выбирали ответ «вполне уверен в своем будущем», а после 35 лет — более сдержанный ответ «скорее уверен, чем не уверен». Самые неуверенные в будущем — возрастная группа старше 50 лет.

Что касается семейного статуса, то влияние оказывают все четыре его характеристики. Наибольшую уверенность в будущем демонстрируют те, кто состоит в незарегистрированном браке (76,2%) и не состоит в браке вообще (70,4%), далее идет группа состоящих в официальном браке (57,8%), самые неуверенные — разведенные и вдовы (52,2%). Нет четкой прямой связи со средним размером семьи: самый малый средний размер семьи — у тех, кто вполне уверен в будущем (3,07 человек), а самый большой у тех, кто «скорее не уверен, чем уверен» (3,99 человек). Башкиры, имеющие троих и более детей, более других уверены в своем будущем (63,6% «вполне и скорее уверены»), на втором месте находятся имеющие двух детей (57,8%), на третьем — одного ребенка (36,4%). Возможно, что у семей с одним ребенком неуверенность в будущем выступает сдерживающим фактором, чтобы принять решение иметь еще детей. Подтверждают такое предположение данные другого исследования, в котором 50% респондентов из республики указали, что неуверенность в завтрашнем дне мешает им иметь столько детей, сколько они хотели бы (Демографическое самочувствие..., 2020: 80).

Из двух характеристик этнокультурной духовной жизни (этническая и религиозная идентичность) относительно сильная связь у обоих этносов обнаруживается с ответом на вопрос «Насколько для Вас важна Ваша национальная принадлежность?» (табл. 3 и 4). У тувинцев уверенные составляют 64,4% от тех, для кого важна национальная принадлежность, 57,3% — среди выбравших ответ «и важна и не важна примерно равно», 29,3% — среди тех, для которых этничность не важна. Заметим, что этническая идентичность для тувинцев — наиболее сильно влияющий на уверенность в будущем фактор, чем все остальные. У башкир наиболее уверены в своем будущем те, для кого она важна (66,1%) и кто не задумывался над ее важностью (66,1%). Менее всего уверены респонденты, для которых национальная принадлежность не важна (48,8%).

У башкир отнесение себя к верующим, соблюдение религиозных обрядов и посещение служб не связаны с уверенностью в будущем, а у тувинцев связаны. При этом у них соблюдение религиозных обрядов и посещение религиозных служб — наряду с отношением к этничности, более значимые факторы для ощущения уверенности, чем все другие из числа анализируемых.

Таблица 3. Ответы на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?» в группах с разными этнокультурными характеристиками, в %

Table 3. Answers to the question “How confident are you in your future today?” in groups with different ethnocultural characteristics, %

Группы	Башкиры				Тувинцы			
	Всего в группах ***	Варианты ответов			Всего в группах ***	Варианты ответов		
		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить**		Вполне и скорее уверен	Полностью и скорее не уверен	Затрудняюсь ответить**
Вся выборка	100	62,4	28,4	9,3	100	57,2	22,6	20,2
Важность этнической идентичности*								
1 группа	52,8	66,1	26,6	7,3	66,3	64,4	21,8	13,8
2 группа					11,5	57,3	27,0	15,7
3 группа	23,9	48,8	41,3	10,0	17,2	29,3	23,3	47,4
Религиозная идентичность								
верующие	56,7	60,5	29,5	10,0	77,2	64,9	22,8	12,3
не верующие	27,2	64,8	27,5	7,7	22,8	57,0	27,5	15,5
Соблюдение религиозных обрядов верующими								
соблюдают	63,6	62,0	24,0	14,0	77,1	63,7	20,3	16,0
не соблюдают	36,4	57,3	34,7	8,0	17,3	48,1	27,2	24,7
Посещение служб верующими								
посещают	48,4	66,3	26,1	7,6	73,2	62,2	22,8	15,0
не посещают	51,6	52,5	34,7	12,9	21,8	51,6	24,2	24,2

Прим.: * важность этнической идентичности: 1 гр. — «очень важна» и «скорее важна, чем не важна»; 2 гр. — «и важна и не важна примерно равно»; 3 гр. — «совершенно не важна» и «скорее не важна, чем важна»; ** сумма ответов «вполне и скорее уверен», «полностью и скорее не уверен», «затрудняюсь ответить» составляет 100% в каждой группе.

Таблица 4. Связи ответов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?» с семейным статусом, социально-демографическими и этнокультурными характеристиками, асимптотическая значимость¹ и коэффициент сопряженности

Table 4. The correlation of answers to the question “How confident are you in your future today?” with family status, sociodemographic and ethnocultural characteristics, asymptotic significance and conjugacy coefficient

Семейный статус, социально-демографические и этнокультурные характеристики	Башкиры		Тувинцы	
	Асимптотическая значимость	Коэффициент сопряженности	Асимптотическая значимость	Коэффициент сопряженности
Пол	0,050	0,166	0,388*	
Возраст	0,001	0,327	0,000	0,238
Место жительства (город/село)	0,004	0,209	0,018	0,149
Образование	0,000	0,406	0,021	0,173
Статус занятости	0,063*		0,000	0,257
Брачный статус	0,005	0,249	0,000	0,166
Число членов семьи	0,041	0,358	0,381*	
Наличие детей до 18 лет	0,000	0,240	0,038	0,074
Число детей до 18 лет	0,038	0,358	0,064*	
Важность этнической идентичности	0,000	0,383	0,000	0,409
Религиозная идентичность	0,593*		0,006	0,183
Соблюдение религиозных обрядов	0,149*		0,000	0,273
Посещение служб в храме	0,044	0,227	0,000	0,307

Прим.: *значимость $p > 0,05$.

Обобщая вышесказанное, обратим внимание, что среди башкир почти каждый третий уверен в своем будущем, а у тувинцев — лишь каждый второй. Анализ связи ответов на вопрос об уверенности в будущем с социально-демографическими характеристиками показал, что у представителей обоих этносов большей уверенностью обладают более молодые и более образованные респонденты, чаще проживающие в селах, в одиночку или вдвоем, не имеющие несовершеннолетних детей. Они чаще либо вообще не состоят в браке, либо состоят в партнерских, незарегистрированных отношениях. У тувинцев на уверенность в будущем влияние оказывают все этнокультурные составляющие (более уверены те, для кого важна их национальная принадлежность, кто соблюдает религиозные обряды и посещает службы), у башкир влияние оказывает отношение к своей этничности и посещение служб.

Субъективные показатели человеческого развития

При близости ответов двух этносов на вопрос об уверенности в будущем, данные по составляющим развития человеческого потенциала (доходы, здоровье, образование) показывают, что тувинцы оценивают свою жизнь хуже, чем башкиры.

¹ Асимптотическая значимость — вероятность случайности связи, чем меньше эта величина, тем выше статистическая значимость (достоверность) связи.

Различаются существенным образом оценки доходов и материальной стороны жизни (табл. 5). Тувинцы ощущают себя более бедными, они намного чаще неудовлетворены материальным положением и своими жилищными условиями. Так, отнесли себя к двум наиболее низким доходным группам («денег не хватает даже на питание», «денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения») почти половина опрошенных тувинцев (48,8%), тогда как среди башкир — менее пятой части (16,3%). Группы с высоким и очень высоким уровнем доходов («денег достаточно для покупки, например, холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль», «денег достаточно почти на все, за исключением покупки квартиры или дома», «мы не испытываем финансовых затруднений, при необходимости можем купить квартиру или дом») составили у тувинцев суммарно 14,9%, у башкир — 45,1%. Остальные 35,4% тувинцев и 35,2% башкир выбрали вариант «денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить новый холодильник или стиральную машину». Жилищными условиями удовлетворены 87% башкир и только 61,7% тувинцев, не удовлетворены, соответственно, — 12,5% и 30,2%. Удовлетворены материальным положением 75,9% башкир и 72,6% тувинцев, не удовлетворены — 23% и 35,1%.

Таблица 5. Оценки доходов и материальной стороны жизни, их связи с ответом на вопрос «Насколько Вы уверены в своем будущем?», в %, асимптотическая значимость, коэффициент сопряженности

Table 5. Estimates of income and financial condition, their correlation with an answer to the question “How confident are you in your future?”, %, asymptotic significance and conjugacy coefficient

Варианты ответов (доходные группы)*	Самооценка дохода		Варианты ответов	Удовлетворенность материальным положением		Удовлетворенность жилищными условиями	
	Башкиры	Тувинцы		Башкиры	Тувинцы	Башкиры	Тувинцы
1 группа	2,4	9,4	Вполне удовлетворен	29,0	37,5	45,1	28,8
2 группа	13,9	39,4	Частично	46,9	35,1	41,8	32,9
3 группа	35,2	35,4	Не удовлетворен	23,0	35,1	12,5	30,2
4 групп	30,7	9,0	Затр. ответить	0,3	10,8	0,6	8,1
5 и 6 гр.	14,4	5,9	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Затр. отв.	4,2	0,8					
Всего	100,0	100,0					
Асимптотическая значимость	0,000	0,000	Асимптотическая значимость	0,000	0,000	0,000	0,000
Коэффициент сопряженности	0,511	0,369	Коэффициент сопряженности	0,423	0,416	0,365	0,392

Прим.: * доходные группы: 1 — «денег не хватает даже на питание»; 2 — «денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения»; 3 — «денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить, например, новый холодильник или стиральную машину»; 4 — «денег достаточно для покупки, например, холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль»; 5 и 6 — «денег достаточно почти на все, за исключением покупки квартиры или дома» и «мы не испытываем финансовых затруднений, при необходимости можем купить квартиру или дом».

Вторая составляющая развития человеческого потенциала — здоровье (табл. 6). Данные показывают, что оценки собственного здоровья (по шкале: «отличное», «хорошее», «удовлетворительное», «не удовлетворительное») у башкир и тувинцев различаются, но не столь значимо. Все же, у тувинцев заметен сдвиг в сторону худших оценок («удовлетворительное» и «не удовлетворительное»). А вот оценки возможностей для поддержания своего здоровья у тувинцев явно более негативные, чем у башкир. Вполне удовлетворены этими возможностями 40,3% башкир и лишь 20,9% тувинцев; частично удовлетворены — 34,6% и 33,3%; не удовлетворены — 22,7% и 33,2% опрошенных.

Таблица 6. Субъективные оценки здоровья, их связь с ответом на вопрос «Насколько Вы уверены в своем будущем?», в %, асимптотическая значимость, коэффициент сопряженности
 Table 6. Subjective health assessments, their correlation with an answer to the question “How confident are you in your future?”, %, asymptotic significance and conjugacy coefficient

«Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?»	Башкиры	Тувинцы	«Насколько Вы удовлетворены в настоящее время возможностями для поддержания своего здоровья?»	Башкиры	Тувинцы
Отличное	14,0	13,0	Вполне удовлетворен	40,3	20,9
Хорошее	46,0	36,3	Частично удовлетворен	34,6	33,3
Удовлетворительное	32,2	37,0	Не удовлетворен	22,7	33,2
Не удовлетворительное	6,6	8,3	Затрудняюсь ответить	2,4	12,6
Затрудняюсь ответить	1,2	5,4	Всего	100,0	100,0
Всего	100,0	100,0			
асимптотическая значимость	0,000	0,000	асимптотическая значимость	0,000	0,000
коэффициент сопряженности	0,553	0,392	коэффициент сопряженности	0,366	0,432

Результаты измерения субъективных показателей, относящихся к третьей составляющей человеческого развития — образованию и работе, так же свидетельствуют, что тувинцы ощущают себя хуже (табл. 7). Они ниже оценивают возможности для учебы и повышения квалификации. Вполне удовлетворены этими возможностями 31,6% башкир и лишь 20,6% тувинцев; частично удовлетворены — 32,8% и 31,4%, не удовлетворены — 19,7% и 28,6%. Респонденты из Тувы реже воспринимают оптимистично возможности для работы, карьеры и должностного роста: вполне удовлетворены — 21,5% башкир и 17,2% тувинцев, частично удовлетворены — 42,7% и 29,3%, не удовлетворены — 23,9 и 30,7%.

Таблица 7. Субъективные оценки образования и работы, их связь с ответом на вопрос «Насколько Вы уверены в своем будущем?», в %, асимптотическая значимость, коэффициент сопряженности
 Table 7. Subjective assessments of education and work, their correlation with an answer to the question “How confident are you in your future?”, %, asymptotic significance and conjugacy coefficient

«Насколько Вы удовлетворены в настоящее время возможностями для учебы, повышения квалификации?»	Башкиры	Тувинцы	«Насколько Вы удовлетворены в настоящее время перспективами карьеры, служебного роста?»	Башкиры	Тувинцы
Вполне удовлетворен	31,6	20,6	Вполне удовлетворен	21,5	17,2
Частично удовлетворен	32,8	31,4	Частично удовлетворен	42,7	29,3
Не удовлетворен	19,7	28,6	Не удовлетворен	23,9	30,7
Затрудняюсь ответить	15,8	19,4	Затрудняюсь ответить	11,9	22,8
Всего	100,0	100,0	Всего	100,0	100,0
асимптотическая значимость	0,000	0,000	асимптотическая значимость	0,000	0,000
коэффициент сопряженности	0,399	0,388	коэффициент сопряженности	0,392	0,380

Уверенность в будущем и у тувинцев, и у башкир связана со всеми анализируемыми субъективными показателями развития человеческого потенциала (табл. 5–7). В подвыборке тувинцев самое сильное влияние на уверенность в будущем оказывают удовлетворенность возможностями для своего здоровья и материальным положением. Самая слабая связь обнаруживается с самооценкой дохода.

У башкир наиболее сильная прямая связь имеется с оценкой здоровья и самоотнесением к доходной группе. Чем выше оценка здоровья, тем более уверены респонденты в своем будущем; чем к более высокой доходной группе они относят себя, тем выше уверенность в будущем. Так, «вполне и скорее уверены» в своем будущем в 1-й доходной группе («денег не хватает даже на питание») — 0% башкир, в 2-й группе («денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения») — 22,2%, в 3-й («денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить, например, новый холодильник или стиральную машину») — 56,8%, в 4-й («денег достаточно для покупки холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль») — 75,7%, в 5-ой («денег достаточно почти на все, за исключением покупки квартиры или дома») — 81,3% опрошенных.

Нельзя не отметить, что почти одинаковой силы влияние на уверенность в будущем у обоих этносов оказывают и оценки возможностей для учебы и повышения квалификации, для карьеры и должностного роста. Повышение удовлетворенности в этих двух областях влечет за собой повышение уверенности в будущем.

Как видно их выше приведенных социологических данных по трем составляющим развития человеческого потенциала, тувинцы оценили аспекты своей жизни (доходы, здоровье, образование) несколько хуже, чем башкиры. Особенно заметна разница в оценках доходов. У обоих этносов более позитивные оценки указанных областей жизни сопровождаются повышением уверенности в будущем. У тувинцев на уверенность в будущем более всего влияют данные ими оценки имеющихся возможностей для поддержания своего здоровья, удовлетворенность материальным положением, жилищными условиями и оценка своего здоровья. А у башкир — оценка здоровья, отнесение себя к доходной группе и удовлетворенность материальным положением.

Заключение

Концепцию человеческого развития, являющуюся теоретико-методологической основой нашего анализа, можно рассматривать как теорию социального благополучия, основанную на объективных экономических и социальных показателях жизни человека. Включение в нее субъективных показателей, таких например, как уверенность в будущем, способствует продвижению идеи о значимости субъективного восприятия своей жизни людьми для оценки развития. Такой подход приобретает еще большую актуальность и в связи с тем, что достижение уверенности в завтрашнем дне является значимой жизненной ценностью и целью людей. В опросе населения 10 российских регионов, о котором уже упоминалось, около 67% респондентов заявили, что эта цель имеет для них самую высокую значимость¹.

Как показало исследование, большинство тувинцев и башкир уверены в своем будущем. Но имеется и большая группа (каждый 4–5-й) неуверенных, в чем нам видится социальная проблема.

У обоих этносов уверенность больше проявляется у молодых, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, проживающих в селах, а не в городах, имеющих постоянную работу. Неуверенность связана с пожилым возрастом, с низким уровнем образования (среднее общее и ниже), с городским образом жизни, со статусом занятости «не работаю» у башкир и «имею временную работу» у тувинцев.

В отношении влияния семейного статуса, нельзя утверждать, что он положительно и прямо коррелирует с восприятием людьми своего будущего, с уверенностью в нем. Не получено подтверждения, что имеющие семью, детей более уверены в своем будущем. Семейный статус влияет отрицательно. Нахождение в официальном браке, наличие несовершеннолетних детей снижают уверенность. Напротив, отсутствие собственной семьи (не состоят в браке) и несовершеннолетних детей, жизнь в одиночку или вдвоем придают больше уверенности.

Неожиданным является то, что у обоих этносов незарегистрированный брак связан с более позитивным восприятием будущего по сравнению с официальным браком. Еще один особенный результат: с увеличением числа несовершеннолетних детей у башкир растет и уверенность в будущем. Возможно, респонденты с большим числом детей более уверены потому, что в перспективе надеются получить поддержку от своих детей.

¹Приведен процент опрошенных, оценивших ее значение в 5 баллов.

Данные, полученные для тувинцев и башкир по всем субъективным показателям человеческого развития (уровень жизни, здоровье, образование и работа), согласуются со значениями ИРЧ. Тувинцы ощущают себя более бедными, намного чаще не удовлетворены материальным положением и своими жилищными условиями. Они хуже оценивают свое здоровье и возможности для его поддержания. У тувинцев также ниже оценки возможностей для учебы, повышения квалификации.

Уверенность в будущем и у тувинцев, и у башкир прямо и положительно связана со всеми субъективными показателями развития человеческого потенциала. Сильнее всего на уверенность влияют у башкир оценки здоровья и доходов, а у тувинцев — удовлетворенность возможностями для здоровья и материальным положением (чем лучше оценки, тем выше доля уверенных).

Дальнейшее развитие темы должно быть связано с ответом на вопрос: почему семейные, состоящие в браке респонденты, имеющие несовершеннолетних детей, менее уверены в своем будущем, чем те, кто живет без своей семьи и детей? Поиск ответа может идти в нескольких направлениях. Одно из предположений, которое может объяснять такие результаты, состоит в том, что семейные люди имеют худшие условия жизни. Аспектами, в первую очередь определяющими качество жизни, являются работа, доходы, жилищные условия и здоровье. Другое предположение может объяснять полученные результаты через психологическое восприятие семьи и детей. Возможно, семья, дети воспринимаются как ответственность и забота, как создающие больше трудностей и неопределенности в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмакаева, А. М., Гашенина, Н. В. (2020) Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>

Бурханова, Ф. Б. (2015) Брак и семья у башкир // Социологические исследования. № 8. С. 66–74.

Бурханова, Ф. Б., Мухамадиева, Р. Р. (2020) Установки на число детей у башкир, состоящих в мононациональных и межнациональных браках // Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов). Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 22 мая 2020 г.) / под ред. Г. Ф. Хилажевой, Р. Н. Комлевой. Уфа : Гилем ; Башкирская энциклопедия. 272 с. С. 17–22.

Бурханова, Ф. Б., Садретдинова, Э. В., Мухамадиева, Р. Р. (2021) Внутрисемейные факторы формирования моно и биэтнической идентичности детей из межнациональных семей // Вестник Нижегородского государственного университета. Социальные науки. № 2. С. 55–65. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_55

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Галлямов, Р. Р., Зайнетдинова, Л. Ф. (2004) Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа : Здравоохранение Башкортостана. 144 с.

Гилязитдинов, Дж. М., Галеев, Г. Т., Латыпова, Ф. Б. (1994) Этническая стратификация и ее влияние на межнациональные отношения. Уфа : БГУ. 56 с.

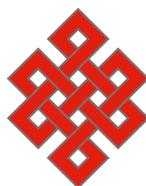
Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель. 288 с.

Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2020 (2021) / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ИТД «Перспектива». 214 с.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Ирназаров, Р. И. (2016) Этничность в трудовой занятости населения Республики Башкортостан // Из прошлого в будущее: социальное развитие Республики Башкортостан и России. Сборник научных статей / отв. ред. Ф. Б. Бурханова. Уфа : РИЦ БашГУ. 188 с. С. 23–37.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 79–89.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13(2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Михайлова, Л. И. (2010) Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. № 3. С. 45–49.

Ондар, Л. М., Ондар, А-А. А. (2016) Подходы к исследованию тувинской семьи в тувиноведении // Современные наукоемкие технологии. № 7 (часть 1). С. 177–180.

Республика Башкортостан. Демографический доклад (2020) Вып. 4 / под общ. ред. А. Н. Дегтярева, А. Р. Кузнецовой, Г. Ф. Ахметовой. Уфа : Институт стратегических исследований Республики Башкортостан. 252 с.

Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. (2009) / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Изд-во «Восточная печать». 352 с.

Самохвалова, Е. В., Заливанский, Б. В. (2017) Социальное самочувствие и восприятие будущего белгородской молодежью // Общество: социология, психология, педагогика. № 12. С. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.7>

Семья и человеческое развитие (2013). Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Изд-во «Восточная печать». 283 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН. 92 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан (2012) [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН. 124 с. 1 CD ROM. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_05.html

Субботин, С. В. (2016) Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9. № 6(28). С. 159–171. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан (2015) / под ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк. Уфа : Восточная печать. 360 с.

Шайхисламов Р. Б., Буреева О. А. (2019) Об уровнях религиозной идентичности в Республике Башкортостан // Вестник Мордовского университета. Т. 3. Вып 2. С. 154–164.

Этнические и языковые проблемы в современной России: региональные аспекты: сборник экспертных докладов (2018) / отв. ред. М. А. Омаров. М. : РГГУ. 265 с.

Этническое и религиозное многообразие России (2018) / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Изд. 2-е испр. и доп. М. : ИЭА РАН. 561 с.

Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве (2021) / под общ. ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа : РИЦ БашГУ. 188 с.

Этносоциология вчера и сегодня (2016) / отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 474 с.

Дата поступления: 20.06.2022 г.

REFERENCES

Almakaeva, A. M. and Gashenina, N. V. (2020) Sub"ektivnoe blagopoluchie: kontseptualizatsiia, izmerenie i rossiiskaia spetsifika [Subjective well-being: Conceptualization, assessment and Russian specifics]. *Monitoring of Public Opinion:*

Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring), no. 1 (155), pp. 4–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>

Burkhanova, F. B. (2015) Brak i sem'ia u bashkir [Marriage and family among the Bashkirs]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 66–74. (In Russ.).

Burkhanova, F. B. and Mukhamadieva, R. R. (2020) Ustanovki na chislo detei u bashkir, sostoiaushchikh v mononatsional'nykh i mezhnatsional'nykh brakakh [Attitudes to the number of children among the Bashkirs who are in mononational and interethnic marriages]. In: *Demograficheskie chteniia (Vyzovy i tendentsii demograficheskogo razvitiia Rossii i ee regionov) [Demographic readings (Challenges and trends in the demographic development of Russia and its regions)]*: A collection of articles of the All-Russian science-to-practice conference (Ufa, May 22, 2020) / ed. by G. F. Khilazheva and R. N. Komleva. Ufa, Gilem ; Bashkirskaiia entsiklopediia. 272 p. Pp. 17–22. (In Russ.).

Burkhanova, F. B., Sadretdinova, E. V. and Mukhamadieva, R. R. (2021) Vnutrisemeinye faktory formirovaniia mono- i biethnicheskoi identichnosti detei iz mezhnatsional'nykh semei [Intra-family factors of formation of mono-ethnic and bi-ethnic identities of children from interethnic families]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Sotsial'nye nauki*, no. 2 (62), pp. 55–65. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_55

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Galliamov, R. R. and Zainetdinova, L. F. (2004) *Etnosotsial'naia stratifikatsiia: teoreticheskie podkhody, kontseptual'naia model', tendentsii razvitiia [Ethnosocial stratification: Theoretical approaches, conceptual model, development trends]*. Ufa, Zdravookhranenie Bashkortostana. 144 p. (In Russ.).

Giliazidinov, Dzh. M., Galeev, G. T. and Latypova, F. B. (1994) *Etnicheskaia stratifikatsiia i ee vliianie na mezhnatsional'nye otnosheniia [Ethnic stratification and its impact on interethnic relations]*. Ufa, Bashkir State University. 56 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ya. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy [Family-marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, and prospects]*. Novosibirsk, Nonparel'. 288 p. (In Russ.).

Dabiev, D. F. (2018) Professional'nye predpochtenii naseleniia Tuvy v kontekste ekonomicheskoi kul'tury [Career preferences of Tuva population in the context of economic culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

Dashkovskiy, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious situation in the Republic of Tuva (Based on the results of a sociological study)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii [Demographic condition of Russian regions] (2021) : National demographic report 2020 / T. K. Rostovskaia, A. A. Shabunova, V. N. Arkhangel'skii et al.; ed. by T. K. Rostovskaia and A. A. Shabunova. Moscow, Publishing and Trading House "Perspektiva". 214 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie russkikh i tuvintsev v sovetskoj i postsovetskoj Tuve (na primere natsional'no-smeshannykh semei) [Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: The case of ethnically mixed families]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Irnozarov, R. I. (2016) Etnichnost' v trudovoi zaniatosti naseleniia Respubliki Bashkortostan [Ethnicity in the employment of the population of the Republic of Bashkortostan]. In: *Iz proshlogo v budushchee: sotsial'noe razvitie Respubliki Bashkortostan i Rossii [From the past to the future: Social development of the Republic of Bashkortostan and Russia]*: A collection of articles / ed. by F. B. Burkhanova. Ufa, Editorial and Publishing Center of Bashkir State University. 188 p. Pp. 23–37. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoj kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 79–89. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologiia i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of

contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Mikhailova, L. I. (2010) Sotsial'noe samochuvstvie i vospriatie budushchego rossiianami [Social moods and reception of future by Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3 (311), pp. 45–49. (In Russ.).

Ondar, L. M. and Ondar, A-A. A. (2016) Podkhody k izucheniiu tuvinskoi sem'i v tuvinnovedenii [Approaches to the study of Tuvan family in Tuvinology]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 7 (part 1), pp. 177–180. (In Russ.).

Respublika Bashkortostan. Demograficheskii doklad [Republic of Bashkortostan. Demographic report] (2020) Issue 4 / ed. by A. N. Degtiarev, A. R. Kuznetsova and G. F. Akhmetova. Ufa, Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan. 252 p. (In Russ.).

Respublika Bashkortostan. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala za 2008 g. [Republic of Bashkortostan. Human development report 2008] (2009) / ed. by R. M. Valiakhmetov, F. B. Burkhanova and G. F. Khilazheva. Ufa, Vostochnaia pechat'. 352 p. (In Russ.).

Samokhvalova, E. V. and Zalinski, B. V. (2017) Sotsial'noe samochuvstvie i vospriatie budushchego belgorodskoi molodezh'iu [Social well-being and perception of the future by the Belgorod youth]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 12, pp. 36–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/sp.2017.12.7>

Sem'ia i chelovecheskoe razvitie [Family and human development (2013) : A report on human development in the Republic of Bashkortostan / ed. by R. M. Valiakhmetov, F. B. Burkhanova and G. F. Khilazheva. Ufa, Vostochnaia pechat'. 283 p. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Sotsiologicheskii otvet na «natsional'nyi vopros»: primer Respubliki Bashkortostan [The sociological answer to the “national question”: The example of the Republic of Bashkortostan] (2012) Moscow, Institute of Sociology of the RAS. 124 p. 1 CD ROM [online] Available at: http://isras.ru/inab_2012_05.html (In Russ.).

Subbotin, S. V. (2016) Tuvinskaia sem'ia i ee funktsii. Traditsii i innovatsii [The Tuvan family and its functions. Traditions and innovations]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 9, no. 6 (28), pp. 159–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Trud, zaniatost' i chelovecheskoe razvitie. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Respublike Bashkortostan [Labor, employment and human development. Report on human development in the Republic of Bashkortostan] (2015) / ed. By R. M. Valiakhmetov, G. R. Baimurzina and N. M. Lavreniuk. Ufa, Vostochnaia pechat'. 360 p. (In Russ.).

Shaikhislamov R. B. and Bureeva O. A. (2019) Ob urovniakh religioznoi identichnosti v Respublike Bashkortostan [About the levels of religious identity in the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 3, issue 2, pp. 154–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-2-154-164>

Etnicheskie i iazykovye problemy v sovremennoi Rossii: regional'nye aspekty [Ethnic and linguistic problems in contemporary Russia: Regional aspects] (2018) : A collection of expert reports / ed. by M. A. Omarov. Moscow, Russian State University for the Humanities. 265 p. (In Russ.).

Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia] (2018) / ed. by V. A. Tishkov and V. V. Stepanova. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 561 p. (In Russ.).

Etnokul'turnoe mnogoobrazie i grazhdanskaia i etnicheskaia identichnost' molodezhi v postsovetskom prostranstve [Ethno-cultural diversity and civic and ethnic identity of youth in the post-Soviet space] (2021) / ed. by R. B. Shaikhislamov. Ufa, Editorial and Publishing Center of Bashkir State University. 188 p. (In Russ.).

Etnosotsiologiya vchera i segodnia [Ethnosociology yesterday and today] (2016) / ed. by L. V. Ostapenko and I. A. Subbotin. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 474 p. (In Russ.).

Submission date: 20.06.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.15

Статья

Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы

Рамиль Н. Рахимов, Булат А. Азнабаев, Ирина В. Фролова

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В 1920–1930-е гг. в национальных республиках РСФСР и Тувинской Народной Республике проходил процесс конституционного развития и создания символов государственности. В 1925 г. в Автономной Башкирской Социалистической Советской Республике был принят государственный герб, в основе которого лежал образ всадника со знаменем в лучах солнца. Герб не был утвержден федеральным центром.

В 1930-е гг. процесс «советизации» гербов автономий привел к тому, что все они получили герб РСФСР с названием конкретной республики. Это явление было связано с провалом политики «коренизации», проводимой ВКП(б) в СССР в 1923–1928 гг. Направленная на создание советской национальной элиты, она привела к появлению национализма в регионах. Откат на консервативные позиции заставил партийное руководство перейти к унификации геральдической практики. В Тувинской Народной Республике «левый эксперимент» привел к кризисным явлениям, что обусловило отход от проведения радикальной политики. Смена курса привела к замене «советского» варианта герба на «национальный» с образом всадника в лучах солнца. В гербе 1935 г. через знак мандалы древнетюркская культурная традиция была интегрирована с буддийской.

В 1992–1993 гг. республики Тува и Башкортостан — субъекты Федерации — приняли новые гербы, в основе которых находится образ всадника в лучах солнца. Тува вернула основу герба 1935 г., а Башкортостан поместил на гербе памятник национальному герою Салавату Юлаеву в лучах солнца. Образ всадника в лучах солнца уходит в древность. Он олицетворяет архетип кочевника, гармонию с природой. В тюрко-монгольском эпосе конь, в некоторых случаях, выполняет функцию солнца. Феномен геральдической традиции Башкортостана и Тувы заключается в том, что древний образ как основа национальной идентичности в символической практике оказался значимее, нежели образы, связанные с религиозной или политической идентичностью.

Ключевые слова: геральдика; национальная политика; СССР; история Башкортостана; история Тувы; всадник; Тува; Башкортостан; герб

Для цитирования:

Рахимов Р. Н., Азнабаев Б. А., Фролова И. В. Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 226–240. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

Рахимов Рамиль Насибуллович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, член Комиссии по государственной символике при

Главе Республики Башкортостан. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, rakhimovrn@mail.ru

Азнабаев Булат Ахмерович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, azbulatt@mail.ru

Фролова Ирина Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, irina.v.frolova@mail.ru

The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva

Ramil N. Rakhimov, Bulat A. Aznabaev, Irina V. Frolova

Bashkir State University, Russian Federation

In the 1920s–1930s, a process of constitutional development and creation of symbols of statehood took place in the national republics of the RSFSR and the Tuvan People's Republic. In 1925, the coat of arms was adopted in the Autonomous Bashkir Soviet Socialist Republic, and it was based on the image of a horseman with a banner in the rays of the sun. The coat of arms was not approved by the federal center.

In the 1930s, the process of "Sovietization" of the autonomies' coats of arms led to the fact that all of them received the coat of arms of the RSFSR with the name of a particular republic. This phenomenon was associated with the failure of the policy of "korenizatsiya" ("indigenization") which was pursued by the CPSU(b) in the USSR in 1923–1928. Aimed at creating a Soviet national elite, it led to the emergence of nationalism in the regions. The throwback to conservative positions forced the party leadership to move towards the unification of heraldic practice. In the Tuvan People's Republic, the "leftist experiment" led to crisis phenomena which resulted in the retreat from the radical policy. The change of course led to the replacement of the "Soviet" version of the coat of arms with the "national" one that had the image of a horseman in the sun. In the coat of arms of 1935, the ancient Turkic cultural tradition was integrated with the Buddhist one through the sign of the mandala.

In 1992–1993, the republics of Tuva and Bashkortostan — the subjects of the Russian Federation — adopted new coats of arms which are based on the image of a horseman in the rays of the sun. Tuva used the basis of the coat of arms of 1935, and Bashkortostan placed the monument to the national hero Salavat Yulaev in the sunshine on the coat of arms. The image of a horseman in the sun goes back to antiquity. It personifies the archetype of the nomad and harmony with nature. In the Turkic and Mongolian epic literature, the horse, in some cases, serves the function of the sun. The phenomenon of the heraldic tradition of Bashkortostan and Tuva lies in the fact that the ancient image as the basis of national identity in symbolic practice turned out to be more significant than images associated with religious or political identity.

Keywords: heraldry; national policy; USSR; history of Bashkortostan; history of Tuva; horseman; Tuva; Bashkortostan; coat of arms

For citation:

Rakhimov R. N., Aznabaev B. A. and Frolova I. V. Obraz vsadnika v luchakh solntsa: geraldicheskie keisy Bashkortostana i Tuvy [The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 226–240. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

RAKHIMOV, Ramil Nasibullovich, Candidate of History, Head, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, rakhimovrn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5642-6591

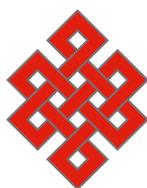
AZNABAEV, Bulat Akhmerovich, Doctor of History, Head, Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archaeology and Ethnology, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, azbulat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1551-9783

FROLOVA, Irina Vasilyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, irina.v.frolova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6687-1963

Введение

Одним из феноменов отечественной геральдики является герботворчество национальных республик РСФСР и Тувинской Народной Республики 1920–1930-х гг. В нем, наряду с революционными символами (серп и молот, венки, красная звезда, колосья пшеницы) использовались символы национальные. Это символизировало рост национального самосознания, отражало в той или иной мере политическую ситуацию, складывавшуюся в процессе реализации модели советской модернизации. Однако ко второй половине 1930-х гг. все герботворчество свелось к принятию герба РСФСР с указанием названия конкретной республики. В начале 1990-х гг., в период становления новой России, субъекты Федерации разработали и приняли государственную и региональную символику, отражающую национальные, территориальные особенности, исторические традиции, стремление к развитию. В некоторых гербах нашли свое отражение образы и символы, идущие из древности, но сохраняющиеся в исторической памяти народа.

Отметим, что процесс отечественного герботворчества в советский и постсоветский периоды до недавнего времени не был исследован в полной мере, хотя можно выделить ряд работ, посвященных этой проблематике. В частности, в статье А. В. Безрукова констатировался факт принятия «национальных» гербов с последующей их «советизацией» и унификацией с гербом РСФСР в конце 1930-х гг., но не объяснялось, чем это было вызвано (Безруков, 2017). В ряде трудов описывался процесс составления гербов автономий (Ткаченко, 2015; Государственные и муниципальные ..., 2017). В них подавление «национального» геральдического контекста «советским» рассматривалось как произвол центра в отношении регионов — без отсылок к изменениям национальной политики. Большая часть публикаций приводила описание гербов (Сметанников, 2003; Сапрыков, 2004; Моченов, Коржик, 2005; Геральдика России ..., 2008; и др.). Ряд авторов предлагал классификацию региональных гербов, анализировал обстоятельства их создания, закономерность использования тех или иных символов (Корников, 2016; и др.).

Серьезным прорывом в изучении влияния советской геральдики на геральдику государств Востока новейшего времени стала монография К. А. Бичелдея и Б. Б. Монгуша, посвященная государственным символам Тувы (Бичелдей, Монгуш, 2019). Анализируя герботворчество Тувинской Народной Республики 1920–1930-х гг., авторы показали эволюцию символической политики, тесно связанную со сменой идеологических ориентиров, которая привела к вступлению в 1944 г. формально самостоятельного государства в состав СССР и трансформации ТНР в автономную республику РСФСР.

Обращение к геральдике Башкортостана и Тувы связано с интересным фактом — и в той, и другой системе представлен «всадник в лучах солнца». Возникнув в 1920–1930-е гг., данный этнокультурный образ, ставший символом, был впоследствии отвергнут советской геральдикой, но вернулся в гербы двух республик — субъектов Российской Федерации. Важно отметить, что в гербах других регионов России данный феномен никак не проявился. Наш исследовательский фокус сконцентрирован на геральдических традициях Башкортостана и Тувы, связанных с этим символом и являющихся основой как существовавших в 1920–1930-е гг., так и современных гербов. Интерес к этой проблематике в современном Башкортостане оживился в связи с празднованием столетия первой автономной советской социалистической республики, широко отмечавшемся в 2019 г. (Фролова, Уразова, 2020).

Особенности региональной геральдики РСФСР 1920–1930-х гг.

Первым опытом советской геральдики был герб РСФСР 1918 г., утвержденный Конституцией РСФСР 1925 г. На гербе на червлёном немецком барочном «картуше» размещались в лучах восходящего солнца перекрещенные серп и молот¹; над серпом и молотом, на картуше располагалась надпись «Р.С.Ф.С.Р.»; щитодержателями выступали колосья пшеницы с наложенной на них внизу красной лентой с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Впоследствии, в 1978 г., в герб добавилась красная пятиконечная звезда с золотой каймой, расположенная над щитом.

Важно подчеркнуть, что советское государство создавало собственную геральдическую традицию, отказавшись от традиционного для дореволюционной России французского щита² и вводя

¹ Немецкий щит — геральдический щит в форме «растянутой шкуры», «картуша», образующего выемки и завитки.

² Французский щит — геральдический щит в виде прямоугольника с наибольшим заострением в средней нижней части.

новые символы: колосья, перекрещенные серп и молот, восходящее солнце с лучами. В том же 1918 г. был учрежден первый советский орден — орден Красного Знамени — с таким же девизом и символами. Геральдическое новаторство опиралось на символическую практику революционной эпохи. Н. А. Соболева отмечала, что ещё с середины XIX в. в символике социал-демократов использовались мотивы красного знамени, восходящего солнца и молота. Изображение эмблемы «Серп и Молот» отмечается в источниках сразу после Февраля 1917 г. (Соболева, 2018: 535). Красная звезда, по мнению исследовательницы, появилась как военная эмблема осенью 1917 г. по инициативе Н. И. Подвойского и вскоре стала символом Красной армии (там же: 538).

Н. А. Соболева отмечает также влияние на большевиков античной символики, обусловленное в том числе увлечением античным стилем сотрудничавших с властью представителей художественного течения «Мир искусства» (там же: 539–541). Если в первые послереволюционные годы в агитационно-массовой работе античным сюжетам отводили значительное место, способствуя романтизации революции, то со второй половины 1920-х гг. новое направление советской внешней и внутренней политики привело к постепенному снижению их применения (там же: 541–542). После 11 мая 1925 г. (принятия Конституции) символы серп и молот, восходящее солнце с лучами, колосья пшеницы и снопы пшеницы, девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» становятся не только общеизвестными, но и легитимными.

Советский Союз унаследовал многонациональную территорию бывшей Российской империи, однако национальная политика, с которой в революцию вступили большевики, была декларативной. Перед партией стояла двудеятная задача — преодоление «великодержавного шовинизма» центра и борьба с «национализмом» местных элит. Это привело к выработке мер, направленных на создание советских местных элит, развитие национальных языков, что получило название «политика коренизации». Ее сущность была изложена И. В. Сталиным в 1923 г. на XII съезде РКП(б) (Борисёнок, 2006; Дроздов, 2016).

В 1925 г. при ВЦИК была создана комиссия под председательством А. С. Енукидзе для выработки предложений и рекомендаций по созданию и утверждению флагов и гербов автономий. В апреле 1926 г., в связи с подготовкой проекта новой Конституции СССР, ВЦИК остановил работу по утверждению конституций автономных ССР и рассмотрению их флагов и гербов.

Как показывает перечень предложений руководителей национальных образований на совещании при СНК РСФСР по проблемам национальной политики, направленный 2 декабря 1926 г. В. М. Молотову, одним из существенных вопросов было конституционное оформление автономных республик, предполагавшее расширение их прав (ЦК РКП(б) — ВКП(б) ... , 2005: 446–447). В докладе председателя ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинина в Политбюро ЦК ВКП(б) о работе комиссии «Строительство национальных республик и областных органов РСФСР» 21 марта 1927 г. говорилось, что в части мероприятий, направленных на урегулирование взаимоотношений РСФСР и национальных автономий в области оформления правовых норм предлагается ускорить разработку конституций автономных республик в «соответствии с их бытовыми национальными особенностями, в направлении предоставления определенных прав этим республикам в области законодательства и управления» (там же: 485). В итоге рекомендовалось для ускорения решения вопроса разработать Президиумом ВЦИК типовую Конституцию автономных республик (там же: 486). Иными словами, федеральный центр пошел по пути унификации, заметив возросшие запросы на свои права со стороны автономий.

Как эти процессы отражались в геральдической практике автономных республик РСФСР? Рассмотрим их на примере поволжских республик — Татарской и Чувашской АССР.

Первый, неофициальный герб Татарской АССР (художник Б. Урманче) был показан 25 июня 1920 г., в день провозглашения республики (рис. 1). Он представлял собой круглый щит, где на фоне восходящего солнца были изображены лук со стрелой, серп и молот, обрамленные венком из колосьев. Щитодержателями выступали татарин-рабочий и татарин-крестьянин (Государственный и муниципальные ... , 2017: 31–33). Данный герб не был утвержден.

Положение о гербе закрепила Конституция ТАССР 1926 г. Был разработан новый герб, автор его не известен (рис. 2). Он повторял герб РСФСР и дополнялся надписями на русском и татарском (латиницей) языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Татарская Социалистическая Советская Республика Российской Федерации» (в Конституции 1937 года — «Татарская АССР»).

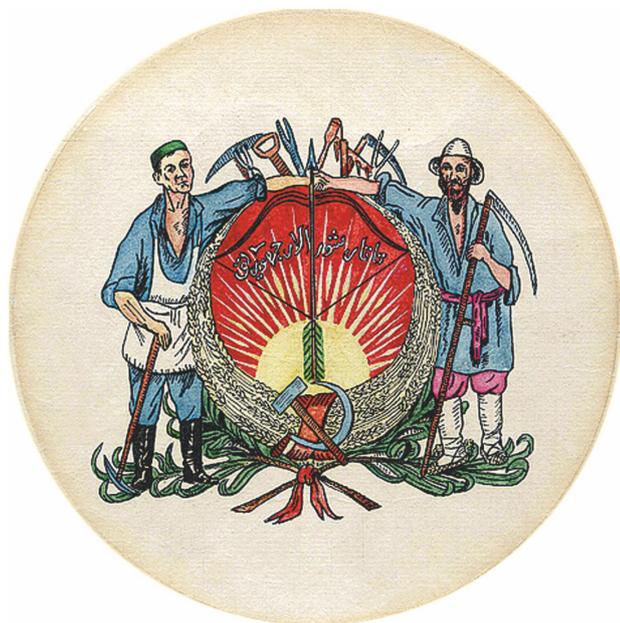

Рис. 1. Неутвержденный герб Татарской АССР, 1920 г.
Fig. 1. Unapproved coat of arms of the Tatar ASSR, 1920.

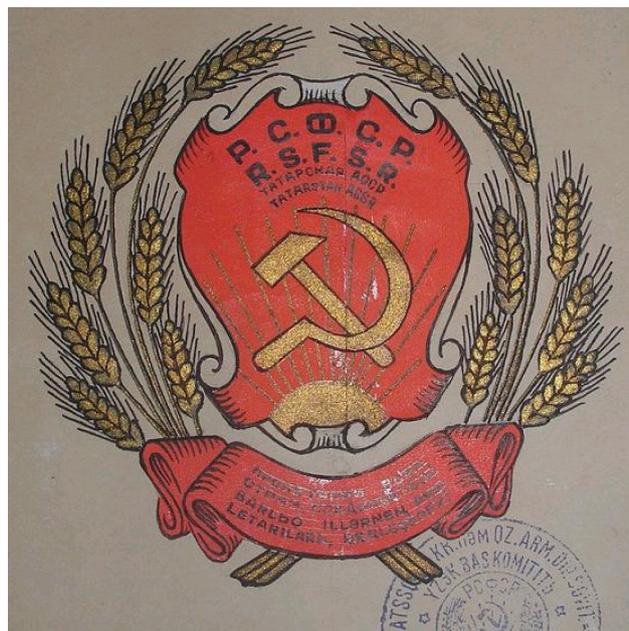

Рис. 2. Герб Татарской АССР, 1926 г.
(утвержден ЦИК Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Автономной Татарской ССР).
Fig. 2. The coat of arms of the Tatar ASSR, 1926 (approved by the Central Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies of the Autonomous Tatar SSR).

В 1920 г. была образована Чувашская автономная область, преобразованная в 1925 г. в Чувашскую АССР. По заданию правительства герб республики в 1926 г. разработал художник П. Е. Мартенс. Он состоял из изображения серпа и молота в лучах солнца, окруженных венком из колосьев с правой стороны и из дубовых и еловых веток — с левой стороны, перевитого снизу лентой с красной каймой с чувашским орнаментом на концах и с надписью на чувашском языке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Над серпом и молотом помещалась пятиконечная звезда; вокруг шла надпись на чувашском языке «Чувашская автономная Социалистическая Советская Республика» и «РСФСР».

Уже в 1927 г. герб изменился — фон стал красным, а серп, молот, звёзды и лучи — золотыми (Ткаченко, 2015: 63–66).

В феврале 1931 г. IV (IX) съезд Советов Чувашской АССР кардинально изменил герб. Чувашские национальные орнаменты было решено убрать как «не отражающие правильную национальную политику пролетарского государства» (там же: 72). В Конституции Чувашской АССР 1938 г. гербом ЧАССР объявлялся герб РСФСР с добавлением надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Чувашская АССР» на чувашском языке.

Как видим, и проект герба ТАССР 1920 г., и герб ЧАССР 1926 г. содержали советскую символику, но имели национальные особенности — лук со стрелой, национальные орнамент и язык. Заметим, что лук со стрелой не принятого проекта герба Татарской АССР окажется впоследствии основным символом на эмблеме тюркских легионов «Идель-Урал», сформированных из попавших в плен представителей тюркских народов Поволжья и Приуралья в нацистской Германии в 1942 г. (Дробязко, Карашук, 2000; Гилязов, 2005). Таким образом, непринятая «национальная» символика была использована в символике вооруженных сил, воевавших на стороне противника СССР.

Гербы с национальными элементами, заменёнными в 1937 г. гербом РСФСР с надписями на русском и национальном языках, кроме вышеуказанных республик, имели Дагестанская и Мордовская АССР. У Автономной Крымской, Якутской АССР, Автономии Немцев Поволжья гербы сразу повторяли герб РСФСР. Бурят-Монгольская АССР не имела герб, используя герб РСФСР. Те же автономии, что были образованы в 30-е годы XX века, в качестве герба также утвердили герб РСФСР с надписями на

русском и национальном языках: Марийская, Удмуртская, Коми, Карело-Финская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Калмыцкая.

В это же время в процесс «советизации» государственной символики была вовлечена и Тувинская Народная Республика (Бичелдей, Монгуш, 2019).

На наш взгляд, геральдический феномен «исправления» гербов автономий РСФСР от «национальных» до «советских» в определенной мере объясняет концепция американского историка Т. Мартина о построении в СССР в 1920–1930-е гг. империи «положительной деятельности» (Мартин, 2011). Это означало, что на каждой национальной территории язык титульной национальности становился государственным, национальные элиты должны были после переподготовки влиться в советские партийные органы, возглавить управление, образование, культуру и хозяйство на местах (там же: 23). Большое внимание уделялось развитию национальных культур как основы национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР через символические признаки национальной идентичности — фольклор, музеи, национальную одежду и кухню, музыку, литературу, историю (там же: 25). При всем этом Москва не желала давать реального наполнения понятию «федерация», поэтому все властные полномочия оставались за центром.

По мнению Т. Мартина, политика «положительной деятельности» началась в 1923 г., продолжалась до ее пересмотра в период Большого террора в 1938 г. и имела свои периоды: НЭП (1923–1928), социалистическое наступление/культурная революция (1928–1932) и великое отступление (1933–1938) (там же: 43). В декабре 1932 г., в связи с кризисными явлениями (отказ от коллективизации на национальных окраинах) и провалом политики «украинизации» были приняты постановления, направленные на пересмотр данной политики (там же: 45). Как отметил Мартин, в реальности «коренизация» имела своим следствием появление национал-коммунистического уклона. «Великое отступление» в 1933–1938 гг. привело к реабилитации русской культуры, развитию процесса национальной идентификации русских. Сама же «русификация РСФСР» проводилась посредством метафоры «дружба народов» (там же: 541).

Почему провалился проект «коренизации»? Т. Мартин объясняет это, опираясь на схему становления национализма среди «малых народов» Восточной Европы, предложенную М. Грохом (Groch, 1985). По мнению последнего, вначале формируется интерес местной элиты к фольклору и народной культуре, за ним идет консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства, а в результате возникает националистическое движение, пользующееся массовой поддержкой народа (Мартин, 2011: 28).

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Укоренение советской власти в национальных регионах привело к значительному подъему национального самосознания, так что уже с 30-х гг. XX в. власти начали рассматривать национализм как одну из серьезных опасностей и первыми элементами, подвергшимся ревизии, стали конституции автономий и государственные символы.

Неутвержденный проект герба АБССР 1925 года

В Всебашкирский съезд Советов, проходивший 21–27 марта 1925 г. в Уфе, принял Конституцию Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики. В ней указывалось, что республика имеет свой государственный флаг и государственный герб. БашЦИК объявил конкурс на составление герба, и к 9 октября поступило пять проектов.

На заседании Президиума БашЦИК 25 октября 1925 г. был утвержден проект герба, который представлял собой «изображение на фоне символа лесоводства земледелия и промышленности, с надписями на башкирском и русском языках “Автономная Башкирская Социалистическая Советская Республика” и включением инициалов “РСФСР”, как отображением идеи федеративности»¹ (Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана, 2006: 233). Под «изображением» подразумевался всадник с красным знаменем, скачущий навстречу лучам солнца.

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. / сост. А. Б. Юнусова. Уфа, 2006. 512 с. С. 233. [Электронный ресурс] // Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан. URL: <https://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/37041/> (дата обращения: 11.05.2022).

Рис. 3. Герб Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1925 г., три варианта А. Э. Тюлькина.
Fig. 3. The coat of arms of the Autonomous Bashkir Socialist Soviet Republic, 1925; three variants proposed by A. E. Tiulkin.

Данный проект герба разработал известный в республике художник А. Э. Тюлькин, советский живописец, организатор Уфимского отделения Высших государственных художественно-технических мастерских, впоследствии — Народный художник БАССР, Заслуженный деятель искусств РСФСР, изучавший быт и культуру башкир. Им были предложены три варианта герба. Два других проекта герба и их авторы нам, к сожалению, не известны.

Как видно из рис. 3, все три варианта, предложенные Тюлькиным, имели в своей основе итальянский щит сложной формы с оконечностью в верхней части¹. Щит обрамлял венок из колосьев, в принятом варианте — снопов пшеницы, перевитых лентой (рис 3с). У двух непринятых вариантов внизу располагалась девизная лента с литерами «АБССР», у утвержденного — сноп и перекрещенные серп и молот. Оконечность щита во всех случаях венчалась красной звездой. На непринятых вариантах всадник скакал навстречу лучам солнца по степи на фоне силуэта далеких гор. Всадник был одет в национальную одежду, с национальным головным убором. На принятом варианте присутствовали производственные постройки (здания) и поросшие лесом горы. Надписи были на русском и башкирском языках, в последнем случае выполнены арабской графикой.

Если изображения снопов, колосьев, красного знамени, серпа и молота, звезды, лучей солнца, являлись сложившейся традицией с общепринятым набором символов, то всадник в лучах солнца олицетворял идею свободы башкирского народа, его стремление к лучшей жизни. Необходимо отметить, что у башкирского народа культ коня составляет одну из основ этнической идентификации (Илимбетова, Илимбетов, 2012: 551–555).

Также этнологи отмечают, что у башкир, как и у многих других народов, образы небесных коней переплетаются с солярным культом (там же: 579). Без лошади башкир не мог считаться воином, следовательно, и полноценным членом общины. Судя по челобитным XVII в. башкир, потерявший коня (коньми опал), получал от государства отсрочку в выплате ясака. Этнографы, изучавшие коренное население Южного Урала в начале XX в. отмечали, что башкиры смотрели на безлошадного человека так, как другие народы на бездомного, т. е. неполноценного члена общества. Ведь за него кто-то другой должен был отправляться на военную службу и выполнять обязанности перед государством и обществом. О социальном значении лошади для башкир говорит поговорка *Атың булһа, ил таный* (Когда имеешь коня — мир признает тебя). В обыденном сознании до сих пор сохранилось представление о башкире как о всаднике. Даже слово «мужчина» в башкирском языке звучит как *ир-ат*, то есть «мужчина-конь». Преобладание в башкирском стаде лошадей позволяет отнести башкирский социум к хозяйственно-культурному типу, который в науке получил название «всаднического». Под ними понимают определенное военное преимущество племен верховых кочевников над племенами оседлыми (Азнабаев, 2016). Напомним, что башкирская конница активно участвовала в войнах России XVII–XIX вв., а в только что завершившейся Гражданской войне принимала участие башкирская

¹ Итальянский щит — геральдический щит овальной формы.

Рис. 4. Герб Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1926 г.

Fig. 4. The coat of arms of the Autonomous Bashkir Socialist Soviet Republic, 1926.

Рис. 5. Герб Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики 1937 г.

Fig. 5. The coat of arms of the Bashkir Autonomous Socialist Soviet Republic, 1937.

кавалерийская бригада М. Л. Муртазина. Всадник со знаменем был не только образом, но и символом исторической памяти, реальностью недавнего прошлого.

Использование итальянского щита, вероятно, было связано с тем же желанием не повторять геральдическую практику Российской империи, использовавшую французский щит (герб РСФСР имел в основе своей немецкий щит). Из герба РСФСР в проект герба АБССР «перешли» основные элементы: венок из колосьев, звезда, серп и молот, восходящее солнце с лучами, надпись «РСФСР».

Однако комиссия ВЦИК по рассмотрению проектов конституций автономий — Башкирской, Татарской, Немцев Поволжья — не утвердила в своем заключении Конституцию АБССР, а также герб. В качестве герба Башкирская автономия с 1926 г. использовала герб РСФСР с надписью на картуше «АБССР» (рис. 4). Унификация в геральдике была одним из важнейших элементов укрепления власти центра, реализации советского проекта модернизации. Окончательно она была реализована после принятия Конституции СССР и затем конституций автономий в 1936–1937 гг. 9 февраля 1938 г. БашЦИК утвердил герб БАССР, который вновь в целом повторял герб РСФСР с добавлением надписи «Башкирская АССР» на русском и башкирском языках (рис. 5). В таком виде с некоторыми дополнениями герб просуществовал до 1993 г.

Гербы Тувинской Народной Республики 1935 и 1939 годов

Тува (под названием Урянхайский край) в 1914 г. получила протекторат Российской империи. В 1921 г. здесь была провозглашена Тувинская Народная Республика (Народная Республика Танну-Тува).

В 1921–1926 гг. герб и флаг у Тувы отсутствовали, известны варианты знамени Правительства ТНР (Бичелдей, Монгуш, 2019: 9–13). В 1925 г. было принято решение о создании государственной символики. 24 ноября 1926 г. IV Великим Хуралом была принята Конституция Тувы, в которой описывался государственный герб: буддийский символ «хорло», внутри которого вписан земной шар в лучах солнца и в венке из колосьев, на него наложены перекрещенные серп и грабли. Герб был составлен К. Дондуком, но в него включили элементы из проекта герба, предложенного Ф. Ф. Разумовым (там же: 15). Герб сочетал в себе символы буддизма (круг «хорло») и революции (венки из колосьев, серп и грабли, лучи восходящего солнца).

В 1929 г. в Туве к власти пришло новое правительство, ориентированное на социально-классовый подход. Была принята новая Конституция Тувинской Народной Республики. В ней к прежнему гербу добавлялась пятиконечная звезда, надпись «ТАР»¹ и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Монгуш, 2011; Бичелдей, Монгуш, 2019: 18–19).

¹ТАР — Тыва Арат Республика, Тувинская Аратская Республика.

Рис. 6. Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.
Fig. 6. The coat of arms of the Tuvan People's Republic, 1935–1939.

«Левый» эксперимент привел к росту народного недовольства. Внутренняя политика была откорректирована, принят «новый политико-хозяйственный курс», аналог советского НЭПа, советская идеология ослаблена. Буржуазно-демократические реформы отразились в новой Конституции 1936 г., оставшейся не утвержденной. Однако в символической политике изменения были более явными.

2 июля 1935 г. VII сессия и президиум Малого Хурала утвердили новый государственный герб, третий по счету (рис. 6), который состоял

«из пятиконечной звезды с дугообразными концами, окаймленной двумя жёлтыми кругами, а между этими кругами — красная лента, с изображением на голубом фоне территории ТАР серо-коричневого цвета, с лошадью белого цвета и сидящим на ней всадником-аратом в красном национальном костюме в черной шапке с красным околышем и в чёрных маймаках; с северо-запада освещает солнце; с юго-востока на север — серп зеленого цвета, внизу надпись: “ТНР. Пролетарии и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!” — жёлтого цвета» (Монгуш, 2016: 57).

В 1939 г. в связи с изменением руководством Тувы политического курса произошло укрепление позиции элит, ориентированных на СССР, что выразилось в усилении советской идеологии и политических репрессиях. В 1938 г. в герб были внесены изменения:

«Государственный герб республики состоит из изображения на голубом фоне пятиконечной тупой звезды, контуры территории республики серо-коричневого цвета, по которым изображен мчащийся на белой лошади всадник-арат с красным шестом на руках в темно-синем национальном костюме, в чёрной национальной обуви, обращенный лицом к Востоку. С северо-запада освещает серебряное солнце, с юго-запада лежит серебряный серп с золотой рукояткой, внизу герба надписи жёлтого цвета: “ТАР” и “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” — на тувинском языке латинским шрифтом» (Бичелдей, Монгуш, 2019: 25–26).

«Пятиконечная тупая звезда», по справедливому замечанию Б. Б. Монгуша, на самом деле представляла собой пятичастный щит в виде пяти лепестков, а сам герб семантически был связан со знаком мандалы, ритуального магического круга в тибетском буддизме (Монгуш, 2016: 58). Мандала состоит из внешнего круга, вписанного в него квадрата и внутреннего круга, отражая представления тувинцев о гармоничном устройстве мироздания и государства (там же: 60). Схематично пятилепестковая пентаграмма заменяла внешний круг — символ Неба, Космоса, абрис территории Тувинской Народной Республики, квадрат — символ Земли, а всадник — хозяина земли (там же: 61).

Всадник с уруком (шестом с веревочной петлей для отлова животных) символизировал тувинский народ и, одновременно табунщика-коневода, который пас священный скот тувинцев — коней, «воздушного коня», олицетворяющего счастье всего тувинского народа (там же: 60). Этнологи отмечают, что в тюрко-монгольском эпосе конь, в некоторых случаях, может играть функцию солнца

(Илимбетова, Илимбетов, 2012: 581). Таким образом, в гербе ТНР 1935 и 1939 гг. древнетюркская культурная традиция была интегрирована с буддийской традицией (Монгуш, 2016: 61).

Почему произошла радикальная смена герба с сохранением нескольких его элементов? По мнению Б. Б. Монгуша, «левый эксперимент» 1929–1932 гг., связанный с ускоренным построением социализма в Туве, не осуществился, и властные элиты Тувинской Народной Республики признали особый «тувинский» путь развития (Монгуш, 2016: 61). Этот курс выразился в выделении национального элемента, высказанного языком геральдики.

В 1941 г. была принята новая Конституция ТНР. Герб вновь изменился, став уже пятым по счету. В нем совмещались изображения 1926 и 1930 гг. (земной шар, звезда, серп и молот, колосья) и 1935 г. (территория республики, всадник, скачущий навстречу солнцу). В данном случае элементы герба СССР и революционная символика сохранились, национальные особенности показывал всадник в лучах солнца, буддистская символика исчезла. Советизация герба была связана с тесными контактами, сложившимися в 1920–1930 гг. с СССР и с союзническими отношениями, оформившимися с началом Великой Отечественной войны.

11 октября 1944 г. ТНР вошла в СССР, с 13 октября 1944 г. в составе РСФСР появилась Тувинская автономная область, которая герба не имела. В 1961 г. область была преобразована в Тувинскую АССР и с 1962 г. в качестве герба имела герб РСФСР с надписью «Тув. АССР» на русском и тувинском языках. В 1978 г. в герб добавилась пятиконечная звезда, изменился порядок надписей. Данный герб просуществовал до 1992 г. Примерно такую же композицию, с изображением всадника-арата с урагой в лучах солнца, имел герб Монгольской Народной Республики с 1940 по 1992 г. Современный герб этого государства основной фигурой имеет изображение священного жеребца и национальную эмблему *соёмбо*, означающие независимость, суверенность и дух Монголии.

Таким образом, в 1920–1930 гг. в дружественной СССР Туве и в советских автономиях, в том числе Башкирии, шли процессы становления национальной государственности, включавшие в себя конституционное развитие и формирование государственной символики. Если в башкирской автономии развитие государственной символики шло от самобытной символики с обязательными атрибутами советской геральдики, то в Туве, формально независимом государстве, геральдические поиски, воплотившиеся в пяти гербах, отражали как национально-религиозную идентичность тувинцев, так и изменения внутреннего курса политических элит¹. И в том, и в другом случаях советская идеология в итоге вела к отказу от этноконфессионального начала в геральдике, постепенно вытесняя его унифицированной советской символикой. Однако на определенном этапе и в Башкирии, и в Туве был предложен, а в Туве и утвержден в гербе образ всадника в лучах солнца, соединяющий древние фольклорные представления и символизирующий новую жизнь.

Необходимо отметить, что советское герботворчество 1920–1930-х гг., нарушая правила геральдики, использовало на гербах надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», названия республик. Однако это нарушение ввело в мировую геральдическую практику языки народов СССР, в том числе башкирский и тувинский.

Постсоветские гербы Тувы и Башкортостана

Начавшаяся в Советском Союзе перестройка вызвала сложный социально-экономический кризис и привела к параличу власти. Начались процессы дезинтеграции, в 1991 г. СССР прекратил свое существование. 12 декабря 1990 г. была принята «Декларация о суверенитете Республики Тува». 17 августа 1992 г. были приняты герб и флаг Республики Тува, утвержденные 17 сентября Верховным Советом Тувы.

В качестве герба был утвержден проект художников И. Ч. Салчака и О. И. Лазарева (Бичелдей, Монгуш, 2019: 36–37). Он представлял собой пятилепестковый щит из полукругов с золотым контуром, имеющим посередине серебряную полосу. Голубое поле щита имело в верхнем углу изображение солнца с пятнадцатью лучами, а в центре золотого всадника в национальной тувинской одежде на золотой лошади, скачущего навстречу лучам. В оконечности изображалась традиционная лента *кадак* белого цвета с надписью золотом на тувинском языке «Тыва» (рис. 7).

¹ Такие же процессы другие авторы отмечают на знаках почтовой оплаты Тувы (Воронин, 2022).

Рис. 7. Герб Республики Тува 1992 г.
Fig. 7. The coat of arms of the Republic of Tuva, 1992.

Рис. 8. Герб Республики Башкортостан 1993 г.
Fig. 8. The coat of arms of the Republic of Bashkortostan, 1993.

В официальном пояснении символики герба уточнялось, что всадник на гербе — арат-крестьянин-скотовод, олицетворяющий самобытность тувинского этноса, традиционный уклад жизни и основную хозяйственную деятельность. Он одет в национальный костюм и головной убор, который носили предки тувинцев. Само изображение всадника, скачущего навстречу лучам солнца, символизировало движение к светлой и счастливой жизни, миру, высоким идеалам. *Кадак* — церемониальный шарф, который преподносится как почетный дар, выражает гостеприимство и дружелюбие тувинцев. Пятилепестковый щит — стилизованный древнебуддийский знак вечности (Сат, Иргит, 2013: 415). Герб Тувы во многом повторял герб ТНР 1935 г. Таким образом, геральдика Тувы вернула свой основной символ — образ всадника в лучах солнца.

Как отмечают эксперты, в России в процессе создания гербов, лишь только республики Карелия и Тува могли опереться на существовавшие ранее региональные символы (Корников, 2016: 55). Остальные республики использовали в основном эпические сюжеты и образы, элементы национального орнамента, религиозные буддийские символы. Во всех республиках символика в той или иной степени олицетворяла возрождение национального самосознания титульных народов.

21 октября 1993 г. внеочередная XXIV сессия Верховного Совета приняла Конституцию (основной закон) Республики Тыва. В ней было повторено описание герба и флага республики. При издании текста Конституции 4 декабря 1993 г. было допущено искажение герба (солнце, всадник изображены серебряными с золотым контуром). Ошибочное изображение герба попало в ряд справочников¹.

По рекомендации Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации в 2004 г. был разработан новый вариант герба (авторы В. С. Тойбу-Хаа, Д. Тойбу-Хаа). Он сохранял прежний герб в целом, но сам пятилепестковый щит вписывался во французский щит с золотым полем. Такой щит является традиционным для российской геральдики, а пятилистник становится, таким образом, отдельным символом («Самбыга»). На гербе исчезла лента *кадак* с надписью «Тыва», вместо нее появились серебряные горы, всадник получил в руку кнут, солнце осталось без лучей. 28 апреля 2004 г. проект был отклонен на заседании Верховного Хурала Республики Тыва (Бичелдей, Монгуш, 2019: 41). Действующим остался герб, утвержденный в 1993 г.

¹ Напр.: Символика России / ответ. вып. М. Заячковский, А. Польщикова. М.: Профиздат, 1997. С. 160.

Верховным Советом Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики 11 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете. БАССР была преобразована в Башкирскую Советскую Социалистическую Республику. С 25 февраля 1992 г. она получила название Республика Башкортостан. В целях реализации Декларации 26 ноября 1990 г. был объявлен конкурс на лучший проект герба, флага и гимна. 12 октября 1993 г. Верховный Совет Республики Башкортостан утвердил Государственный герб, автором которого был художник Ф. Ф. Ислахов.

Герб имеет форму круглого щита, обрамленного башкирским орнаментом (рис. 8). В центре расположено изображение памятника Салавату Юлаеву (скульптор С. Д. Тавасиев) в лучах восходящего солнца. В оконечности щита расположена лента, окрашенная в цвет Государственного флага Башкортостана, с надписью на башкирском языке «Башкортостан» и соцветием курая (зонтичное растение, из стебля которого изготавливается народный музыкальный инструмент) из семи лепестков, символизирующим связь с прошлым.

Композиционно герб оказался близок к проекту герба АБССР А. Э. Тюлькина 1925 г.¹ Первоначально изображение памятника было ориентировано по правилам геральдики слева направо. Однако памятник на местности расположен по линии «север — юг» и в таком варианте он находится в лучах заходящего солнца. В геральдике стороны определяются для держателя щита, владельца герба, таким образом, для зрителя правая сторона наблюдается как левая и наоборот. Для того, чтобы изображение соответствовало описанию, «в лучах восходящего солнца» изображение перевернули, и всадник движется на гербе влево, что нетипично для геральдики. На памятнике Салават Юлаев изображен в момент, когда он остановил коня перед прыжком. Тем не менее, одна нога у коня поднята, а в геральдике такой вариант обозначает движение.

Памятник Салавату Юлаеву трактуется как обобщённый образ джигита-воина, борца за свободу и справедливость, символизирует дружбу и единение народов Башкортостана. Таким образом, как и в Туве, герб Башкортостана 1993 г. наследовал от проекта герба 1925 г. образ всадника в лучах солнца.

Сравнительный анализ образа «всадника в лучах солнца»

А. А. Корников выделил среди гербов субъектов Федерации две группы (Корников, 2016): первая — гербы, опирающиеся на дореволюционные, вторая — гербы, включающие новые эмблемы, порывающие с традиционной дореволюционной геральдикой. Отличительная черта второй — «стремление подчеркнуть национальное своеобразие определенного субъекта Федерации» (там же: 54) с помощью исторических и мифологических персонажей, элементов национального орнамента, представителей местной фауны и флоры.

Исследователь подчеркивает, что, разрабатывая новые гербы, национальные республики намеренно отказались от возможности использовать дореволюционную символику территории, чтобы подчеркнуть национальное своеобразие, включая традиционные гербовые щиты (там же: 55). Например, в отношении Республики Башкортостан А. А. Корников отмечает отказ от дореволюционного герба Уфимской губернии. Здесь в рассуждения автора необходимо внести комментарий. Дело в том, что Уфимская губерния включала в себя как территории, вошедшие в состав Башкирской АССР, так и вошедшие в советский период в Татарскую АССР (Мензелинский уезд), Челябинскую область (Златоустовский уезд), что не могло не привести к упрекам в «территориальных» претензиях.

Тува и Башкортостан не имели дореволюционной символики, геральдическая история у них началась лишь в 1920-е гг. В начале 1990-х гг. республики обрели новую государственную символику, в основе которой оказался образ всадника в лучах солнца. Интересно, что наследниками кочевой культуры на постсоветском пространстве, кроме башкир и тувинцев, являются и казахи, киргизы, туркмены, буряты, и ряд других народов. Культ лошади присутствует у народов Кавказа, Алтая, и можно было предполагать, что образ всадника станет частью государственной символики этих народов. Однако выбор новых геральдических символов, проходивший в этих регионах повсеместно путем открытых конкурсов, не нашел своего воплощения в образе всадника, за исключением Тувы и Башкортостана.

Разумеется, основанием для выбора основного символа герба было не прямое желание обратиться к образу, несущему древнюю символику. В Туве это было новое прочтение герба 1935 г., сохранение

¹ Башкортостан. Государственные символы и символика городов и районов. Уфа : Башкортостан, 2007. С. 319.

геральдической традиции, отказ от советских элементов геральдики. В случае Башкортостана основным символом стал широко известный скульптурный образ национального героя, со сложившимся в советское время культом (имя Салавата Юлаева носят: город, район, предприятия, хоккейный клуб), и также отказ от элементов советской геральдики. Феномен новой, постсоветской геральдики Башкортостана и Тувы заключается в том, что древний образ как основа национальной идентичности в символической практике местных элит и общества оказался значимее, нежели образы, связанные с религиозной или политической идентичностью. Но в обоих случаях национальная идентичность ассоциирует всадника в лучах солнца с символом свободы, независимости.

В гербах Тувы и Башкортостана всадники в лучах солнца не идентичны, каждый из них имеет свои отличительные черты. Например, если в тувинском варианте всадник демонстрирует образ арата-скотовода, то в башкирском он персонифицирован в лице национального героя Салавата Юлаева. Несмотря на кажущуюся очевидность, данная персонификация на самом деле условна. Если для россиянина имя Салавата возможно известно из школьного курса истории, то для граждан других стран это просто всадник, остановивший на миг бег лошади перед прыжком, либо перед началом новой дороги. В гербе Башкортостана образ всадника включает элементы этнографии (орнамент «кускар», соцветие курая — растения, из которого изготавливается одноименный музыкальный инструмент). Наличие у всадника оружия (сабли, плетки) подчеркивает историческую память о военной службе башкир, воинах-защитниках Отечества, и одновременно показывает ценность свободы. Лучи солнца подтверждают правильность выбора пути, соединяя прошлое и будущее народов Башкортостана. В гербе Тувы образ всадника в лучах солнца сочетается с элементами буддизма и этнографии. Всадник органично соединяет религиозную картину мира и этническую идентичность тувинцев — олицетворяя древность, он движется в будущее, а его путь освещен солнцем, что символизирует верность пути народов Тувы.

Необходимо отметить, что многие старые геральдические символы общество наделяет новыми смыслами, поэтому образ всадника в лучах солнца универсален, открыт для нового прочтения последующими поколениями.

Заключение

Рассматривая региональную геральдику 1920–1930-х гг. на примере Башкирии и Тувы во взаимосвязи с менявшимся курсом национальной политики в СССР и Тувинской Народной Республике этого времени необходимо отметить, что и проект герба Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1925 г., и гербы ТНР 1935 и 1939 гг. были связаны с «левым экспериментом» (политикой «коренизации»). Однако если в Башкирии, как и в других автономиях РСФСР, он привел к отказу от самобытных гербов, имевших национальные символы (в АБССР — всадник в лучах солнца), то в ТНР, напротив, — к принятию герба с ним. Дальнейшая вовлеченность в процессы советской модернизации Башкирии и Тувы имела следствием принятие унифицированной советской геральдики.

В постсоветский период традиционные представления элит Башкирии и Тувы привели к тому, что в основу гербов была положена не религиозная или советская символика, а уходящий вглубь веков образ всадника в лучах солнца, ставший символом развития и стремления к свободе. Иными словами, в символической практике архетип кочевника, человека, находящегося в гармонии с природой, оказался значимее, чем образы, связанные исключительно с религиозной или политической идентичностью. В начале 1990-х Республики Тыва и Башкортостан вернули на свои гербы образы всадника в лучах солнца. Данный образ созвучен символам, присутствующим в традиции народов Евразии — «Святой Георгий», «всадник со знаменем», «погонь»¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азнабаев, Б. А. (2016) Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа : РИЦ БашГУ. 370 с.
Безруков, А. В. (2017) Становление и развитие государственного регионального герба (на примере субъектов, входящих в состав РСФСР) // Наука. Общество. Государство. Т. 5. № 2 (18). С. 5–9.

¹ Погонь, погоня — в геральдике изображение всадника с поднятым мечом.

Бичелдей, К. А., Монгуш, Б. Б. (2019) Государственные символы Тувы. Герб, флаг и гимн. Денежные и почтовые знаки. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 112 с.

Борисёнок, Е. (2006) Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М. : Европа. 256 с.

Воронин, Р. М. (2022) Почтовые марки периода Тувинской Народной Республики как отражение эволюции общественного сознания тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Геральдика России: полная иллюстрированная энциклопедия (2008) / сост. А. Г. Меринов. М. : Аванта+. 512 с.

Гилязов, И. А. (2005) Легион «Идель–Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань : Татарское книжное издательство. 383 с.

Государственные и муниципальные символы Республики Татарстан (2017) / авт. сост.: Л. М. Айнутдинова, И. Р. Валиуллин, Б. Л. Хамидуллин, Р. В. Шайдуллин. Казань : Татар. кн. изд-во. 248 с.

Дробязко, С., Каращук, А. (2000) Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М. : АСТ. 48 с.

Дроздов, К. С. (2016) Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933. М. : Институт российской истории РАН. 487 с.

Илимбетова, А. Ф., Илимбетов, Ф. Ф. (2012) Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : АН РБ, Гилем. 704 с.

Корников, А. А. (2016) Геральдическое многообразие России. Гербы субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 3 (9). С. 51–58.

Мартин, Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 855 с.

Монгуш, Б. Б. (2011) Становление государственной символики Тувинской народной республики // Новые исследования Тувы. № 4. С. 79–82.

Монгуш, Б. Б. (2016) Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.: отражение в символике традиционных космологических представлений тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 54–64.

Моченов, К. Ф., Коржик, Ю. В. (2005) Гербы современной России : справочник. М. : Гербы и флаги. 296 с.

Сапрыков, В. Н. (2004) Государственная символика регионов России. М. : Парад. 96 с.

Сат, С. Ч., Иргит, А. Ш. (2013) Государственные символы Тувы на современном этапе // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 12 (83). С. 414–417.

Сметанников, И. С. (2003) Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М. : Компания Ритм Эстейт. 112 с.

Соболева, Н. А. (2018) Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. 2-е изд. М. : Издательский дом «ЯСК». 656 с.

Ткаченко, В. Г. (2015) Государственная и муниципальная символика Чувашии в историческом дискурсе. Чебоксары : Новое время. 184 с.

Фролова, И. В., Уразова, А. И. (2020) Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан // Новейшая история России. Т. 10. № 4. С. 1019–1031. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос (2005) : в 2 кн. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Кн. 1: 1918–1933 гг. 784 с.

Hroch, M. (1985) Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge, UK : Cambridge University Press. xiii, 220 p.

Дата поступления: 14.06.2022 г.

REFERENCES

Aznabaev, B. A. (2016) *Bashkirskoe obshchestvo v XVII — pervoi treti XVIII v. [Bashkir society in the 17th — first third of the 18th c.]*. Ufa, Editorial and Publishing Center at Bashkir State University. 370 p. (In Russ.).

Bezrukov, A. V. (2017) Stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo regional'nogo gerba (na primere sub'ektov, vkhodiaschikh v sostav RSFSR) [The formation and development of state regional emblem (the example of the regions of the RSFSR)]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 5, no. 2 (18), pp. 5–9. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. and Mongush, B. B. (2019) *Gosudarstvennye simvolyy Tuvy. Gerb, flag i gimn. Denezhnye i pochtovye znaki [State symbols of Tuva. Coat of arms, flag and anthem. Money and postage]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 112 p. (In Russ.).

Borisenok, E. (2006) *Fenomen sovetskoi ukrainizatsii. 1920–1930-e gody [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]*. Moscow, Evropa. 256 p. (In Russ.).

Voronin, R. M. (2022) Pochtovye marki perioda Tuvinskoï Narodnoï Respubliki kak otrazhenie evoliutsii obshchestvennogo soznaniia tuvintsev [Postage stamps of the Tuvan People's Republic as a reflection of evolving public consciousness of the Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Geral'dika Rossii: polnaia illiustrirovannaia entsiklopediia [Heraldry of Russia: A complete illustrated encyclopedia] (2008) / comp. by A. G. Merinov. Moscow, Avanta+. 512 p. (In Russ.).

Giliazov, I. A. (2005) *Legion «Idel'–Ural». Predstaviteli narodov Povolzh'ia i Priural'ia pod znamenami «tret'ego reikha» [Legion “Idel–Ural”. Representatives of the peoples of the Volga region and the Cisurals under the banner of the “Third Reich”]*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 383 p. (In Russ.).

Gosudarstvennye i munitsipal'nye simvol'y Respubliki Tatarstan [State and municipal symbols of the Republic of Tatarstan] (2017) / compiled by L. M. Ainutdinova, I. R. Valiullin, B. L. Khamidullin and R. V. Shaidullin. Kazan, Tatar Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Drobiazko, S. and Karashchuk, A. (2000) *Vostochnye legiony i kazach'i chasti v vermakhte [Eastern legions and Cossack units in the Wehrmacht]*. Moscow, AST. 48 p. (In Russ.).

Drozdo, K. S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 [The policy of Ukrainization in the Central Chernozem region, 1923–1933]*. Moscow, Institute of Russian History of the RAS. 487 p. (In Russ.).

Ilimbetova, A. F. and Ilimbetov, F. F. (2012) *Kul't zhivotnykh v miforitual'noi traditsii bashkir [The cult of animals in the Bashkir mythological tradition]*. 2nd ed. Ufa, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Gilem. 704 p. (In Russ.).

Kornikov, A. A. (2016) *Geral'dicheskoe mnogoobrazie Rossii. Gerby sub'ektov Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoianie, problemy i poiski [The heraldic diversity of Russia. Coats of arms of the subjects of the Russian Federation: Current state, problems and research]*. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (9), pp. 51–58. (In Russ.).

Martin, T. (2011) *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939 [The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]* / transl. from Engl. by O. R. Shchelokova. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) ; Foundation “Boris Yeltsin Presidential Center”. 855 p. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2011) *Stanovlenie gosudarstvennoi simvoliki Tuvinskoï narodnoï respubliki [Formation of the state symbols of the People's Republic of Tuva]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 79–82. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2016) *Gerby Tuvinskoï Narodnoï Respubliki 1935–1939 gg.: otrazhenie v simvolike traditsionnykh kosmologicheskikh predstavlenii tuvintsev [Elements of traditional Tuvan cosmology in the state emblem of the People's Republic of Tuva, 1935–1939]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 54–64. (In Russ.).

Mochenov, K. F. and Korzhik, Yu. V. (2005) *Gerby sovremennoi Rossii [Coats of arms of modern Russia] : A guide*. Moscow, Gerby i flagi. 296 p. (In Russ.).

Saprykov, V. N. (2004) *Gosudarstvennaia simvolika regionov Rossii [State symbols of Russian regions]*. Moscow, Parad. 96 p. (In Russ.).

Sat, S. Ch. and Irgit, A. Sh. (2013) *Gosudarstvennye simvol'y Tuvy na sovremennom etape [State symbols of Tuva at the present stage]*. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 12 (83), pp. 414–417. (In Russ.).

Smetannikov, I. S. (2003) *Gerby i flagi sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Coats of arms and flags of the subjects of the Russian Federation]*. Moscow, Kompaniia Ritm Esteit. 112 p. (In Russ.).

Soboleva, N. A. (2018) *Identichnost' Rossiiskogo gosudarstva iazykom znakov i simvolov: emblemاتي, geraldiki, sfragistiki, veksillologii [The identity of the Russian state in the language of signs and symbols: Emblematics, heraldry, sphragistics, vexillology]*. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House. 656 p. (In Russ.).

Tkachenko, V. G. (2015) *Gosudarstvennaia i munitsipal'naia simvolika Chuvashii v istoricheskom diskurse [State and municipal symbols of Chuvashia in historical discourse]*. Cheboksary, Novoe vremia. 184 p. (In Russ.).

Frolova, I. V. and Urazova, A. I. (2020) *Politika pamiati i istoricheskaiia nauka: nauchnye itogi goda, posviashchennogo stoletiiu Respubliki Bashkortostan [Memory policy and historical science: Scientific results of the year dedicated to the centenary of the Republic of Bashkortostan]*. *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, pp. 1019–1031. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>

TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros [The Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b) and the national question] (2005) : in 2 books / comp. by L. S. Gatagova, L. P. Kosheleva and L. A. Rogovaia. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). Book 1: 1918–1933. 784 p. (In Russ.).

Hroch, M. (1985) *Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations*. Cambridge, UK. Cambridge University Press. xiii, 220 p.

Submission date: 14.06.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.3.16

Статья

Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности)

Юлия А. Петрушевская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация;
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь

Одной из актуальных задач современной паремиологии как отдельной лингвистической дисциплины является установление типологически общего в пословичных фондах языков мира на фоне их этнокультурной специфичности, обусловленной отсутствием языкового родства и ареальной близости. Анализ тувинских пословиц в типологическом аспекте позволит выявить и измерить соотношение в них общего с другими языками и национально специфического.

В исследовании устанавливаются в пословичном фонде тувинского языка типологически значимые сходства и выявляются их этнокультурные особенности в сравнении с пословицами белорусского языка. Материалом исследования послужили издания тувинских и белорусских пословиц и поговорок, а также примеры пословиц из словарных источников тувинского и белорусского языков.

Установлено, что в тувинском пословичном фонде каждая восьмая пословица имеет либо полный аналог в белорусском пословичном фонде, либо тождественную по структурно-семантической модели белорусскую пословицу, либо идентичный образ и/или концепт в семантически коррелятивных пословицах белорусского языка.

Такое заметное количество и разнообразие межъязыковых параллелей тувинских и белорусских пословиц свидетельствуют о типологической близости пословичных фондов двух языков. Вместе с этим большинство параллелей белорусским пословицам национально маркированы в тувинском пословичном фонде, что говорит о глубокой взаимосвязи и взаимодействия в тувинской пословичной картине мира типологически общего и этнокультурно специфического.

Ключевые слова: паремиология; пословица; проverbsиальная типология; межъязыковая общность; этнокультурная специфичность; тувинский язык; белорусский язык; тувинский фольклор

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект ГР № 20211335 (Республика Беларусь).

Для цитирования:

Петрушевская Ю. А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 241–263. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Тел.: +375 (29) 318-85-32. Эл. адрес: ypetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by

PETRUSHEVSKAYA, Julia Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Junior Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State A. Kuleshov University. Postal addresses: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation; 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Tel.: +375 (29) 318-85-32. E-mail addresses: ypetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by

ORCID ID: 0000-0002-7855-8309

Article

Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)

Julia A. Petrushevskaya

*Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation;
Mogilev State A. Kuleshov University, Republic of Belarus*

One of the relevant objectives of contemporary paremiology as a separate linguistic discipline is to determine the typologically common pattern in the proverbial collections of the world's languages amid their ethnocultural specificity due to the lack of linguistic affinity and areal proximity. An analysis of Tuvan proverbs in the typological aspect will allow to identify and measure the correlation of what is common with other languages and what is nationally specific in them.

The research identifies typologically significant similarities of proverbs in the Tuvan language and reveals their ethnocultural features in comparison with proverbs in the Belarusian language. The research data comprised collections of Tuvan and Belarusian proverbs and sayings, as well as examples of proverbs from vocabulary sources of the Tuvan and Belarusian languages.

It has been found out that every eighth proverb in the Tuvan proverbial fund has either a complete analog in the Belarusian one, or a Belarusian proverb that is identical in its structural and semantic model, or a homologous image and/or concept in semantically correlative proverbs in Belarusian. Such a remarkable amount and variety of interlanguage parallels of Tuvan and Belarusian proverbs indicate the typological proximity of the proverbial vocabularies of the two languages. At the same time, most of the parallels to Belarusian proverbs are nationally marked in Tuvan. This indicates a tight interrelation and interaction of typologically general and ethnoculturally specific features in the Tuvan proverbial worldview.

Keywords: *paremiology; proverb; proverbial typology; interlanguage community; ethnocultural specificity; Tuvan language; Belarusian language; Tuvan folklore*

The publication was prepared with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022 (Russian Federation). The research was partially performed by the aid of the State Program of Scientific Research 2021–2025, project SR no. 20211335 (the Republic of Belarus).

For citation:

Petrushevskaya J. A. Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Введение

Сопоставительные и типологические исследования в паремиологии как самостоятельной языковедческой дисциплине занимают в настоящее время одно из центральных мест и являются наиболее перспективным направлением изучения пословиц (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрёстках ... , 2021), поскольку позволяют ответить на многие вопросы о принципиально общих для всех языков собственно лингвистических свойствах пословицы на гетерогенном фоне её лингвокультурных и этнокультурных особенностей как фольклорного текста в отдельно взятых языках. Сопоставление пословиц разных языков является единственно надёжным средством установления и дифференциации объёма и границ национального компонента в составе пословичного фонда

каждого народа. Межъязыковое сравнение помогает определить соотношение и взаимодействие пословиц исконного происхождения и общих с другими языками, а также выявить степень и глубину этнокультурной ассимиляции иноязычных заимствований в пословичном фонде данного языка (как это сделано, например, для белорусского языка, см. Петрушэўская, 2021). Наиболее показательным является сравнение пословиц из генетически и ареально отдалённых языков. В этой связи одной из актуальных проблем современной лингвистической паремиологии является установление типологически общего в пословичных фондах языков мира на фоне этно- и лингвокультурной специфичности, обусловленной отсутствием у них языкового родства и ареальной близости.

Тувинские пословицы ещё недостаточно изучены как в сопоставительном, так и в типологическом плане по отношению к европейским языкам. До недавнего времени тувинские пословицы и поговорки сравнивались преимущественно с русскими (Доржу, 2012; Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), в том числе в аспекте перевода (Чадамба, 2014; Коняшкин, Чадамба, 2014ab, 2017), а в единичных работах — с английскими (Салчак, 2019) и немецкими (Болат-оол, Пелевина, 2017). Однако, как считают Е. Е. Иванов и его коллеги, «пословицы тувинского народа не существуют изолированно, входят в евразийский паремиологический континуум, в котором коррелируют как с азиатскими, так и европейскими пословичными фондами» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 243). Поэтому в пословичном фонде тувинского языка широко представлены параллели не только из родственных и не родственных азиатских языков, но и из многих современных европейских языков.

Новейшие исследования показывают, что от того, насколько хорошо изучены иноязычные пословичные соответствия, прямо зависит аутентичность перевода тувинских пословиц на другие языки (Бредис, Иванов, 2022), достоверность выявления объёма и характера собственно национального компонента в пословичном фонде тувинского языка (Колесникова, 2022; Селиверстова, 2022), адекватность установления этнолингвокультурных и аксиологических доминант пословичной картины мира тувинского народа (Ломакина, 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Нелюбова, 2022), дифференциация типологически общего и специфического в структуре тувинских пословиц (Бочина, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022).

Белорусские пословицы, в отличие от тувинских, активно исследуются в сравнительном плане в отношении не только русского языка (Ivanov, 2002; Ivanov, Feldman, 2007; Иваноў, 2011), но также славянских, германских, романских языков (Иванов, Петрушевская, 2015), особенно в последнее время (Глуханько, Иваноў, 2021; Иванов, Руис-Соррилья Крусате, 2021; Алёшин, Иваноў, 2022), что нашло своё отражение в достаточно обширной двуязычной паремиографии¹. На этом основании удалось выделить и верифицировать в составе белорусского пословичного фонда как общие с другими языками единицы — универсальные и интернациональные (Петрушевская, 2014, 2021; Петрушэўская, 2018a)², так и уникальные, которые не имеют прямых аналогов в других языках и являются непосредственными (семиотическими) носителями национально-культурной семантики (Петрушэўская, 2018b, 2020)³. Однако белорусские пословицы сравнивались с пословицами тюркских языков только фрагментарно и лишь в единичных работах (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021).

Актуальность исследования заключается в том, что сопоставительно-типологическое изучение тувинского и белорусского пословичных фондов позволит не только выявить и описать пословичные параллели в тувинском и белорусском языках, но и диагностировать в тувинском пословичном фон-

¹ См.: Санько З. Ф. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск: Навука і тэхніка, 1991 (На рус. и белорус. яз.); Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009 (На англ. и белорус. яз.); Иваноў Я. Я., Раманавы Н. К. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ, 2006 (На нем. и белорус. яз.); Іванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ, 2007 (На польск. и белорус. яз.); Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007 (На рус. и белорус. яз.); Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Русско-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русскага языка, свыше 5000 беларускіх паремиологічных эквівалентаў і супрацьстаяў: в 2 ч. Могилёв: Брама, 2001 (На рус. и белорус. яз.).

² Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020 (На белорус. яз.)

³ Іванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск: БФС, 1997. 262 с. (На белорус. яз.)

де соотношение общего с другими языками и национально специфического на фоне случайного европейского языка (поскольку предполагается, что в данном случае на месте белорусского мог бы быть избран для анализа любой другой европейский язык).

Цель исследования — установить в пословичном фонде тувинского языка типологически значимые сходства и выявить их этнокультурные особенности в сравнении с пословицами белорусского языка.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц¹, из которых в результате сопоставительного анализа было отобрано 97 единиц, имеющих параллели (всего более 240 единиц) в пословичном фонде белорусского языка². Помимо этого, для исследования привлекались пословицы из полилингвальных фразеологических словарей³, а также паремиографических источников как русского языка⁴, так и современных европейских языков⁵.

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремеиология без границ, 2020; Паремеиология на перекрестках ... , 2021), а также основные положения теории пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2009, 2019ab, 2020, 2022), структурно-семантического моделирования пословиц (Иванов, Петрушэўская, 2021, 2022; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), сопоставительного и типологического изучения пословиц (Ivanov, Feldman, 2007; Иванов, 2011; Ivanov, Petrushevskaja, 2015; Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021; Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021).

Выявление этнокультурной специфичности тувинских пословиц, которые имеют пословичные аналоги или корреляты в белорусском языке, базируется на дескриптивных, сопоставительных и лингвокультурологических исследованиях пословично-поговорочного фонда тувинского народа

¹ Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически новейшего сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

² Основным материалом для сопоставления послужили свыше 12000 белорусских пословиц и поговорок, зафиксированных в крупнейшем на сегодняшний день академическом издании пословичного фонда белорусского языка: Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. 559 с.; Кн. 2. 616 с. (На белорус. яз.). Также учитывались белорусские пословицы литературного и библейского происхождения по материалам изданий: Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2004. 136 с. (На белорус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. В. Чэх. Магілёў: МДУ, 2006. 208 с. (На белорус. яз.); Иваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011. 164 с. (На белорус. яз.); Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост. Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. Могилёв: МГУ, 2014. 208 с.

³ См.: Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н. А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 255 с. (На белорус. яз.); Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Беларуская навука, 2015. 480 с.; Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019. Т. 1. 334 с.; Т. 2. 308 с.

⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

⁵ Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 527 p. (На англ. яз.); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

(Доржу, 2012; Кечил-оол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Салчак, 2019; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2021), а также на историко-этнографическом и культурологическом описании тувинского фольклора (Курбатский, 2001; Цэнгэльские тувинцы ... , 2020; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022), изучении тех исторических, социальных, материальных, духовных особенностей жизни и культуры Тувы (Будегечиева, 2018; Ламажаа, 2011, 2013, 2021), которые нашли отражение в пословичной картине мира тувинского народа.

Пословицы-аналоги в тувинском и белорусском паремиологических фондах

В результате сопоставления тувинского и белорусского пословичных фондов установлено, что из 770 тувинских пословиц, избранных для анализа, 97 имеют параллели в белорусском языке (т. е. 12,6% всего пословичного фонда тувинского языка, или каждая восьмая тувинская пословица). Присутствие значительного количества белорусских соответствий в проанализированном корпусе тувинских пословиц выглядит достаточно неожиданным и требует своего объяснения на фоне абсолютного отсутствия как генетических связей и ареальных контактов между данными языками, так и прямых и опосредованных исторических связей и культурных взаимоотношений между тувинским и белорусским народами. О конкретных причинах и факторах провербиальной типологической близости можно будет уверенно судить только после выяснения её характера, который зависит от того, какие именно типы межъязыковых соответствий и в каком объёме представлены в пословичных фондах тувинского и белорусского языков.

Как показывают новейшие исследования, наиболее типологически значимыми соответствиями пословиц в разных языках являются, во-первых, наличие пословичных аналогов, во-вторых, фиксация тождества структурно-семантических моделей пословиц, в-третьих, выделение идентичных и/или близких пословичных образов и концептов (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1015–1016). Показательно, что в результате сопоставительного анализа пословиц тувинского и белорусского языков зафиксированы все три типа типологически значимых соответствий, которые имеют неравномерный объём в тувинском пословичном фонде.

Наиболее очевидным типом межъязыковых пословичных соответствий являются пословицы-аналоги, к которым целесообразно относить такие пословицы, которые имеют в разных языках тождественные содержание и форму (характеризуются идентичными значениями, максимально близкими синтаксическими структурами, лексико-грамматическими организациями, образно-понятийными планами), хотя и могут при этом иметь формальные варианты в каждом из языков — национальные пословичные вариации одной общей для данных языков пословицы. Конечно, «список иноязычных аналогов пословицы данного языка всегда остаётся открытым, поскольку количественно и качественно детерминирован прежде всего экстралингвистическими факторами (зависит от количества языков, избранных для анализа, а также от качества паремиографического описания каждого из них). Однако использование всей доступной полноты поиска и идентификации иноязычных аналогов даёт основания для установления характера общности пословицы данного языка с пословицами других языков» (там же: 1020). Следует отметить, что очевидность аналогичности пословиц в разных языках возрастает прямо пропорционально уменьшению количества сопоставляемых идиомов и демонстрирует своё максимальное проявление при сравнении двух языков. Это, в свою очередь, означает, что для данной пары языков установление пословиц-аналогов всегда будет иметь объективные основания, а список аналогичных пословиц предполагает исчерпывающий характер.

В проанализированном тувинском пословичном фонде зафиксировано 30 единиц, являющихся аналогичными белорусским пословицам (что составляет более 31% тувинских пословиц, параллельных белорусским). Тувинские пословицы, имеющие белорусские аналоги, дифференцируются по характеру межъязыковой общности на три наиболее значимые в типологическом плане группы: универсальные, интернациональные, а также общие для тувинского, белорусского и русского языков.

К универсальным пословицам относятся единицы, которые фиксируются не только в тувинском и белорусском языках, но и в подавляющем большинстве других европейских языков. Наличие таких пословиц в разных языках, как правило, не обусловлено ни родством языков, ни языковыми контактами, на что указывает широкая пословичная вариативность (как образов и концептов, так и структурной организации пословиц).

Так, у тувинской пословицы *Дарган кижиниң масказы чок, Бызаңчы кижиниң балдызы чок* 'У кузнеца нет молотка, У плотника — топора' (ППТН: 96)¹ есть белорусская пословица-аналог *Каваль — без сякеры, шавец — босы* 'Кузнец без топора, сапожник — босой' (ПП: 1: 157)². При этом обе единицы являются национальными вариациями одной универсальной пословицы, которая функционирует, по данным венгерского паремииолога Д. Пацолаи, в большинстве основных европейских языков (всего в 49) и имеет структурно-семантическую модель «The shoemaker has (often/ always) bad / (the worst) / no shoes (goes barefoot) (v1); The shoemaker's wife and the smith's horse have no shoes (or walk barefoot) (v1a); The tailor has bad / no clothes (v2); The Smith has bad / no knife / axe (or has a wooden spoon) (v3)» (EP: 65–71)³.

Универсальными в тувинском и белорусском языках являются более 26% зафиксированных пословиц-аналогов, напр.:

- *Балык бажындан чыдыыр, Терек өзээнден ириир* 'Рыба с головы тухнет, Тополь с сердцевинны гниёт' (ППТН: 20) = бел. *Рыба пачынае смярдзец з галавы* 'Рыба начинает вонять с головы'; *Рыбіна перш з галавы ваниць, а пасля з хваста* 'Рыба сначала с головы воняет, а потом с хвоста' (ПП: 1: 341), ср. модель универсальной пословицы «Fish always begin(s) to stink / decay at the head (or stink(s) first at the head)» (EP: 440–442);
- *Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, Ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр* 'Близко стоят вершины двух гор, а не сойдутся, Далеко живут два человека, а встретятся' (ППТН: 28) = бел. *Гара з гарою не сыйдзеца, а чалавек з чалавекам зыйдзеца* 'Гора с горою не сходятся, а человек с человеком сойдутся'; *Гара з гарою не сходзяца, а чалавек з чалавекам заўсёды (трапляеца)* 'Гора с горою не сходятся, а человек с человеком всегда (встречается)' (ПП: 1: 383), ср. модель универсальной пословицы «A mountain never meets a mountain, but a man meets a man or Mountains never meet mountains but men meet men (v1)» (EP: 213–216);
- *Кежиглиг хемни үер үрээр, Кежээ келинни хоп үрээр* 'Половодье даже крепкие берега размывает, Наговоры даже терпеливую невестку портят' (ППТН: 31) = бел. *Прыткая рака берагі падрываець* 'Быстрая река берега размывает' (ПП: 1: 57); *Ціхая вада берагі мые (падмывае, разрывае, рве)* 'Тихая вода берега моет (подмывает, размывает, рвёт)'; *Ціхая вада грэблі рве* 'Тихая вода плотины рвёт' (ПП: 2: 300), ср. модель универсальной пословицы «Still waters wash away the bank (v2)» (EP: 373–376);
- *Тенек баш бут човадыр* 'Дурная голова ногам покоя не даёт' (ППТН: 51) = бел. *Дурная галава нагам спакою не дае* 'Дурная голова ногам покоя не даёт'; *За дурною галавою нагам небалазе (няма пакою)* 'Из-за дурной головы ногам плохо (нет покоя)'; *За дурной галавой <спіна баліць> нагам непакой* 'Из-за дурной головы <спина болит> ногам покоя нет' (ПП: 2: 247), ср. модель универсальной пословицы «A stupid head makes much work to the feet (v2)» (EP: 280–282);
- *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* 'Над бедным издевается богач, Малька ест щука' (ППТН: 89) = бел. *Рыба рыбаю живе, а чалавек чалавекам* 'Рыба рыбою живёт, а человек человеком' (ПП: 2: 330), ср. модель универсальной пословицы «Big fish eat little fish» (EP: 420–423);
- *Бакка бак улажыр* 'Беда не приходит одна' (ППТН: 89) = бел. *Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>* 'Одна беда не ходит <другую за собою водит>' (ПП: 1: 442), ср. модель универсальной пословицы «Misfortunes seldom / never come alone (v1)» (EP: 59–64);
- *Далашканда тваар, Таваарлаанда далаш* 'Спешись, но сдерживай себя'. (ППТН: 96) = бел. *Барджэй, ды не спяшайся (не хапайся) дужа* 'Поспешай, но не спеши (не торопись) слишком' (ПП: 1: 179–180), ср. модель универсальной пословицы «Make haste slowly (v1)» (EP: 241–244).

К интернациональным пословицам-аналогам можно относить с точки зрения языковой и лингвокультурной типологии такие единицы, которые фиксируются как в тувинском и белорусском,

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (EP) и номер страницы при цитировании из издания: Paczolay G. European proverbs in 55 languages, with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém, 1997.

² Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (ГРС) и номер страницы при цитировании из издания: Тувинско-русский словарь. М., 1968.

³ Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (УИК) и номер страницы при цитировании из издания: Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020.

так и в других языках, однако в отличие от универсальных не имеют широкого распространения и являются, как правило, результатом генетической общности языков или заимствования из других языков (преимущественно из одного во все), а также из какого-либо известного текстового источника (фольклорного, литературного, сакрального). У интернациональных пословиц, по сравнению с универсальными, гораздо меньшая вариативность в разных языках (национальные вариации ограничены в основном заменой одного лексического компонента, как правило, синонимом, реже — добавлением новой структурной части в пословице).

Так, тувинские пословицы *Шоодайра шивегей чажыртынмас* 'Шила в мешке не утаишь' (ТРС: 578)¹, *Шивегейни шоодайлава* 'Не таи иголку в мешке' (ППТН: 70) имеют аналоги в белорусском языке *Не ўтаіш шыла ў ворку* 'Не утаишь шила в мешке', *Шыла ў мяшку не схаваш* 'Шила в мешке не спрячеш' (ПП: 1: 356), а также в ряде других европейских языков, ср.: рус. *Шила в мешке не утаишь (не утаить)*; укр. *Шила в мішку не сховаш (втаїш)*; польск. *Nie zatai się szydło w worku*; латыш. *Īenu maisā nenoslēpsi*, лит. *Ylos maiše nepaslėpsi*, нем. *Eine Ahle lässt sich im Sacke nicht verbergen* (УИК: 303)².

Тувинская пословица *Амыдырал — демисел* 'Жизнь — борьба' (ППТН: 85) не только имеет белорусский аналог *Жыццё — <эта> барацьба (змаганне)* 'Жизнь — <это> борьба (борение)', но и весьма широко функционирует в европейских языках в качестве крылатого изречения из трагедии «Iktētides» («Просительницы») древнегреческого поэта и драматурга Еврипида (около 480–406 до н. э.), которое приобрело популярность на латинском языке *Vivere est militāre* как цитата из «Epistulae morales ad Lucilium» («Письма к Луцилию на моральные темы», 63–64) известного древнеримского государственного деятеля, философа, писателя Сенеки Младшего (около 4 до н. э. — 65 н. э.)³ и давно стала частью общеевропейского паремийного фонда.

Интернациональными являются 37% зафиксированных пословичных аналогов в тувинском и белорусском языках, напр.:

- *Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула (эрги, дең, чырыткы)-даа эвес* 'Ни бургану (у иконы, у бога) лампада, Ни чёрту щипцы' (ППТН: 14) = бел. *Ні богу свечка, ні чорту галавешка (качарга, кучма, ожаг, ражон, рожок)* 'Ни богу свечка, ни чёрту головешка (кочерга, шапка, ожег, рожон, рожок)'; *Ні богу свечка, ні чорту дуда* 'Ни богу свечка, ни чёрту дуда' (ПП: 2: 290), ср. рус. *Упрямый — что лукавый: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга* (БСРП: 75); укр. *З нашою Захарки ні Богу свічка, ні чортові угарка; Ні Богові свічка, ні чорту шпичка* (где *шпичка* 'острая палочка'); польск. *Vogu świeczka, a diabłu ogarek* (Бредис, Иванов, 2021: 29);

- *Частың хүнү — Чылдын чеми* 'Весенний день Год кормит' (ППТН: 65) = бел. *Вясенні дзень год корміць* 'Весенний день год кормит' (ПП: 1: 75), ср. рус. *Весенний день год кормит*; укр. *Весняний день рік кормить (годує)*; польск. *Na wiosnę dzień karmi rok* и др. (УИК: 138);

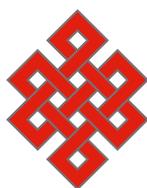
- *Эртежи кижы Эзерлиг аътка таваржыр* 'Кто рано поутру встаёт, Коня с седлом себе найдёт' (ППТН: 77) = бел. *Хто рана ўстае, у таго хлеба стае* 'Кто рано встаёт, у того хлеба вдосталь'; *Хто рана (да сонца) ўстае, таму бог дае* 'Кто рано (до солнца) встаёт, тому бог даёт'; *Хто рана ўстае, таму бог дае, а хто доўга спіць, таму няма ніц* 'Кто рано встаёт, тому бог даёт, а кто долго спит, тому нет ничего'; *Хто рана ўстае, таму бог дае, а хто спіць да сонца, таму хлеб у машонцы* 'Кто рано встаёт, тому бог даёт, а кто спит до солнца, тому хлеб в котомке' (ПП: 1: 174), ср. рус. *Кто рано встаёт, тому Бог даёт (подаёт)*; укр. *Хто рана встає, тому Бог дає*; польск. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje*; англ. *God gives help to early risers*; фр. *A bon gain qui se lève matin*; *Qui se lève le matin Dieu prête la main*; исп. *Más vale a quien Dios ayuda que a quien mucho madruga*; *A quien madruga, Dios le ayuda* и др. (УИК: 290–291);

- *Бүрүну бутары чемгерер* 'Волка ноги кормят' (ППТН: 94) = бел. *Воўка ногі кормяць (гадуюць, жывяць)* 'Волка ноги кормят (растят, питают)' (ПП: 1: 60), ср. рус. *Волка ноги кормят*; укр. *Вовка ноги годують*; латыш. *Vilku kājas baro*; лит. *Vilka kojoms peni*; польск. *Wilka nogi karmią* и др. (УИК: 131);

¹Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (ТРС) и номер страницы при цитировании из издания: Тувинско-русский словарь. М., 1968.

²Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (УИК) и номер страницы при цитировании из издания: Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020.

³Иванов Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў, 2011. С. 44.

• *Кортук кижиниң караа күскү* ‘У трусливого глаза велики’ (ППТН: 109) = бел. *У страху вялікія вочы* ‘У страха большие глаза’; *У страху вочы на яблыку* ‘У страха глаза по яблоку’ (ПП: 2: 295), ср. рус. *У страха глаза велики* <, да ничего не видят>; укр. *У страху великі очі; Страх має великі очі; У страху очі по яблуку*; польск. *Strach ma wielkie oczy*; латыш. *Bailēm lielas acis*; лит. *Baimė turi dideles akis*; англ. *Fear has magnifying eyes*; нем. *Furcht hat große Augen; Furcht hat tausend Augen*; фр. *La peur a de grands yeux* и др. (УИК: 282);

• *Күскеге халап, Дииске оюнчук* ‘Для мыши смерть, Для кота игрушка’ (ППТН: 110) = бел. *Катку забайка, а мышцы смерць* ‘Коту игрушка, а мышке смерть’; *Кату жартушкі, а мышы смяртушкі* ‘Коту шуточки, а мышке смертушка’; *Кошцы жартушкі (смех), а мышцы смерць* ‘Кошке шуточки (смех), а мышке смерть’ (ПП: 1: 208), ср. рус. *Кошке игрушки, а мышке — слёзки*; укр. *Кітці (Кішці) іграшки (жартки), а мишці смерть*; польск. *Kotowi żart, a myszce śmierć*; латыш. *Kajcīm spēle, pelei nāve*; лит. *Katei žertas, pelei smertis*; нем. *Der katzen spiel ist der maus tod* и др. (УИК: 186);

• *Сураанын тып алыр, күзээнин чедип алыр* ‘Будешь искать — найдёшь, захочешь — добьёшься’ (ТРС: 269); *Күзээнин чедер, Сураанын тывар* ‘Жаждающий — достигнет, Ищущий — найдёт’ (ППТН: 36) = бел. *Шукай, дык знойдзеши* ‘Ищи — найдёшь’ (ПП: 2: 454); *Хто шукае, той знаходзіць (знойдзе)* ‘Кто ищет, тот находит (найдёт)’¹, ср. рус. *Кто ищет, тот найдёт*; укр. *Хто шукає, знаходить*; польск. *Kto szuka, ten znajdzie*; латыш. *Kas meklē, tas atrod*; лит. *Kas ieško, tas randa*; англ. *Seek and ye shall find* (УИК: 197); нем. *Wer da sucht, der findet*; исп. *El que busca, halla*; ит. *Chi cerca trova*; фр. *Qui cherche trouve* и др.²

Общие для тувинского, белорусского и русского языков пословичные аналоги представляют собой либо независимые заимствования из русского языка в тувинский и в белорусский, либо общие для белорусского и русского языков поговорки (как следствие их близкого языкового родства), попавшие в тувинский язык в результате заимствования из русского. Следует заметить, что культура и язык тувинского народа, как и белорусского, испытали за последние полтора столетия сильнейшие влияния русской культуры и русского языка, причём оба эти влияния оказывали в различные периоды времени своё воздействие и по отдельности, и совместно, и в разной степени, и одинаково интенсивно. Это не могло не повлиять не только на состав пословичного фонда тувинского языка, но и на отдельные его единицы, в том числе на нормативную интерпретацию их формы и плана содержания.

Так, в «Тувинско-русском словаре» под редакцией Э. Р. Тенишева (1968) интернациональная тувинская поговорка *Сураанын тып алыр, күзээнин чедип алыр* ‘Будешь искать — найдёшь, захочешь — добьёшься’ (УИК: 269) приводится дважды, однако во второй раз переводится на русский язык как ‘Если хочешь, то добьёшься, если ищешь, то найдёшь’ (УИК: 391) с инверсией структурных частей и синтаксической трансформацией бессоюзного сложного предложения в сложноподчинённое. Близкий перевод формального варианта этой поговорки приводится и в новейшем сборнике поговорок и поговорок тувинского народа: *Дилээнин тывар, Сураанын чедер* ‘Если ищешь, то найдёшь, Если хочешь, то добьёшься’ (ППТН: 97). Такие переводы возникли под очевидным влиянием чрезвычайно популярного в современном русском языке крылатого изречения *Кто хочет — тот добьётся, / Кто ищет — тот всегда найдёт* (концовки припева «Песни о веселом ветре» композитора И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача из кинофильма «Дети капитана Гранта» режиссера В. П. Вайнштока, 1936 г.), вторая часть которого образована от русской поговорки *Ищите и обряцете* (БСРП: 391), восходящей к евангельскому афоризму из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам» (Мф 7:7)³. Показательно, что в белорусском языке есть как заимствованный аналог этой русской поговорки *Шукайце і знойдзеце* ‘Ищите и обряцете’ (УИК: 197), так и пословичный аналог крылатого изречения из кинофильма — *Хто шукае, той заўсёды знойдзе* ‘Кто ищет, тот всегда найдёт’⁴.

¹ Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб., 2000. С. 283.

² Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов. Минск, 2015. С. 129.

³ Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. Могилёв, 2014. С. 50–51.

⁴ Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб., 2000. С. 283.

Общие с русским языком пословицы занимают 37% проанализированных пословичных аналогов тувинского и белорусского языков, при этом часть из них фиксируется также в украинском языке (будучи заимствованиями из русского)¹, напр.:

- *Ада чокта — чартык өскүс, Ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, Без матери — круглый сирота' (ППТН: 12) = бел. *Бацька ўмрэ, то палавіна сіраты, а як маці ўмрэ, то цэла сірата* 'Отец умрёт, то половина сироты, а как мать умрёт, то полная сирота' (ПП: 2: 84), ср. рус. *Без отца — полсироты, а без матери — вся (полная) сирота* (БСРП: 633);
- *Алыры амыр, Бээри берге* 'Взять легко, Отдавать трудно' (ППТН: 15) = бел. *Лёгка бярэцца, ды цяжка аддаецца* 'Легко берётся, да трудно отдаётся' (ПП: 1: 491), ср. рус. *Легко взять, да трудно отдать* (БСРП: 122);
- *Алышкылар ынаа Хая-даштан артык* 'Любовь братьев Крепче скалы' (ППТН: 15) = бел. *Братняя любоў крапчэй сцен каменных* 'Любовь братьев крепче стен каменных'; *Братэрства мацней каменнай сцяны* 'Братская любовь крепче каменной стены' (ПП: 2: 141), ср. рус. *Братская любовь крепче каменной стены* (БСРП: 501);
- *Өскен чери — төрээн ие, Өскелернии — соңгу ие* 'Родная земля — мать, Чужая земля — мачеха' (ППТН: 45) = бел. *Родная зямля — маці, чужая старонка — мачаха* 'Родная земля — мать, чужая сторона — мачеха' (ПП: 1: 290), ср. рус. *Родная сторона — мать, чужая — мачеха; Чужая сторона мачеха* (БСРП: 876), укр. *Рідна сторона — мати, чужа — мачуха* (УІК: 297);
- *Сүдү чок мал эдиген* 'Корова без молока голосиста' (ППТН: 50) = бел. *Крыклівая карова не малошина* 'Голосистая корова не молочная'; *Карова, што многа раве, мала малака дае* 'Корова, которая много ревет, мало молока даёт'; *Тая карова, што голасна раве, мала малака дае* 'Та корова, что громко ревет, мало молока даёт' (ПП: 1: 139), ср. рус. *Если корова много ревет, значит молока мало даёт* (ППРН: 436);
- *Уялыг куш чаныган, Уруглуг кижги кээргээчел* 'Птица гнездо бережёт, Человек — детей' (ППТН: 54) = бел. *Усякая птушка сваё гняздо бароніць* 'Всякая птица своё гнездо защищает' (УІК: 283), ср. *Каждая птица своё гнездо защищает* (БСРП: 730);
- *Акша дээрге суг* 'Деньги — это вода' (ППТН: 88) = бел. *Грошы — вада* 'Деньги — вода', ср. рус. *Деньги — вода в решетке: не заметишь, как утекут*, укр. *Гроші — як вода: крізь пальці протікають* (УІК: 144);
- *Дидир-дидир дипти долган* 'Слухом полна вся круглая земля' (ППТН: 97) = бел. *Слухам зямля поўна (поўніцца)* 'Слухом земля полна (полнится)'; *Зямля чуткамі поўніцца* 'Земля слухами полнится' (ПП: 2: 392), ср. рус. *Слухом земля полнится (полная)* (БСРП: 830);
- *Чокту карак-биле көөр, Чигни аас-биле шенээр* 'Не верь глазам своим, Попробуй языком своим' (ППТН: 67) = бел. *Не вер вачам: вазьмі да памацай* 'Не верь глазам: возьми и потрогай' (ПП: 2: 451), ср. рус. *Не веришь глазам — положи на зубы* (БСРП: 176), укр. *Очам не вір, а язикові не протився* (УІК: 221).

Как можно видеть, многие тувинские пословицы, имеющие аналоги в белорусском языке (и в других европейских языках), имеют ярко выраженную лингвокультурную специфику и этнокультурную маркированность. Тувинские вариации общих с другими языками пословиц отличаются своеобразием плана содержания, что проявляется в типичном для таких случаев лингвокультурном своеобразии используемых пословичных образов и концептов, а также их комбинаций. Напр.: *Дарган кижиниң масказы чок, Бызаңчы кижиниң балдызы чок* 'У кузнеца нет молотка, У плотника — топора' (ППТН: 96), где национально специфическим в тувинской вариации этой универсальной пословицы является образ «плотника без топора», тогда как в других языках используются образы «кузнец без топора» или «плотник без дверей» (ЕР: 65–71).

Наиболее специфичным является встраивание общего с другими языками выражения в двучленную структуру тувинских пословиц, из которых «многие делятся на две части, состоят из двух парных строк-стихов. Первая часть (первый член параллелизма), как правило, описывает природный образ,

¹ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020.

а вторая (второй член параллелизма) — социальный» (Курбатский, 2001: 343). Напр. (аналогичные пословицам других языков части тувинских паремий выделены нами): *Балык бажындан чыдыыр, Терек өззэнден ириир* 'Рыба с головы тухнет, Тополь с сердцевины гниёт' (ППТН: 20); *Кежиглиг хемни үер үрээр, Кежээ келинни хоп үрээр* 'Половодье даже крепкие берега размывает, Наговоры даже терпеливую невестку портят' (ППТН: 31); *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* 'Над бедным издевается богач, Малька ест щука' (ППТН: 89).

Специфика пословичной картины мира тувинского народа проявляется в этнокультурной маркированности аналогичных с другими языками пословиц. «На основе природного окружения, кочевого хозяйства складывались определённые отношения людей с миром, между собой, появлялись верования, обряды, обычаи. Это влекло за собой закрепление определённых духовных черт народа, свою систему взглядов и ценностных ориентиров» (Будегечиева, 2018: 12). Так, в тувинской национальной вариации *Эртежи кижиги Эзерлиг азтка таваржыр* 'Кто рано поутру встаёт, Коня с седлом себе найдёт' (ППТН: 77) интернациональной пословицы «о том, кто рано встаёт и имеет преимущество по сравнению с теми, кто встаёт поздно» (см. выше) используется образ «коня с седлом», который выступает в качестве одной из основных аксиологических доминант в традиционной системе ценностей тувинцев.

Тождественные по структурно-семантическим моделям пословицы в тувинском и белорусском языках

Понятие структурно-семантической модели пословицы в современной паремиологии определяется как «эмпирически верифицируемый идеальный образец формы и содержания данной пословицы, являющийся инвариантом для всех вариантных и факультативных форм её лексико-семантического состава и грамматической организации, а также всех вариантов её общего значения» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1015). Использование структурно-семантического моделирования пословиц в одном языке позволяет объективно отграничить формальные варианты одной и той же пословицы от близких по форме, но различных по содержанию пословиц, в том числе синонимичных (Иванов, Петрушэўская, 2021). Применение метода структурно-семантического моделирования пословиц по отношению к разным языкам позволяет установить в них пословицы, которые представляют собой различные национальные вариации одной и той же инвариантной, общей для этих пословиц структурно-семантической модели, что убедительно продемонстрировано на материале пословиц европейских и других языков¹ (Паремиология на перекрёстках ... , 2021), а также белорусских пословиц на европейском паремиологическом фоне² (Петрушэўская, 2021).

Пословицы в разных языках, которые тождественны по структурно-семантическим моделям, могут быть либо аналогами в случае отсутствия принципиальных различий в плане содержания при возможных формальных расхождениях между национальными пословичными вариациями (см. выше), либо межъязыковыми коррелятами в случае наличия существенных различий в плане содержания при возможной максимальной близости в плане формы. Так, тувинскую пословицу *Даңзазы чок — таакпызырак, Дашказы чок — арагазырак* 'Курильщик без трубки, Пьяница без рюмки' (ППТН: 24) нельзя рассматривать, в отличие от тувинской пословицы *Дарган кижиниң масказы чок, Бызаңчы кижиниң балдызы чок* 'У кузнеца нет молотка, У плотника — топора' (ППТН: 96), как национальную вариацию универсальной пословицы о сапожнике без сапог, портном без одежды, кузнеце без топора и т. д. (см. выше). У данных пословиц тождественны структурно-семантические модели, однако совершенно разное содержание, поскольку в первой пословице речь идёт об отсутствии у кого-либо предметов, необходимых для праздных занятий (курения, распития спиртных напитков и под.), а во второй говорится об отсутствии у кого-либо предметов, характеризующих его трудовую деятельность (продуктов труда). Поэтому тувинская пословица *Даңзазы чок — таакпызырак, Дашказы чок — арагазырак* 'Курильщик без трубки, Пьяница без рюмки' (ППТН: 24) будет тождественной по своей структурно-семантической модели, но не аналогичной белорусской пословице *Каваль — без сякеры, шавец — босы* 'Кузнец без топора, сапожник — босой' (ПП: 1: 157).

¹ Paczolay G. European proverbs in 55 languages, with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém, 1997.

² Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020.

Если наличие пословиц-аналогов характеризует степень типологической близости / отдалённости составов единиц пословичных фондов разных языков, то наличие тождественных структурно-семантических моделей позволяет судить уже о типологических сходствах / различиях в структурно-семантической организации пословиц разных языков. Поэтому важен каждый установленный факт структурно-семантического тождества пословиц разных языков, а полный список пословиц, которым свойственно межъязыковое тождество структурно-семантических моделей, можно рассматривать с точки зрения провербиальной типологии языков мира как имеющий самостоятельную значимость результат сопоставительно-типологического анализа данной пары языков.

При определении структурно-семантического тождества пословичных моделей в тувинском и белорусском языках не следует обращать внимание на специфический двухчленный параллелизм структуры тувинских пословиц, который сам по себе не имеет типологической значимости с точки зрения провербиальной типологии языков, поскольку является экстралингвистическим фактором. Ярким подтверждением этого может служить тот факт, что одна и та же тувинская пословица может в силу этнокультурной специфичности своей двухчленной структуры попадать в различные типологические классы единиц.

Так, первая часть двухчленной тувинской пословицы *Кежиглиг хемни үер үрээр, Кежээ келинни хоп үрээр* 'Половодье даже крепкие берега размывает, Наговоры даже терпеливую невестку портят' (ППТН: 31) имеет белорусский пословичный аналог и является одной из многочисленных национальных вариаций универсальной пословицы (см. выше), а вторая часть одновременно с этим сама по себе соотносится с коррелятивными белорусскими пословицами на основании тождества структурно-семантических моделей, ср. бел. *Шэпты (шопаткі) хату губяць* 'Наговоры (шушуканье) дом портят'; *Шэпты хату зводзяць і вуглы разносяць* 'Наговоры (шушуканье) дом портят и углы разносят' (ПП: 2: 44).

Поэтому для установления факта тождества структурно-семантических моделей тувинских и белорусских пословиц достаточно, по нашему мнению, фиксации межъязыкового структурно-семантического тождества с иноязычной пословичной моделью хотя бы одной структурной части двухчленной тувинской пословицы.

В проанализированном тувинском пословичном фонде зафиксировано 31 единица, имеющая тождественные белорусским пословицам структурно-семантические модели (что составляет 32% тувинских пословиц, параллельных белорусским). Напр.:

- *Авага ажы-төлү артык, Анчыга алды-киш артык* 'Матери дети дороги, Охотнику чёрные соболя дороги' (ППТН: 11) — бел. *Сваё дзіцятка мілей сэрцу маткі* 'Своё дитя милей сердцу матери' (ПП: 2: 113);
- *Аксың-биле аал көжүрбе, Дылың-биле дым ужурба* или *Дылың-биле дым ужурба, Аксың-биле аал көжүрбе* 'Языком дерево не вали, Словом аал не переноси' (ППТН: 14, 27) — бел. *Языком сена не накосіш* 'Языком сена не накосишь' (ПП: 2: 278); *Работу словам не замениш* 'Работу словом не сделаешь' (ПП: 2: 279);
- *Азаның бичези кончуг* 'Маленький чёрт самый шустрый' (ППТН: 14) — бел. *Не з чорта, а якое шустрае* 'Не чёрт, а какой шустрый' (ПП: 2: 320);
- *Арнынга алгаар, Артынга бактаар* 'В глаза хвалит, За глаза проклинаят' (ППТН: 16) — бел. *У вочы — лістам сцелецца, а за вочы сабакам брэшаць* 'В глаза листом стелется, а за глаза собакой лает'; *У вочы так, а за вочы зусім іначай* 'В глаза так, а за глаза совсем иначе'; *У вочы лісам, а за вочы воўкам* 'В глаза лисой, а за глаза волком'; *У вочы ліском, а за вочы ваўком (няском)* 'В глаза лисом, а за глаза волком (песком)'; *У вочы лісам, а за вочы бісам* 'В глаза лисом, а за глаза бесом' (ПП: 2: 323); *У вочы-то — саколю, а за вочы-то — соллю* 'В глаза-то соколом (хвалит), а за глаза-то солью (обсыпает)'; *У вочы з мілым тварам, а за вочы крутым варам* 'В глаза с милым лицом, а за глаза крутым кипятком'; *У вочы катком, а за вочы варком* 'В глаза котом, а за глаза кипятком' (ПП: 2: 324);
- *Агт турда, эзер муңчок, Бижек турда, хын муңчок* 'Был бы конь — седло найдётся, Был бы нож — ножны найдутся' (ППТН: 18) — бел. *Абы кароўка, будзе і вяроўка* 'Была бы коровка, будет и верёвка'; *Было на кароўку, будзе і на вяроўку* 'Было на коровку, будет и на верёвку'; *Была б кароўка, а даёнка знайдзецца* 'Была бы коровка, а подойник найдётся' (ПП: 1: 197);
- *Дорттааш, тос хонар* 'Хотел напрямик, потерял девять дней' (ППТН: 26) — бел. *Пойдзеш нацянькі — згубіш дзянькі* 'Пойдёшь напрямки — потеряешь деньки'; *Хто пойдзе нацянькі, той губляе*

дзянькі 'Кто пойдёт напрямки, тот потеряет деньки'; *Хто паехау нацянькі, той паедзе тры дзянькі* 'Кто поехал напрямки, тот едет денька три'; *Паедзеш нацянькі — будзеш ехаць тры дзянькі* 'Поедешь напрямки — будешь ехать денька три' (ПП: 1: 278); *Пайшоу нацянькі — хадзіў тры дзянькі, а пайшоу цераз брод, дык хадзіў цэлы год* 'Пошёл напрямки — ходил денька три, а пошёл через брод, так ходил целый год'; *Хто ходзіць нацянькі, той набівае ногі і траціць дзянькі* 'Кто ходит напрямки, тот сбивает ноги и теряет деньки'; *Паедзеш нацянькі — вазьмі хлеба на тры дні* 'Поедешь напрямки — возьми хлеба дня на три'; *Увакруг адзін круг, а нацянькі бываець тры дзянькі* 'Вокруг один круг, а напрямки бывает денька три'; *Хто дарогу кружыць, ніколі не тужыць, а хто прастуе, удома не начуе* 'Кто дорогу кружит, никогда не тужит, а кто прямо едет, тот дома не ночует'; *Хто дарогу прастуе, той у дому не начуе* 'Кто дорогу спрямит, тот дома не заночует'; *Хто прасцікуе, той дома не начуе* 'Кто прямо ездит, тот дома не ночует' (ПП: 1: 279);

- *Инектиг кижі тодуг, Хойлуг кижі каас* 'У кого корова — тот сыт, У кого овцы — одет' (ППТН: 28) = *Карова на дварэ (ў хляве) — харч на сталe* 'Корова на дворе (в хлеву) — еда на столе' (ПП: 1: 198);
- *Кайгал эрніц кара илдең* 'Молодца видно по глазам' (ППТН: 30) — бел. *Бачна па вочках, хто ходзіць па ночках* 'Видно по очам, кто ходит по ночам' (ПП: 2: 369); *Відна па вочках, што ходзіць уночках* 'Видно по глазам (удалого молодца), что ходит по ночам (по своим делам)' (ПП: 2: 23);
- *Кижі ийи катап төрүттүнер эвес* 'Человек два раза не рождается' (ППТН: 32) — бел. *Два разы ўміраць не будзеш* 'Два раза умирать не будешь' (ПП: 2: 414);
- *Сөглээн сөс – Керткен ыяш* 'Сказанное слово — Дерево с зарубкой (т. е. дал слово — должен его выполнить)' (ТРС: 387) или 'Сказанное слово — Зарубка на дереве' (ППТН: 50) — бел. *Слова сказаў — тапаром адсек* 'Слово сказал — топором отрубил' (ПП: 2: 187);
- *Туразы улуг, Дурту кыска* 'Ростом с вершок, А самодовольством великан' (ППТН: 52) — бел. *Малы жук, а вялік гук* 'Мал жук, да громок звук' (ПП: 1: 344);
- *Хоюган аъттың кара көскү, Кортук кижиниң кулаа дыыжы* 'Пугливому коню всё чудится, Трусливому человеку всё мерещится' (ППТН: 59) — бел. *Пужаная варона куста баіцца* 'Пуганая ворона куста боится' (ПП: 2: 295); *Напужаная варона і вераб'я баіцца* 'Испуганная ворона и воробья боится'; *Ратаваны з вады конь і лужи баіцца* 'Спасённый из воды конь и лужи боится'; *Баязліваму і страх здаецца (у вочы лезе)* 'Трусливому и страх мерещится (в глаза лезет)'; *Баязлівага і страх трапляе* 'Трусливого и страх одолевает'; *Баязліваму й капа стогам здаецца* 'Трусливому и копна стогом покажется'; *Баязліваму і корч (мыш) мядзведзь* 'Трусливому и пень (мышь) медведь'; *Баязліваму і свой цень страшны* 'Трусливому и своя тень страшна' (ПП: 2: 296);
- *Эки кылган ажыл — Элеп читпес алдар* 'Хорошая работа — Хорошая слава' (ППТН: 76) — бел. *Добрае дзела само сябе хваліць* 'Хорошая работа сама себя хвалит'; *Якая справа, такая й слава* 'Какая работа, такая и слава'; *Дзе справа, там і слава* 'Где работа, там и слава' (ПП: 1: 172);
- *Эштиң эргизи эки, Эттиң чаазы херек* 'Одежда хороша новая, А друг — старый' (ППТН: 78) — бел. *Адзенне добра новае, а жонка здаровая* 'Одежда хороша новая, а жена здоровая' (ПП: 2: 67);
- *Ядамыкты бурган көрбес* 'Бедных бог не видит' (ППТН: 79) — бел. *Беднаму бог не залоціць парог* 'Бедному бог не позолотит порог' (ПП: 2: 152);
- *Авазы хүн болза, Ачазы ай болур* 'Если солнце — мать, Отец — луна' (ППТН: 80) — бел. *Дзень — бацька, а ноч — маці* 'День — отец, а ночь — мать' (ПП: 1: 89);
- *Аткан окту чедип алыр, Сөглээн сөстү чедип албас* 'Посланную стрелу можно вернуть, Сказанного слова — нет' (ППТН: 87) — бел. *Выказанага слова за губы не вернеш* 'Сказанного слова к губе не вернёшь'; *Выхаўкнуў слова — ужо не вернеш* 'Высказал слово — уже не вернёшь'; *Кайся не кайся, выпусціў слаўцо — не вернеш (што ўцякло)* 'Кайся не кайся, выпустил слово — не вернёшь (что убежало)'; *Сліны не падымеш, а слова не вернеш* 'Слюны не поднимешь, а слова не вернёшь'; *Слова як птушка: выпусціў — не вернеш* 'Слово как птица: выпустил — не вернёшь' (ПП: 2: 188);
- *Аштаан кижиге ажыг божа безин амдангыг* 'Голодному человеку даже кислая божа (молочный продукт, остаток хойтпака после изготовления араки) кажется вкусной'; *Аш келгенде, Ажыг чок* 'Когда голод приходит — Любая еда вкусна' (ППТН: 88) — бел. *Галоднаму ўсё смакуе* 'Голодному всё по вкусу'; *Галоднаму ваўку і заверта па нутру* 'Голодному волку и конская сбруя по нутру'; *На галодны зуб усё смачна* 'На голодный зуб всё вкусно'; *Галодны і гнілой бульбіне рад* 'Голодный и гнилой картошке рад'; *Галодны з'еў бы каня з капытамі* 'Голодный съел бы коня с копытами'; *Галодны прысмакаў не пытае* 'Голодный лакомств не спрашивает' (ПП: 1: 220);

- *Бажа бажазынга ынак, Өшкү хаязынга ынак* ‘Свояк любит свояка, Козёл любит скалу’ (ППТН: 89) — бел. *Сваяк сваяка бачыць здаляка* ‘Свояк свояка видит издалека’; *Свой сваяка пазнае здаляка* ‘Свой свояка узнаёт издалека’ (ПП: 2: 139);
- *Бак кижиниң баажызы хөй* ‘У лентяя много отговорок’ (ППТН: 90) — бел. *Гультай заўжды адмоўку знойдзе* ‘Лентяй всегда отговорку найдёт’; *У нашай Хадоркі адны адгаворкі* ‘У нашей Хадорки одни отговорки’ (ПП: 2: 272);
- *Бак кижиге бак кижы ынак, Пакалаар кижиге ыт ынак* ‘Плохой человек отыщет плохого, Собака найдёт человеческий навоз’ (ППТН: 90) — бел. *Злодзей злодзея здалёк (па ачах) пазнае* ‘Злодей злодея издалека (по глазам) узнаёт’ (ПП: 2: 369);
- *Даш де гак Даг дег караны базар* ‘Правда — с маленький белый камешек — Победит неправду с чёрную гору’ (ППТН: 96) — бел. *Праўда няпраўду перацягне* ‘Правда неправду перевесит’ (ПП: 2: 435);
- *Дашты чарааш, Ишти ирик* ‘Внешность красивая, А нутро гнилое’ (ППТН: 97); *Ишти ирик, дашты алдын* ‘Снаружи золотой, Внутри гнилой’ (ППТН: 102) — бел. *З твару — яйка, а ўнутры — баўтун* ‘Лицом — яйцо, а внутри — болтун (насиженное яйцо без зародыша)’ (ПП: 2: 324);
- *Каракта хай чок, Кулакта кул чок* ‘Глазам не запретишь, Ушам не прикажешь’ (ППТН: 103) — бел. *Вочы завяжааш, а вушэй не заложыш* ‘Глаза завяжешь, но ушей на закроешь’ (ПП: 2: 395);
- *Кортуктуң чүрээ аксында, Хоюганның кулаа кудуруунда* ‘Сердце у труса во рту стучит, У пугливого уши у хвоста’ (ППТН: 109) — бел. *Хто баіцца, таму ў вачах дваіцца* ‘Кто боится, у того в глазах двоится’ (ПП: 2: 296);
- *Кырырының мурнунда, аныак чорааш, эртемге өөрөн* ‘Учись, пока молодой, а то старость быстро придёт’ (ППТН: 111) — бел. *Вучыся замаладу, то на старасць як знайдзеш* ‘Учись смолоду, тогда на старости как найдёшь’; *Што замаладу навучышся, на старасць як найдзеш* ‘Чему смолоду научишься, на старости как найдёшь’ (ПП: 2: 176);
- *Кышты чайындан билир, Чайны кыжындан билир* ‘Зиму определяют по лету, Лето — по зиме’ (ППТН: 111) — бел. *Якая зіма, такое лета* ‘Какая зима, такое лето’; *Зіма снежная — лета дажджлівае* ‘Зима снежная — лето дождливое’ (ПП: 1: 73).

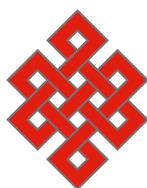
Как можно видеть, тувинские пословицы, тождественные белорусским пословицам по структурно-семантической модели, демонстрируют достаточно высокий уровень своей линвокультурной и этнокультурной маркированности, что говорит о глубокой специфичности тувинской пословичной картины мира на фоне имеющегося типологического сходства в структурно-семантической организации тувинских и белорусских пословиц.

Идентичные образы и концепты в коррелятивных тувинских и белорусских пословицах

Образы и концепты при типологическом сопоставлении пословиц разных языков рассматриваются либо как компоненты структурно-семантической модели (см. выше), либо как самостоятельные компоненты пословичного плана содержания (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1016). Во втором случае пословичные образы и концепты приобретают типологическую значимость только в составе межязыковых коррелятов (т. е. принципиально соотносимых в плане содержания) пословиц данных языков.

Как показывают новейшие исследования, в тувинском языке имеется довольно «значительное количество пословиц, аналогичных по структурно-семантическим моделям пословицам различных европейских языков, однако отличающихся наличием в плане содержания этнокультурно маркированных пословичных образов» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 242), что позволяет характеризовать семантическую специфику тувинских пословиц на широком языковом фоне. В свою очередь, наличие идентичных образов и концептов в коррелятивных пословицах разных языков можно рассматривать как показатель типологических сходств / различий семантической структуры не только единиц пословичных фондов, но и пословичных картин мира данных народов.

Всего в анализируемых пословицах тувинского языка зафиксировано 36 единиц, которые содержат идентичные пословичные образы и концепты в сравнении с коррелятивными белорусскими по-

словами (что составляет 37% тувинских пословиц, параллельных белорусским). Так, образ «грязь» используется и в тувинской, и в белорусской пословице как источник богатства, сытости и благополучия, ср.: *Довурактан тодар, Малгаштан байыыр* 'От сырой земли — сытость, От жидкой грязи — богатство' (ППТН: 26) — бел. *Кінь мяне ў грязь, то я буду князь* 'Брось меня в грязь, тогда я буду князь (богат, как князь)' (ПП: 1: 127); *Сей авёс у грязь — будзеш князь* 'Посеешь овёс в грязь — будешь князь (богат, как князь)' (ПП: 1: 127). А концепт 'разговорчивость (болтливость)' используется в пословичных картинах мира и тувинцев, и белорусов в качестве мерила трудолюбия, умения и желания работать, ср.: *Ааска шоваа, Ажылга човаг* 'Бойкий в разговоре, Неловкий в работе' (ППТН: 80) — бел. *Хто многа гаворыць, той мала робіць* 'Кто много говорит, тот мало работает'; *Больш рабі, а менш гавары* 'Больше работай, меньше говори'; *Менш гавары, а больш рабі* 'Меньше говори, больше работай' (ПП: 2: 278).

В рассматриваемом пословичном фонде тувинского языка зафиксировано 16 единиц, в которых используются образы, идентичные образам в белорусских пословицах-коррелятах (что составляет 44,5% тувинских пословиц, имеющих одни и те же образы и/или концепты в коррелятивных пословицах белорусского языка), напр.:

- «слово меткое», ср. *Бижектиң чидии херек, Сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, А слово — меткое' (ППТН: 21) — бел. *Куляй пацэліш у аднаго, у двух, а трапным словам — у тысячу* 'Пулей попадётся в одного, а метким словом — в тысячу'; *Слова міма не ляціць* 'Слово не мимо летит' (ПП: 2: 186);
- «вера в бога», ср. *Бурган чокта, орук ажык* 'Без бога открыта дорога' (ППТН: 22) — бел. *Без бога не да парога* 'Без бога не дойдёшь до порога' (ПП: 2: 1...);
- «лисий хвост», ср. *Дилги кудуруу-биле ыт мегелээр* 'Лиса собаку хвостом обманывает' (ППТН: 25) — *Вый ваўком, а махай лісім хвастом* 'Вой волком, а маши лисьим хвостом'; *Мей воўчы рот, да лісі хвост* 'Имей волчий рот, да лисий хвост' (ПП: 2: 324);
- «злой язык», ср. *Аас айыылы кончуг* 'Страшен злой язык' (ТРС: 30) — бел. *Бойся не нажа, а злога языка* 'Бойся не ножа, а злого языка' (ПП: 2: 390);
- «гнездо птицы», ср. *Куш уялыг, Кижичурттуг* 'У птицы — гнездо, У человека — Родина' (ППТН: 36) — бел. *Для ўсякай птушкі сваё гняздо міла* 'Для всякой птицы своё гнездо дорого'; *Каждаму дразду жаль на свайму гнязду* 'У каждого дрозда нет милее своего гнезда' (ПП: 1: 289); *Дурная тая птушка, якая свайго гнязда не мае* 'Плоха та птица, которая своего гнезда не имеет' (ПП: 1: 210); *Куш уязынга ынак, Кулун иезинге ынак* 'Птица любит своё гнездо, Жеребёнок любит свою мать' (ППТН: 36) — бел. *Дурная птушка сваё гняздо не шануе* 'Плохая птица своим гнездом не дорожит' (ПП: 1: 289);
- «старый конь», ср. *Кырган азт орук часпас* 'Старый конь не собьётся с дороги' (ППТН: 37) — бел. *Стары конь баразны не псуе, ды не глыбока арэ* 'Старый конь борозды не портит, но и не глубоко пашет' (ПП: 2: 93);
- «слово плохое», ср.: *Сөс сүрерге, шош үнер, Сөөк кагарга, чилиг үнер* 'Из кости мозг от стука вылетает, Из перебранки ссора возникает' (ППТН: 50); *Артык сөстен кырыш үнер, Арагадан чогуш үнер* 'От лишнего слова возникает ссора, От вина — драка' (ППТН: 86) — бел. *Ад слова да слова — прышло да кулакоў* 'От слова к слову (плохому) — дошло до кулаков' (ПП: 2: 388);
- «глаза (удалого молодца)», ср. *Хатчыл черниң ыяжы илдең, Кайгал эрниң кара илдең* 'Ветренное место узнают по деревьям, Удалого молодца — по глазам' (ППТН: 58) — бел. *Відна па вочках, што ходзіць уночках* 'Видно по глазам (удалого молодца), что ходит по ночам (по своим делам)' (ПП: 2: 23);
- «свивать верёвку», ср. *Чепти эжит өөренир, Чеченни сактып өөренир* 'Верёвку умеючи надо свивать, Пословицу надо с умом толковать' (ППТН: 66) — бел. *З ветру вяроўку саўе* 'Из ветра верёвку совьёт' (ПП: 2: 377);
- «горе и счастье (ходят)», ср. *Човаары дүрген Чыргаары оожум* 'Горе торопится, А счастье не спешит' (ППТН: 67) — бел. *Шчасце за гарамі, а бяда за плячамі* 'Счастья за горами (бежит), а беда за плечами (спешит)' (ПП: 2: 423);
- «слово доброе», ср. *Аас белээ ачылыг, Аас халавы айыылдыг* 'Доброе слово лечит, Оговор очень опасен' (ППТН: 80) — бел. *Ласкавае слова і косьць ломіць* 'Доброе слово и кость ломит'; *Ласкавае слова лепш дубіны* 'Доброе слово лучше дубины' (ПП: 2: 9);
- «отсутствие чего-либо», ср. *Куругдан курушкак дээрэ* 'Лучше что-то, хоть корявое, чем ничего' (ППТН: 110) — бел. *Лепей мала, чым нічога* 'Лучше мало, чем ничего' (УК: 200);

• «искра (маленькая)», ср. *Чаштанчыдан өрт үнер, Чаашкындан үер үнер* 'Из искры возгорится пожар, От дождя – наводнение' (ППТН: 66) — бел. *З малой іскры бываець часам вялікі пажар* 'Из малой искры бывает часто большой пожар'; *З малой іскры вялікі агонь бывае* 'Из малой искры большой огонь бывает' (ПП: 1: 59); *Ад малой іскры сыр-бор загараетца* 'От малой искры сыр-бор загорается'; *Ад іскры і вада можа загарэцца* 'От искры и вода может загореться' (ПП: 1: 60).

В проанализированных пословицах тувинского языка зафиксирована 21 единица, где содержатся концепты, идентичные концептам в составе содержательно коррелятивных белорусских пословиц (что составляет почти 55,5% тувинских пословиц-коррелятивов белорусским пословицам), при этом подавляющее большинство совпадающих концептов приходится на парные концепты, повторяющиеся в пословицах одного языка и/или разных языков (пословичные биномы), напр.:

• 'отец' — 'конь', ср. *Ада турда — чон таныыр, Аът турда — чер көөр* 'Если с отцом, то знакомится с людьми, Если с конём, то знакомится с округой' (ППТН: 12); *Ада чокта — эш чок, Аъды чокта — бут чок дег* 'Без отца — как без друга, Без коня — как без ног' (ППТН: 12) — бел. *Конь у гаспадарцы — бацька* 'Конь в домашнем хозяйстве — отец' (ПП: 1: 139);

• 'отец' — 'мать', ср. *Ада сөзүн (ачазының чагыы, сургаан чугаазы) ажырып болбас, Ие сөзүн (авазының чагыы, сургаан чугаазы) ижип болбас* 'Наказ отца запоминай, Слова матери уважай' (ППТН: 12) — бел. *Хто бацьку і маці зневажае, той добра не знае* 'Кто отца и мать не уважает, тот добра не знает' (ПП: 2: 86);

• 'невиновный', ср. *Актыг кижі ак дивес* 'Невинный не кается' (ППТН: 14) — бел. *Нявінная кроў не ўтоіцца* 'Невинная кровь не таится' (ПП: 1: 352);

• 'родня', ср. *Аң түрээнде, турлаам дээр, Кижі түрээнде, төрелим дээр* 'Зверь в беде к тайге стремится, Человек в беде к родне тянется' (ППТН: 16) — бел. *Радня толькі да чорнага дня* 'Родня только до чёрного дня'; *Радня толькі да белага дня, а ў чорны дзень не найдзеш* 'Родня только до белого дня, а в чёрный день не найдёшь' (ПП: 2: 143);

• 'голод' — 'холод', ср. *Аштаанын уттуптар, Доңганын утпас* 'Голод со временем забывается, Холод навечно в кости въедается' (ППТН: 18) — бел. *Голад гоніць на холад* 'Голод гонит на холод' (ПП, 1, 218); *Галеча ды голад пагоняць на холад* 'Нищета да голод погонят на холод' (ПП, 1, 408);

• 'богатый', ср. *Бай кижі байынга пөкпес* 'Бай богатством не насытится' (ППТН: 19) — бел. *Багаты абы-што хапае, бо свайго ліку не мае* 'Богатый всё хватает, своего не считает'; *У багатага не прасі, а яму яшчэ прынясі* 'У богатого не проси, а ему ещё принеси' (ПП, 1, 423)

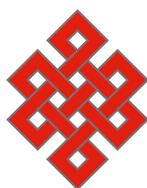
• 'труд', ср. *Каас-тодуг чуртталга — Карак кызыл ажылда* 'Зажиточная жизнь — В упорном труде' (ППТН: 29) — бел. *Вось на свеце як бывае: хто працуе, той і мае* 'Вот на свете как бывает, кто трудится, тот и наживается' (ПП: 1: 165); *Хто дбае (робіць), той і мае* 'Кто трудится (работает), тот и богатеет' (ПП: 1: 185);

• 'старый', ср. *Кыраанда — кылыктыг, Кызыраанда — чарыча* 'Яловой станет — лишней станет, Старым станет — ворчливым станет' (ППТН: 37) — бел. *Ідзе стары варчыць, маладэй памаўчыць* 'Где старый ворчит, молодой молчит' (ПП: 2: 92);

• 'парень' — 'конь', ср. *Кыс этке ынак, Оол аътка ынак* 'Девушке нужен наряд дорогой, Парню дороже конь вороной' (ППТН: 38) — бел. *Хлопец на каня сядзе, а дзеўка родзіцца і паспявае яму* 'Парень на коня садится, а девушка ему только родится' (ПП, 2, 27);

• 'первый (опередивший) — 'последний (опоздавший)', ср. *Мурнаанның мөрүзү, Соңнаанның шорүзү* 'Опередившему сопутствует удача, Опоздавшему — невезенье' (ППТН: 40) — бел. *Хто першы, той лепшы* 'Кто первый, тому всё лучшее' (ПП: 2: 305); *Апошняму госцю лыжка ў качарэжніку* 'Последнему гостю ложка в углу за печкой' (ПП: 1: 400);

• 'впереди (передний) — 'позади (задний)', ср. *Мурнун хынаар, Соон истээр* 'Присмотришься, что впереди, Оглянись, что позади' (ППТН: 40) — бел. *Кінь перад сабою — знойдзеш за сабою* 'Брось перед собою — найдёшь за собою'; *Кінь (кінеш, закінь) наперад — знойдзеш ззаду* 'Брось (бросишь, закинешь) вперёд — найдёшь сзади'; *Закінь назад — наперадзе знойдзеш* 'Закинь назад — впереди найдёшь'; *Кінь за сабою — знойдзеш перад сабою* 'Брось за собою — найдёшь перед собою'; *Кінь ззаду — падымеш наперадзе* 'Брось сзади — поднимешь впереди' (ПП: 2: 459); *Мурнаанын соңнайгызы эдерер* 'Задние копыта идут по следу передних' (ППТН: 40) — бел. *Пакоцьюцца пярэднія каткі, і заднія не застануцца* 'Покатятся передние катки, и задние не останутся' (ПП: 1: 376);

- ‘дорога’ — ‘песня’, ср. *Олут улузу чугаалажып хөөрээр, Чорук улузу ырлажып хөөрээр* ‘В юрте веселятся разговорами, В дороге — песнями’ (ППТН: 42) — бел. *Песня дарогу пазнае* ‘Песня дорогу познаёт’ (ПП: 2: 192);
- ‘плакать’ — ‘смеяться’, ср. *Өөрээнде — ыглаар, Муңгараанда — каттырар* ‘От радости — плачут, В горе — смеются’ (ППТН: 46) — бел. *Адны вочы і плачуць і смяюцца (скачуць)* ‘Одни глаза и плачут и смеются’ (ПП: 2: 207);
- ‘скупость (скупой)’ — ‘душа (душевный)’, ср. *Харам сеткил — дужак* ‘Скупость — что душевные пути’ (ППТН: 57) — бел. *Скупому рубель дарожшы за душу* ‘Скупому рубль дороже души’ (ПП: 2: 332);
- ‘работа (работать)’ — ‘еда (есть)’, ср. *Холум-холум кылдыр ажылдаар, Хырным-хырным кылдыр чиир* ‘Работать иди — рук не щади, Попалась еда — не жaley живота’ (ППТН: 58) — бел. *Работай (рабі, працауй) да поту — паясі ў ахвоту* ‘Работай (Поработаешь) до поту — поешь в охоту’; *Добра парабатаеш — добра паспіш і пад’ясі* ‘Хорошо поработаешь — хорошо и поспишь и поешь’ (ПП: 1: 182);
- ‘богатый’ — ‘бедный’, ср. *Ядыны бай кээргевес, Байны яды кээргевес* ‘Богатый бедного не жалеет, Бедный богатого не жалеет’ (ППТН: 79) — бел. *Багаты дзівіцца, чым бедны жывіцца, а бедны смяецца, дзе ў багатага дзяецца* ‘Богатый удивляется, чем бедный питается, а бедный усмехается, где у богатого деваётся’ (ПП: 1: 415); *Бедны можа быць багатыром, а багатыр бедным* ‘Бедный может стать богатым, а богатый бедным’ (ПП: 1: 414);
- ‘горе’ — ‘радость’, ср. *Кажыдал, өөрүшкү Кажан-даа кады чорчуур* ‘Горе и радость Всегда рядом идут’ (ППТН: 103) — бел. *Сколькі смутку, столькі й радасці* ‘Сколько горя, столько и радости’ (ПП: 2: 488);
- ‘глаза’ — ‘сердце’, ср. *Карактың көргенинде, Чүректің күзээнинде* ‘Глаза увидели, А сердцу захотелось’ (ППТН: 104) — бел. *Вочы не бачаць, то й душа (сэрца) не балиць* ‘Глаза не видят, так и душа (сердце) не болит’ (ПП: 2: 470).

Как видим, в тувинских пословицах те образы и концепты, которые идентичны белорусским пословичным образам и концептам, реализуются часто в разнообразных комбинациях с этнокультурно маркированными образами и лингвокультурно обусловленными концептами, что свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимовоздействии типологически общего и национально специфического в образном пространстве и концептуальной сфере тувинской пословичной картины мира.

Заклучение

Сопоставительно-типологическое исследование пословичных фондов тувинского и белорусского языков на основе структурно-семантического моделирования межъязыковых пословичных параллелей позволило, во-первых, установить аналогичные в обоих языках пословицы и дифференцировать их по характеру межъязыковой общности на универсальные (не обусловленные родством языков и языковыми контактами единицы), интернациональные (заимствованные из различных языков как в тувинский, так и в белорусский язык); во-вторых, выявить тождественные структурно-семантические модели в целом ряде тувинских и белорусских пословиц и описать лингвокультурно детерминированную вариативность, структурную, образную и понятийную этноспецифичность пословиц в тувинском языке; в-третьих, установить наличие идентичных пословичных образов и концептов в коррелятивных пословицах тувинского и белорусского языков, показать лингвокультурную обусловленность в реализации общих образов и концептов, их взаимосвязь с этнолингвокультурно маркированными образами и концептами в пословичной картине мира тувинского народа.

Анализ пословичных параллелей тувинского и белорусского языков показал, с одной стороны, неожиданно высокую степень типологической близости пословичных фондов (каждая восьмая тувинская пословица имеет соответствие в белорусском языке), а с другой — ожидаемо высокий уровень этнокультурной специфичности тувинских пословиц, коррелирующих с белорусскими в плане как тождества структурно-семантических моделей, так и наличия идентичных пословичных образов и концептов. Подавляющее большинство параллелей белорусским пословицам национально маркированы в тувинском пословичном фонде, что свидетельствует о глубокой взаимосвязи и тесном взаимодействии в тувинской пословичной картине мира типологически общего и этнокультурно специфического.

Разработанная методика установления и полученные списки аналогичных пословиц, тождественных пословичных структурно-семантических моделей, идентичных пословичных образов и концептов в коррелятивных пословицах тувинского и белорусского языков позволяет создать объективную базу данных для сопоставительного лингвокультурологического и лингвоаксиологического описания тувинской пословичной картины мира на широком евроазиатском языковом и лингвокультурном фоне, ввести тувинские пословицы в научный оборот по разработке провербиальной типологии языков мира в теоретическом (собственно лингвистическом и лингвокультурном), а также в прикладном (переводном и лексикографическом) аспектах.

Перспективой для дальнейших исследований является сопоставительный анализ и типологическое описание тувинских пословиц и пословиц других языков на основе межязыкового структурно-семантического моделирования с целью выявления и дифференциации всего комплекса типологически значимых межязыковых пословичных соответствий как для отдельных пар языков, так и для тувинского и целых групп европейских и азиатских языков.

Последовательное сопоставительно-типологическое изучение пословиц тувинского на фоне европейских и азиатских языков позволит ответить на многие вопросы о происхождении и национальном своеобразии тувинских пословиц, степени и особенностях их генетической, ареальной, типологической общности vs. уникальности как в языковом, так и в лингвокультурном аспекте в евроазиатском паремиологическом континууме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алёшын, А. С., Иваноў, Я. Я. (2022) Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. № 1 (255). С. 86–95. (На белорус. яз.). DOI: <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2022-255-1-86-95>

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник урведования. Т. 11. № 4. С. 607–615.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.

Глуханько, Л. У., Иваноў, Я. Я. (2021) Афарызм і малыя тэкставыя формы: суадноснае і агульнае (на матэрыяле беларускай, рускай, польскай, англійскай моў) // Яęzykoznawstwo. № (1)15. S. 123–146. (На белорус. яз.). DOI: https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021_09eilg

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (24). С. 88–91.

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Петрушевская, Ю. А. (2015) Белорусская паремиология конца XX — начала XXI века (1991–2014 гг.) : библиографический обзор // Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. М. : URSS ; Ленанд. 294 с. С. 252–292.

Иванов, Е. Е., Руис-Соррилья Крусате, М. (2021) Принципы и структура испанско-белорусского паремиологического словаря // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. № 2 (249). С. 104–111. DOI: <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2021-249-2-104-111>

Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філолагічны студыі. Вип. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 48–52. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2022) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2022. № 1. С. 75–79. (На белорус. яз.)

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2 (63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1 (72). С. 92–95.

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014a) О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 200–202.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014b) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 202–204.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 616–618.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2014) Интернациональные, заимствованные и исконно языковые единицы в составе паремиологического фонда современного белорусского языка // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Филологические науки. № 77. С. 123–126.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). Vol. 5. № 1. С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Петрушэўская, Ю. А. (2018а) Аб'ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Філолагічны студіі. Вип. 18. С. 48–62. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2018б) Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы // Філолагічны часопіс. Вип. 2(12). С. 70–75. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Нацыянальна-культурны кампанент у складзе ўласна беларускіх прыказак // Філолагічны часопіс. № 1(15). С. 81–91. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.)

Салчак, А. М. (2019) Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. № 6. С. 25–27.

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература (2020) / Донгак У. А. и др.; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. T. 1. С. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Ershov, V. I. (2021) Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. No. 12(4). P. 1051–1074. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. No. 11(2). P. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 12.07.2022 г.

REFERENCES

Aleshin, A. S. and Ivanov, E. E. (2022) Materyialy da ukladannia belarуска-shvedskaga slounika prykazak [Materials for the compilation of the Belarusian-Swedish dictionary of proverbs]. *Proceedings of BSTU. Issue 4: Print- and Mediatechnologies*, no. 1, pp. 86–95. (In Belarusian). DOI: <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2022-255-1-86-95>

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniye tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredeleniye, status, funktsionirovaniye [Proverb in modern linguistics: Definition, status, functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: Material and spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 115 p. (In Russ.).

Glukhanko, L. U. and Ivanov, E. E. (2021) Afaryzm i malyia tekstavyia formy: suadnosnae i agul'nae (na materyiale belaruskai, ruskai, pol'skai, angliiskai mou) [Aphorisms and small text forms: Comparability and generality (in Belarusian, Russian, Polish, English)]. *Linguistics*, no. 1 (15), pp. 123–146. (In Belarusian). DOI: https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021_09eilg

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparison of how negative and reproachful qualities of people are expressed in Russian and Tuvan sayings]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (12), pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremiology of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob"ekta leksikograficheskogo opisaniia [Aphorism as the object of lexicographic description: Criteria of systematization]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–92. (In Russ.)

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinits v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: The main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022) Funktsii aforisticheskikh edinits v russkom iazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Petrushevskaya, J. A. (2015) Beloruskaia paremiologiya kontsa XX — nachala XXI veka (1991–2014 gg.) : bibliograficheskii obzor [Belarusian paremiology of the late 20th — early 21st century (1991–2014): A bibliographic review]. In: *Paremiologiya v diskurse [Paremiology in discourse]* / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 304 p. Pp. 252–292. (In Russ.).

Ivanov, E. E. and Ruiz-Zorrilla Cruzate, M. (2021) Printsipy i struktura ispansko-beloruskogo paremiologicheskogo slovaria [Principles and structure of Spanish-Belarusian paremiological dictionary]. *Proceedings of BSTU. Issue 4: Print- and Mediatechnologies*, no. 2 (249), pp. 104–111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2021-249-2-104-111>

Ivanov, E. E. (2011) Paremiialagichnyia sistemy belaruskai i ruskai mou: padabensvty i razykhodzhanii [Paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: Similarities and discrepancies]. *Filologichni studii*, issue 6, part 2, pp. 53–63. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: prykazkavaia struktorna-semantychnaia madel' [Main components of a proverb as a language unit: Structural and semantic model of proverb]. *Vestsi BDPU. Issue 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, no. 4 (110), pp. 48–52. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaya, J. A. (2022) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: leksichny sklad, gramatychnaia arganizatsyia, farmal'nyia i struktorna-semantychnyia varyianty [Main components of a proverb as a language unit: Lexical content, grammatical organization, formal and structural-semantic variants]. *Vestsi BDPU. Issue 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, no. 1 (111), pp. 75–79. (In Belarusian).

Kechil-ool, S. V. and Saaya, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “Ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice*, no. 9-2 (63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaya, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Konyashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014a) O nekotorykh osobennostiakh vvedeniia paremii v khudozhestvennyi tekst (na materiale russkikh perevodov) [About some specific features of introduction of Tuvian proverbs into a literary text (with the reference to Russian translations)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 200–202. (In Russ.).

Konyashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014b) Problema perevoda tuvinskikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translation of Tuvian paroemias (based on Russian literary translation)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 202–204. (In Russ.).

Konyashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [Linguoculturological aspect of Tuvan paroemias in texts of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. 2nd ed. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen* [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]. Moscow, Librokom Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiya: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitveva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiya v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2014) Internatsional'nye, zaimstvovannyye i iskonno iazykovyye edynitsy v sostave paremiologicheskogo fonda sovremennogo belorusskogo iazyka [International, borrowed and native language units in the paremiological stock of the modern Belarusian language]. *Vestnik of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*, no. 77, pp. 123–126. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2021) Metodologiya opredeleniia natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo iazyka [Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology]. *WEST—EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Petrushevskaya, J. A. (2018a) Ab'iom i sklad universal'nykh adzinak u paremiialagichnykh skladze belaruskai movy [The volume and composition of universal units in the Belarusian proverbial fund]. *Philological Studies*, issue 18, pp. 48–62. (In Belarusian).

Petrushevskaya, J. A. (2018b) Da prablemy vyznachenniia natsyianal'nai admetnasti prykazkavaga fondu belaruskai movy [On the problem of the definition of national identity paremiological foundation of the Belarusian language]. *Philological Review*, issue 2 (12), pp. 70–75. (In Belarusian).

Petrushevskaya, J. A. (2020) Natsyianal'na-kul'turny kampanent u skladze ulyasna belaruskikh prykazak [National and cultural component in the proper Belarusian proverbs]. *Philological Review*, issue 1 (15), pp. 81–91. (In Belarusian).

Petrushevskaya, J. A. (2021) *Mounaia spetsyfichnasts' i natsyianal'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]* / ed. by E. E. Ivanov. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University. 220 p. (In Belarusian).

Salchak, A. M. (2019) *Obraz volka v tuvinskikh i angliiskikh poslovitsakh [The image of a wolf in Tuvan and English proverbs]*. *Simvol nauki*, no. 6, pp. 25–27. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) *Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / U. A. Dongak et al., ed. by G. Zolbaiar and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2014) *O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremi v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some features of the translation of paroemian sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]*. *Philology. Theory & Practice*, no. 5-1 (35), pp. 191–193. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2002) *Paremiological minimum and basic paremiological stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS Publ. 136 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the contrastive description of aphoristic paremiology (in Belarusian and Russian languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. E. and Petrushevskaya, Ju. A. (2015) Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M. and Ershov, V. I. (2021) Semantic condensations in French and Russian proverbs based on the thematic group family. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 1051–1074. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 12.07.2022.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор переводов *Б. Н. Гайдин.*

№ 3, 2022

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/55>

Для иллюстрации обложки использована фотография Ш. Кужугет (Россия)

Подписано к публикации 08.09.2021 г.

Объем - 33.0 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia